Иностранная литература
5
1967

Октябрь-
знамя
свободы и мира

Пятидесятой годовщине
Великой Октябрьской
социалистической революции
посвящается
этот номер журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 4

Стихи

ЭЛЬВИО РОМЕРО — День-глашатай 7
НАЙДЕН ВЫЛЧЕВ — Большие пути 64

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

ГОД 1917-Й...

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС — Новая Россия глазами американцев (Вступление Люситы Вильямс) 12

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ...

ИВАН ОЛЬБРАХТ — Путешествие за познанием 69
МАРИЯ МАЙЕРОВА — Там, где был Хитров рынок 92
ЭГОН ЭРВИН КИШ — Цари, попы, большевики 94
ТЕОДОР ДРАЙЗЕР — Из дневника 112

ТРИДЦАТЫЕ...

АНРИ БАРБЮС — Необходимое объяснение 126
ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ — На Днепрогэсе 131

СОРОКОВЫЕ...

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ — Шла великая война 139
ГЕНРИХ МАНН — Обозрение века 153
ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ — Поездка в Россию 160

ПЯТИДЕСЯТЫЕ...

АРТУР ЛУНДКВИСТ — Маки из Ташкента 171
РОКУЭЛЛ КЕНТ — О людях и горах 176
ГУРБАКШ СИНГХ — «Из моего окошка» 180

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...

АНДРЕ ВЮРМСЕР — Сквозь ритмы пяти десятилетий 184
САША ВЕРЕШ — Московский дневник 193
ЖАН КАЗАЛЬБУ — Некто Иванов 210

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ»
Москва

5
МАЙ
1967

СОДЕРЖАНИЕ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Анкета «Иностранной литературы»)

ФИЛЛИП БОНОСКИ, ДЕМОСТЕНЕ БОТЕЗ, ВИЯЗ С. Л., СТЕФАН ЖУЛКЕВСКИЙ, САДЖАД ЗАХИР, АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА, АРМАН ЛАНУ, УОЛТЕР ЛОУЭНФЕЛС, МАРТИН НАГ, ХИРОСИ НОМА, ХОСЕ АНТОНИО ПОРТУОНДО, ЭКТОР БЕХАР РИВЕРА, ЧАРЛЬЗ ПЕРСИ СНОУ, ДЖУДА УОТЕН, БРУНО ФРЕЙ 227

ДОКУМЕНТЫ

ЖАК ДЮКЛО — Франция перед лицом Октября 240
КЛАРЕНС ДЭРРОУ — Свобода не знает границ 262
НИКОЛАС ГИЛЬЕН — В Регле, когда умер Ленин 271

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ 275

КНИГИ ДРУЗЕЙ

Б. Гиленсон — Он видел Ленина. ◇ В. Злыднев — Неумирающее наследие. ◇ М. Фридман — «Ты помнишь, товарищ Сахия?» М. Гордышевская — Путь к Волгограду. ◇ И. Рабинович — «В стране Горького». ◇ Г. Богемский — Перечитывая Карло Леви. ◇ А. Петриковская — Главное — люди. ◇ Н. Булгакова — Страна гигантов. ◇ А. Романенко — Сибирские встречи Антона Инголича. ◇ Л. Ягодовский — На земле Казахстана. ◇ Р. Фиш — Турецкие поэты о Советском Союзе. 279

На обложке: *плакат польского художника РОСЛАВА ШАЙБО.*

С самого рождения нашей страны вплоть до ее полувекового юбилея ни на день не ослабевал напряженный интерес за рубежом к государству рабочих и крестьян, впервые на земле строившему социализм. Десятки тысяч страниц насчитывает сегодня «советиана», отразившая на всех языках мира этапы борьбы и свершений советского народа. Собрать воедино, систематизировать и глубоко изучить все, что накоплено «советианой» за полвека,— задача, которую по-настоящему еще предстоит решать.

Пятый номер нашего журнала, который выпускается в канун славного юбилея и ему посвящается,— попытка внести скромную лепту в это общее дело.

Книжка эта не совсем обычна. Мы хотели воспроизвести некоторые характерные черты минувших пяти десятилетий жизни советской страны — такими, какими их увидел и воспринял зарубежный мир.

Открывает номер «Летопись нового мира», составленная из впервые публикующихся на русском языке путевых записок, дневников, очерков, статей зарубежных писателей, в разные годы побывавших в Советском Союзе. Первые ее страницы — главы из последней работы нашего друга Альберта Риса Вильямса, посвященные Ленину и Октябрю. Среди авторов «Летописи» — Барбюс, Генрих Манн, Драйзер, Пристли, Эгон Эрвин Киш, Броневский, Ольбрахт...

В зримых подробностях оживают в «Летописи» отдельные моменты пути, пройденного нашей страной, колорит и дух времени, облик людей — строителей нового мира, характер трудностей, которые им приходилось преодолевать на разных этапах, эпизоды острой идейной борьбы за рубежом вокруг отношения к Стране Советов. Своеобразная хроника «Летописи» во многом, естественно, отрывочна, фрагментарна. Разумеется, не все суждения и оценки, содержащиеся в статьях и отрывках, включенных в нее, верны с нашей точки зрения. Дружественно настроенные к нашей стране писатели, авторы ее,— люди разных политических убеждений и взглядов. Понятно, что в оценке столь огромного и сложного явления, каким является строительство первого на земле социалистического государства, эти писатели, согласные с нами в главном, в частностях могут с нами расходиться.

И, однако, все вышесказанное, быть может, еще резче подчеркивает значение того нового единства, новой цельности — стилевой и по-

литической,— которая, как нам кажется, образуется в результате соединения этих разрозненных кадров. Выстроенные в хронологический — по десятилетиям — ряд, они позволяют читателю ощутить движение самого времени, живой исторический процесс. И в этом не совсем обычном ракурсе — в зеркале мирового общественного мнения — увидеть, как избяная и ситцевая Русь стала одной из величайших держав мира, построившей социализм, сокрушившей страшную машину фашизма, выведшей своих сынов на космические орбиты. И еще раз по-новому убедиться в справедливости слов, некогда сказанных Ромэном Ролланом в его предисловии к роману Николая Островского «Как закалялась сталь»: «Самыми великими произведениями искусства революции являются создаваемые ею люди».

В разделе «Документы» публикуются главы из только что вышедшей в Париже книги Жака Дюкло «Франция перед лицом Октября». Книга эта — своеобразный календарь нашей Октябрьской победы, как ее отразила французская пресса. Но книга Дюкло не просто воссоздает картину события в движении, рассказывает, как завоевывала признание республика Советов,— она великолепно анализирует события.

...«Октябрьская революция послужила исходной точкой изменений, происшедших в жизни народов и в мировой политике за последние полвека,— свидетельствует Дюкло.— Ни с чем не сравнима заслуга Коммунистической партии Советского Союза, славной партии Ленина, первой вступившей на еще не исследованный путь, ведущий к социализму...»

Мысли, высказанные Жаком Дюкло в связи с выходом в свет этой его работы, можно назвать ключевыми для нашего номера. По-разному выражены они и в Октябрьской анкете «Иностранной литературы», и в подборке рецензий на книги иностранных писателей о Советской стране, изданные за последние годы. «Нет, безусловно, никакого сомнения, что Октябрьская революция — заглавное, определяющее событие двадцатого века,— пишет в нашей анкете инвестный английский писатель Чарльз П. Сноу,— оно повлияло на судьбы всех нас — независимо от того, живем ли мы в Советском Союзе или за его пределами...»

К выводам этим неизбежно приходят объективные наблюдатели, осмысляющие этапы великого и трудного пути, пройденного нашей страной за полвека, изменившие ход мировой истории.

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

Михаил Ромберг (Чехословакия). Иллюстрация к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

ЭЛЬВИО РОМЕРО

ДЕНЬ-ГЛАШАТАЙ

■

Перевод с испанского ПАВЛА ГРУШКО

1

Любой из дней великим стал бы днем,
он мог бы щедрым пурпуром струиться,
травою нежной окаймляя лица,
и люди не забыли бы о нем,

позолотив рассветный окоем,
он мог бы на закате вечно длиться,
не гаснущая в сумерках зарница,
день — океан в безбрежье голубом,

он стал бы юным солнцем дней текучих,
как тот — далекий — день, который в тучах
зажег неугасимую звезду,

когда бы день — любой из дней — окрашен
был кровью смелой, яростным бесстрашьем,
как этот день в семнадцатом году.

2

...Как этот день — весомый день планеты:
он ночь разъял таранами костров,
расшифровал дневных светил секреты,
секреты трав грядущих и ветров,
тропинку дал блуждающим в тумане,
униженным — надежную зарю,
скитальцам обессилевшим — дыханье,
раскованную ярость — бунтарю,
покой лесов — усталым каторжанам,
свободу крыльев — скованным рукам,
насущный хлеб свободы — беднякам
и вечное презрение — тиранам,
тепло костров — заснеженному краю,
пустыням — пробуждение борозд...

Рассветный день — он деревом пророс,
рогами веток тюрьмы поддевая.
Он стал итогом, красною чертой
под чередою лет, надежд, прозрений,
под суммой пульсов, взглядов и сражений —
день нежности и ярости святой.

Любой из дней великим стал бы днем,
когда бы человек очнулся в нем.

3

Этот день —
бегущий по снежной равнине олень,
перо, парящее в утренней сини,
песчаная буря в пустыне,
лава, исторгнутая вулканом,
море, вздыбленное ураганом,
взмывающая над горной грядою луна,
бессчетная сумма людей,
пробужденных от сна.
Этот день —
колос, проросший в сердце людей,
торжество, проросшее в миллионах,
страх побежденных,
на убыль идущая боль —
бой!

4

В ту пору,
в тех сумерках, объявших людские тела,
не хватало крыла.
Дрожащая глина
ждала гончарного круга, земного тепла.
Не хватало крыла.
Дни раба
были днями бредущего по пыльной дороге вола.
Не хватало крыла.
Руки нищего
к безмолвным домам протянулись с немого угла.
Не хватало крыла.

Даже запахи не могла удержать дрожащая ветка.
Поникли колосья, лишенные ливней и ветра.
Не о чем было заре говорить с человеком.
Слезы земли текли по дымящимся рекам.
Луна багровая в облаках свинцовых плыла.
Не хватало крыла...

5

Ленин

Человек, как дерево, цельный,
устремленный, как птица, вперед,
он стоял лицом на восход,
улыбаясь невидимой цели.
Улыбался просто и мудро,
слушая, как вдали
прорастает из-под земли
алое терпкое утро.

Кем он был —
если не искрой, цветущей во мгле?
Кем он был —
если не хлебом на бедном столе?
Кем он был —
если не влагой для пересохшего рта?
Он мечтал о земле,
забывшей о злобном свисте кнута,
о человеке,
который забудет о крови и ранах,
о ветре,
пробуждающем цветы на полянах,
о песне горна,
о наковальнях и молоте в искрах,
о звездах —
о сближении звезд, далеких и близких,
о родине,
яркой, как свет молодого луча,
о руках,
которые сеют и жнут сообща.

Кем он был —
в этом дне, в этом мире, идущем на слом,—
если не радостью, не крылом?!

6

Снег... октябрьское солнце... тучи...
безмолвье... надежда... слежка... побег...
время умерло... голые сучья...
дождь.... экипажи... сумерки... снег...
война... бульвары... дворы... закаты...
снег... дворцы... солдаты... мосты...
улицы... белый мрамор... солдаты...
холод... сердце... ограды... кресты...
любовь... слова... напев... неизвестность...
год... туманы... отчаянье... трон...
ветер... снег... бесчестье... честность...
кровь... река... безумство знамен...
нынешний день... речные излуки...

слежка... безмолвье... кровавый след...
риск... зарницы... кричащие руки...
снег...
Таким был этот рассвет.

7

Этот день был днем
людей, погруженных в горькие сны,
голодных людей под шквалом войны,
людей, окутанных забытьем,
людей, умиравших от ран,
людей, опаленных черным огнем,
людей, разглядевших звезду сквозь туман.
Этот день был днем
сердец, охваченных мятежом,
день светлеющей дали,
день — перелом,
день пожара, любви и отваги,
день, полыхающий, как мятежные флаги,
день — начало, день — волнорез,
день рычащей молнии, упавшей с небес,
день, разъятый, как сладостный плод,
увлажняющий соком жаждущий рот,
день, ни с чем не сравнимый,
выворачивающий наизнанку моря и равнины,
день — Глашатай,
о дожде возвещающий пашне распятой,
чистый день в руке у нищего старика,
день солнца, прорвавшегося сквозь облака,
день густеющего тепла,
день флагов, гулких, словно алые колокола,—
день крыла!

8

Таким было утро — утро поющих людей,
пробудивших колосья.
Таким был день
голубей и росы, день костров,
пробудивших зарю,
день гончаров,
формирующих облик грядущих времен.
Таким было утро — утро знамен,
рассветных сполохов, звенящей листвы,
утро взмывающей к солнцу травы,
день чистый,
просторный,
день ветра —
день, озаривший
все стороны
света,
день стиснутых кулаков и разогнутых спин,
день, землю сотрясший до самых глубин!

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

Год 1917-й...

Будущие историки отметят этот день (25 октября 1917 года) как день рождения новой эры.

Лион Фейхтвангер

Жюль Перахим (Румыния).
Иллюстрация к книге Джона Рида
«Десять дней, которые потрясли мир».

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

НОВАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

Главы из книги

■

Перевод с английского
С. ЛИТВИНОВОЙ

Почти полвека прошло с тех пор, как Альберт Рис Вильямс, вернувшись на родину после своей первой поездки в Советскую Россию, из конца в конец пересек Америку, горячо выступая повсюду против американской интервенции в России. За эти годы по-разному складывались отношения между нашими странами: они были и теплыми и холодными, но, к сожалению, холодные преобладали.

Помню, как однажды, подняв голову от письменного стола, Альберт с грустной улыбкой сказал: «То, что я сейчас пишу, прочтут через сто лет». Он никогда не падал духом: подобно русским, он умел смотреть далеко вперед. Я глубоко верила в дело, которое он считал главным в своей жизни — в дело улучшения взаимопонимания между нашими двумя народами,— и поэтому тоже не падала духом. Но сто лет все же казались мне слишком долгим сроком.

Весной 1922 года Альберт снова приехал в Россию. Я попала туда в декабре того же года и работала над фильмом о России по заданию организации квакеров. В январе 1923 года мы поженились в Москве и оставались в России до декабря 1927 года. В 1929 году в Сан-Франциско родился наш сын Рис, а в следующем, 1930 году, в самый разгар первой пятилетки, Альберт в третий раз поехал в Советский Союз.

Он снова встретился с Н. К. Крупской, которая помогла ему опубликовать в издательстве «Молодая гвардия» его книгу о Ленине. В тот приезд он отправился в длительное путешествие по Владимирской области и взял с собой трех американских сенаторов.

В 1937—1938 годах Альберт опять в России, отсюда он отправился в Испанию, где чуть было не погиб в Барселоне во время бомбежки.

Известие о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз застало нас в Канаде на острове Ванкувер.

Сюда и пришла телеграмма с просьбой дать заявление для советской прессы. В ответной статье Альберт выразил свою любовь к русскому народу, гордость его стойкостью и героизмом, глубочайшую веру в Красную Армию и в идеалы, за которые она сражалась, свою твердую уверенность в полной победе советского народа над фашистами.

Albert Rhys Williams. Americans Discover Lenin and a New Russia. Публикуется по рукописи, отредактированной и подготовленной к печати Люситой Вильямс.

Вскоре Альберт отправился в лекционное турне по Канаде, подобно тому как в 1918—1919 годах ездил по США, рассказывая правду о Советском Союзе.

Интерес к его лекциям необычайно возрос. Он собирал огромные аудитории, и все сборы шли в «Фонд помощи России в войне». Вернувшись в Нью-Йорк, он спешно подготовил к переизданию свою книгу «Советы», дополнив ее современными материалами. Книга вышла в 1943 году под названием «Русские».

Вспоминаю, как однажды, много лет назад, Альберт сказал мне: «Надо отдать справедливость американцам: они с сочувствием и дружелюбием откликаются на каждое слово правды о русском народе, которое проникает к ним сквозь завесу лживой пропаганды».

Однако к концу второй мировой войны силы реакции начали новую антисоветскую кампанию. Тесное сотрудничество с русскими союзниками в общей борьбе против Гитлера сменилось «холодной войной», которая грозовой тучей нависла над нашими странами. Альберт одним из первых попал в черные списки, и мы решили вернуться в Канаду, на остров Ванкувер, где работали и жили как простые крестьяне.

В 1951 году мы поселились в местечке Оссайнинг под Нью-Йорком, где оставались в такой же изоляции, как и в Канаде. Недавно мне попалась написанная от руки записка, помеченная 1956 годом. Под словами «Для себя» было написано: «Как трудно быть писателем — другом Советского Союза, если приходится работать в капиталистической стране. Препятствия: нет никакой уверенности, только туманная надежда увидеть написанное опубликованным; всегда против течения — всегда борьба». Эта записка относится к тому времени, когда лейкемия начала уже подтачивать силы Альберта.

В 1959 году мы опять были в Москве, на этот раз как гости Союза писателей.

Альберт был счастлив встретиться со старыми друзьями и приобрести много новых. Особый интерес вызывали у него люди нового поколения, которые с честью и геройством выдержали неслыханные испытания войны против фашизма. Он получал много писем от пионеров и комсомольцев, от учащихся разных возрастов, в них он находил свидетельства того, что и самое молодое поколение страны так же предано идеалам социализма.

Близкое знакомство с русской молодежью внушило ему чувство уверенности в светлом будущем советского народа. «Я обнаружил, что и для меня есть место в сердцах и умах молодежи,— писал он.— Ко мне будто вернулась моя собственная молодость».

*По приезде домой Альберт сосредоточил все свои силы на том, чтобы дописать воспоминания о Ленине и о своих товарищах по Октябрю, которых он любил называть «русскими американцами» *.*

До самого конца своей жизни Альберт оставался верным идеям Октября.

Всю жизнь он честно и преданно служил делу укрепления взаимопонимания и сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Он неустанно боролся против войны за установление прочного мира и вдохновлял на эту борьбу своих многочисленных читателей. Со всеми, кто с ним общался, он щедро делился богатствами своей души и таланта. Альберт Рис Вильямс был прав, считая, что его слово рано или поздно дойдет до людей. Доказательство тому — публикация этой книги не через сто лет, а в 1967 году, в год пятидесятилетия Октябрьской революции.

Люсита Вильямс.

---

* Русские революционеры, которые годы эмиграции провели в Америке, а после Февральской революции вернулись на родину *(Прим. ред.)*.

Накануне штурма

В среду вечером 25 октября (7 ноября) Джон Рид, Луиза Брайант и я, боясь пропустить события, наскоро пообедали в отеле «Франс» и поспешили к Зимнему дворцу, где до этого мы уже прослонялись на правах туристов чуть ли не весь день. Организованной экскурсией нашу прогулку назвать было трудно, но никто не обращал на нас внимания. Когда у одного входа часовой с сомнением покачал головой, разглядывая наши пропуска, выданные Военно-революционным комитетом, мы направились к другому входу и предъявили американские паспорта: от американских корреспондентов можно было всего ожидать. Очевидно, в тот день никому, кроме нас, не пришло в голову осматривать Зимний дворец. Нас тут же предупредили, что дворец с десяти часов утра окружен солдатами, красногвардейцами и матросами и в любой момент может начаться стрельба.

Вернувшись на Дворцовую площадь, мы еще у арки генштаба увидели, что ничего сенсационного пока не произошло. В окнах огромного дворца, построенного еще в XVI в., кое-где горел огонь. Стены, окрашенные в розовато-красный цвет, казалось, мягко светились в надвигающихся сумерках. Осенью в Петрограде темнота наступает рано. Было только начало шестого. Солдат и красногвардейцев вокруг дворца прибавилось, но все было тихо и исполнено напряженного ожидания. Зимний дворец находился еще в руках призрачного правительства, хотя министры и спрятались где-то во внутренних залах, куда нас сегодня днем не пустили. Это, пожалуй, единственное, в чем отказали бесцеремонным американским корреспондентам. Под аркой рядом с нами группа красногвардейцев спорила с солдатами, которые не понимали причины задержки и сердито ворчали. Чего ждать? Надо идти и брать Керенского вместе со всей его бандой. Они, очевидно, не знали, что еще рано утром Керенский бежал из Зимнего в своем автомобиле, за которым следовала машина американского посольства с американским флажком на радиаторе. Бородатый красногвардеец отвечал недовольно: «Нам пока нельзя наступать. Юнкера попрятались за бабьи юбки. Дворец охраняется женским батальоном. Газеты будут писать, что мы стреляем в женщин. И потом, товарищи, мы должны соблюдать дисциплину: никаких действий без приказа комитета». Солдат, видно, такой ответ не удовлетворял. Они все еще спорили, когда мы, перешагивая через лужи, направились по Невскому проспекту к Смольному, где открывался Второй Всероссийский съезд Советов.

...Невольно подчиняясь ритму движения толпы на Невском, мы убавили шаг. На сердце у меня было легко и весело. Я огляделся вокруг. Все выглядело удивительно нереальным. Люди двигались, глазея по сторонам, как туристы в незнакомом городе, толпились группами на углах и предавались любимому занятию русских — спору. На каждом перекрестке стояли красногвардейцы или солдаты или те и другие вместе, небрежно закинув за плечи винтовки с примкнутыми штыками. Многие из тех, кто прогуливались, принадлежали, по виду, к уходящему классу. Пожилая дама, защищенная от сырого, холодного ветра собольим палантином, подошла к молодому красногвардейцу и погрозила ему пальцем. Я расслышал слова: «день позора». Красногвардеец улыбнулся дерзкой и снисходительной улыбкой. Пусть себе буржуи беснуются, говорила эта улыбка. Сегодня наш день. Взошла наша звезда.

— Весь город вышел на улицу,— сказал Рид.— Нет только прости-

туток.— И действительно, проституток не было видно, хотя обычно они по вечерам, как мошкара перед грозой, тучами кружили на Невском.

■

Когда в четыре часа утра мы покидали Смольный после бурного заседания старого, потерявшего авторитет ЦИКа, было ясно, что начинается настоящая революция. Большевики во главе с Володарским вышли из ЦИКа в знак протеста против резолюции, призывающей рабочих и солдат не устраивать демонстраций и требующей от Временного правительства передачи земли крестьянам и начала переговоров о мире. Это пустые слова, утверждал Володарский. ЦИК доживает последние дни. Никто не обратит внимания на эту резолюцию. Некоторые делегаты уходили с заседания с винтовками за плечами.

В то утро Зорин — один из большевистских руководителей — сказал нам, что отправлены отряды к Государственному банку и Центральному телеграфу и что самый крупный отряд солдат и красногвардейцев послан на телефонную станцию, где предполагалось особенно сильное сопротивление. У входа в Смольный выставили несколько постов. Сжимая в руках винтовки, красногвардейцы с любопытством посматривали на станковый пулемет, привезенный сюда, очевидно, только сегодня ночью. Элементарному обращению с винтовкой их научили, а вот что они будут делать с пулеметом? Не беда, всегда можно пустить в ход штыки. Холодную тишину раннего темного утра нарушил первый отчетливый звук винтовочного выстрела, потом еще и еще один — вооруженное восстание началось.

К середине дня в руках восставших были Николаевский и Балтийский вокзалы, Государственный банк и телеграф. Были также захвачены все основные правительственные здания. Оставался один Зимний дворец, но он был отрезан от внешнего мира, когда красногвардейцы и солдаты взяли Центральный телеграф и прервали связь. Все это совершилось без кровопролития и почти без сопротивления.

Были ли акты насилия? Мы видели на Невском, как солдат срывал погоны с офицера. Самого офицера он, однако, не тронул. Помню и еще один акт «насилия», совершенный развязной, безвкусно одетой девицей. Впереди нас, семеня туфельками на высоких каблуках и заглядывая в лицо своего спутника, шла почтенная дама в роскошной меховой накидке, которую она небрежно придерживала рукой. Неожиданно девица подскочила к даме и со словами: «Поносила и хватит! Дай другим поносить!» — сорвала накидку и исчезла в толпе. Никаких других случаев насилия мы не увидели...

■

Оживление на Невском вовсе не означало, что в городе царило безмятежное спокойствие. По соседним улицам разъезжали броневики с пулеметами наготове. (Уже пять таких боевых машин перешли на сторону большевиков.) Революция не могла бы произойти так организованно, и, я бы даже сказал, с такой обманчивой обыденностью, если бы ей не предшествовала колоссальная подготовительная работа и тщательное продумывание малейших деталей. Кроме того, относительно спокойный ход восстания в Петрограде не означал, что так же спокойно было и в других местах. В Москве, например, восставшие встретили серьезное сопротивление, вызвавшее кровопролитные бои. Мы оказались в самом центре бури. И здесь, в этом центре ее, был Ленин. И не только в символическом смысле, как самая сознательная из сознательных сил, которые влились в ураган стихийного народного движения и дали ему направление. Ленин и в самом прямом, буквальном, смысле был в центре событий: «рабочий К. П. Иванов», скромно появившийся накануне в Смольном, держал в своих руках все нити восстания.

Некоторые западные историки изображают дело так, будто Ленин не имел почти никакого отношения к реальным событиям Октябрьского восстания. Это, конечно, печальный пример умышленного самоослепления, такое же безнадежное и бесславное дело, как и любые попытки переписать историю. Приуменьшить роль Ленина оказалось невозможным.

Насколько я могу судить, общий план, которым руководствовался Военно-революционный комитет, разрабатывая детали восстания 24—25 октября (6—7 ноября), был намечен Лениным в статье от 8 октября, озаглавленной «Советы постороннего». Ленинский план предусматривал «окружить и отрезать Питер» и «взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска». А эта задача требовала *«искусства и тройной смелости»*.*

...В той же статье Ленин писал:

«Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно* потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову».**

Не только Ленин считал, что прежде всего надо захватить мосты. Так же думал и Керенский. Вот откуда те первые выстрелы, которые мы слышали, покидая Смольный. (Неужели это было сегодня утром? Правда, утро по-настоящему наступило лишь в полдень, но за это время произошло столько событий, что всякое деление времени казалось бессмысленным.) Выстрелы продолжались весь день. Воспитанники различных офицерских училищ, или, как их здесь называли, юнкера, разводили мосты, чтобы отрезать рабочим с Выборгской стороны путь к центру. Матросы снова их сводили.

...В два часа дня мы отправились в Мариинский дворец, где должно было состояться очередное заседание Совета республики. Оно обещало быть весьма интересным, так как накануне даже этот Совет выразил Керенскому вотум недоверия, хоть он и объявил громогласно, будто отдал приказ об аресте всех большевистских руководителей, причастных к июльской демонстрации, и всех членов Военно-революционного комитета. У входа во дворец стояла большая группа матросов, другая группа сооружала баррикаду. Нам сказали, что пройти, конечно, можно, но не к чему. Все уже кончилось. Нет, никого не арестовали. Просто, когда моряки и солдаты литовского и кексгольмского полков появились во дворце и выстроились вдоль лестницы, «один из наших ребят-кронштадтцев вошел в зал заседаний и сказал: «Никакого совета больше не будет. Расходитесь по домам». И все разошлись».

Матросы были повсюду. По крайней мере мне так казалось. Незадолго до этого я был гостем балтийских моряков в Гельсингфорсе и присутствовал на заседании Центробалта (Центрального комитета Балтийского флота, революционной демократической организации), которое проходило в роскошной кают-компании бывшей царской яхты «Полярная звезда». После этого у меня сложилось ошибочное впечатление, что каждый матрос должен обязательно быть большевиком. Естественно, что, питая к ним повышенный интерес, я в каждой группе вооруженных людей, греющихся у костра, среди часовых, охранявших правительственные здания, в первую очередь замечал матросов. Они бросались в глаза. Казалось, весь флот сошел на берег. На самом деле было далеко не так. Возвращаясь к ленинскому плану вооруженного восстания, следует сказать, что хотя все намеченные объекты были захвачены, сил на это потребовалось меньше, чем предполагал Ленин, а собрать столько сил,

---

* В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, Издание пятое, т. 34, стр. 384.

** Там же, стр. 383.

сколько он считал необходимым для захвата этих объектов, оказалось невозможно. Вопреки ожиданиям Ленина, Центробалт смог послать в Петроград только несколько эсминцев. Что касается войск Северного фронта, которые, как думал Ленин, могли бы в случае нужды прийти на помощь восставшим рабочим, то число воинских частей, открыто поддерживающих большевиков, ненамного превышало число настроенных враждебно или нейтральных. На помощь восставшим рабочим Петрограда пришло не только меньше кораблей и матросов, чем просил Ленин, но даже те отряды, которые должны были принимать непосредственное участие в штурме Зимнего дворца, прибыли в Петроград с опозданием.

Однако об этом мы узнали только вечером.

■

Подходя к Смольному, мы увидели, как несколько лучей прожекторов, прорезав темноту ночи, заскользили по светло-желтым стенам здания, то пропадая в потоке света, льющегося из его высоких окон, то выхватывая из мрака лепные украшения под крышей. Забавно, что в момент, когда изменялся ход истории человечества, мне вдруг пришла в голову такая мысль: не парадокс ли, что самым красным зданием в Петрограде был в это время Зимний дворец, а Смольный в ярких лучах прожекторов казался самым белым.

Вдоль улицы напротив Смольного стояли броневики с включенными моторами. За рулем — красногвардейцы или матросы. На площади около штабелей дров, которые в случае надобности можно было превратить в баррикады, поставили трехдюймовое орудие. Все эти приготовления были сделаны вчера ночью, после того как Керенский днем 24 октября (6 ноября) отдал приказ о захвате Смольного. Однако батальон солдат, который должен был выполнить этот приказ, так и не явился.

У входа в Смольный на широких ступеньках лестницы стояла вторая пушка и несколько пулеметов. Вход охраняли вооруженные часовые.

В группе делегатов, спускающихся по лестнице, среди которых было много рабочих в меховых шапках и с винтовками за плечами, мы узнали Каменева, Луначарского и других. Только что закончилось заседание Петроградского Совета, которое длилось уже несколько дней подряд. Впрочем, в эти дни, начиная с 22 октября (4 ноября), казалось, заседал весь Петроград. На одном из собраний даже я выступал. Однако самый большой интерес вызывал Второй съезд Советов, который через несколько часов должен был открыться здесь, в Смольном. Я обратился к Луначарскому. Он выглядел смертельно усталым: лицо осунулось, воротничок был помят, обычно аккуратно расчесанные усы и бородка — взъерошены. Видно, он последние дни вообще не спал. Я решил не мучить его расспросами, сказал только, что мы были в Зимнем дворце, и спросил, скоро ли он будет взят.

— Бог его знает,— устало проговорил он.— Столько еще надо сделать.

Никому из нас не пришло в голову узнать, здесь ли Ленин. Когда немного погодя нам сказали о неожиданном приходе Ленина в Смольный и его первом после почти четырехмесячного перерыва публичном выступлении, которое только что состоялось на заседании Петроградского Совета, Джон Рид был вне себя от досады. Подумать только, мы «прозевали» Ленина! Вспомнив, как удивился Рид, когда я как-то признался ему, что однажды упустил возможность увидеть Ленина, я сказал: «Этого человека довольно трудно поймать не только когда он в подполье, но и когда он на свободе».

В одном из коридоров мы встретили Алекса Гамберга и Бесси Битти *. Друг Троцкого по Нью-Йорку, где он работал коммерческим директором еженедельника «Новый мир», Алекс обычно знал все, что происходило в Смольном. Но Рид не любил его ни о чем спрашивать, чтобы не получить в придачу к ответу еще и несколько колкостей. У меня же не было профессиональной гордости, и я не побоялся признаться, что уже дважды «прозевал» Ленина. Для многих только что избранных членов Петроградского Совета, входящих в большевистское большинство, рабочих с Выборгской стороны, которые, возможно, и большевиками-то стали совсем недавно, это была первая встреча с Лениным. И мы ее пропустили!

Один из пунктов ленинского плана восстания, пункт, на котором он настаивал во всех своих статьях и письмах из подполья и который не без боя был утвержден на заседаниях ЦК большевистской партии, требовал, чтобы вооруженное восстание состоялось до открытия Второго съезда Советов. Съезд должен был иметь перед собой свершившийся факт. Никаких, конечно, опасений, что съезд может не поддержать резолюцию о восстании, не было и быть не могло: большевики к этому времени имели подавляющее большинство в Советах. Но Керенский, зная, что съезд проголосует за восстание, мог послать войска окружить Смольный и силой помешать проведению съезда. Ленин, придерживавшийся мудрого правила, что цыплят по осени считают, мог несколько переоценить силу большевиков во флотских и войсковых частях, расположенных в Финляндии, но он был предельно реалистичен, предвидя возможность неожиданного удара, тем более что было не ясно, сколько казаков и солдат прибудет с фронта по приказу Керенского.

Открытие съезда, первоначально намеченное на 20-е, было перенесено на 25-е, так как меньшевики и правые эсеры все еще надеялись, что правительство, совершив какое-нибудь чудо, предотвратит насильственный переворот и захват власти большевиками.

— Ну а все-таки, какое значение имеет взятие Зимнего дворца? — добивалась ответа Луиза Брайант.— Ведь всем уже известно, что город полностью в руках большевиков.— И она стала рассказывать, как мы три часа почти беспрепятственно бродили по Зимнему дворцу, как она пыталась взять интервью у Керенского, но молоденький офицер, охраняющий его кабинет, смущенно пробормотал, что премьер-министр занят. На самом деле его в кабинете не было: он уехал на фронт.

Журнал «Метрополитен», который Луиза представляла, получит великолепный материал!

Гамберг усмехнулся:

— А вот Бесси считает, что революция произошла не вовремя. Сегодня в час дня у нее был намечен ленч с премьер-министром. Старик Фрэнсис ** тоже опечален отъездом Керенского — правда, у него есть некоторое утешение: как я слышал, он был счастлив оказать посильную помощь при этом отъезде.

Рид не мог больше сдерживать нетерпения.

— Я хочу знать, что сказал Ленин. Что он думает о неудаче с Зимним дворцом? Он что-нибудь говорил об этом?

---

* Бесси Битти — американская журналистка, в 1918 году выпустила книгу "Red Heart of Russia" («Красное сердце России»).

** Д. Фрэнсис — посол Соединенных Штатов в России.

— Не знаю почему,— с притворной грустью заметил Алекс,— но всякий раз, когда я встречаю американских корреспондентов — сейчас, например, я вижу перед собой четверку наших самых преуспевающих журналистов,— они хотят узнать, что происходило там, где их не было. Зато их всегда можно найти там, где подают хорошие вина и закуски. Пока Ленин говорил, вы, наверно, сидели в каком-нибудь уютном ресторанчике. К сожалению, я не веду никаких записей. Протокола тоже не было. Так что придется вам потрудиться, чтобы добыть какой-нибудь материал.

Однако наши труды не увенчались успехом. Джон Рид в «Десяти днях» пишет о «бурной овации», которой был встречен Ленин, но не приводит ни одной фразы Ленина.

...Пытаясь предотвратить ссору (резкий ответ Рида на язвительное замечание Алекса мог бы привести к серьезной вспышке тлевшей между ними вражды), я вернулся к вопросу Луизы Брайант и поставил его в такой плоскости, которая, я знал, заинтересует Рида:

— Правда ли, что Ленину пришлось потратить много сил, чтобы убедить ЦК в том, что удар необходимо нанести до съезда и обязательно арестовать Керенского и его сторонников?

— Уж конечно, вы знаете о Центральном Комитете больше меня. Я ведь не член ЦК,— начал Гамберг.

Но сарказм его был полностью нейтрализован набросившимся на меня Ридом:

— Ты что, намекаешь, что задержка с взятием Зимнего происходит умышленно...

— Ни на что я не намекаю,— ответил я.— Я думаю, причину задержки довольно объективно пояснили красногвардейцы на Дворцовой площади. Помните? Если они пойдут на штурм, их обвинят в том, что они убивают женщин. Мой вопрос не случаен. Я взял его не с потолка. В прошлое воскресенье Петерс * рассказал мне, что на одном из заседаний ЦК даже те, кто выступали за восстание, не пришли к единому мнению о дате, и Ленин был фактически в одиночестве. Я не говорю о Каменеве, Зиновьеве, Рязанове и прочих. Троцкий тоже считал, что лучше подождать решения съезда, которое, он не сомневался, будет в пользу восстания, чтобы не было никаких разговоров о большевистском перевороте. Ленин же сумел доказать, что ждать опасно, что это будет только на руку Керенскому, который успеет вызвать в столицу контрреволюционные силы Корнилова. Если они при этом оголят фронт, то все равно получат благодарность от союзников, для которых важнее не допустить большевиков к власти.

По непроницаемому лицу Гамберга я понял, что все это было весьма близко к истине.

— Я знаю одно: Военно-революционный комитет прилагает все усилия, чтобы к вечеру все кончить,— упрямо твердил Рид.

— Если хотите знать правду,— спокойно заметил Гамберг,— то Зимний дворец был бы уже давно взят, если бы наши друзья матросы прибыли сюда вовремя.

Он оказался прав. Пять кораблей, вызванных из Кронштадта, пришли в Петроград с большим опозданием. Подвойский, который вместе с Антоновым-Овсеенко и Чудновским ** руководил осадой Зимнего,

---

* Петерс Я. Х.— большевик с 1904 года, был членом Военно-революционного комитета в Петрограде, с созданием ВЧК — член коллегии, заместитель председателя ВЧК.

** Чудновский Г. И. (1884—1918) — профессиональный революционер, большевик с 1917 года. Был в эмиграции в Америке и Франции. Один из руководителей штурма Зимнего дворца, принимал участие в боях у Гатчины и Царского Села. Погиб в марте 1918 года в боях под Полтавой.

обещал, что к двенадцати часам дня дворец будет взят. Но в двенадцать кронштадтцы еще не пришли, а без них силы штурмующих, которые должны были действовать согласно точному, тщательно продуманному плану массированного наступления, были неполными. Даже когда стало известно, что около 7 часов утра Керенский бежал из Зимнего дворца, план не изменили, поскольку оставалась опасность прибытия казаков с фронта. Дворец должен быть окружен гигантским овалом. Со стороны Дворцовой площади располагались отряды красногвардейцев, солдат и матросов. Со стороны реки Зимнему дворцу угрожали пушки «Авроры» и Петропавловской крепости, которые начнут обстрел, если ультиматум о сдаче отклонят. Корабли из Кронштадта и морская пехота замыкали кольцо. На флангах сконцентрировали крупные силы революционных полков и красногвардейцев, для того чтобы отразить нападение юнкеров с тыла, а главное — казаков, обещанных Керенскому Духониным.

Большевики некоторое время не знали, что Зимний дворец имел прямую телефонную связь со ставкой главнокомандующего русской армией в Могилеве и со штабом Северного фронта в Пскове. ...Когда в 4 часа вместо сообщения о штурме пришло известие о новых подкреплениях, полученных защитниками дворца, Подвойский сквозь стиснутые зубы сказал: «В шесть часов любой ценой». Но все это мы узнали позже. Кронштадтские моряки прибыли только к семи часам вечера. Открытие съезда между тем задерживалось. По плану Ленина съезд должен открыться лишь тогда, когда город будет полностью в руках Военно-революционного комитета.

Рид не успокаивался.

— Вот мы говорим о причине задержки,— воинственный свет в его глазах, который появлялся обычно в присутствии Гамберга, был теперь обращен на меня,— но ведь если Ленин добился поддержки Военно-революционного комитета, зачем поднимать этот вопрос и бросать всяческие намеки? Если ты не имел в виду саботажа, зачем было вообще обсуждать эту тему?

— Ах, как мы все нервничаем в ожидании этого съезда,— защебетала Бесси, а потом, не останавливаясь, сообщила новость, которая сразу же заставила нас прекратить ссору. Только что в Белом зале Алекс познакомил ее с Троцким и тот сказал, что положение осложнилось: на Петроград с фронта идут войска.

■

...Съезд все не открывался, мы еще больше нервничали, нервировали друг друга и суетились. Гамберг ушел, сказав, что встретимся позже в Белом зале. Я обратил внимание, что пошел он в сторону штаба Военно-революционного комитета. Джон метался, как тигр в клетке. Упустив раз Ленина, он боялся упустить его вторично, поэтому стремился в первую очередь выяснить, где сейчас находится Ленин и что он делает. Брайант, Битти и я заняли посты в одном из невероятно длинных коридоров Смольного, надеясь встретить кого-нибудь из наших русских американцев.

Битти громко выражала опасения, что, пока солдаты и матросы окружают Зимний дворец, войска, идущие с фронта, могут атаковать Смольный:

— Тогда сегодня ночью здесь будет кровавая баня, и вряд ли кто-нибудь из нее выберется.

Брайант вспомнила молоденьких юнкеров, которых мы видели днем в Зимнем дворце. Они отдыхали на грязных соломенных тюфяках, разложенных на полу, и разговаривали, стараясь перещеголять друг друга

количеством французских фраз. Один юнкер спросил Луизу, сможет ли он вступить в американскую армию, когда американцы войдут в Петроград, но в это время откуда-то раздался выстрел и поднялась страшная суматоха — юнкера повскакали с мест и беспорядочно забегали взад и вперед, ими, казалось, никто не командовал.

Битти сообщила, что, пока мы ходили по Зимнему дворцу, она чуть было не попала под пули, когда на Морской завязалась перестрелка между броневиком и отрядом кадетов. Хорошо, что кто-то втолкнул ее в ближайшее парадное.

Луиза, обращаясь к Битти, рассказывала:

— Мы подошли к окнам и увидели бегущих людей, они то падали ничком, прижимаясь к земле, то снова бежали. Потом из дворца вышел этот «маленький» дядя,— кивок в мою сторону,— спокойно пересек площадь, установил свой треножник и начал фотографировать женщин-солдат, строящих баррикаду. Это выглядело очень комично, как в оперетте. Бедные, несчастные кадетики!

Я не согласился с женщинами и в сердцах возразил, что, по-моему, надо думать не о несчастных кадетах, а о счастливых матросах, красногвардейцах и революционных солдатах Петроградского гарнизона, потому что сегодня их день. Что касается опасения Битти, то оно мне показалось не безосновательным.

— Интересно, если действительно прибудут войска, вызванные Керенским для нападения на Смольный, вернется ли и он сам в Петроград, шествуя во главе своего воинства?

Я решил поискать Гамберга и направился в штаб Военно-революционного комитета. Меня, конечно, не пустили. Комитет заседал непрерывно с самого понедельника. Внизу на первом этаже так же беспрерывно работал штаб заводских комитетов, выписывая ордера на получение оружия — по 150 винтовок каждому заводу. Оружие выдавали в правительственном Арсенале и в Петропавловской крепости, старинном форте на берегу Невы, которые с понедельника находились в руках большевиков. Еще в понедельник вечером я видел в Смольном длинную, дисциплинированную очередь представителей заводов, ждущих листка бумаги, по которому они с товарищами могли получить винтовки и патроны.

Гамберга я так и не нашел, но зато, к своей огромной радости, около штаба Военно-революционного комитета встретил Воскова*. Он был бледен, оброс трехдневной щетиной и явно куда-то спешил, но все же остановился, похлопал меня по спине и счастливым, охрипшим голосом сказал:

— Начинается! Матросы прибыли в полном составе. Только бы ничего нигде не сорвалось! Владимир Ильич требует: больше никаких задержек!

Он двинулся дальше, я схватил его за руку и пошел с ним рядом, на ходу задавая вопросы. Видел ли он сегодня Ленина? Нет, не удалось.

— Между прочим, если бы ты пришел сюда пораньше, мог бы встретиться с ним при входе в Белый зал. Он сидел там с группой большевиков во время раздельных совещаний партий и фракций. Правда, он был в парике, кепке и больших очках. Говорят, Дан все-таки узнал его и в полной растерянности прошел мимо. Я думаю, что Ленин сейчас находится в какой-нибудь комнате Смольного, отдает распоряжения, принимает донесения, а главное — задает массу вопросов. Он уже со многими нашими успел побеседовать и обо всем расспросить. Интересуется каждой деталью. Теперь его беспокоит только одна вещь — Зимний дворец. Но мне надо бежать...

---

* Восков С. П.— участник революционного движения в России с 1904 года.

Он бросился вниз по лестнице, а я за ним:

— Еще только один вопрос. Будет он сегодня выступать? Будет сидеть в президиуме?

— Слушай, Альберт, я должен выяснить, как близко эти проклятые войска подошли к Петрограду. Сейчас я ничего не могу предсказать. Я не знаю, когда мы возьмем Зимний. Знаю лишь одно: раз Ленин здесь, не будет никаких уступок. С кровопролитием или без, но дворец будет взят. А пока он не взят, нельзя рисковать жизнью Ленина: ведь его могут схватить и убить на глазах всего съезда. С Петроградским Советом все ясно. В нем подавляющее большинство наших, тон задают выборжцы. Другое дело, когда Зимний будет взят, а министры арестованы, тогда меньшевики и эсеры могут вопить сколько угодно им — ничто уже не поможет.

Восков умчался, и я остался один с уймой невыясненных вопросов. Почему Ленин все еще сохранял инкогнито? Неужели ему до сих пор угрожает серьезная опасность?.. Было почти десять часов вечера, когда я вошел в Колонный зал. Делегаты съезда толпились во всех дверях и проходах, стояли вдоль стен и сидели на подоконниках. Казалось, что незанятыми оставались только огромные люстры под потолком. У меня тревожно сжалось сердце. А вдруг действительно находящиеся в опасной близости войска окружат Смольный, прежде чем съезд успеет принять хоть какую-нибудь резолюцию, и Ленин будет схвачен? Я разыскал глазами Рида, который сидел в глубине зала, и, протискиваясь к нему, с облегчением заметил, что он занял мне место рядом с собой, положив на стул свернутое пальто...

■

В 10.40 вечера Федор Ильич Дан, по профессии врач, многолетний редактор всех меньшевистских газет, на правах председателя старого ЦИКа позвонил в колокольчик. Его круглое гладко выбритое лицо было, как всегда, холодно-непроницаемым. Прежде чем объявить съезд открытым, он произнес несколько вступительных фраз, пытаясь задать собранию променьшевистский тон, хотя его партия, имевшая когда-то внушительное большинство, оказалась теперь в значительном меньшинстве. Он сказал, что не будет произносить политическую речь, так как его товарищи по партии в эту минуту «подвергаются обстрелу в Зимнем дворце и, рискуя жизнью, выполняют свой долг». В поднявшемся реве голосов он объявил съезд открытым.

Когда было решено, что в президиуме все партии будут представлены пропорционально числу делегатов этих партий, меньшевики заволновались. Большевики получили четырнадцать мест. Все остальные партии вместе — одиннадцать. Эсеры — правые и центристы — и меньшевики отказались от своих мест в президиуме. Меньшевики-интернационалисты оставили себе путь к отступлению, заявив, что будут решать в зависимости от каких-то условий. Старый президиум сошел со сцены, и на нее поднялись большевики. Ленина среди них не было. Огромный зал задрожал от бури оваций.

Как только была объявлена повестка дня, Лозовский предложил заслушать отчет Петроградского Совета. Начались споры и пререкания. Правые выдвинули какие-то возражения процедурного характера. Я перестал вслушиваться. Наклонившись к Риду, я счастливым голосом изрек:

— Это будет первый случай в истории человечества, когда трудящиеся, свершившие революцию, пожнут ее плоды. До сих пор они только

проливали кровь, а их потом все равно предавали. Теперь же не исключено, что их победа будет даже бескровной.

— Ты что, собираешься произнести речь?—охладил мой пыл Джек.— Или, может быть, дашь мне других послушать?

Вдруг раздался громкий, раскатистый выстрел артиллерийского орудия. Делегаты вскочили с мест, стоявшие у окон стали выглядывать наружу. Мартов (Юлий Осипович Мартов) бросился к трибуне, требуя слова.

— Товарищи, это начинается гражданская война! — воскликнул он с отчаянием. Голос у него был глухой и хриплый: как и многие другие революционеры, перенесшие тюрьму и ссылку, он страдал туберкулезом.— Первостепенным делом должно быть мирное разрешение кризиса... Главный вопрос, стоящий перед съездом,— это вопрос о власти, а он уже решается на улицах с помощью оружия!.. Съезд не имеет права сложа руки наблюдать за тем, как разгорается гражданская война, которая чревата опасностью контрреволюции. Возможность мирного исхода — в создании единого демократического органа власти, в котором будут представлены все социалистические партии и группировки.

Снова за окнами грохнула пушка. Откуда-то издалека ей ответила другая.

Время от времени большевики выходили совещаться и, без сомнения, советовались с Лениным; устраивали совещания и другие группы. Если умеренные ожидали, что Ленин и большевики выступят против предложения Мартова — а они именно этого и ожидали, судя по их замечаниям и репликам,— им пришлось разочароваться. Зачем было большевикам выступать против? Ленин еще раньше предлагал сотрудничество, и отказались от него меньшевики и эсеры, а не большевики. Слово взял Луначарский. Он сообщил, что у большевистской фракции «нет решительно никаких возражений против предложения Мартова». Вопрос поставили на голосование. Среди леса штыков поднялся лес рук. Предложение было принято единогласно. Однако меньшевиков единый фронт не устраивал. Меньшевик, офицер 12-й армии, капитан Харраш резко выступил против большевиков, обвиняя их в том, что они окружили Зимний дворец. Другой офицер заявил, что ввиду предстоящего созыва Учредительного собрания съезд не может являться «полномочным» органом власти. Их выступления неоднократно прерывались негодующими выкриками с мест, солдаты требовали ответа: кого эти офицеры представляют? Меньшевик Хинчук *, впоследствии советский посол в Берлине, зачитал резолюцию правых меньшевиков, требующую начать переговоры с Временным правительством.

Правый социалист, пытаясь перекрыть шум возмущения в зале, прокричал резолюцию своей фракции: сотрудничество с большевиками «невозможно», съезд «не имеет никаких полномочий». Все эти выступления сопровождались криками и топотом ног; солдаты фронтовики требовали, чтобы делегаты-офицеры были удалены как самозванцы. Когда Харраш заявил, что представляет делегатов с фронта, раздались крики: «Корниловец! Контрреволюционер! Провокатор!»

Среди общего возбуждения слово взял представитель Бунда (Еврейская социал-демократическая партия) Абрамович и сказал, что, поскольку обстрел Зимнего дворца продолжается, члены Городской думы, меньшевики и социалисты-революционеры, а также члены Исполкома Совета крестьянских депутатов «решили погибнуть вместе с Временным правительством. Мы идем к ним!» Он призвал всех делегатов съезда последовать этому примеру. «Безоружные, мы поставим свою грудь под пулемет-

* Хинчук Л. М. С 1903 года — меньшевик, в 1920 году вступил в РКП(б).

ный огонь террористов». Председатель заявил в ответ, что уйдут только соглашатели. Около восьмидесяти преисполненных решимости «мучеников» гуськом покинули зал.*

Мартов снова взял слово. Теперь, когда он увидел, что не большевики, а меньшевики, правые эсеры и бундовцы срывают принятое по его предложению единогласное решение о совместных действиях, ему представилась возможность сделать великий шаг. Будучи неисправимым оптимистом, я был уверен, что он его сделает.

— Держу пари, он поднимется до величия момента,— сказал я Риду.

Как я ошибся! И как потом Джон смеялся надо мной! Не знаю, откуда взялась у меня эта уверенность, ведь я однажды уже имел случай видеть Мартова в подобной обстановке, и его поведение тогда должно было подсказать мне, что великого шага не последует. Это было на Литейном проспекте во время знаменитой июльской демонстрации. Мартов, с которым я до этого несколько раз встречался и разговаривал и к которому испытывал симпатию, поздоровался со мной и спросил: «Что вы об этом думаете?» Я стоял как завороженный, глядя на многотысячные людские волны, перекатывающиеся вдоль улицы, на море красных знамен и плакатов. Тогда я еще совсем плохо говорил по-русски, поэтому ответил не сразу и не очень внятно. Он решил, что я разделяю его возмущение. «Это не моя революция»,— сказал он. Глаза его горели негодованием, жесты были такими лихорадочными, что я боялся, как бы он не уронил на тротуар пенсне, которое держал в руках. Это было странное и печальное зрелище! Величественная демонстрация — мимо нас в это время ровным, слегка колышащимся строем по двадцать человек в ряд проходил батальон мужественных кронштадтских моряков — и старый боец Мартов, вдруг превратившийся в жалкую фигуру, пылающую бессильным гневом. Впрочем, это довольно символично: так же нелепо и смехотворно выглядела борьба старой гвардии социалистов против большевиков. Насколько я помню, он не обвинял большевиков в подстрекательстве, понимая, очевидно, что демонстрация явилась результатом стихийного подъема народных масс. Ведь именно о таком подъеме говорили и мечтали социалисты в течение семидесяти лет. А теперь, когда народные массы вышли из состояния апатии и поднялись на великую революционную битву, социалисты-интеллектуалы типа Мартова перепугались. Они считали себя единственными организаторами революции, ее наставниками и пестунами. А тут вдруг массы безрассудно посмели взять дело революции в свои руки. Поэтому для Мартова проходящая мимо нас демонстрация была вызовом, граничащим с преступлением, lèse majesté.** Для меня же «черная толпа» была как молитва, как поэма. Я пытался высказать свои чувства Мартову, но он отвернулся.

Тем не менее я продолжал питать к нему симпатию. Было что-то такое в этом человеке, что брало за душу и не позволяло ставить его на одну доску с такими меньшевистскими деятелями, как Дан и Либер, не говоря уже о Церетели и других приближенных Керенского. Мне хотелось теперь, чтобы шум в зале немного стих: я был уверен, что он произнесет сейчас историческую речь, в которой заклеймит позором соглашателей и призовет по крайней мере свою группу меньшевиков-интернационалистов встать на сторону новой, Советской власти и работать рука об руку с большевиками.

Как велико было мое разочарование!

---

* Из 650 делегатов съезда около 400 являлись большевиками. Второе место по количеству делегатов занимали левые эсеры. Меньшевиков и правых эсеров было всего 70—80 человек. («История КПСС», 1962, стр. 246.)

** Оскорбление его величества *(франц.)*.

— Мы должны немедленно прекратить кровопролитие,— начал Мартов.

Его тут же перебили. Никакого кровопролития не происходит — это только слухи. Но он стоял на своем. Пушки ведь стреляют! Действительно, были слышны глухие артиллерийские выстрелы. Он вносит предложение объявить революцию большевистским «военным заговором» и отложить работу съезда до тех пор, пока все социалистические партии не достигнут какого-нибудь соглашения.

Бедняга Мартов! Совсем еще недавно, в критические моменты революции, он, сознавая малочисленность своей группировки, бесстрашно выступал против войны, против политики Керенского, служащей интересам русской буржуазии и иностранного капитала, против недопустимых колебаний и нерешительности Временного правительства, а теперь сам пал жертвой той же самой нерешительности. Опять он сел не в ту лодку. Какая слепота и какая глупость! Ведь сейчас стало абсолютно ясно, что правые меньшевики и правые эсеры, выступая против новой революции, превратились по существу в контрреволюционеров. Очевидно, они еще до открытия съезда договорились об уходе. Ряды их сторонников значительно сократились, а оставаться в меньшинстве им не позволяло самолюбие. Что же касается меньшевиков-интернационалистов, то они привыкли быть в меньшинстве и даже гордились этим. Среди скомпрометировавших себя социалистических партий и групп их доля вины была меньше других. Большевики это признали, предоставив им место в президиуме.

Что же теперь сделает Мартов? Пошлет своих товарищей догонять меньшевиков и эсеров, с которыми они так яростно боролись? Куда им теперь идти? Народ — в Советах и обходится без самозванных наставников, воткнувших красную розетку в петлицу и называющих себя «революционными демократами». Сможет ли группа Мартова найти свое место в революции?

...Когда меньшевики и эсеры покидали зал, делегаты провожали их свистом и криками: «Ренегаты! Предатели!» Когда Мартов стал предлагать новую резолюцию, голос из зала спросил: «Зачем вы нас пугаете?», а другой голос сказал: «Как вам не стыдно!» Час назад первая резолюция Мартова была принята единогласно. А эта? В аудитории, где не оставалось правых?

...Мы с Ридом поспешили к выходу, чтобы отправиться на Дворцовую площадь. Было около часа ночи. Некоторое время мы еще ходили по Смольному, разыскивая своих, и наконец все четверо — Брайант, Битти, Рид и я — собрались на крыльце и, дрожа от холода, ждали Гамберга, который обещал договориться, чтобы нас подвезли, если не до самого Зимнего дворца, то хотя бы до места, откуда можно быстро дойти пешком.

— Я могу понять, почему ушли другие,— сказал я.— Но Мартов! Неужели он в самом деле уйдет? А его единомышленники? Эти интеллигентные люди перенесли тюрьмы и ссылку, Мартов заболел туберкулезом в Сибири — и все это ради народа. Они поклонялись народу как богу. А когда бог поднялся, властный и своевольный, и в гневе своем начал метать громы и молнии, гордясь своим могуществом, они вдруг стали атеистами. Раз бог их не слушается, они от него отрекаются. Бог вышел из повиновения, и в страхе они спешат куда-нибудь укрыться...

■

Все мы, кроме Гамберга, описывали эту поездку. Забравшись в кузов огромного грузовика, мы оказались в обществе нескольких матросов и казака из «Дикой дивизии». На голове у матросов были обычные беско-

зырки с ленточками, а у казака — высокая шапка из лохматого черного меха. Они подвинулись, уступая нам место среди сложенных кипами листовок и ящиков с оружием и боеприпасами. Матросы тут же начали балагурить. В этом балагурстве, в восхитительной самоуверенности моряков, с которыми я познакомился, будучи гостем Центробалта,— секрет их неотразимости.

— Нас обстреляют, как пить дать, зато мы вас прокатим с ветерком.

Один из матросов попросил Луизу снять желтую ленту со шляпы. Шофер-красногвардеец сгорбился над рулем, и мы тронулись. Матросы должны были разбросать листовки по городу.

Грузовик громыхал по булыжным мостовым темных и, как нам казалось, пустынных улиц. Однако всякий раз, когда с грузовика сыпался дождь листовок, из дворов и подъездов выбегали люди и сразу же их расхватывали. Гамберг взял одну листовку и, воспользовавшись короткой остановкой, при слабом свете уличного фонаря прочел вслух:

«К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства,— это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов».

Прочтя листовку, Гамберг сухо сказал:

— Это было напечатано и готово к распространению в 10 часов утра. Довольно оптимистично. Но, очевидно, этот оптимизм не дошел до военных гениев, играющих в кошки-мышки вокруг Зимнего дворца. Чтобы быть полностью уверенными в успехе, они сначала ждали чуть ли не целого флота, а теперь посылают ультиматумы во дворец, угрожая начать обстрел, если министры не сдадутся к назначенному сроку, а когда сроки проходят, назначают новые.

На углу Екатерининского канала и Невского была воздвигнута баррикада, и нас завернули назад. Грузовик поехал своей дорогой, а мы пошли в сторону Казанского собора. Вскоре нам опять пришлось остановиться. Поперек широкой улицы стояло человек двадцать матросов, они преграждали путь толпе людей, стремящихся пройти к Зимнему. Это были те самые добровольные «мученики», которые несколько часов назад ушли из Смольного. (Съезд открылся в 10.40 вечера, а сейчас было около 2 часов ночи.) С ними были жены и друзья, мэр Петрограда и правосоциалистические члены Городской думы.

— Пропустите нас! Мы идем умирать! — упрашивали они матросов.

— Ступайте домой и примите яд,— послышался ответ.— А здесь ничего не выйдет. У нас приказ Военно-революционного комитета не пропускать вас. Умирать здесь не разрешается.

Посовещавшись, они обратились к матросам с более практическим вопросом:

— А что будет, если мы вдруг попробуем прорваться?

— Что ж,— ответил один матрос.— Придется вас немного поколотить, но убивать мы вас все равно не будем, ни одного человека не убьем.

Тогда к собравшимся обратился министр снабжения Прокопович, который должен был находиться в Зимнем дворце вместе с остальными членами Временного правительства, вызванными Керенским. Однако около 6 часов утра по дороге во дворец он был арестован, а позже отпущен.

— Товарищи! — дрожащим голосом воскликнул он.— Давайте вернемся. Откажемся умирать от руки стрелочников!

С гордым видом они зашагали в сторону Таврического дворца, где обычно заседала Городская дума.

Мы показали матросам пропуска, выданные Военно-революционным комитетом, и нас спокойно пропустили. Но не успели мы дойти до собора, как были остановлены группой красногвардейцев. Наверно, у нас был слишком буржуйский вид. К счастью, мы нашли красногвардейца, оказавшегося чем-то вроде комиссара (это слово тогда стали употреблять все чаще и чаще), который, изучив наши документы, поручил одному из солдат провести нас через линии заграждения.

Когда мы подходили к арке генштаба, раздалось три выстрела. Ответных выстрелов не последовало. Тогда со всех сторон к Зимнему дворцу ринулись красногвардейцы, солдаты и матросы. Мы пошли вслед за ними, осторожно выбирая путь среди осколков стекла, покрывавших мостовую. Какой-то матрос закричал:

— Все кончено! Они сдались!

Люди бросились к небольшой, единственной открытой двери дворца. Мы перелезли через баррикады и тоже побежали. Огромный дворец теперь был ярко освещен. Пропуска с синими печатями возымели свое действие — красногвардеец, стоящий у двери, махнул рукой: проходите. Внутри разоружали юнкеров и тут же их отпускали. Отряд матросов поднялся на второй этаж, чтобы арестовать министров Временного правительства. Нам предложили посидеть на длинной скамье у стены. Ждать пришлось недолго. На широкой лестнице показалась процессия — каждый министр со своим конвоиром. Собственно говоря, ни один из проходящих мимо нас министров не был законным народным избранником. Как объяснил Милюков * в одном из своих выступлений после Февральской революции, на выборы не было времени. Таким образом, вовсе не Февральская революция и не люди, ее свершившие, поставили Временное правительство у власти. Эти министры сами себя назначили министрами и всеми силами цеплялись за свое положение. Но Временное правительство недаром называлось Временным. Оно могло править, *пока* у него была поддержка народных масс. Массы всегда были настроены холодно по отношению к этому правительству, но были согласны его признавать. Однако это согласие в лучшем случае было вынужденным, а теперь его и вовсе не было.

---

* Милюков П. Н. (1859—1943) — историк и публицист. Лидер партии кадетов. В 1917 году министр иностранных дел Временного правительства. Активный деятель белой эмиграции.

— Зря отпускают юнкеров, это ошибка,— возмущался Гамберг.— К чему такое мягкосердечие? Впрочем, это их революция. Но неужели они думают, что, избегая кровопролития, заслужат благословение союзников?

— У тебя они то недостаточно уверены в себе, то излишне самоуверенны,— начал Рид.

— Может быть, так оно и есть,— ответил Алекс.

Чувствуя, что нам угрожает очередная крупная ссора, я бесцеремонно оборвал разговор и предложил подняться на второй этаж. В тот момент я совершенно не предполагал, что через несколько дней полностью соглашусь с Гамбергом относительно юнкеров.

Министров увели в Петропавловскую крепость, где был создан вспомогательный штаб Военно-революционного комитета.

От Антонова или Чудновского, не помню точно, мы получили разрешение войти в Малахитовый зал. Там только что поставили часовых. Группы солдат, матросов и красногвардейцев продолжали между тем обыск внутренних покоев, где могли спрятаться юнкера или кадеты и где, возможно, были заперты попавшие в плен матросы передового отряда, прорвавшиеся во дворец за несколько часов до штурма. В этом большом зале с огромными окнами, выходящими на Неву, заседали министры Временного правительства, здесь они провели много часов в ожидании казаков, которые так и не пришли. К вечеру они покинули зал, так как окна его находились слишком близко к орудиям «Авроры», вставшей у Николаевского моста, и к пушкам Петропавловской крепости. Что чувствовали министры, перед тем как уйти из этого зала в одну из внутренних комнат, где они сидели в полумраке вокруг большого круглого стола, над которым висела одна-единственная лампа, да и та прикрытая газетой? Яркое описание дает бывший министр юстиции Временного правительства: «В холодном свете пасмурного дня перед нами отчетливо вставала панорама города. Из углового окна мы видели широкие просторы могучей реки. Равнодушные, холодные воды... Скрытая угроза притаилась в воздухе. Обреченные, одинокие, всеми покинутые, мы ходили взад и вперед по этой огромной мышеловке, иногда собираясь все вместе или группами для коротких разговоров... Вокруг нас была пустота, и такая же пустота была у нас в душе. Мы испытывали растущее чувство полнейшего безразличия...

Но ведь должен же когда-нибудь наступить момент, когда нам придется издать короткий и решительный приказ. Приказ о чем? Держаться до последнего человека, до последней капли крови? Ради чего?

Если народ не защищает свое правительство, значит он не нуждается в этом правительстве. Но если в нем не нуждаются, если правительство пережило себя, то кому оно должно передать власть? И как? По чьему приказу?..

За нами не было права издавать приказы от имени народа; на словах нам выражали симпатию, а на деле все нас покинули».

Вспоминаю бледное аскетическое лицо Антонова, густые рыжие волосы под живописной широкополой шляпой, спокойный сосредоточенный вид, заставляющий забывать его сугубо гражданскую внешность, когда он вместе с отрядом из пятидесяти матросов, солдат и красногвардейцев уводил из Зимнего дворца министров Временного правительства и трех их помощников. Один матрос рассказал мне, что еще наверху, после того как Чудновский составил список арестованных, Антонов спросил: «Товарищи, у нас есть автомобили?» Кто-то ответил: «Нет». А другие закричали:«Ничего, пройдутся пешечком! Довольно, поездили!» Антонов попросил тишины, подумал немного и сказал: «Хорошо, мы отведем их в крепость пешком».

В последующие годы западные историки всячески старались унизить Антонова. Отсутствие автомобилей действительно привело к тому, что по дороге министры подверглись оскорблениям. Идущая за ними толпа росла, и требования выдать их становились все решительнее. Спасла их случайность. На Троицком мосту из встречного автомобиля начали стрелять. Люди бросились врассыпную. «Не стреляйте! Свои!» — закричал Антонов. Стрельба прекратилась, и арестованные министры были благополучно доставлены в Петропавловскую крепость...

Конечно, Гамберг в ту ночь не щадил Антонова, но почему именно Антонова, а не Чудновского или Подвойского, я не знаю. Как мог Антонов, человек в какой-то степени военный, секретарь Военно-революционного комитета, которому так доверяет Ленин, как он мог, негодовал Гамберг, так долго бездействовать? Все знали — и об этом много раз говорил Ленин,— что успех восстания невозможен без большевистских сил Балтийского флота. Антонов знал Дыбенко, знал положение в Гельсингфорсе. Почему же, когда в ночь на 23 октября в Смольный пришла телеграмма из Гельсингфорса о том, что корабли стоят наготове и ждут только приказа из Смольного, им не ответили: выходите немедленно? Хорошо еще, что матросы, не дожидаясь дальнейших указаний, прислали два торпедных катера. Как только Керенский отдал приказ развести все мосты, кроме Дворцового, и закрыть типографии левых газет, надо было не типографии выручать, а в ту же ночь штурмовать Зимний дворец...

Уже поднимаясь по широкой лестнице вдоль завешанных гобеленами стен, я услышал ответ Рида на обличительную речь Гамберга, начатую, еще когда мы сидели на длинной скамье в вестибюле:

— Но ты же сам сказал, что это их революция. Жалко, конечно, что ты не сделал ее своей, тогда, может, и тебе удалось бы вставить словечко.

Из Малахитового зала мы прошли во внутреннее помещение, где, по слухам, был когда-то кабинет Николая II и где провели последние семь часов перед арестом министры Временного правительства. Здесь они сидели за круглым столом, ходили из угла в угол, пытались уснуть на диванах и в креслах. Кабинет должны были обыскать, закрыть и опечатать, поэтому мы пробыли в нем всего несколько минут под бдительным оком часовых. Нам все же удалось стащить со стола несколько клочков бумаги с отдельными фразами того последнего приказа, над которым трудились министры. Большая часть слов была записана сокращенно и обведена завитушками.

В тревожном настроении возвращались мы в Смольный. Что произошло там за это время? Мы боялись, что оказавшиеся в меньшинстве партии, спекулируя на событиях в Зимнем дворце, совершат какую-нибудь новую враждебную акцию. Теперь мы знали, что «зловещий» выстрел с «Авроры», вызвавший истерику у Мартова и у некоторых других делегатов, был произведен холостым зарядом. Как они себя повели, когда началась настоящая перестрелка из пушек, пулеметов и винтовок?

Рид считал, что задержка сыграла на руку «умеренным», пушечные выстрелы произвели сильное впечатление на всегда эмоционального Мартова, который начал бить по своим.

— Во всяком случае,— безапелляционно подвел итог Гамберг,— штурм Зимнего дворца войдет в историю как самая низшая точка революции, революции, которая во всех других отношениях была драматичной именно потому, что проходила без эффектных событий.

Нужно было знать Гамберга, чтобы понять: в последних словах не было никакой иронии. Говоря: «без эффектных событий», он имел в виду, что революция встретила всеобщую поддержку. Но я из принципа всегда оспаривал его точку зрения, стремясь по возможности опередить в этом Рида:

— Я бы не сказал, что это была низшая точка. Большевики захватили более богатые трофеи, чем в свое время парижане — как по количеству, так и по их ценности. Когда пала Бастилия, было освобождено ровно семь узников, причем большинство из них, по-моему, оказались карманниками. В Зимнем было захвачено полтора десятка, и они, по крайней мере, не были мелкими ворами.

В Смольный мы попали поздно ночью. Только что закончился перерыв, во время которого, как нам сказали, проходили внутрипартийные совещания. Была предложена очень резкая резолюция против покинувших съезд делегатов. Суханов настоял на внеочередной конференции мартовской фракции и выступил там против ухода. Как он потом писал: «Для нейтралитета и пассивности не осталось больше места. Это пугало, было для нас совершенно необычным». Мартов, «жертва меньшевистской нерешительности», победил четырнадцатью голосами против двенадцати, очевидно, при нескольких воздержавшихся. «Я почувствовал, что это катастрофа, самая тяжелая с начала революции. Я вернулся в зал совершенно убитый».

Когда мы вошли в зал, там гремели аплодисменты: Каменев только что объявил о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Потом он стал читать список министров Временного правительства. Имя Терещенко * вызвало смех и аплодисменты. Имя Пальчинского ** было встречено криками и свистом. После ухода группы Мартова с большевиками остались только левые эсеры и небольшая группа «Новая жизнь» (группа Горького). Однако съезд, казалось, даже не заметил, что кто-то покинул зал. Как только стихла буря оваций, слово взял представитель левых эсеров и заявил о незаконности ареста министров. Потом выступил Луначарский. Я никогда не видел его таким взволнованным, даже тогда, когда он декламировал стихи в рабочей аудитории. Прерывающимся голосом он прочел постановление, в котором говорилось: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» ***.

Постановление было принято подавляющим большинством голосов, при двух голосах против и двенадцати воздержавшихся.

В шестом часу утра, после того как было принято обращение к солдатам и железнодорожникам с призывом не пропускать в Петроград эшелоны с войсками, посланными Керенским, Калединым и другими, на трибуну поднялся бледный от бессонницы Крыленко **** и, размахивая телеграммой, объявил:

— Товарищи! Сообщение с Северного фронта! Двенадцатая армия приветствует съезд. Там создан Военно-революционный комитет, который взял на себя командование фронтом! Генерал Черемисов признал комитет, комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!

---

* Терещенко М. И. (род. в 1888 г.) — крупнейший русский сахарозаводчик, миллионер. В 1917 году министр финансов Временного правительства. Белоэмигрант, один из организаторов интервенции против Советского государства.

** Пальчинский П. И.— инженер. В 1917 году товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Руководил обороной Зимнего дворца 25 октября (7 ноября) 1917 года.

*** В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 11.

**** Крыленко Н. В. (1885—1938). Большевик с 1904 года, видный советский государственный деятель. Активный участник Октябрьской революции. Входил в состав первого Советского правительства в качестве члена Комитета по военным и морским делам.

Солдаты бросились обниматься. Теперь Петроград бесповоротно в их руках. Делегаты съезда выходили из зала, весело толкая друг друга, покачиваясь от усталости под тяжестью винтовок, опьяненные счастьем, сознанием своей силы и романтикой этой ночи.

Было шесть часов утра, когда на ступенях Смольного мы разминали затекшие мышцы и тщетно искали в небе лучи восходящего солнца. У небольшого костра на площади спиной к нам стояли и грели руки солдаты и красногвардейцы. В этот холодный свинцово-серый рассветный час они казались единственной надежной человеческой силой в мире, который без нее словно повис между небом и землей. Как прекрасно было бы чувствовать себя неотъемлемой частью того, что здесь свершалось! Но вместо этого нас одолевали сомнения. Как поведет себя наше правительство? На чью сторону оно встанет? Как у нас воспримут известие об этой новой республике, которая еще лежит в родовых схватках? Еще неизвестно, что произойдет в Москве. За провинцию я, правда, не беспокоился, но я ведь мог ошибаться. Смертельно усталые, мы побрели искать извозчика.

Главная фраза революции

Товарищи! Мы сейчас должны заняться созданием социалистического государства».

Механически я повторил слова Ленина по-английски и, увидев, что сидевший рядом со мной Джон Рид записывает их и что я смогу потом воспользоваться его блокнотом, продолжал вглядываться в человека, произнесшего фразу, о которой я впоследствии часто писал, называя ее главной фразой революции.

Вы не найдете этих слов ни в одном газетном отчете о втором заседании Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в ночь на 26 октября (8 ноября).

...Джон Рид приводит ленинскую фразу в своей несравненной книге «Десять дней, которые потрясли мир»; в том же (1919) году я цитирую ее в книге «Ленин: человек и его дело». И только теперь, сравнивая то, что мы написали, я обнаружил некоторое различие в наших записях. Рид пишет: «Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: «Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»*.

Признавая репортерскую основательность Рида, я все-таки придерживаюсь своего перевода. В любом варианте это великая фраза. И хотя она еще не включена в официальные собрания ленинских работ**, она уже вошла в историю.

Не только мы с Ридом, но и сотни делегатов, заполнивших огромный Колонный зал Смольного, в ту ночь впервые увидели Ленина. Правда, мы могли видеть его накануне во время совещания лидеров большевистской фракции в одном из широких коридоров Смольного. Но даже если бы мы тогда и увидели его, то все равно не узнали бы в нем Ленина, чьи фотографии были знакомы по газетам. Большинство этих снимков

---

* Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир», стр. 117.

** Аналогичную фразу В. И. Ленин произнес на заседании Петроградского Совета 25 октября (7 ноября) 1917 года. По газетному отчету, включенному в том 35-й Полного собрания сочинений, стр. 3, эта фраза звучит так: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

было взято из архивов царской охранки — на них Ленин был с бородой и преждевременной лысиной. Он полысел еще в ранней молодости.

Ходило много легенд о способности Ленина изменять свою внешность. Теперь к ним прибавилась еще одна — о том, что в ночь на 24 октября Ленин якобы с трудом попал в Смольный: часовой не хотел его пропустить. Я не очень этому верю, так как, по моим наблюдениям, и в ту ночь и в предыдущие ночи каждый, кто хотел, мог свободно пройти в Смольный.

Некоторые истории, правдивы они или нет, сами по себе занятны. Бонч-Бруевич, например, рассказывает, что, придя в Смольный, Ленин снял только платок, которым у него была подвязана щека, но оставался в парике до того момента, пока не пришло известие о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Ленин решил тогда провести остаток ночи в квартире Бонч-Бруевича. Перед уходом Бонч-Бруевич предложил Ленину снять парик и, обещая спрятать его, сказал: «Кто знает, может быть, еще пригодится». По другой версии, Ленин, войдя в Смольный, рассеянно снял кепку, а вместе с ней и парик.

С той минуты, когда председательствующий объявил: «Слово предоставляется товарищу Ленину», я не отрывал глаз от крепкой приземистой фигуры человека в поношенном костюме из плотной ткани, человека, который с пачкой бумаг в руке быстро прошел к трибуне и обвел зал проницательными веселыми глазами.

В этом отношении я ничем не отличался от остальных. С таким же вниманием смотрели на Ленина большие горящие глаза Реймонда Робинса * (который пришел сюда одним из первых и сидел до пяти часов утра), так же напряженно разглядывали Ленина солдаты, матросы, рабочие — вся бурлящая масса делегатов съезда. В чем секрет этого коренастого лысого человека? Почему он вызывает у одних такую ненависть, а у других — такую любовь?

Ленин произнес несколько вводных фраз к предлагаемой декларации о мире, над которой он работал в квартире Бонч-Бруевича с половины четвертого утра.

Документ призывал к заключению «справедливого демократического мира», к немедленному подписанию «мира без аннексий... и без контрибуций».

Язык декрета показался мне слишком мягким для Ленина: «...Сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности...» **. Неужели это говорит воинственный Ленин? Невероятно! Декрет определял понятие «аннексия», и, хотя лозунг «никаких аннексий и контрибуций» давно уже стал лозунгом умеренных социалистов, здесь, в определении Ленина, он приобрел новое значение. Слова вступают и обесцениваются не *от частого употребления, а от того, что они остаются без употребления,* то есть не претворяются в дела. В этом смысле они сходны разве что с клетками головного мозга человека. Так как и керенские, и либеры, и даны только говорили: «никаких аннексий», но даже не пытались провести это в жизнь, слова эти умерли. Ленин дал им новую жизнь, причем не ораторским искусством, а всей силой своей личности и политической линией своей партии.

■

В отличие от вчерашнего, первого заседания, открытие которого несколько раз откладывалось, второе началось ровно в девять.

Половина заседания прошла для меня как во сне. Я не спускал глаз с докладчика, тщетно пытаясь представить себе, что он должен чувство-

* Робинс Реймонд — полковник, в 1917 году — член американской миссии Красного Креста в России.

** В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 14.

вать сейчас, когда революция и руководимая им партия слились воедино и во главе этого могучего единства, его воплощением стал несомненно он, Ленин.

Однако Ленин, по-видимому, всего этого абсолютно не сознавал, и я начинал испытывать смутное чувство раздражения и недовольства. Мне казалось, ему недостает соответствующей его роли величественности. В мемуарах Керенского с поразительной наивностью описывается, как быстро таяли силы сопротивления и рушились его надежды. Судя по этим мемуарам, единственной заботой Керенского было доказать, что он сделал все возможное для подавления восстания и ликвидации Смольного, и не его вина, если это ему не удалось.

Ленин, наоборот, никогда не говорил о своей роли катализатора революции.

Если вам когда-нибудь доведется стать свидетелем или участником революции, вы поймете, как трудно сразу согласовать с действительностью свои романтические представления о ней.

Крупская говорила о величии революции, но когда великое рядом, его видишь только наполовину. Скромность формулировки первой ленинской фразы только подчеркивала ее величие и дерзкую прямоту. Разоренная, истерзанная страна, четыре года кровавой войны, бессмысленных разрушений и потерь, намного превосходящих потери любой другой воюющей страны, восемь мучительных месяцев неразберихи и нерешительности Временного правительства и вдруг — начинается строительство социализма!

Сейчас мне кажется, что в ту ночь в огромном зале Смольного этих слов почти не заметили. Я вытянул шею и оглядел зал. Вокруг меня спокойно сидели одетые в шинели и бушлаты люди и, не замечая спертого воздуха в зале, обогреваемом лишь теплом их тел, внимательно слушали своего вождя. Сколько из них участвовало во вчерашних событиях? Я вспомнил, как накануне в отеле «Франс», где мы обедали с Джоном Ридом, один остряк из посольства разглагольствовал: «Ваши друзья большевики, кажется, не очень сильны в стратегии. Ну хоть бы создали оборонительную зону вокруг Смольного. Не будь Керенский таким трусом, он мог бы захватить Смольный с какой-нибудь сотней солдат. Что у них там сейчас? Несколько штабелей дров, которых не хватит даже на приличную баррикаду, да пара пулеметов с прислугой, не умеющей из них стрелять». Рид язвительно заметил, что Керенский почему-то так и не дождался своей сотни солдат. Кроме того, он не посмел бы тронуть Смольный, пока во дворце находились эсеры и меньшевики.

Насмешки в адрес большевиков мы слышали и до восстания. Тогда доморощенные стратеги обвиняли их в затягивании вооруженного выступления, когда восстание началось, ворчали, что красногвардейцы не умеют стрелять, а их командиры не знают военной науки. Впрочем, те же критики доказывали, что восстание было просто большевистским переворотом, совершенным в результате военного заговора.

И вот теперь в Смольном, вглядываясь в суровые лица людей, напряженно ловящих каждое слово с трибуны, я почувствовал, как во мне поднимается горячая волна симпатии ко всем красногвардейцам, матросам и солдатам, так замечательно выполнившим свой революционный долг. Только ослепленные предрассудками люди, подумал я, могут остаться к этому равнодушными.

Если не все в зале, то многие, должно быть, понимали свою великую историческую миссию. Вряд ли они высоко ставили свою личную роль в истории, как это делал Троцкий, хотя имели полное основание гордиться своей миссией. Рабочие, неумело держащие винтовки, задиристые, острые на язык матросы приобрели за одну ночь новый статус —

они стали знаменосцами, первостроителями нового мира. «Мы были ничем, мы стали всем».

А пока в эти утренние часы заседания усталые, возбужденные победой, хотя и несколько озадаченные ее необычной легкостью люди, казалось, пребывали в состоянии какой-то заторможенности. Сидя в зале и слушая ораторов, они в то же время с полным правом вершителей революции отдыхали от своих вчерашних трудов. Возможно, они удивлялись, что все еще сидят здесь. Ведь Петроград с его огромными площадями и широкими проспектами представлял не только великолепную арену для революции — здесь было где развернуться огромным массам,— те же удобства имела и контрреволюция: прямые улицы давали идеальную возможность расстрелять из пушек и пулеметов любую массовую процессию. Этого не произошло, и то, что этого не произошло, все еще казалось непостижимым.

■

В небольшой книжке о Ленине я уже рассказывал о впечатлении, которое произвел на нас Ленин в ту ночь 26 октября (8 ноября). Мы тогда впервые увидели человека, которого знали до сих пор по рассказам его молодых последователей.

Как и многие другие, я потом описывал его манеру раскачиваться на каблуках, засунув большие пальцы в вырезы жилета, его голос, в котором нам послышалось тогда «больше резких, сухих нот, чем ораторски проникновенных». Я мог бы этим и ограничиться — получился бы довольно обычный портрет человека, чувствующего себя как рыба в воде в этом огромном зале, до отказа заполненном людьми и дымом дешевого табака, перед устремленным на него взглядом сотен пар глаз, ищущих и вопрошающих. Но я продолжал:

«В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик»*.

Меня часто потом спрашивали, не снизил ли я умышленно свое первое впечатление, применив известный чеховский прием усиления драматизма при помощи антикульминации. Безусловно, в какой-то мере это было так. Но главное в том, что для нас, американцев, привыкших к другому типу политических деятелей, Ленин представлял загадку. У нас политический деятель подобного масштаба далек от народа, окружен подобострастными звездами второй величины и агентами тайной полиции. Каждое его появление перед публикой тщательно готовится специальной группой церемониймейстеров, каждое выступление составляется штатными помощниками, и все это сопровождается невероятной рекламной шумихой. Личность Ленина ставила нас в тупик: державшийся с абсолютной непринужденностью, он был в то же время начисто лишен того, что называют внушительностью. Его подход даже к самым большим вопросам казался на первый взгляд прозаическим.

Например, фраза о построении социалистического государства не входила в текст, который он держал в руках, а была брошена экспром-

* Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., Госполитиздат, 1960, стр. 38.

том, с ходу, как сказали бы в Америке. В устах любого американского лидера — социалиста, демократа или (невероятное предположение!) республиканца — она была бы расцвечена всеми красками риторики. Здесь непременно присутствовали бы сравнения с утренней зарей, неувядаемые фразы о свободе или торжественные слова о всемогущем боге. Даже Юджин Дебс часто упоминал господа, хотя для него Христос всегда был мятежником и крестоносцем, палкой изгнавшим менял из храма.

Что ж, нам пришлось приспособиться к необычному характеру Ленина, в котором полная отчужденность от своей роли (как будто он был дублером великого актера, заменившим его всего на несколько вечеров) сочеталась с абсолютной простотой и уверенностью в себе. То были, разумеется, две стороны одной медали, две черты, обусловленные беспредельной верой в революционную инициативу народа. Эта вера давала ему удивительную свободу и, как я вновь и вновь замечал, доставляла большую радость. Всю зиму 1917—1918 гг. до своего отъезда из Москвы во Владивосток весной 1918 года каждый раз, встречая Ленина, я не переставал удивляться этой свободе, которая объясняет и полное отсутствие какого бы то ни было страха за себя лично и отсутствие какого бы то ни было позерства. Эта вера в массы не мешала ему, однако, лично браться за любую проблему, которая вставала перед ним, и выкапывать те, что были глубоко спрятаны. При этом чувство юмора и способность радоваться никогда не изменяли ему, проявляясь в тысячах мелочей. В 1919 году Рэнсом *, вернувшись в Петроград после беседы с Лениным, писал: «По дороге домой из Кремля я пытался вспомнить, кто из политических деятелей его калибра обладал таким же веселым характером, и не мог вспомнить никого». Рэнсом объясняет это тем, что Ленин — «первый великий вождь, который не придает никакого значения своей собственной личности».

Ленин кончил читать. Зал подался вперед, волна за волной прокатились аплодисменты и поднялась буря оваций. Из задних рядов раздался голос: «Да здравствует Ленин!» Со всех концов огромного зала ему откликнулось эхо: «Ленин! Ленин!»

...В 10.35 председатель поставил вопрос на голосование. Воззвание к народам и правительствам воюющих стран было принято единогласно. Один делегат поднял было мандат, чтобы проголосовать «против», но неодобрительный шум заставил его тут же опустить руку.

Итак, свершилось. Принят первый декрет новой власти. Люди заулыбались, глаза их засияли, головы гордо поднялись. Это надо было видеть! Еще не сформированное по-настоящему правительство, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, обращалось ко всей планете со своими мирными предложениями. (Пройдет немного времени, и мы увидим, как Вудро Вильсон **, не будучи в силах игнорировать эти предложения, фактически повторит их в своих 14 пунктах.)

Рядом со мной поднялся высокий солдат и со слезами на глазах обнял рабочего, который тоже встал с места и яростно аплодировал. Маленький жилистый матрос бросал в воздух бескозырку. Судя по ленточке, это был моряк Балтийского флота, может быть, один из тех, перед кем мы с Ридом выступали несколько недель назад. Выборгский красногвардеец с воспаленными от бессонницы глазами и осунувшимся небритым лицом огляделся вокруг, перекрестился и тихо сказал: «Пусть будет конец войне» ***.

---

* Артур Рэнсом — английский критик и публицист. В 1919 г. выпустил книгу «Шесть недель в России».

** Вудро Вильсон (1856—1924) — реакционный американский политический деятель, президент США в 1913—1921 гг.

*** Эта фраза дана А. Р. Вильямсом по-русски.

В задних рядах кто-то запел «Интернационал», и все тут же подхватили. С тех пор каждый раз, когда я слышу звуки этого знаменитого рабочего гимна, я вижу перед собой взволнованных, торжественных людей, охваченных единым порывом, я вижу Ленина и рядом с ним всех большевистских руководителей, стоя поющих вместе с залом.

Всю осень 1917 года мы часто слышали и пели «Интернационал». Но в ту ночь, когда вместе с нами пел Ленин, вы бы слышали, как мы пели! Люди плакали и обнимались. Потом мы запели медленный, скорбный похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой», посвященный памяти тех, кто погиб во время Февральской революции и был похоронен в братской могиле на Марсовом Поле.

В зале не было зрителей. Люди понимали, что это были их день, их ночь. Они снова аплодировали, топали ногами и смотрели друг на друга радостными глазами.

Суханов, который накануне на совещании лидеров меньшевистской фракции выступил против линии Мартова, писал потом, что в ту ночь, сидя в последних рядах зала, на скамье для зрителей, он *«чувствовал себя оторванным и изолированным от всего, чем жил в течение восьми месяцев, равных десяти годам.*

Весь президиум во главе с Лениным стоял и пел. Лица их сияли, глаза горели. Но интересней было наблюдать за делегатами в зале: они будто заново родились. Переворот проходил гораздо глаже, чем большинство из них предполагало; теперь это был свершившийся факт. Успех становился все более очевидным. Массы проникались верой, что и в будущем все пойдет так же гладко. Их почти убедили, что в самом ближайшем будущем они получат хлеб и мир. Они даже начали испытывать готовность, если нужно, встать на защиту полученной земли и приобретенных прав.

Аплодисменты, крики «Ура!», шапки в воздухе...

А я не верил в победу, не верил в успех, в «правоту» или историческую миссию большевистского режима. Сидя в задних рядах, я с тяжелым сердцем наблюдал за ликующим залом.

Как бы я хотел присоединиться к ним, слиться с массами и их вождями в этом ликовании! Но я не мог..»

Ленин снова поднялся на трибуну. Бурлящий зал стих, делегаты из провинций с посерьезневшими лицами поднялись с мест, подались вперед: решался вопрос о земле. До этого Каменев объявил последние резолюции Военно-революционного комитета об отмене смертной казни на фронте и тем самым о распространении на всю Россию действия одного из первых постановлений Февральской революции, а также об освобождении всех политических заключенных и всех членов местных крестьянских комитетов, арестованных по приказу Временного правительства за самовольный захват земли. Оба эти решения солдаты и крестьяне встретили громкими аплодисментами. Но теперь, когда перед ними стоял Ленин, держа в руках листки бумаги, в которых говорилось о земле, они затихли, как бы приберегая свое суждение. Сначала Ленин говорил, не глядя в текст. Лысая голова была несколько выдвинута вперед, на лице, без привычных впоследствии бороды и усов, особенно выделялись подвижный рот и энергичный подбородок.Возникновение вооруженного восстания, второй революции в России, ясно доказывает, что земля должна быть передана крестьянам. Только что свергнутое правительство и соглашательское руководство эсеров и меньшевиков совершали преступление, «под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию». Их разговоры о погромах и анархии — обман. «Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами?» «Правительство

рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты *. Он прочтет пункты декрета, который «должно выпустить наше Советское правительство». И спокойным голосом, будто речь шла о большевистской аграрной программе 1905 года, Ленин сказал совершенно неожиданную вещь: как о чем-то само собой разумеющемся, он заявил, что в декрет включен крестьянский наказ, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Наказ был опубликован газетой «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» (газетой, которая так же неукоснительно выражала линию правых эсеров, как «Уолл-стрит джорнэл» выражает интересы финансового капитала США).

Затем он начал читать наказ, который был опубликован 19 августа 1917 года, но мог вполне принадлежать перу Ткачева, теоретика народников XIX века. В этом смысле меня особенно поразили строчки: «Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведования ими местными органами самоуправления», а также слова: «Земельный фонд подвергается периодическим переделам».

Короче говоря, в декрете было больше того, чего хотели или думали, что хотят, крестьяне, чем того, что исторически намечали для них большевики. «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме» *. Черт возьми! И это после всего, что Маркс писал о Прудоне и Бакунине, разоблачая бессмысленность лозунга «уравнительности»! Так же как в декрете о мире Ленин умышленно подчеркивал то, что было понятно любому демократу, любому крестьянину или солдату.

Он начинал осторожно.

Я сейчас не помню, на каком слове Ленин споткнулся и поднял бумагу ближе к глазам, разбираясь в тексте. Кто-то из президиума взял у него листки и дочитал до конца сложный, состоящий из более тысячи слов наказ, детали которого никого, кроме крестьян, особенно не волновали. Интересно, что сказал бы обо всем этот Янышев? **

Ведь наказ со всеми его ссылками на крестьянскую общину, которая, по словам Янышева, не только безнадежно устарела, но фактически умерла, в последнем абзаце ленинского декрета был признан целиком и полностью «выражением безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России».

Только по одному вопросу землепользования должны были разгореться жаркие бои, как много раз в прошлом, когда теория еще не осложнялась практикой. Теперь вопрос «утопического языка» решался не в лингвистических спорах и в конечном счете не силой оружия, которая оказывается весьма необходимой, когда речь идет о захвате средств производства, но не может служить ни основой отношения человека к человеку, ни основой отношения человека к труду — при социализме они имеют качественно иной характер.

■

Рид, не обладавший моим опытом и знанием русской деревни, приобретенными во время летней поездки с Янышевым и долгих споров с ним, не понимал моего возбуждения. Атмосфера сказочности предыдущих часов для меня исчезла.

* В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 23, 26, 35, 36.

** Янышев М. П.— большевик, рабочий-ткач. В 1906 году эмигрировал в Америку. Вернулся в Россию в 1917 году. Принимал активное участие в проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Позднее работал в Москве. Погиб в боях за Крым в июле 1920 года.

— Ну-ка, посмотрим, что скажут эсеры **на это**,— злорадно бормотал я.— К чему они **теперь** будут придираться. Не могут же они заявить, что не успели ознакомиться с этим!

— Послушай, почему это так тебя задело? — пытался выяснить Рид.— Ведь твои валлийские предки были шахтеры, а не фермеры. Уж не собираешься ли ты поселиться здесь и пойти в пахари? Так имей в виду, у тебя ничего не выйдет: ты не гражданин Российского государства *, а наемный труд, ты же слышал, не допускается.

Как я и ожидал, в рядах, где сидели левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, начали готовить возражения. Мы видели склоненные друг к другу головы, энергичные жесты. Но Ленин отнял у противников козыри и обезоружил их своей откровенностью: «Здесь раздаются голоса,— очень спокойно и, я бы даже сказал, мягко продолжал он,— что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни... крестьяне сами поймут, где правда» **.

— Весьма разумно,— ответил Рид, толкая меня в бок. Ага, и его наконец захватило!

«Жизнь — лучший учитель,— говорит тем временем Ленин,— и она укажет, кто прав... Мы должны следовать за жизнью; мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью несмененной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос... Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь» ***.

Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты потребовали перерыва для совещания. Мы с Ридом вышли на улицу и заговорили об эмоциональной силе ленинской речи, так не похожей на блестящие, театрализованные выступления Керенского. Все старания правоэсеровского руководства посеять среди крестьян недоверие к Ленину и внушить веру в Керенского оказались тщетными. Сегодня крестьяне лично видели и слышали Ленина. К концу его речи их настороженность исчезла. Что они думали о Ленине? Мне, например, показалось, что в своих напряженных раздумьях они забыли о нем, как о личности. И это было понятно: он обращался к ним как к равным и не стремился, говоря современным языком, «произвести впечатление».

— Ему вообще чужда манера говорить свысока,— сказал я Риду.— Крестьяне понимают его. Я давно тебе твердил: нельзя недооценивать крестьян.

Но Рида интересовали не крестьяне, а Ленин:

— Ты обратил внимание, что сегодня он ни разу не упомянул о диктатуре пролетариата, а все время подчеркивал «наше демократическое правительство», «демократические идеалы».

---

* В шестом пункте наказа говорилось: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства...»

** В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 27.

*** Там же.

— А почему бы социалистическому правительству не быть демократическим,— ответил я.

К нам присоединились Бесси Битти и Луиза Брайант, и мы стали ходить взад и вперед по площади перед Смольным, но мы дрожали после теплоты зала.

Ночи стали заметно длиннее, но мы все это время почти совсем не спали, ели наспех и когда придется и давно потеряли счет дням и часам. Неужели только двадцать четыре часа назад мы примчались в Смольный из Зимнего дворца, где были свидетелями того, как уводили в Петропавловскую крепость арестованных министров Временного правительства?

Мы устали ходить и остановились погреть руки у костра, разложенного перед внешними воротами. Спиной к огню стоял солдат в высокой, сдвинутой на одно ухо барашковой шапке.

Интересно, что он чувствовал, видя, как сотни делегатов идут в Смольный, и хотел бы он быть сейчас там вместе с ними?

— Что делается? * — спросил я его. Он что-то пробурчал в ответ, и я уловил только слова «проклятая война» и «голод». Луиза Брайант обратилась к Риду с просьбой задать еще какой-нибудь вопрос, но тот сделал вид, что не слышит. Он предложил солдату папиросу и попросил огня. Достав из костра головешку, солдат прикурил от нее и дал прикурить Риду. Неожиданно он выпрямился, его бородатое исхудалое лицо оживилось, глаза при свете костра засверкали каким-то особым блеском. Подняв левую руку (в правой была винтовка с примкнутым штыком), он сжал кулак и громким голосом произнес:

— Людям нужен хлеб! Люди хотят счастья!

Когда мы повернулись, чтобы идти, он проводил нас осуждающим взглядом. Как только мы отошли подальше, Рид набросился на Луизу:

— Почему нужно было вести себя так, будто он экспонат в музее? Он ведь подумал, что мы смеемся над ним, или издеваемся над его революцией, или бог знает что еще! — Но злость Рида тут же пропала, и он мягко произнес: — Счастье... хлеб... Да, возможно, они еще получат и то и другое.

— Все равно,— сказала Бесси Битти, с которой мы шли сзади,— не хотела бы я быть на месте Ленина. Они так много ждут. Я только что видела Робинса. Он говорит, что, когда пал Зимний дворец — когда это было? вчера? — хлеба у них было всего на три дня. Ленин столько им обещал...

— Он ничего им не обещал,— отрезал я,— ничего, кроме возможности самим управлять этой несчастной, обанкротившейся, обманутой, искалеченной и измученной страной.

■

«Мы сейчас должны заняться созданием социалистического государства». Всего несколько простых слов, но за ними — целые эпохи прошлой и будущей истории человечества! В этих словах была запечатлена великая цель Революции — возрождение всего человечества. Они направляли ум и энергию народа на построение совершенно нового общества, основанного на новых экономических принципах, на новой этике. Эта этика, отвечающая появлению нового человека, нового образа жизни, создавалась издавна, в течение веков, и в ней воплощаются устремления передовых мыслителей многих десятков поколений; она не так уж далека от этики, развивавшейся в русле иудейско-христианской традиции, к которой в сущности восходит и марксизм.

Маркс и Энгельс не только критиковали западных философов от Платона до Фейербаха; они неоднократно признавали и свой долг перед ни-

* Эта фраза написана А. Р. Вильямсом по-русски.

ми, несмотря на великолепную дерзость заявления о том, что «до сих пор философы лишь объясняли мир; наша задача переделать его» *.

И вот впервые в истории мечта поэтов (Шелли, Байрона, Китса, Некрасова, Пушкина), древнееврейских мечтателей и пророков, раннехристианских мучеников и философов-гуманистов оказалась в руках реалистически мыслящих, закаленных в борьбе людей, вооруженных марксистской теорией. Я не мог с ними согласиться, что эта теория — наука, но как бы вы к ней ни относились, нельзя не признать, что это гуманистическая теория.

Можно ли вообще осуществить такую мечту? И под силу ли им эта задача? Что ж, для эксперимента в их распоряжении — шестая часть земного шара, а в качестве главного экспериментатора — человек, заразивший их своей верой в народную инициативу как в решающий фактор успеха, человек, которому их любовь дала право на руководство.

В два часа ночи декрет о земле поставлен на голосование. Против был только один голос. Крестьяне ликовали.

Между тем контрреволюция собирала силы. Военно-революционный комитет разослал во все армейские комитеты приказ о розыске Корнилова, который только что бежал из Быковской тюрьмы. Пока Временное правительство было у власти, он чувствовал себя в безопасности, но, узнав о новой революции, поспешил скрыться. Теперь его собирались заключить в Петропавловскую крепость и судить.

На фронт нужно было послать агитаторов. В зал за дальнейшими приказаниями входили новые группы матросов.

Было почти семь утра, когда мы сели в трамвай, чтобы ехать домой.

Большевик Антонов

На следующий день 27 октября (9 ноября) мы с Ридом отправились в Смольный, стремясь поскорее получить пропуска для поездки на новый фронт. Керенский был полон решимости вернуть потерянную власть и имел для этой цели весьма ценного союзника — царского генерала Краснова, который благодаря Корнилову, был назначен командиром грозного Третьего корпуса. Казачьи части, составлявшие этот корпус, считались абсолютно надежными. Поэтому, чтобы иметь под рукой войска, на случай, если народные массы выйдут из повиновения, Керенский еще в начале сентября отдал приказ о снятии Третьего корпуса с русско-германского фронта и размещении его в Царском Селе, Гатчине и других пригородах столицы. Теперь этот корпус шел на Петроград и возглавлял его, по слухам, сам Керенский.

Уже поступали сообщения, что передовые отряды рабочих и отдельные войсковые подразделения, посланные навстречу казакам новым правительством, были отброшены от Гатчины. И вот на помощь им из города непрерывным потоком шли рабочие-красногвардейцы, заполняя все дороги, ведущие на юг. Тревожно звучали заводские гудки. По приказу Военно-революционного комитета некоторые фабрики и заводы прекратили работу...

■

Из Смольного выходили рабочие, вооруженные кто винтовками или револьверами, кто лопатами и ручными гранатами. У некоторых за плечами висели свернутые одеяла с привязанными чайниками. Среди рабо-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1952, т. 2, стр. 385.

чих мы увидели женщин и даже подростков, которые тоже несли одеяла и мешки с хлебом и другим продовольствием.

Никаких сомнений относительно пропусков у нас не возникало. Мы получили от Военно-революционного комитета временные пропуска в Зимний, даже когда шел штурм дворца. Какие могут быть возражения теперь? Но при входе в Смольный нас остановили. Что еще за новости? Как! И сюда нужен пропуск? За один день все изменилось. В Смольном установилась дисциплина. Пока выяснялось, что к чему, мы с Ридом потеряли друг друга.

В конце концов меня впустили по паспорту. Но когда дело дошло до пропуска на фронт, куда шли красногвардейцы драться с казаками, все осложнилось. Смольный вдруг стал образцом порядка. Меня посылали от одного комиссара к другому, все выше и выше, пока неожиданно я не очутился лицом к лицу с Лениным. Стоя перед ним со всеми своими бумагами, я думал, что мне необыкновенно повезло. Ленин быстро просмотрел рекомендательные письма, подписанные Морисом Хилквитом * и Камилем Гюисмансом **, и бросил на меня вопросительный взгляд. Их имена казались мне респектабельными. Ленину, очевидно, нет. Как я писал в своей книге о Ленине, он вернул мне бумаги с таким видом, будто это были письма от секретарей каких-нибудь местных клубов, и ответил одним словом: «Нет».

Не помню, где мы снова встретились с Ридом и что произошло с ним за это время. Помню только, что я бегал по всему Смольному, тщетно пытаясь найти кого-нибудь из знакомых, кто мог бы поговорить о нас с Лениным. На следующий день мы снова пришли к Смольному, с твердым решением любым путем присоединиться к формирующимся здесь силам красногвардейцев. У подъезда стоял автомобиль, отправляющийся на фронт. В него садились Антонов-Овсеенко и матрос Дыбенко ***. Стоявший с нами Гамберг преспокойно полез в машину следом за ними и жестом пригласил нас сделать то же самое. Антонов попытался было протестовать, но Гамберг объяснил ему, как важно, чтобы два американских корреспондента увидели все своими глазами и рассказали миру правду о героизме рабочих, защищающих революцию. Антонов вздохнул и согласился. Перед лицом всех тех проблем, которые легли на его плечи — Антонов только что был назначен главнокомандующим всеми войсками Российской Республики,— он, видимо, решил не обременять себя еще одной, которая пока заключалась лишь в том, что в старом, видавшем виды автомобиле стало еще тесней. Не возражал и Дыбенко — комиссар военно-морских сил. Тогда ему было двадцать восемь лет и выглядел он довольно эффектно: темные вьющиеся волосы, сдвинутая на затылок каракулевая папаха, короткая подстриженная веером бородка и закрученные кверху усы.

Мы, конечно, не спешили обнародовать тот факт, что после ленинского «нет» нам с помощью Гамберга удалось все-таки попасть на фронт — и не просто с красногвардейцами, а с главнокомандующими армией и флотом Республики. Учитывая все, что мы слышали о «железной руке» Ленина, мы особенно тщательно скрывали наших «пособников». Ведь тогда мы еще не знали Ленина. Наши друзья большевики рассказывали, что в принципиальных вопросах Ленин тверд и неприми-

* Морис Хилквит (1869—1933) — американский социалист, по профессии адвокат. Первоначально примыкал к марксизму. Затем скатился к реформизму и оппортунизму.

** Камиль Гюисманс (род. в 1871 г.) — один из старейших деятелей бельгийского рабочего движения, профессор филологии, журналист. Возглавлял Международное Социалистическое бюро II Интернационала.

*** Дыбенко П. Е. (1889—1938) — советский военный и государственный деятель. Большевик с 1912 года. Активный участник Октябрьской революции. В 1917 году председатель Центробалта. Входил в состав первого Советского правительства в качестве члена Комитета по военным и морским делам.

рим. Нам еще предстояло узнать, какая это была многосторонняя личность, понять, что простота и прямота не отрицают сложности. Мы рассуждали так: «Ленин вводит железную дисциплину. Значит, он будет непреклонен даже в мелочах». Многому нам пришлось потом научиться. А тогда мы решили быть предельно осторожными. Он сказал «нет», несмотря на мои рекомендательные письма. Значит, надо постараться, чтобы вокруг нашей поездки было поменьше шума. Главное, мы попали на фронт! Рид вложил рассказ о поездке в уста «одного русского знакомого», а про нас написал, что мы поехали на фронт поездом...

■

...Дыбенко вспомнил, что ничего не ел и не пил со вчерашнего утра, то есть с самого Гельсингфорса. Антонов согласился остановить машину около ближайшего трактира или продовольственного магазина. Шофер зашел в какую-то лавку на Суворовском проспекте и вскоре вернулся с хлебом и колбасой. Но хозяину надо было заплатить. И тут оказалось, что ни у того, ни у другого комиссара в карманах не было ни копейки. Заплатил кто-то из нас, скорее всего Гамберг, которого некоторое время назад взял к себе в помощники Реймонд Робинс.

...Мы уже почти выехали из города, когда наш автомобиль вдруг сломался. Дыбенко остановил приближавшуюся к нам машину с итальянским флажком. Был ли ее владелец действительно итальянским консулом, как он утверждал, претендуя на дипломатическую неприкосновенность, или повесил флажок для прикрытия, что было в те дни довольно распространенной уловкой, мы так и не узнали. Выяснять нашим комиссарам было некогда. Сначала иностранца вежливо попросили уступить свою машину на время и взять вместо нее нашу, как только ее починят — Дыбенко не моргнув глазом заявил, что это будет очень скоро,— а когда владелец отказался, то именем революции машину просто отобрали. Мы сели в нее и поехали дальше. По дороге на Гатчину непрерывным потоком двигались группы вооруженных рабочих и солдат (матросы вот-вот должны были подойти, говорил Дыбенко). Ни регулярных воинских частей, ни походного марша мы не увидели. Люди шли без строя, тяжело хлюпая по грязи сапогами, башмаками или еще чем-то, что трудно было даже назвать обувью. Но странное дело, эта сугубо нерегулярная армия вызывала любые чувства, кроме чувства жалости. По мере того как мы приближались к фронту, на дороге становилось все теснее, но одновременно росла тревога командующих, и в особенности Антонова. Было похоже, что этими разрозненными отрядами рабочих и солдат никто не командует. Время от времени Дыбенко и Антонов останавливали автомобиль и спрашивали идущих: «Кто у вас командир?» На этот вопрос никто не мог ответить, а если и знали, то это всегда оказывался один из их же товарищей, избранный на месте только для их маленькой группы. И тем не менее эти люди внушали невольное уважение. Плохо, во что попало одетые рабочие, с допотопными ружьями за плечами и с жестяными чайниками, громыхающими у них на спинах вместе с боеприпасами, выглядели весьма решительно. Они шли на фронт по собственной воле, так же как и шагающие рядом с ними солдаты, которые несмотря на непролазную грязь сохраняли равнение и строй.

...В любой революции определенную роль играют случайности и непредвиденные обстоятельства. На Джона Рида и на меня особое впечатление произвел эпизод, который Дыбенко в своих воспоминаниях опустил. Этот эпизод чрезвычайно характерен для тех дней, когда человеческая воля должна была преодолевать неопытность, беспорядок и всякого рода нехватки.

Между Нарвской заставой и Пулковом мы остановились у линии обороны, которую держал на краю города большой, в несколько сот человек отряд петроградских рабочих. Они заканчивали рытье окопов, и кое-кто уже готовил чай на костре. Все были заняты делом и если и нервничали, то со стороны это не было заметно. Антонов спросил командира, и на этот раз нам немедленно показали на молодого красногвардейца, который сказал, что настроение в отряде отличное, боевая позиция, которую они выбрали, наилучшим образом отвечает поставленной перед ними задаче — не пропустить казаков.

— Все готово к отпору. Пусть только сунутся! Есть, правда, одна загвоздка,— добавил он извиняющимся тоном.— Винтовок у нас хватает, а вот боеприпасов нет совсем.

Антонов поспешил заверить его, что в Смольном и в Петропавловской крепости боеприпасы — в изобилии и, кроме того, с военных заводов непрерывно поступают новые партии.

— Я вам сейчас выпишу ордер,— сказал он и полез в один карман, потом обыскал все остальные карманы и наконец, улыбнувшись, обратился к нам: — Найдется ли у кого-нибудь клочок бумаги?

У Дыбенко не оказалось. Мы с Ридом вытащили наши потрепанные блокноты и начали тщательно их перелистывать в поисках чистой странички. Между тем Гамберг изящным жестом достал свой блокнот, вырвал листок и дал Антонову.

— И карандаш, пожалуйста, товарищ,— попросил Антонов,— у меня, кажется, нет с собой.

■

Не буду повторять рассказ о том, что мы видели в Царском Селе и его окрестностях. Я уже писал об этом и, в частности, о нашем появлении в штабе белых в огромном Екатерининском дворце. Подчеркнуто вежливые офицеры были слегка ошарашены, увидев старые большевистские пропуска, с которыми мы во время штурма прорвались в Зимний дворец. Нам сказали, что, когда придет Керенский, за жизнь обладателей этих пропусков никто и ломаного гроша не даст. Поэтому нам предложили переночевать в офицерской столовой, а рано утром явиться за новыми пропусками. Нет, они не знают, когда начнутся новые бои. Казаки где-то поблизости. Офицер в чине полковника с грустью признал, что понятия не имеет, чем все это кончится. Гарнизон разделился, и сегодня после боя многие части ушли, захватив с собой большое количество артиллерии. А те, что остались, сделали это не ради Керенского — он, например, не сторонник Керенского, хотя большинство офицеров за него. «Наше положение исключительно трудное»,— покачал головой полковник.

Значит, не только защитники революции испытывали трудности и неуверенность в исходе борьбы. Там не хватало офицеров, а здесь в войсках Керенского их было полно, но не было солдат, которыми они могли бы командовать.

В ту же ночь мы решили вернуться в Петроград. Полковник послал своего денщика проводить нас до станции. На этот раз мы действительно ехали поездом. В городе все было спокойно. Однако это спокойствие длилось недолго.

■

Тем временем контрреволюция начала испытывать прочность нового строя. Но она не нашла никакой поддержки. Почему это было так, почему уже через несколько дней отряды рабочих, солдат и матросов победоносно шествовали обратно в Петроград, до сих пор остается для

меня тайной. Антонов без бумаги и карандаша, голодный Дыбенко без копейки денег, машина, сломавшаяся по дороге на фронт, куда они ехали, чтобы организовать битву, в которой рабочая армия без командиров должна была разгромить сильного и жестокого врага,— все это было типичным для революции, и тем, кому она была дорога, все это казалось такой же неотъемлемой частью ее, как и первый выстрел «Авроры».

Потом, когда я ближе познакомился с Антоновым, он рассказал, что, вернувшись в Петроград в ту же субботнюю ночь 28 октября, он сделал отчет о поездке на заседании Военно-революционного комитета и ответил на многочисленные вопросы Ленина. К концу заседания Антонов находился в таком состоянии, что о возвращении на фронт не могло быть и речи. Его пришлось немедленно уложить спать.

Рано утром следующего дня Антонов снова был на ногах, но вместо того, чтобы командовать вооруженными силами, он оказался моим товарищем по заключению. Это был первый (и в данном случае последний) день контрреволюционного мятежа в Петрограде. В воскресенье 29 октября мы с Бесси Битти попали в плен к юнкерам, захватившим телефонную станцию. Как и полагается журналистам, мы даже в этих обстоятельствах проявляли повышенный интерес к закрытым дверям. За одной из таких дверей я и встретил Антонова. Ничего удивительного в этом не было: в Петрограде тогда все казалось возможным.

Что же произошло ночью? Как мы потом узнали, ночью двадцать юнкеров, переодетых красногвардейцами, под видом смены караула явились на телефонную станцию. Они назвали правильный пароль, и часовые, охранявшие станцию, спокойно поставили винтовки в козлы, а когда повернулись, чтобы уйти, их встретили направленные в грудь револьверы. Сопротивляться с пустыми руками было бессмысленно. Всех арестованных заперли где-то внутри здания.

Утром сцена с переодеванием повторилась в «Военном отеле». Другая группа юнкеров, предъявив поддельные документы с синей печатью Военно-революционного комитета, обезоружила часовых и посадила их под замок в подвал. Как я уже сказал, отель находился в двух шагах от телефонной станции, которая, я тому свидетель, была захвачена раньше отеля.

Когда я подошел к станции, юнкера поспешно возводили нечто вроде баррикады. Командовавший ими французский офицер спросил, что я здесь делаю. Показав свой паспорт, я небрежно ответил, что являюсь американским корреспондентом, сюда «заглянул» по дороге. Помню, тогда же я подумал, а что, если самым невинным тоном задать ему тот же вопрос, но вовремя удержался, так как именно в этот момент на телефонную станцию «заглянула» Бесси Битти. Это уж было слишком. Офицер сказал, что здесь не светская гостиная, и приказал отправить нас наверх, строго-настрого запретив подпускать к телефону. Вскоре послышались выстрелы, свист пуль, грохот. Красногвардейцы и матросы, окружив здание, стреляли с соседних крыш, из окон напротив, с чердака и из-за колонн.

Как попали туда мы с Бесси Битти, я уже объяснил. Но как мог попасть в эту переделку комиссар вооруженных сил и почему именно в это пасмурное воскресное утро он оказался на телефонной станции? Как бы там ни было, когда я открыл ту дверь наверху и увидел перед собой Антонова, он был совершенно спокоен. Ни досады, ни раздражения я не заметил. Насколько я помню, он даже не испытывал смущения от нелепости ситуации, в которую попал.

Подробности контрреволюционного мятежа не представляют сейчас никакого интереса. Я останавливаюсь на этом эпизоде лишь для то-

го, чтобы дополнить портрет Антонова, типичного в то время молодого руководителя-большевика. Подобно Ленину, молодые большевики везде чувствовали себя прежде всего представителями партии. Именно в этом была их исключительность. В основе их этики лежал принцип коллективизма. Они действовали коллективно и подчинялись коллективному разуму партии, но это ни на йоту не умаляло свободы их личности.

По-разному можно писать о революции. Одни изображают дело так, будто ею управляла группа выдающихся деятелей, хорошо знающих свое дело, другие пишут, что революция вообще представляла собой серию разрозненных событий и что решающую роль в ее победе сыграло стечение случайных обстоятельств. И та и другая версия ложные. Без организации и плана революция быстро бы захлебнулась или закончилась страшной резней и в конечном счете победой реакции. Но и элемент случайности нельзя полностью игнорировать.

Размышляя теперь о прошлом, я бы сказал, что тогда, на телефонной станции, Антонов обнаружил весьма ценные для революционера качества. Каковы бы ни были его личные свойства характера и степень эмоциональности, он ни разу на протяжении всего эпизода не впадал в пессимизм и не проявлял излишнего оптимизма...

Он вел себя тогда почти как флегматик. Реакция на мое появление была у него достаточно быстрая, но никакого удивления он при этом не выразил. Своим поведением и бесстрастным лицом он напоминал опытного профсоюзного деятеля, ведущего переговоры с хозяином о новом трудовом соглашении. Возможно, конечно, что после бурных событий последних дней его уже ничем нельзя было удивить. Однако скорее всего дело было в том, что обладатель этой экстравагантной рыжей шевелюры был человеком быстрого, хорошо организованного и — самое главное — дисциплинированного ума. Каково бы ни было его прошлое, он выработал в себе эту внешнюю бесстрастность, и она всегда оказывала ему добрую услугу. Помню, как он смотрел поверх очков на молоденьких юнкеров. Этот взгляд, суровый и проницательный, на меня, например, произвел довольно сильное впечатление.

Нельзя утверждать, что Антонов попал туда из-за своей неосмотрительности. Но можно с уверенностью сказать, что к своей личной безопасности он относился недостаточно серьезно. В те дни в Петрограде время измерялось часами и минутами. Когда мы уезжали в Гатчину, все было спокойно. Внешне Петроград выглядел почти мирным городом. Ходили трамваи, работали извозчики, значительно уменьшилось количество ограблений. Здание министерства иностранных дел было пусто — чиновники всех рангов демонстративно оставили службу, когда от них потребовали передать секретные договоры, которые, как обещал Ленин, большевики собирались опубликовать в полном виде. Не выходили на работу и банковские служащие. Однако все здания государственных учреждений оставались в целости и сохранности, хотя поставленный у их дверей караул был скорее чисто условным. Так было два дня назад. Теперь самые непримиримые силы реакции, замышлявшие заговор против революции, решили выступить открыто. Возглавили заговор «Комитет спасения» и «Совет республики» при тайной поддержке многих иностранных дипломатов, которые не могли примириться с победой большевиков. Готовилось вооруженное восстание. Для этой цели привлекли юнкеров и кадетов, заверив их, что Краснов и Керенский вот-вот войдут в город и будут встречены «верными» частями гарнизона.

По плану заговорщиков, к рассвету должны были быть захвачены все ключевые здания. По счастливой случайности и благодаря бдительности одного советского работника накануне мятежа этот план вместе с картой, на которой были отмечены основные цели удара и расположение резервов, стал известен Советам. Для разоружения юнкеров к Пав-

ловскому и Владимирскому военным училищам послали группу солдат Химического батальона знаменитого гренадерского полка. (Во Владимирском училище юнкера оказали упорное сопротивление, что привело к значительным жертвам.) Однако телефонная станция к тому времени, когда Антонов ехал в своем автомобиле по Морской, находилась в руках юнкеров. В баррикаде, построенной поперек улицы, они оставили свободное место, и только некоторым автомобилям и экипажам был разрешен проезд. Легко представить радость безбородых юнцов, когда, задержав одну из машин, они на одну треть ослабили руководство Военно-революционного комитета. Но даже если бы весь комитет попал к ним в руки, ничего бы не изменилось, так как в действие вступили бы инстинкт самоорганизации русских масс и дисциплинированность большевистских кадров. Это уже имело место в случае с Зимним дворцом, когда победа была одержана несмотря на все неувязки и промахи. В этом смысле механизм защиты Октябрьской революции как бы срабатывал сам собой. Кроме того, теперь все военные операции находились под контролем Ленина. Ему больше не нужно было писать письма из подполья и тайно встречаться с горсткой надежных товарищей.

■

Однако подобные вещи происходили и при Ленине. Обстоятельства ареста Антонова, направлявшегося к телефонной станции, чтобы возглавить бой с юнкерами, быть может, и покажутся трагикомичными, но они в этом отношении немногим отличались от других эпизодов этой величайшей революции, про которые я узнал позднее. И это составляло часть волшебства. Нелепые в своей элементарности проблемы представлялись временами абсолютно неразрешимыми, но в конце концов все разрешалось. Этот «микроэпос» революции делал ее еще дороже для меня. К такому «микроэпосу» относится и эпизод в Петропавловской крепости в день штурма Зимнего. В нем, как в зеркале, отразился характер тех мелких проблем, которые для людей, ответственных за штурм, переросли в весьма крупные. Об этом эпизоде я узнал позже и понял, почему тогда в Зимнем дворце, во время ареста министров, Антонов выглядел таким «взмыленным» и растерзанным.

По плану Петропавловская крепость была оплотом штурмующих сил, главным звеном, связывающим сухопутные части с крейсером «Аврора», откуда Антонов отдавал приказания. Предполагалось, что, когда все силы атакующих—революционные войска, расположенные на Миллионной улице и Невском проспекте, «Аврора» и ее главное орудие, а также сама Петропавловская крепость со своими пушками — будут готовы к штурму, на флагшток крепости поднимут красный сигнальный фонарь. По этому сигналу «Аврора» откроет огонь — сначала холостым выстрелом в надежде, что министры примут посланный им ультиматум и сдадутся без боя. Если ультиматум будет отклонен, пушки Петропавловской крепости должны ударить по дворцу боевыми снарядами, если же и после этого министры не поднимут белый флаг, обстрел Зимнего начнет и «Аврора».

Однако пушки, выглядевшие такими грозными на парапетах крепости, оказались просто декорацией. На арсенальном дворе нашли несколько трехдюймовых орудий, вытащили их из крепости и спрятали за мусорные кучи, а когда стемнело, установили на небольшом возвышении между стеной и Обводным каналом. После того как пушки установили и поднесли к ним снаряды, оказалось, что нет надежных артиллеристов. Пришлось обращаться в артиллерийский дивизион крепости, который не сочувствовал большевикам. Пригрозив суровым наказанием за невыполнение приказа, от дивизиона потребовали

выделить небольшую команду для обслуживания пушек. Артиллеристы осмотрели орудия и заявили, что стрелять из них нельзя: в замках нет смазки и снаряды разорвутся в стволах. Послали искать надежного человека, разбирающегося в артиллерийских орудиях. Ультиматум был послан во дворец прежде, чем пушки смогли выстрелить.

Затем обнаружили, что во всей крепости нет ни одного красного фонаря! После отчаянных поисков, когда уже давно прошел назначенный для штурма срок (девять часов), фонарь наконец где-то раздобыли. Но чтобы его увидели с «Авроры», надо было водрузить фонарь на флагшток. Первые попытки не увенчались успехом.

Так обстояли дела в Петропавловской крепости, когда туда с «Авроры» прибыл взбешенный Антонов. Комендант крепости Благонравов * рассказал ему о всех неприятностях, и Антонов вместе с ним отправился к пушкам, чтобы лично осмотреть их: «нейтральные» артиллеристы могли ведь и саботировать приказ. Недавно прошел дождь, оставив во дворе огромные лужи. Ночь стояла безлунная, Антонов — близорук, к тому же он очень спешил, поэтому бежал, не разбирая дороги, поднимая вокруг себя брызги грязи, поминутно спотыкаясь в кромешной тьме лабиринтов и закоулков старинной крепости-тюрьмы. Когда они наконец выбрались на набережную, со стороны Зимнего дворца послышался сильный ружейный огонь, время от времени оттуда доносились пулеметные очереди. Два комиссара подошли к пушкам и внимательно их осмотрели. Артиллеристы оказались правы. Стволы заржавели, замки не смазаны. Но приход Антонова все же был не напрасным. Вернувшись на «Аврору», он нашел трех матросов, опытных артиллеристов, которые согласились, рискуя жизнью, выстрелить из этих старых пушек.

Так осуществлялось в те дни чудо революции. Можно ли было ожидать, что потом все пойдет гладко?

■

Антонов описал растерянность и неразбериху на телефонной станции, когда град пуль, обрушившись на здание, возвестил о начале большевистской атаки. Юнкера не знали, что делать и куда деваться.

«Грохот все нарастал, трещали выстрелы. Неожиданно открылась дверь, и я увидел перед собой двух дрожащих от страха юнкеров и довольно хорошо известную фигуру Вильямса, корреспондента американской социалистической газеты». (Это было сильно преувеличено: «Нью-Йорк ивнинг пост» была явно капиталистической газетой.) Антонов продолжает: «Я выступаю в качестве посредника с одним предложением,— сказал Вильямс.— Юнкера хотят вас освободить при условии, что им будет гарантирована жизнь.

— Хорошо, я отвечаю за их безопасность, пусть сложат оружие,— сказал я...»

Далее Антонов вспоминает, как сквозь взломанную дверь он увидел внизу «вооруженную группу людей, которых возглавлял Старк ** с пулеметом». Потом у Антонова следует лаконическая запись событий: «Я призвал к тишине и приказал увести арестованных... Люди недовольно ворчали, угрожая побелевшим от страха юнкерам, но потом успокоились, и я беспрепятственно увел арестованных».

На самом деле все было не так просто. Первые слова Антонова потонули в шуме и криках матросов и красногвардейцев, которые требовали возмездия.

---

* Благонравов Г. И. (1895—1943) — прапорщик, большевик с 1917 года, входил в состав Военной организации при ЦК РСДРП(б).

** Старк Л. Н.— большевик с 1905 года. В 1917 году вел революционную работу среди моряков Балтийского флота, член Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), один из редакторов большевистской газеты «Волна».

Среди юнкеров я заметил несколько знакомых лиц — мы видели их в Зимнем, когда бродили по его залам после бегства Керенского. Тогда они клялись умереть за Временное правительство. Теперь им давали эту возможность. Но они, однако, не спешили ею воспользоваться, что делало честь их здравому смыслу.

Бесси Битти как-то доказывала мне, что юнкера еще почти дети и что их втянули в эту авантюру бывшие царские офицеры. Я тогда ответил, что во время штурма Зимнего дворца большевики делали все возможное, чтобы избежать кровопролития. Тем не менее пять матросов и один солдат были убиты, многие из атакующих ранены, а со стороны защитников дворца не пострадал ни один человек. Когда же красногвардейцы и матросы ворвались наконец во дворец, то у них никто не спросил совета, как быть с юнкерами. Потому что, если бы спросили, юнкеров не только бы разоружили, но и посадили под арест. (Чудновский сначала даже предлагал отпустить юнкеров с оружием. Этого Антонов уже не смог перенести: «До каких пор будет простираться наше всепрощение? — возмутился он.— Если схватим Керенского, нам останется только приколоть ему медаль на грудь!» Чудновский сдался.) Юнкеров разоружили, прочли им нотацию и отпустили восвояси под честное слово. И вот как они воспользовались свободой!

Антонов старался теперь выиграть время и, следуя большевистской политике, прилагал все силы к тому, чтобы не допустить ненужного насилия. Будь я на его месте, я бы подумал, что моя собственная жизнь висит на волоске. А он выглядел спокойным и уверенным в себе, казалось, он действовал автоматически.

— Их нельзя трогать,— сказал он ровным, призывающим к благоразумию тоном.— Они наши пленники. Я обещал им жизнь.

— А мы не обещали,— раздались гневные возгласы.

— Мы должны сдать их в трибунал, в народный суд,— убеждал Антонов.

— А трибунал их освободит! Они хотели убить нас. И мы их расстреляем! — отвечали красногвардейцы. Даже после этого Антонов продолжал вести себя так, будто был абсолютно уверен в торжестве разума. Он верил в революционную дисциплину, к которой их призывал. У меня такой уверенности не было, и, так как не в моем характере оставаться в подобные моменты пассивным наблюдателем, я решил действовать. Оттеснив Антонова в сторону, я оказался наверху лестничного марша перед толпой матросов и красногвардейцев. Здесь я должен сделать небольшое отступление. Дело в том, что дальше рассказ будет расходиться с версией этого эпизода, которую я давал раньше и которая возникла помимо моей воли. Случилось так, что в какой-то момент на телефонную станцию, не знаю, по чьей инициативе, явилась перепуганная делегация Городской думы. Страсти к тому времени уже улеглись, и делегация, вернувшись в думу, публично заявила, что вместе с Антоновым я спас положение и предотвратил кровопролитие. Это сообщение было немедленно подхвачено эсеровской газетой «Воля народа», которая 30 октября опубликовала цветистый отчет о событиях на телефонной станции. Перед такой сенсацией не устояло даже агентство Ассошиэйтед Пресс. Вот почему, когда я писал в те годы книгу, я чувствовал, что, во-первых, должен был в какой-то мере вести себя соответственно этой героической легенде; во-вторых, даже если бы я рассказал правду, мне бы все равно никто не поверил; и, в-третьих, мне не хотелось портить портрет храбрых и мужественных матросов и красногвардейцев, которые, рискуя жизнью, сокрушили баррикады и ворвались в здание телефонной станции. Разве я мог тогда рассказать, что́ они кричали Антонову в ответ на его призывы о дисциплине, а потом изобразить

дело так, будто мне удалось размягчить их сердца чтением стихов по-английски. И это в то время, как ни один из них не понял ни слова из того, что я говорил, а если бы даже и понял, то был бы приведен в неописуемое удивление полным несоответствием между моим поведением и возникшей ситуацией.

Потому я и написал, что, обращаясь к матросам и красногвардейцам, я напомнил им о взорах всего человечества, устремленных сейчас на них, и тому подобное. Об этой речи, которую я никогда не произносил, даже Бесси Битти написала пышный абзац.

На самом деле все было иначе. Когда я встал там, на лестнице, перед возбужденной толпой матросов и красногвардейцев, все, что я так тщательно учил, занимаясь русским языком, все правила грамматики, которые с таким терпением разъяснял мне Янышев, все уроки Воскова, читавшего со мной рассказы и стихи,— все это сразу же вылетело у меня из головы. Но это было еще не самое худшее. Гораздо страшнее оказалось то, что я ничего не соображал даже по-английски. Я люблю читать стихи наизусть и во всякой ситуации могу вспомнить хотя бы одно из сотни стихотворений. В данном случае память сработала рефлекторно, и выбор ее оказался для меня совершенно неожиданным. Я начал читать, не понимая даже, почему произношу именно эти строки. Голос у меня был громкий, и читал я безо всяких пауз.

Вам ли жаловаться, вам, кто кормит мир,
Кто одевает мир,
Кто строит мир?
Вам ли, кто сами есть мир,
Жаловаться на то, что может сделать мир?
Ведь с этого мгновения
Вы сами власть
И мир пусть следует за вами!

Это было стихотворение Шарлотты Перкинс Гильман. Для матросов и красногвардейцев оно звучало сплошной абракадаброй, но я читал с таким пылом и так энергично размахивал руками, что они почувствовали: человек чем-то очень взволнован. Мой монолог на какой-то момент прервал их массовую сцену, и этого было достаточно, чтобы они отрезвели. Инстинкт толпы, который еще немного — и взял бы верх, был парализован.

Всему, однако, бывают пределы. Прежде чем я дошел до второй строфы и задолго до третьей (в которой были слова: «Встаньте все, как один! Пусть торжествует справедливость! Верьте, дерзайте и творите!»), терпение моих слушателей лопнуло. Раздались крики «Долой!» Это слово я знал давно. Стольких ораторов оно при мне сбросило с петроградских трибун, не дав им закончить речи!

Описывая эпизод на телефонной станции, Бесси Битти вспоминает, что один из моряков узнал меня и крикнул: «Американский товарищ!» Вполне возможно. Ведь всего месяц назад нас по-царски принимал Центробалт. Но я слышал только крики «Долой!» Потом Антонов стал спускаться вниз по лестнице. Он шел так уверенно, что толпа перед ним расступилась. Следом за Антоновым шел конвой с арестованными. Гуськом — каждый юнкер между двумя конвоирами — они покинули здание.

■

Тот вечер Бесси Битти и я провели с Петерсом. Бои вокруг Гатчины временно утихли, но «Ленин не собирается рисковать»,—сказал нам Петерс. На фронте вчерашний хаос уступил место порядку, войска Советов закрепляют свои позиции. Ленин лично звонил в Гельсингфорс, и по его просьбе в Петроград прибыли крейсер «Олег», броненосец «Рес-

публика» и эсминец «Победитель». Сегодня днем (29 октября) они встали на якорь у Николаевского моста. На всякий случай.

— Он звонил,— продолжал Петерс,— через два дня после того, как в своей речи перед делегатами съезда Советов говорил об усталости всех армий мира. А теперь он просил срочно выслать подкрепление для защиты революции. Нелегкая это была задача.

— А что он говорил товарищам матросам на другом конце провода? Уговаривал их? Объяснял? Или как? — спросила Бесси.

— Нет, он просто был откровенен,— ответил Петерс.

— Неужели он рассказал о хаосе на фронте, о нехватке обученных людей? — спросил я.— Сказал, что они сначала отступили?

— Именно.— Петерс очень устал за эти дни и говорил несколько резче обычного: — Он рассказал всю правду — даже о том, как части, посланные остановить казаков Краснова—Керенского, отступили при первых же выстрелах.

— Он очень ругал эти части? Не пытался ли он, ну, что ли, сыграть на самолюбии матросов? — продолжал я допрашивать Петерса.— Мне хочется прояснить для себя портрет Ленина.

— Нет, он просто объяснил, что случилось, сказал, что некоторые петроградские части устали. Он знал, что матросы откликнутся на его просьбы, поэтому перешел к практическим вопросам. Просил прийти со своим продовольствием, а если имеются лишние винтовки и боеприпасы, тоже захватить с собой, и как можно больше.

— В самом деле так плохо? — спросила Бесси.

— Не так уж плохо, но и не очень хорошо,— ответил Петерс.— Просто никто еще не брал власть, опираясь с первого же дня на рабочего человека. Все мы люди. Подвойский и Чудновский были, например, вполне удовлетворены тем, как прошло формирование революционных войск — моральный дух красногвардейцев был очень высок. Но Ленин убедил их, что, если не хватает оружия и организованности, то никакой революционный энтузиазм не поможет.

Ленин был страшно возмущен, когда узнал, что большая часть солдат петроградского гарнизона, уже привыкших не выполнять приказы, с которыми были не согласны, не стали слушать ни Крыленко, ни Подвойского, когда те обратились к ним с призывом отправиться на фронт для борьбы с Керенским. Полки должны отправиться на фронт **немедленно,** потребовал Ленин и добавил, что Подвойский будет отвечать перед Центральным Комитетом за каждую минуту задержки! Обратившись ко мне, Петерс сказал:

— Вы, я слышал, собираетесь еще раз съездить на фронт? Ну так будьте уверены, эти полки уже будут там!

— Ленин кажется вездесущим, во все вникает лично, спрашивает, требует, где надо угрожает.

— Он, наверно, очень нервный,— сказала Бесси.

Петерс, питавший некоторую слабость к нашему маленькому репортеру, расхохотался, лукаво посмотрел ей в глаза и покачал головой:

— Как же вы мало знаете Ленина. Это одно из тех качеств, которые ему абсолютно не свойственны. Он бывает здесь и там, везде, входит без предупреждения, может даже отругать вас. Но он никогда не нервничает. Я не могу этого объяснить как следует. Ну вот вам пример. Подвойский обиделся. Он решил, что Ленин ему не доверяет, не считает его способным самостоятельно делать свое дело. И он сказал Ленину: «Я подаю в отставку!» А Ленин на это ответил: «Тогда вас придется расстрелять. Вы не можете уйти в отставку». Через пять минут все было забыто, он уже улыбался. Подвойский, конечно, остался. Как хотите, так и понимайте. Сам я при этом не присутствовал. Мне только рассказывали.

Думаю, Ленин понял, что Подвойский говорит это не всерьез и счел себя вправе ответить тем же.— Уже на улице Петерс продолжал: — Мне кажется, никто, кроме Ленина, еще не понимает, **какие** трудности ждут нас впереди. И в то же время ни у кого нет такой уверенности в победе народа, как у него. Не могу этого объяснить.

Не зная, проживут ли партия, правительство и сама революция дольше тех первых дней, Ленин оставался спокоен даже тогда, когда речь шла о спасении революции, жизнь которой висела на волоске. Но он знал, что эта революция — дело народное, дело рабочих и крестьян, поэтому он мог улыбаться.

Интернационализм в январе

Революционный пыл не остывал. Вера в пролетариат других стран, которую я впервые ощутил еще в июне, стала неотъемлемой частью революции. Этой верой были охвачены не только сознательные революционеры, но и самые широкие массы народа. Даже «умеренные» вынуждены были с ней считаться, иначе чем объяснить тот факт, что не кто иной, как председатель Первого Всероссийского съезда Советов Чхеидзе обратился ко мне с просьбой выступить на съезде? И разве не этой горячей верой в рабочих всех стран можно объяснить те бесчисленные приглашения, которые буквально сыпались на нас с Ридом в сентябре,— приглашения выступить на заводских и рабочих собраниях? «Мир без аннексий и контрибуций» — часть большевистской программы, открыто провозглашенной большевиками после «Апрельских тезисов» Ленина,— был теперь узаконен декретом о мире.

Однако в январе, когда казалось, что уверенность в поддержке пролетариата всего мира господствует среди большевиков сверху донизу, Ленин этой уверенности не разделял. Если в октябре он призывал к смелости, к «тройной смелости», то сейчас, по его мнению, настало время осторожности.

А между тем весь мир лихорадило. Не один монарх и не одна «либеральная» партия Запада, стоявшая в то время у власти, дрожали от страха: большевистская «зараза» легко могла перекинуться на их страны, на рабочие партии и союзы, настроенные до сих пор так патриотично. В Америке привлекли к суду редакторов журнала «Мэссиз» (и в их числе Джона Рида), одновременно поднялась истерическая кампания против «Индустриальных рабочих мира» и против иностранцев вообще. Все это было лишь прелюдией к антикоммунистическому «крестовому походу» 1919—1920 гг.

Внешне же дело выглядело так, будто американское правительство ни капли не озабочено угрозой большевизма. И хотя со своими знаменитыми «четырнадцатью пунктами» Вильсон обращался к конгрессу Соединенных Штатов, а не к Советскому правительству, он счел нужным особо остановиться на проходящих в Бресте мирных переговорах, и было совершенно ясно, что он рассматривает большевистских делегатов как законных представителей России.

Каковы бы ни были причины, побудившие Вильсона произнести эту сочувственную речь, она сама по себе доказывала, что многие положения «Апрельских тезисов» Ленина, начиная с определения мировой войны как «грабительской», попали в самую точку: все вещи были названы своими именами. А наглядным подтверждением тому и весьма чувствительным ударом явилась неслыханная до сих пор в истории встреча за линией германского фронта в маленьком сожженном городке, где со-

вершенно не искушенные в дипломатии рабочие, крестьяне и интеллигенты сели за стол переговоров с представителями германского верховного командования. Более того, благодаря последнему достижению тогдашней техники — радио — их выступления прозвучали на весь мир.

Именно выступлениям большевиков отдавал должное Вильсон, когда говорил, что речи делегатов в Бресте были «искренними» и «честными». Президент, который в 1916 году баллотировался на второй срок под лозунгом: «Он спас нас от войны»,— сказал конгрессу: «Это голос русского народа. Может показаться, что русские повергнуты ниц и беспомощны перед мрачной силой Германии, не знавшей до сих пор ни угрызений совести, ни жалости. Их силы, видимо, на исходе. Но душа их не покорилась. Они не уступят ни в принципах, ни на деле. Их концепция справедливости, гуманности, чести — того, что они считают для себя приемлемым,— была высказана с такой откровенностью, широтой взгляда, душевной щедростью и таким общечеловеческим пониманием, которые не могут не вызвать восхищения всех, кому дороги судьбы человечества... Поверят ли нам теперешние лидеры России или нет, но мы от всей души желаем и надеемся, чтобы открылся какой-нибудь способ, который дал бы нам почетное право помочь русскому народу осуществить его главную мечту о свободе, мире и порядке».

Нетрудно понять, почему в тот период так легко было поддаться любым иллюзиям. Они были распространены не только среди большинства советских лидеров, но, как я обнаружил шесть месяцев спустя во Владивостоке, проникли и в массы. Надо ли говорить, что от них не уберегпись двое американцев, которые хотя и считали себя сверхпроницательными, тем не менее не были лишены общих человеческих слабостей. По крайней мере я могу твердо сказать, что в то время лелеял всякого рода тщетные надежды, что Соединенные Штаты каким-либо путем пойдут на сближение с Советами. Эти надежды стали особенно радужными после одной беседы с Реймондом Робинсом. А встреча с военным атташе французского посольства Жаком Садулем (который, как Робинс, придерживался взглядов, чуждых его посольскому окружению) вселила в меня уверенность в возможность создания франко-американской Красной гвардии для вооруженного выступления против немцев. С другой стороны, на нас с Ридом огромное влияние оказывала та работа, которую мы выполняли. Изо дня в день мы призывали немецких братьев — рабочих и солдат — к восстанию, и нам наконец стало казаться, что они просто не могут поступить иначе.

Когда было разрешено массовое распространение «Четырнадцати пунктов» Вильсона, их стали печатать в той же типографии, где печаталась наша ежедневная газета на немецком языке. Листовки с «Четырнадцатью пунктами» грузились вместе с пачками этой газеты и отправлялись по одному адресу — на фронт. Наши простые безыскусные слова распространяли тем же способом, что и красивые слова президента-златоуста. (Кто мог тогда подумать, что эти красивые слова так и останутся словами?) Листовки и газеты разбрасывались над немецкими окопами или передавались солдатам в намеченных пунктах братания. Наша газета «Die Fackel» с 19 декабря (1 января) стала называться «Der Völkerfriede», и так как временное перемирие облегчило ее распространение, значение этой газеты сильно возросло.

Газета рассылалась также во все лагеря военнопленных на территории России. Карр пишет, что «до 10 (23) января 1918 года вышло тринадцать номеров «Der Völkerfriede»; после заключения Брестского мира газета прекратила свое существование». Я должен внести поправку. У меня сохранилось несколько разрозненных номеров «Der Völkerfriede», где над немецким названием напечатано мелким шрифтом русское--«Мир

народов». Последний номер датирован 11 (24) февраля 1918 года, но я совсем не уверен, что не было более поздних выпусков. Зато с другим утверждением Карра я полностью согласен. Он пишет: «В этих изданиях больше всего поражал интеллектуальный характер обращения к читателю, как будто предполагалось, что читатель знаком с основными положениями марксизма». В отношении газеты это утверждение абсолютно справедливо. Но мы с Ридом работали также над плакатами и листовками, которые по нашему настоянию были менее интеллектуальными, более наглядными, со множеством фотографий и очень простыми подписями к ним — такие издания легче находили путь к широким массам. Об их эффективности свидетельствовала реакция австро-венгерских военнопленных, которые заявляли, что в случае возобновления военных действий они повернут штыки против армии кайзера.

Рассказывая об этом периоде, многие исследователи цитируют знаменитую фразу генерала Гоффмана: «Сразу же после победы над большевиками мы потерпели от них поражение. Наша доблестная армия на восточном фронте заразилась большевизмом». Без ложной скромности можно сказать, что и мы сыграли в этом небольшую роль. Каждый день из Народного комиссариата иностранных дел отправлялось свыше полумиллиона газет на немецком, венгерском, польском, сербском, чешском языках, а иногда к этому добавлялись листовки на румынском, турецком, хорватском и других языках.

Широкое распространение речи Вильсона в России и в немецких войсках можно было рассматривать как определенный успех американцев. Оно имело также весьма интересные последствия — встречу Робинса и Эдгара Сиссона с Лениным. Встреча, устроенная Гамбергом, состоялась 29 декабря 1917 года (11 января 1918 года). Бывший сотрудник газеты «Чикаго трибюн» и журнала «Космополитэн» Сиссон был в то время петроградским представителем комитета общественной информации, созданного президентом Вильсоном во время войны.

Беседа представляла интерес и по другим причинам. Для Робинса это была первая встреча с Лениным (для Сиссона, кажется, единственная). Она обнаружила, что несмотря на некоторый скептицизм, Ленин был готов пойти Робинсу навстречу. Он оценил речь Вильсона как большой шаг вперед к установлению мира, сказал, что не возражает против ее распространения, и поинтересовался возможными практическими результатами речи. Судя по всему, Робинс и Сиссон уклонились от ответа на этот вопрос.

7 января Троцкий вернулся из Бреста с докладом о ходе переговоров. За два дня до этого генерал Гоффман положил на стол карту с обозначенной линией фронта и напомнил русской делегации, что «победоносные германские войска находятся на русской земле» и не намерены отходить от этой линии, пока Россия не произведет полной демобилизации. (По ту сторону фронта оставалась почти вся Польша, Литва, Белоруссия, половина Латвии.) По вопросу об Украине генерал занял уклончивую позицию: это, дескать, надо решать с Украинской (антибольшевистской) Радой. Выслушав отчет Троцкого, Ленин сразу же стал писать «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Уже на следующий день «Тезисы» обсуждались на заседании руководящих деятелей партии, однако в печати они появились лишь 24 февраля. (С 1 февраля был введен новый календарь и 1 февраля стало 14-м.) Только к 23 февраля Ленину удалось наконец завоевать большинство в Центральном Комитете. А до этого вокруг его тезисов и доводов существовало то, что он впоследствии охарактеризовал как «заговор молчания». Вполне естественно, что в тот период нас с Ридом, как и многих наших товарищей, раздирали противоречия и

колебания. Несмотря на усилия военной цензуры в газеты всего мира просачивались сообщения, свидетельствующие, что продолжение войны становилось одинаково ненавистным обеим воюющим сторонам.

Когда 16 октября 1917 года Ленин объяснял своим товарищам, почему создавшаяся в тот момент обстановка была наиболее благоприятной для захвата власти, он ссылался на восстание в германском военном флоте, которое давало основание полагать, что на стороне молодой советской республики будет вся пролетарская Европа. С тех пор признаки революционного кризиса множились, хотя еще и не достигли январских и февральских масштабов. По некоторым намекам наших друзей-большевиков, мы могли предположить, что Ленин пока не возражал против тактики затягивания брестских переговоров и выигрыша времени, но относился к этому скептически. По существу дела он был решительно не согласен с большинством руководителей партии. Ленин знал, что в скором времени жизнь неизбежно разобьет все иллюзии его товарищей.

А иллюзий было немало. Одной из них была надежда, что неспокойная обстановка в тылу вынудит германское верховное командование пойти на уступки по многим вопросам, поднятым в Бресте. Другой — предположение, что Вильсон порвет с Ллойд-Джорджем и признает Советское правительство независимо от Англии. Почти все были уверены, что Вильсон не допустит высадки японцев на Дальнем Востоке. Однако все эти иллюзии затмевала горячая вера в то, что Европа, и прежде всего Германия, находится накануне революции.

Кто мог тогда поверить, что если Советы отклонят германские условия и объявят «революционную» войну, немецкие рабочие и крестьяне будут выполнять приказы своих офицеров и стрелять в русских братьев.

Не было недостатка и в объективных обстоятельствах, которые служили пищей для всех этих иллюзий и тем самым придавали брестским переговорам особо драматический характер.

1 января меня пригласили выступать в Михайловском манеже. В тот день я впервые встретился с Лениным (если не считать короткого разговора, когда он отказал мне в пропуске на фронт). Я имел тогда весьма смутное представление о внутрипартийной борьбе по вопросу о Брестском договоре. Утром на завтраке в представительстве Красного Креста я с гордостью сообщил Робинсу, что должен буду произнести речь перед бойцами первой Социалистической армии.

Батальон броневиков — первенец организованной революционной армии — отправлялся на юг. С половины третьего начали собираться солдаты батальона, преимущественно бывшие красногвардейцы, то есть рабочие фабрик и заводов — молодые парни, некоторые еще вчерашние подростки, но были также и опытные, революционно сознательные солдаты. Электричества не было, и это огромное помещение обогревалось одной-единственной печкой, находящейся в самом дальнем углу. Чтобы согреться, люди топтались на месте, стуча ногами. Ждали Ленина. Никакой общей формы одежды не было, только кое-где виднелись винтовки, жестяные котелки да крестьянские котомки — вот и все снаряжение.

Кое-где на стенах висели кумачовые плакаты, но они не могли скрасить обстановку: в зале царили мрак и холод. Молодые лица выражали угрюмую решимость. Эти люди еще не знали, куда их пошлют, но были готовы идти куда угодно, чтобы сражаться с врагами революции. Два броневика, украшенные плакатами и свежими еловыми ветками, стояли перед входом в манеж, третий, украшенный таким же образом, вкатили внутрь, чтобы использовать в качестве трибуны. Остальные машины, тускло поблескивая серовато-коричневой броней, выстроились рядами по обе стороны длинного здания.

К четырем часам в зале стало совсем темно. Спели несколько революционных песен. Потом на броневик взобрались трое парней с балалайкой, бубном и гармошкой, откуда-то появились свечи. Чтобы занять время и согреться, люди образовали полукруг и, не снимая амуниции, начали плясать кто во что горазд. Ленина между тем все не было. Трижды звуки автомобильного гудка с улицы прерывали песни и пляски, все готовились приветствовать Ленина, но сигнал оказывался ложным. Наконец машина Ленина въехала в манеж. Самодеятельный оркестр спустился с броневика, отряд построился для приветствия. Было уже семь часов вечера. В честь Ленина прозвучало громкое «ура!», однако обычного энтузиазма не было. Не испытывая, видимо, никакого разочарования, Ленин быстро поднялся на броневик и начал говорить. Все пока идет хорошо, даже очень хорошо, сказал он, но следует всегда быть готовыми к любым неожиданностям. Потом он спокойно и беспристрастно обрисовал текущее положение, как он его понимал, и если он тогда еще не дал полного анализа обстановки, то зато ничего и не приукрашивал. Впрочем, Ленин никогда ничего не приукрашивал, и в этом была еще одна особенность его как руководителя. Он сказал своим слушателям, что им предстоит бой с империалистической буржуазией всех стран.

Я много раз слышал Ленина, и единственным выступлением, которое, казалось, не зажгло аудиторию, была его речь в Михайловском манеже. Я не понимал в то время — почему? Истинная причина оставалась для меня неясной и в 1919 году, поэтому в книге, которую я тогда выпустил, я пытался объяснить это сильным переутомлением Ленина. Оглядываясь теперь на то героическое время, я понимаю, что ждал от Ленина слов, к которым успели привыкнуть эти еще неоперившиеся птенцы новой армии. (Их впервые назвали не Красной гвардией, а Социалистической армией.) Я ожидал заверений, что международный пролетариат на подходе, громких фраз о том, что немецким генералам и дипломатам в Бресте приходится туго и они вынуждены будут уступить по вопросу самоопределения оккупированных стран, заявлений, что, хотя они, бойцы новой армии (тогда еще не носившей имени Красная Армия), отправляются на фронт, воевать им пока не придется, так как заключено перемирие, что их в скором времени ждут обратно, и тогда они смогут жить и трудиться, пользуясь славными плодами Октября.

Ничего похожего Ленин не говорил. К сожалению, мне не удалось найти официального текста этого выступления, если он вообще существует, а мои дневниковые записи оказались весьма скудными.

Я видел, что речь его не имеет успеха, а он не прилагает никаких усилий, чтобы изменить настроение аудитории. Я чувствовал только одно: я должен как-то исправить положение. Смешно сказать, но я пытался сделать за Ленина то, чего он не хотел делать сам. Когда Ленин спустился вниз, Подвойский сухим, сдержанным тоном — таким же, каким произносил свою речь Ленин,— объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.— Поднимаясь на огромный броневик, я лихорадочно думал, что же мне делать. Может, попробовать говорить по-русски? Хватит ли у меня смелости? Я уже семь месяцев жил в России. Как всякому валлийцу, мне легко давались иностранные языки, а к тому же в России тогда этот вопрос стоял так: выучить язык или погибнуть. В первые же дни я узнал два слова: «долой» и «да здравствует». С их помощью я мог выразить самое главное: «Долой старое! Да здравствует новое!» И все же должен признаться, что четыре года изучения греческого, шесть лет — латыни и год — древнееврейского почти ничем не могли мне помочь, особенно сейчас, в Михайловском манеже. Я стоял в нерешительности, с таким видом отчаяния, будто все это было для меня вопросом жизни или

смерти. Толпа выжидательно притихла. Заметив мое состояние, Ленин мягко сказал:

— Говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

Это предложение решило дело. Нельзя было не воспользоваться великолепным эффектом, который должен был произвести мой ответ:

— Нет,— храбро и, наверно, даже с некоторым вызовом заявил я,— буду говорить по-русски.

Ленин был в восторге. В его глазах появились веселые искорки, лицо осветилось лучиками морщинок, заиграло от еле сдерживаемого смеха и стало похожим на лицо доброго гнома — этому сходству не мешали ни высокий лоб, ни лысая голова. Он явно предвкушал удовольствие повеселиться за счет моего русского языка.

Я начал с нескольких избитых фраз, которые знал к тому времени наизусть. Вернувшись вечером домой, я записал их по-английски вместе с корявым русским подстрочником, поэтому теперь могу точно воспроизвести эти первые фразы своей речи:

— Да здравствует славная, непобедимая русская армия! Да здравствует единая и могучая Россия! — Потом, вспомнив «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона, я воскликнул: — Да здравствует прочный союз между Америкой и Россией!

Конечно, все это вызвало гром аплодисментов, но я понимал, что произнес лишь общие фразы. Мне хотелось сказать что-нибудь очень важное, а пока почему бы не занять слушателей шуткой? Уже не так бойко, но все же достаточно внятно я сказал примерно следующее: «Я, конечно, плохо говорю по-русски, причина тут одна: русский язык очень трудный. Вчера я обратился к извозчику по-русски, а он решил, что я говорю по-китайски. Даже его лошадь немного испугалась». В зале раздался хохот. Снизу до меня донесся громкий, заразительный смех Ленина. Только лицо Подвойского, как я заметил, оставалось серьезным.

А потом начались мои мучения. Я достиг своего предела в русском языке, но именно теперь мне надо было выразить самое важное. Я пытался сказать, как глубоко взволновала меня встреча с ними, молодыми новобранцами, только что покинувшими свои станки. По какому-то вдохновению или наитию (хотя я и знал о разногласиях в партии и в народе относительно сепаратного мира с Германией, полной ясности в этом вопросе у меня не было) я хотел показать им, что сознаю опасность, угрожающую революции и самому Петрограду. Слушали меня пока вежливо: как бы иностранец ни корежил их язык, русские всегда проявляют снисходительность. Больше того, когда я останавливался в поисках нужного слова, они награждали меня аплодисментами, и это давало мне возможность передохнуть. Но вот я подошел к кульминационной точке своей речи. Если дело дойдет до крайности, если придется принять бой, пусть они знают, что я...

Все взоры устремлены на меня. Зал затих. Мне вдруг стало жарко. И тут я почувствовал (не в последний, кстати, раз) острый взгляд Ленина и повернулся к нему.

— Какого слова вам недостает? — тихо спросил он. Лицо его больше не смеялось. Однако взглядом, в котором еще не потухло веселье, он ободрял меня и как бы просил продолжать.

— Enlist,— сказал я по-английски. (Он великолепно знал этот язык.)

— Вступить,— перевел он. Подхватив это слово, я сказал, что вступлю в Социалистическую Армию. Остальная часть речи ничего особенного собой не представляла, но теперь, испытывая затруднение, я поворачивался к Ленину, и он тут же подбрасывал необходимое русское слово.

Таким образом я смог закончить выступление без длинных неловких пауз.

Более или менее случайно я попал в самую точку — произнес именно те волшебные слова, которые массы хотели тогда услышать. Уже само мое присутствие являлось наглядным свидетельством популярного в те дни интернационализма. Оно поднимало их собственный революционный дух. Аплодисменты становились все громче, сливаясь с дружелюбным смехом, возникавшим всякий раз, когда я в изуродованном виде повторял подсказанные Лениным слова.

Этот американский товарищ-социалист (а в том, что он американец, сомневаться было невозможно), предложивший в случае необходимости вступить в их армию, сам того не подозревая, по-новому осветил для них возможности интернационализма, который был на устах у стольких ораторов того времени. Перед ними стоял человек и говорил не о том, что революция неуязвима для врага в лице германской армии, не о том, что немецкие братья никогда не нападут на социалистическую страну, беспомощную и призывающую все государства к миру, а о том, что, если на их страну нападут, он встанет рядом с ними на ее защиту.

Потом на чудовищном русском языке я заверил их, что и в Америке будет революция, только неизвестно когда.

— К сожалению,— объяснил я,— американский рабочий класс очень консервативный.— Закончил я лозунгом: — Да здравствует революция! Да здравствуют социалистические войска! Да здравствует Интернационал!

Когда я спустился вниз, Ленин был со мной очень сердечен. Он старался говорить попроще, ограничиваясь доступным мне запасом русских слов. Он стоял и говорил с нами несколько минут (с Бесси Битти и со мной).

— Ну что же,— мягко сказал он, обращаясь ко мне,— начало в освоении русского языка сделано.— Потом он добавил с особой серьезностью, в которой виден был Ленин-учитель: — Но вы должны продолжать упорно заниматься.

Я боялся, что мы его задерживаем, и потому не решился ничего ответить, но он, очевидно, не очень спешил. Обратившись к Бесси Битти, так же серьезно, без какого бы то ни было оттенка подзадоривания или стремления проявить галантность, Ленин сказал:

— Вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обмениваться уроками. Потом, просто читайте, пишите и говорите только по-русски.— Лукаво улыбаясь, он добавил, обращаясь к нам обоим: — С американцами не разговаривайте. Пользы от этого ни с какой стороны не будет.— И уже специально для меня сказал: — При следующей нашей встрече я устрою вам экзамен.

Мы попрощались. Ленин сел в автомобиль, и машина выехала из манежа. Мы медленно двигались в толпе к выходу, как вдруг с улицы донеслись резкие звуки трех выстрелов. Три пули пробили стенки автомобиля. Сидевший рядом с Лениным на заднем сиденье швейцарский левый социалист Фриц Платтен был ранен в руку. Это было первое покушение на жизнь Ленина. Трусливому убийце, стрелявшему из-за угла, удалось скрыться.

Потрясенные, мы с Бесси Битти стали пробираться сквозь толпу, чтобы поскорее убедиться, что Ленин действительно не пострадал. Бесси плакала.

— Ведь он только что стоял здесь и разговаривал с нами. Быть может, если бы он уехал сразу, ничего бы не случилось. Быть может, убийца опоздал.

Эта наивная и бесполезная мысль мучила и меня, поэтому, выговаривая Бесси, я успокаивал себя самого:

— Типично женская логика,— зло сказал я.— А может, наоборот, от долгого ожидания убийца так разнервничался, что промахнулся.

Наши собственные нервы были напряжены до предела.

Помню, как огромное облегчение, вызванное известием, что Ленин не пострадал, сменилось яростным гневом.

— Ну теперь-то он будет более разумным, более осторожным? — донимал я Воскова, который прекрасно знал, что за несколько недель до покушения мы с Ридом рассказали нашим близким друзьям — большевикам, как один богатый спекулянт совершенно серьезно заявил нам, что заплатит миллион тому, кто убьет Ленина, и что он знает еще девятнадцать человек, готовых дать такую же, если не большую, награду. (Это был один из молодых предприимчивых дельцов, разбогатевших на военных поставках и контрабандной продаже товаров в Германию, который любил принимать у себя журналистов.)

Я продолжал атаковать Воскова:

— Когда мы спросили тебя и других товарищей, сознает ли Ленин грозящую ему опасность, ты ответил: «Сознает, но это его не пугает. Его по-настоящему ничто не пугает».

Восков задумался. Он хотел, чтобы мы поняли. Дело вовсе не в том, что Ленин недооценивает значение своей личности: а разве было бы лучше, если бы он все время боялся за свою жизнь?..

Бесси Битти не удовлетворял такой, как она говорила, «философский» подход Воскова. В разговоре с Петерсом она выложила все, что думала по этому поводу:

— Неужели вы не можете теперь **заставить** Ленина ходить с охраной? Ведь в Америке ни одному президенту не разрешили бы появляться на людях без отряда тайной полиции. А когда президент выступает в каком-нибудь зале, все входы и выходы охраняются так, что ни одна мышь не проскользнет. Конечно, доверие к народу и все такое прочее — неплохая штука, но «черная сотня» ушла в подполье и только и ждет случая расправиться со своим врагом.

— Ну а ваш Линкольн или Маккинли? Их все равно убили,— парировал Петерс.— Так что никакой гарантии не существует. А потом, Ленин есть Ленин — он не относится к числу слабонервных людей. Он просто иначе создан. Он беспокоится за других, но и при этом не нервничает, а сочувствует. Он совершенно не выносит назойливости и не смог бы жить так, чтобы вокруг него все время кто-то суетился, ходил по пятам, присматривал за ним. К тому же Ленин никогда не думает о себе. Вот увидите, в следующий раз, когда вы с ним встретитесь, он будет спокоен, как всегда.

■

Я уже говорил, что это был период расцвета самых различных иллюзий. Просматривая свои записи тех дней, я вижу, насколько распространенной была недооценка угрозы гражданской войны. Даже Ленин заявил в марте, что открытое сопротивление буржуазии сломлено. 27 января на спектакле «Севильский цирюльник» в Мариинском театре (у нас были хорошие места по четыре рубля) мы встретили Билла Шатова *. Он был встревожен и считал, что в Смольном преуменьшают опасность — генерал Алексеев создавал на Кавказе добровольческую белую армию.

— Конечно, его силы пока незначительны, но эти люди сожгли за собой мосты. Они будут драться не на жизнь, а на смерть, для них жить

* Шатов В. С. (1888—1942) — участник русского революционного движения. В 1917 году вернулся из США, где находился в эмиграции. В октябрьские дни был членом Петроградского военно-революционного комитета.

под властью большевиков значит отказаться от всех привилегий, ради которых, по их мнению, и стоит жить.

После спектакля мы пошли в кафе «Империя», которое было национализировано и называлось теперь «Интернационал». Шатов продолжал:

— Франция осыпает деньгами этих белогвардейских подонков, англичане тоже уже прикидывают, не последовать ли ее примеру.—На следующий день я спросил обо всем этом Петерса. В своем дневнике я записал: «Петерс не видит сегодня особой опасности с этой стороны, считает, что главная опасность — нехватка хлеба. Ругает органы снабжения за сокращение хлебной нормы до четверти фунта в день, говорит, что два дня назад запасов было достаточно, чтобы обойтись без этого урезывания».

Действительно, у только что родившегося государства было так **много** забот, что растущая вера в интернационализм находила весьма благоприятную почву. И чем хуже складывались дела в Бресте, тем более необходимой становилась эта вера. Как бы советские участники переговоров ни старались сохранить лицо, положение для страны оставалось унизительным. Чтобы отклонить условия этого «разбойничьего», по словам Ленина, мира, Советы должны были получить хоть какую-нибудь поддержку. Они нуждались в помощи или сотрудничестве — своего рода «братании», в более широких, международных масштабах. Без такой поддержки им угрожала гибель. Интернационализм поэтому представлялся теперь не просто светлым, желанным идеалом — он стал необходимостью. Если этот идеал не претворится в реальность в форме немецкой, французской, болгарской, английской, венгерской или всеобщей революции, вопрос жизни или смерти Советов может решиться не в их пользу.

Но не всегда необходимое можно получить по заказу. Ленин это очень хорошо понимал и все же был готов ждать.

К моменту, когда в здании цирка «Модерн» состоялся крупнейший митинг, посвященный Дню Международной солидарности трудящихся, суть всех споров свелась к вопросу: могут ли они ждать? Стоит ли рисковать революцией? Однако споры еще не велись в открытую. Отнюдь нет. Ленин давал пока возможность советским представителям в Бресте использовать все струны и клавиши пропагандистского инструмента. Но делал он это лишь потому, что его точка зрения еще не завоевала большинства в Центральном Комитете. Интернационализм, который в июле, когда я только приехал, был едва заметным ручейком, теперь превратился в могучую реку, и, пожалуй, высшей точкой этого интернационализма был митинг в цирке «Модерн». С другой стороны, интернационализм был, не мог не быть, составной частью революции, и только люди, которые тем или иным образом пытались использовать его в демагогических целях, не поняли этого — в чем Ленина обвинить никак нельзя.

Что касается Рида и меня, то митинг в цирке «Модерн» произвел на нас глубочайшее впечатление и заставил осознать нашу собственную ответственность перед революцией.

Этот митинг был единственным в своем роде — дело было даже не в энтузиазме аудитории, а в том, что его вызывало: новый общественный строй, осуждение захватнических войн, необычное для рабочих и солдат ощущение своей собственной значимости, идея всеобщего братства. Некоторые говорят, что этот энтузиазм, охвативший обе русские столицы и перекинувшийся в провинцию, был временным явлением. Не спорю. Но разве плохо, что на какое-то, пусть короткое время простыми солдатами, рабочими и работницами владели чувства, которые, очевидно, в более или менее отдаленном будущем станут движу-

щей силой всего человечества? С представления о мелкой человеческой общине они сразу же перешли к понятию о такой общине, которая объединяла бы в себе всех людей, живущих на земле. Пройдет некоторое время, и ненависть, порожденная интервенцией, несколько ослабит их пыл. Дух интернационализма уже никогда не восстановится в первозданности тех дней, когда отсталая, искалеченная войной, голодная Россия стала не только «авангардом революции» — Маркс в последние годы предвидел такую возможность,— но и предтечей того общества, в котором когда-нибудь, надо надеяться, будет жить все человечество.

Не помню ни одного собрания или митинга в Петрограде, где бы не присутствовала тема международной солидарности трудящихся. А мое выступление на новогоднем митинге в Михайловском манеже! Если единственный, никому не известный американец мог вызвать более бурную овацию, чем сам Ленин, то это было лишь потому, что этот американец в своей речи подчеркнул, что новая Социалистическая армия создавалась в России для защиты интернационализма и мира — так оно и было на самом деле.

Интерес к митингу в цирке «Модерн» усиливался еще и тем, что ему предшествовала мощная демонстрация 17 декабря. Накануне демонстрации «Правда» писала:

«Рабочие и работницы, солдаты, матросы и крестьяне — все трудящиеся! Выходите все революционными рядами на улицы городов и деревень — празднуйте победу Советской власти и мира над правительствами капиталистов и войны!

Лесом алых знамен, громом революционных песен, мощной ратью отрядов — явите врагам мира и революции свою непоколебимую силу и призовите пролетариев всех стран следовать вашему революционному почину в деле свержения империалистов и создания нового революционного Интернационала.

Все завтра, в воскресенье, на улицу, все под знамена!»

А в день демонстрации в «Правде» было опубликовано еще одно воззвание:

«Все на улицу! Против бойни народов, против буржуазного грабительства, против предательства и бесчестия печати, против саботажников — лакеев капитала!

Да здравствует международный пролетариат!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует международная революция!»

Демонстрация, потом митинг в цирке «Модерн» и наконец официальный конгресс в Смольном были этапами на пути к созданию III Интернационала. Однако в 1918 году из-за брестского кризиса и начавшейся интервенции он так и не смог встать на ноги. Отчет о митинге в цирке «Модерн» был опубликован в «Правде» 24 января под заголовком: «Борцы за III революционный Интернационал в цирке «Модерн». В отчете говорилось, что митинг, устроенный Петербургским комитетом большевиков, «прошел необычайно подъемно». Наплыв публики был так велик, что пришлось прекратить продажу билетов. «Более чем десятитысячная аудитория горячо, восторженно встречала гостей — товарищей, приехавших из Швеции, Норвегии, Америки и Румынии»... Далее следовала цветистая фраза о том, что с Россией «золотыми нитями братской солидарности связаны сердца пролетариев всего мира». Среди выступивших были «Либкнехт Скандинавских стран» Карл Хеглунд, мэр Стокгольма Линдхаген, мэр норвежского города Ставангера Эгеде Ниссен, Раковский из Румынии, а также Джон Рид и я. «Правда» с уважением и сочувствием отметила, что Хеглунд и Ниссен за свою революционную деятельность сидели в тюрьме. А когда стало известно, что Рида привлека-

ют к суду, репортер «Правды» в своем энтузиазме уже приговорил его к двадцати годам тюремного заключения.

Выступление каждого иностранного оратора сопровождалось таким взрывом аплодисментов, что тот краснел от гордости, как будто произнесенные им слова были из чистого золота. На каком бы языке оратор ни говорил — на шведском, норвежском, французском или английском,— переводила всех Коллонтай, которая владела многими языками. Но если бы даже она совсем ничего не переводила, если бы наши слова звучали абсолютной бессмыслицей, результат получился бы тот же. Мы были живыми, реальными, подлинными иностранцами.

Меня, конечно, интересовали не ораторы, а аудитория. Цирк «Модерн» казался изнутри темной пещерой. Люди видели только лицо выступавшего в слабом свете свечи, а выступавший вообще ничего не видел. Он не видел аудиторию, но он ее чувствовал. Мы, иностранцы, чувствовавшие нашу невидимую аудиторию, лучше всех могли судить о степени интернационализма. Темный холодный зал цирка «Модерн» был согрет теплом доверия. Казалось, этих людей не тяготил вопрос о том, придут ли немецкие рабочие им на помощь. И Рид, и я чувствовали это доверие, и в своих речах, возможно, невольно приукрашивали действительность. Было ли это продиктовано добротой? Нет, человеческой слабостью!

«Правда» только упоминает о моем присутствии, но так как я написал свое выступление заранее и эта запись сохранилась, то могу сейчас сказать, что хотя в моей речи никаких конкретных утверждений не было, она грешила обилием красивых фраз.

Считая, что у меня уже есть некоторый опыт выступления по-русски, и вспомнив, как Ленин смеялся над моей шуткой об извозчике, я начал свою речь именно с этой шутки и даже расширил ее, сказав:

— У нас в Америке, на диком Западе, был один кабачок (салун). В этом кабачке стояло пианино, а над пианино висел плакат: «Пожалуйста, не стреляйте в музыканта — лучше он играть не умеет». Поэтому, выступая по-русски, я тоже прошу: товарищи, пожалуйста, не стреляйте в меня — лучше я говорить не умею.

Сейчас я уже не помню, насколько хватило моих познаний в русском языке и в каком месте я перешел на английский, но можете быть уверены: тема интернационализма не была опущена. Вот главная часть моей речи:

— Мы видели, какие тяжкие испытания и трудности вам пришлось перенести. Мы также знаем, что страдали вы не только ради себя. И ваша победа уже не за горами. Германский флот восстал. А теперь искры огромного пожара летят за десять тысяч верст через Атлантику и зажигают огонь в сердцах американских рабочих. Мы хотим хлеба, тепла в жилищах и одежды. Мы хотим права на жизнь, счастье и на отдых. Мы знаем: каждый голодный в Америке получит больше хлеба, потому что вы свершили свою революцию.

После митинга я узнал, что именно в тот день хлебный паек в Петрограде был сокращен наполовину. Дневник напоминает мне, как мерзко я себя чувствовал от своей невольной бестактности: с моей стороны было по меньшей мере наблагородно даже упоминать о голоде.

Впрочем, кто знает?

Может, не так уж плохо сказать людям, что даже в богатой Америке есть голодные и что со временем мои соотечественники, глядя на русских, отважутся потребовать большего и могут даже припугнуть правящий класс. Запись в дневнике служит некоторым подтверждением этих мыслей. Я тогда с гордостью и восхищением отметил: «Ни единого протеста не услышал я из огромного зала, где сидело 12 000 человек, кото-

рые знали, что по крайней мере сегодня они, совершившие революцию, получили не больше, а меньше».

На одной из полок нью-йоркской публичной библиотеки можно найти потрепанный экземпляр небольшого журнала, который является теперь библиографической редкостью. Редактором журнала был Юджин Дебс. Он успел выпустить один-единственный номер, и этот номер был посвящен первой годовщине образования Российской Советской Республики. В журнале опубликована моя статья с описанием митинга в цирке «Модерн». Так как впоследствии многие авторы заимствовали материалы из этой статьи и так как она лучше всего написанного мною потом передает аромат той атмосферы, которая дает заглавие статье — «Дух интернационализма», я без колебания привожу из нее большой отрывок:

«Была середина зимы. На улице стояла дикая стужа. В широком людском потоке мы пересекали Троицкий мост. За рекой возвышались минареты и голубой купол старинной мечети и сверкал золотом шпиль Петропавловской крепости. Где-то между ними находился новый собор пролетариата. Это большое, приземистое, отделанное серым камнем и довольно бесформенное сооружение называлось цирком «Модерн». У входа уже теснилась темная масса народа.— Почему не открывают и не впускают людей внутрь? — спросил я, когда мы, пройдя мимо толпы, вошли через заднюю дверь в огромную мрачную пещеру. Это была колоссальная вырытая в земле яма с сотнями балок по краям и перекладин, поддерживающих громадный купол. Но мы не видели ни пола, ни крыши, ни кресел, которые ярусами поднимались от арены к куполу. Мы почти вслепую, спотыкаясь на каждом шагу, следовали за Коллонтай по темным сырым переходам, поднимались по каким-то лестницам, пока наконец не почувствовали под ногами несколько грубо сколоченных необтесанных досок, служивших подмостками. Света не было, так как в тот день Петроград остался без угля.

— Почему не откроют дверь и не впустят сюда людей? — спросил я снова.

— Здесь уже и так почти пятнадцать тысяч,— ответила Коллонтай.— Все забито до отказа.— В зале стояла такая тишина, что этому заявлению было трудно поверить. Чтобы было видно лицо оратора, зажгли свечу — крохотный огонек в кромешной тьме.— Ваше слово, говорите! — сказала Коллонтай. Мне было немного не по себе оттого, что приходилось говорить как бы в пустоту. Но, заставив себя поверить, что зал полон, я громким голосом наугад бросил в темноту слова:

— Товарищи! Я выступаю от имени американских социалистов, интернационалистов! — И вдруг из ямы прогремел взрыв пятнадцати тысяч голосов: «Да здравствует Интернационал!» Эти слова были как спичка, брошенная в пороховой погреб. Ими всегда можно было зажечь аудиторию. А когда они на ломаном русском языке слетали с уст иностранца, то начинался просто пожар. А как они пели «Интернационал»! Не так, как мы поем здесь, когда одна часть зала с трудом вспоминает слова, другая — мелодию, а большинство и вовсе безмолвствует. Нет, в России каждый революционер твердо знает каждое слово и каждую ноту и поет так, как будто от этого пения зависит вся его жизнь... «Интернационал» служит для них источником силы, подтверждением воинственности их веры, закалкой боевого духа».

Чтобы быть честным до конца, я должен признаться, что в тот день в цирке «Модерн», так же как и в других подобных ситуациях, я испытывал не только глубокое волнение, но и чувство стыда. Впервые я ощутил это двойственное чувство, стоя на капитанском мостике крейсера «Республика», когда орудийные башни звенели от голосов одиннадцати

тысяч матросов, приветствовавших американских интернационалистов. Вера, которую они вкладывали в наш интернационализм, имела очень мало общего с реальностью. Я почувствовал, что они видят во мне представителя миллионов американских матросов, солдат, шахтеров, железнодорожников, сталелитейщиков, грузчиков, горящих теми же идеями, что и они. Поэтому всякий раз, когда нас с Ридом приветствовали в качестве представителей «великого революционного пролетариата мира», я остро сознавал несоизмеримость этих слов с действительностью, вспоминая мелкие группки интеллигентов, перед которыми я выступал в Нью-Джерси в местных ячейках социалистической партии во время предвыборной кампании в пользу Юджина Дебса.

И все же главным для меня в этих встречах было тесное общение с людьми, сделавшими революцию: голод, холод, повседневные трудности быта, минуты злости и раздражения после столкновения с каким-нибудь бюрократом — все отступало на второй план, казалось мелким и незначительным. Большая часть аудитории, скорее всего, впервые видела перед собой интернационалистов. Мы — маленькая группа социалистов разных стран — были живыми символами, из плоти и крови, реальными и осязаемыми. В нашем лице идея словно обрела материальность. Столько доверия вкладывалось в аплодисменты, которыми нас встречали, что трудно было избавиться от ощущения, что мы не достойны такого доверия. Мы даже внешне не подходили к своей роли! И все-таки, оглядываясь назад, можно сказать, что мы в какой-то мере оправдали это доверие. Мы выполнили свое обещание рассказать Америке и всему миру о Великой Октябрьской революции. Мы рассказали все, что видели. Здесь, в Америке, мы не испытывали никакой неловкости. Когда в России мы выступали перед народом, мы знали, что, хотя революционное движение в Соединенных Штатах сила, безусловно, важная, это движение не такое мощное, как думают наши слушатели. Наоборот, когда в Америке мы рассказывали о революционном движении в России, мы видели, что наша аудитория не представляет себе, не может представить истинный размах и мощь этого движения.

НАЙДЕН ВЫЛЧЕВ

БОЛЬШИЕ ПУТИ

■

Перевод с болгарского Валентина КОРЧАГИНА

Деревянный домик

В Минске возле Круглой площади находится дом рабочего П. Румянцева, где в 1898 году собрался Первый съезд РСДРП. Этот дом, сожженный в 1941 году немецкими оккупантами, сейчас реставрирован, в нем восстановлен музей.

В белорусской столице,
разросшейся и обновленной,
среди зданий красивых,
несущих дозоры окрест,
деревянный домишко стоит
за оградой зеленой:
накануне столетья
работал в нем Первый партсъезд.

Время шло,
половодье сирени белело над домом —
он стоял в те года
на окраине, в поле почти...
И хоть был неприметен —
он стал для людей космодромом,
открывающим перед сердцами
большие пути.

Устремились к созвездьям
дороги двадцатого века —
и уж если сегодня
таких мы достигли высот,
то в какую же высь
силу завтрашнего человека
этот старт,
этот путь продолжающийся вознесет!

Но, куда ни взлетим,
на какие орбиты ни выйдем,
как ни светел, ни радостен будет
заветный наш день,—
мы посмотрим назад,
мы тот дом деревянный увидим
в центре города Минска,
где белым разливом — сирень.

Лейтенант Неизвестный

Около вод холодных балтийских,
около города Риги,
спят в строю, под пламенем вечным,
павшие смертью храбрых.

Они породнились, сравнялись друг с другом,
когда дрались за родную землю,
когда побеждали ценою жизни,
когда под плитами одинаковыми
в рижских уснули песках.
Ревич, солдат...
Козарчук, генерал...
Львович Семен, офицер...
Медсестра, по имени Нина...
Грант Таливальд, рядовой...
И
лейтенант неизвестный.

Да,
в поротном, бессчетном строю
спит лейтенант неизвестный.
Может быть, только погон боевой и нашелся,
только часть плеча под погоном,
только локоть, сведенный судорогой,—
не знаю,
но я видел, я прочитал два слова:
«Лейтенант неизвестный».

И сердце, сильней застучав, спросило:
— Кто ты? Ответь, лейтенант неизвестный! —
Но камень был холоден и безмолвен.

— Кто тебе пел колыбельную песню?
Не светлоокая ли латышка? —
Но были безмолвны высокие сосны.
— Может быть, школьником, где-то в Рязани
черные трубы войны ты услышал? —

Но было безмолвно холодное море.
— Может быть, где-то в степях закаспийских
мать провожала тебя, джигита? —
Но был безмолвен песок сыпучий.
— Какие глаза, какие волосы
были у тебя, лейтенант неизвестный? —
Но белое зеркало неба,
огромное зеркало неба
над белой трепетною березой
не отразило их,
не отразило...

Тогда я сказал:
— Лейтенант неизвестный!
Сегодня утром телефонисты
меня с Софией соединили —
жена говорила, что очень скучает,
что обо мне беспокоится очень...
Был ли когда-нибудь,
где-нибудь,
кто-нибудь,
кто о тебе тревожился так же?

Я разговаривал и с сыновьями.
(Слышимость — просто великолепна!)
Младший,
русый мой несмышленыш,
кроме «гу-гуу», не сказал ни слова.
Впрочем, большего мне и не надо...

Был ли когда-нибудь,
где-нибудь,
кто-нибудь,
кто и тебе говорил «гу-гуу»? —

Но небо огромное все молчало,
но море глухое немо блестело,
но не ответил песок зернистый,
но был все таким же безмолвным, холодным
высеченный квадрат гранита.
И только легкий вечерний ветер,
откуда-то издалека прилетевший,
качнул огонь, зажженный навечно,
расшевелил высокие сосны —
и они зазвучали негромкою песней:
— Лейтенант неизвестный,
лейтенант неизвестный...

«Алеша»

Сгущает над Пловдивом вечер
фракийскую синюю тьму —
и гаснет багрянец заката,
и голуби никнут к холму,
с которого
славен,
бессмертен,
теплом и покоем объят,
глядит в неоглядные дали
задумчивый русский солдат.

Здесь каждый, как старого друга,
Алешей солдата зовет;
сквозь триста боев и три смерти
пролег его трудный поход;

пришел он сюда — и поднялся
один
за полегших за всех,
чтоб голуби здесь ворковали,
чтоб слышался девичий смех.

И в музыке тихой вечерней
одно неразрывно с другим —
и говор, и дальняя песня,
и старого Пловдива дым,
и холм,
где бессмертен и славен,
теплом и покоем объят,
стоит в сапогах запыленных
великий российский солдат.

Ленинград

Мне вспоминается все чаще
и просветленная Нева,
и говор волн, такой манящий,
и северная синева,

и всадник с поднятой рукою,
и тяжесть бронзовых подков,
летящих вдаль,— над той рекою,
над побережьями веков...

В мечтаньях буду вспоминать я,
как ночи к лету — все белей,
как раскрывает мост объятья
и вторит вскрикам кораблей.

И вновь, под свист ветров напевный,
грозой ударит в память вдруг
блокады ад тысячедневный
с голодной смертью, с воем вьюг,—

но через цепи надолб ржавых,
сквозь черный дым, в века, в простор
течет симфоний величавых
несокрушаемый мажор.

В балтийской мгле — Кронштадт, как пламя.
Матрос-мальчишка со штыком...
И флаг — в обнимку с облаками
над ленинским броневиком.

И мрамор. И стихи: печальный,
прекрасный и бессмертный Блок.

Я — в Ленинграде! Хоть прощальный
дазным-давно уж был гудок...

■

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

...двадцатые годы...

Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы построить так хорошо заново.

Бертран Рассел

Рокуэлл Кент. «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

ИВАН ОЛЬБРАХТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ПОЗНАНИЕМ

Весной 1920 года известный чешский писатель и общественный деятель Иван Ольбрахт (1882—1952) совершил поездку в Советскую Россию, результатом которой явилась книга «Путешествие за познанием», вышедшая первым изданием в том же 1920 году. С отрывками из этой книги мы знакомим читателя.

Из Ревеля мы выехали в субботу, в десять часов вечера. Едем в специальном вагоне, где находимся только мы, чехи, эстонская мирная делегация и сопровождающие нас телеграфист русской миссии курьер Скурка и еще один русский товарищ.

Широкая река Нарова уже начинает таять. Район вокруг вокзала сильно разрушен артиллерийским обстрелом, его почти сровняли с землей. На вокзале мы обедаем. После полудня проезжаем еще часть пути по железной дороге в одном вагоне, прицепленном прямо к паровозу, и у деревни Комаровки останавливаемся в поле. Там нас ожидает шестнадцать небольших деревенских саней, в которых мы размещаемся по двое, не считая кучера, а то и по одному. Перекладываем на сани свои жалкие пожитки и едем по полям и лугам без дорог, по насту, который и не лед, и не снег, не грязь и не вода, а все сразу. Я еду в санях с товарищем Салатом, нас тащит старенькая белесая кобыленка с облезлой шерстью, возница — пятнадцатилетний русский паренек.

Наш кучер — первый, кто хвалит большевиков. Он неграмотный, в школу никогда не ходил, но классовый инстинкт научил его основам борьбы с господами за лучшую человеческую долю. Он с каким-то восторгом, четко выговаривая каждое слово, произносит фразу «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Большевики давали хлеб и корм для скота...

Этот пятнадцатилетний ребенок носил на плече винтовку и служил в Красной Гвардии. И мы узнаем о диком разгуле банд Юденича, теперь уже разбитых наголову, разбежавшихся и умирающих от сыпняка. Тиф свирепствует повсюду.

— У вас тоже тиф? — спрашиваем мы паренька.

— Тоже.

— И люди умирают?

— Бывает, что и умирают.

— Много?

Ivan Olbracht. „Cesta za poznání". Praha, 1952.

— Хватает.

— Сколько примерно?

— Вчера пятнадцать.

Ужасно! Даже дети свыклись со смертью. Как спокойно этот мальчик говорит о ней!

Мы едем по деревне. Из изб выбегают женщины, машут нам, и одна из них громко кричит:

— Передавайте привет большевикам!

Отвечаем ей:

— Передадим! Передадим!

До Дубровки едем около двух часов. Она разбита. На дороге из талого снега торчит неразорвавшийся снаряд...

Под вечер за нами приезжают шестнадцать других саней со свежими лошадьми, и мы отправляемся дальше. Я сижу один. Распутица, кони шлепают по размякшему снегу...

И вдруг, в ту минуту, когда я менее всего этого ожидал, мы въезжаем в открытые ворота, сделанные в заграждении из колючей проволоки.

Перед нами стоят два красноармейца в длинных песочно-серых шинелях, с винтовками на плече, и красный командир.

Удивительно! Точно так, как теперь вижу, я представлял себе все это на родине: и этот снег, и грубые шинели, и граненые штыки винтовок, и это «здравствуйте!». Я произношу это приветствие вслух, ибо от неожиданности, от счастливого удивления не могу припомнить иного. Сначала надо глубоко вздохнуть и набрать в легкие свежего воздуха.

Да, я приветствую вас, товарищи, и хочу расцеловать! Приветствую тебя, Советская Россия, страна победившего пролетариата, склоняюсь перед тобой, мать-Россия, указующая путь нам и всему миру! Мы ожидали этой встречи всю свою долгую жизнь, о ней мечтали два поколения моих предков. Будущие поколения станут завидовать нам. Прекраснейшая идея мировой истории, мечта миллионов превратилась в реальность. Я приветствую вас, три воина, героически боровшихся и за нашу свободу. Вы стоите тут перед нами и глядите на нас своими голубыми глазами так спокойно, будто вам неведомо, что вы свершили.

Командир ожидает следующих саней. Он, очевидно, уже информирован, что едет эстонская мирная делегация. Мы тоже ждем.

Просмотр документов закончился быстро. Едем дальше, я снова впереди, все дальше, дальше по русской земле. Я вдыхаю свежесть русского воздуха. Он иной, чем затхлый воздух Европы. Эстония и Запад все больше отдаляются с каждым ударом конских копыт. Едем среди лесов и пасек, дорога хорошая, слегка подмерзшая. У нас за спиной садится красное солнце. Быстро темнеет.

Уже ночью у Ямбурга переезжаем Лугу. Дорога преотвратная, широкая река тает, лед уже не лед, конь шлепает по воде, доходящей до самого днища саней, но иначе нельзя, потому что мосты у Ямбурга разрушены. Город в полной темноте, мы видим лишь изуродованные снарядами казармы, по мертвым улицам едем на вокзал, где мерцает несколько окошек. На путях уже стоит поезд. При свечах вносим в него свои вещи. На вокзале нас ожидает большевистский комиссар, мы знакомимся, следуем за ним в домишко, куда он приглашает нас разделить с ним скромный ужин. Я впервые ем русский черный хлеб... Потом идем в вагон спать и просыпаемся только после полудня.

В понедельник 3 марта мы пересаживаемся в курьерский поезд и отправляемся в путь. С русским телеграфистом, нашим проводником от самого Ревеля, мы крепко подружились.

Около полуночи подъезжаем к Петрограду.

«Петроград и Москва — мертвые города»,— читали мы в европейских газетах. Но оживленное движение, шум, краски — все это плохо гармонирует с представлением о трупах, а гудки автомобилей — слишком энергичная погребальная музыка. И все-таки вы сразу поймете, почему их называют мертвыми. Нет витрин, определяющих вид больших европейских городов. И следа не осталось от былого великолепия ювелирных магазинов, исчезли меха, шелк, фарфор и хрусталь, там, где в заманчивом изобилии громоздились ветчина и банки консервов, фрукты и сыры, зияет пустота. Когда-то перед окнами таких витрин останавливались розоволицые господа, а маленькие оборванные мальчуганы, глотая слюнки, прижимались к стеклу носом, затуманивая его своим дыханием. Этого изобилия еще нет. Но оно будет. Не будет только голодных детей и холеных господ. Лишь изредка можно увидеть магазин с запыленной витриной и в ней — детские игрушки, никому не нужных чугунных гномиков для украшения садов, гипсовые фигуры, бамбуковые туалетные столики и наборы принадлежностей для маникюра. Это здесь осталось, и если вы хотите купить подобный товар за цену, от которой у вас закружится голова,— пожалуйста! На главной улице букинистический магазин, цветочная лавка и конфекцион, в витрине которого на латунном шесте висит одна-единственная, отвратительно крикливая дамская шляпа, словно предназначенная для какой-нибудь циркачки. Исчезли писанные золотом по черному стеклу вывески, остались лишь надписи, находящиеся высоко на стенах или крышах домов, но буквы их, будто тяжелораненые, лежат на боку или вовсе отвалились.

Зато живы иные вывески. Белым по красному. Сверкающие свежей краской, ликующие, смеющиеся в лучах мартовского солнца. Всюду, куда ни глянешь,— на стенах и крышах жилых домов, гостиниц, особняков, дворцов. Красные и белые, живые и ясные, новые и веселые. Посреди венка из колосьев изображены серп и молот и лента с надписями: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» — слова, которые мы столько раз повторяли, их надо запомнить навечно, ибо в них — завтрашний день мира. А под этим гербом надписи: «I Дом Советов», «Издательство Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», «Хлебное отделение», «Галантерейный склад № 8 Московского Совета», «Центр печати», «Книжный склад Центрального Комитета Российской Коммунистической партии». Красно-белые полотнища всюду. А что это там за длинная надпись? На дворце с небольшим парком перед фасадом? Затаи дыхание, европеец, ты не ошибаешься, это в самом деле, это действительно она! «Чрезвычайка»... Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и злоупотреблениями служебной властью. Она неумолима и все же абсолютно необходима для уничтожения реакции и завоевания окончательной победы. Это о ней во время утреннего кофе читают европейские буржуа столько страшных вещей, и волосы у них от ужаса встают дыбом. Перед ее воротами замерли два красноармейца, у них в руках винтовки с длинными граненными штыками, на которые они накалывают пропуска.

В бывшей крупнейшей московской гостинице «Метрополь» теперь находится II Дом Советов. Дворянское собрание, в погребах которого помимо огромных запасов вина во время обыска были обнаружены десятки ящиков с игральными картами, переименовано в Дом профсоюзов. Во дворце клуба московских купцов Советская власть разместила Рабочий университет имени Свердлова, а в Денежном переул-

ке, в частном особняке, где некогда жило лишь четыре человека и там, где в июле 1918 года эсеры, пытавшиеся после заключения Брестского мира спровоцировать продолжение войны, бросили под ноги немецкому послу барону Мирбаху бомбу, сейчас размещены учреждения III Интернационала.

Здесь повсюду ощущается биение пульса главных артерий жизни, их кровь и тепло вливаются в жилы фабрик, заводов, строек, в квартиры и улицы. Правда, весь организм работает еще в несколько ускоренном революцией темпе, но горячка с каждой неделей спадает. Нет, Москва не умерла, и Петроград не умер. Только центр жизни переместился. Жизнь покинула биржи и банки, магазины и кофейни, покинула рестораны, винные погребки, клубы и ночные кабаре. Европейские журналисты привыкли искать ее именно там. Но там они уже никогда ее не найдут. Золотые вывески банков исчезли, а пробитые пулями стекла роскошных кафетериев давно не мыты.

На московских улицах оживленное движение. По ним ездит множество деревенских саней с колокольчиками на дугах, в которые впряжены низкорослые лошадки, на санях сидят крестьяне в треухах и тулупах; попадаются длинные вереницы подвод, везущих мешки, бочки и бидоны, бараньи туши, а больше всего «дрова, дрова, дрова» — как гласит лозунг дня и как кричат со всех перекрестков пестрые плакаты, ибо от этих березовых и сосновых поленьев зависит работа всех предприятий. Улица полна людей. Не изнуренных голодом призраков, как мы читали в западных газетах, а совершенно здоровых мужчин и женщин. И все они — товарищи. В Стране Советов обращение «господин» произносится лишь шепотом, иной раз услышишь «гражданин», но в большинстве случаев — «товарищ», всякие титулы и звания отменены, нет теперь «милостивых государей», «ваших превосходительств», советников различных ступеней и категорий; «господ» судей, директоров, домохозяев, докторов, инженеров; дворника тоже называют товарищем. И Ленина, и маленького мальчишку, и солдата. На углах улиц поджидают седоков бородатые извозчики в синих, подпоясанных кушаком поддевках, и их косматые лошаденки выдыхают облака пара. Вот прошел по тротуару командир в богато разукрашенной вишневой черкеске, сверкнул на мартовском солнце своей мужественной красотой, и его ярко-красная фигура на миг сделала окружающую толпу серой и бесцветной. По грязному льду улицы некий господин с унылым видом тянет за веревку санки с мешком скудных припасов.

Это бывший буржуй, его вы почти всегда узнаете: пальто на нем все еще богаче, чем на остальных, за три года он не сносил его, но оно грязнее, чем у остальных, и обувь испачкана больше: к услугам господина теперь нет ни лакея, ни полового, а сам он вычистить ботинки не умеет. А вот у той сударыни в роскошной шубке горничные забыли зашить огромную дыру под мышкой, ботинки ее зашнурованы веревочкой от какой-то коробки. На тротуаре остановился младший командир Красной Армии, трижды перекрестился и через улицу глубоко кланяется расписным вратам храма. Никто не обращает на него внимания, это его личное дело. Да, попы тут еще тоже существуют, вот шествуют в рясах двое длинноволосых, а в церквах с золотыми куполами по-прежнему совершаются службы, но теперь государству нет до этого ровно никакого дела, и если кто хочет ходить в церковь, тот должен вносить свою лепту на ее содержание.

По московским улицам ездят автомобили — гудят, фыркают, пыхтят. На углу Театральной площади и Охотного ряда — импровизированный базар. Там стоят женщины с бидонами молока, мужчины с небольшими корзинками овощей или картофеля, какой-то парень громко предлагает сливочное масло, а другой положил перед собой на землю

мешочек с махоркой — самым дешевым русским куревом, мелко нарубленным табачным стеблем, с виду напоминающим конопляное семя. Есть тут и закутанные в платки женщины с несколькими лепешками, с маленькой коробочкой сластей, с дощечкой, на которой разложены пять кусков сахару, тут же на печурках жарятся котлеты из конины.

Интересуетесь ценами, товарищ? Ну-ка, спросите у той крестьянки на углу, которая держит котелок и ложкой накладывает покупателям по горстке яблочного повидла:

— Почем это у вас?

— Сто десять рублей,— отвечает она. Вероятно, она не поняла моего вопроса. Очевидно, мой русский язык небезупречен. Но неважно, можно спросить ее соседку.

— Сколько стоит этот коробок спичек?

— Восемьдесят рублей.

Ого! Значит, и та, первая, тоже поняла, о чем я ее спрашивал. Попытаемся еще разок:

— Сколько стоит этот кусочек сахару?

— Тридцать рублей, товарищ!

Довольно. Больше не спрашивайте. У вас все еще капиталистический взгляд на вещи, вы до сих пор не понимаете причин, существа системы — и можете упасть в обморок. Здесь это называют мелкой спекуляцией. Еще год назад никто из этих людей не осмелился бы выйти на улицу. «Чрезвычайка» была тогда неумолима, мелких спекулянтов сажали под арест, а крупных — расстреливали; еще и теперь иной раз ВЧК устраивает облавы и арестовывает весь базар. Но назавтра спекулянты снова на том же месте, и соленый огурец стоит еще на несколько рублей дороже, поскольку торговцы хотят вознаградить себя за вчерашний урон. Как и у нас. Но с этим пока приходится мириться. Только здесь конец спекуляции будет положен значительно раньше, чем у нас; в Европе с ней справятся еще не так скоро. Я твердо в этом уверен.

В русских деревнях продовольствие есть. В Сибири, говорят, гниет хлеб, но нет поездов, которые могли бы переправить эти запасы в Москву; из тридцати тысяч русских паровозов после мировой и гражданской войн осталось едва шесть тысяч годных к эксплуатации, да и тем хватало дела на фронтах. Надо восстановить транспорт! Паровозный парк ремонтируется днем и ночью: Советская Россия умеет организовать труд. Количество курсирующих поездов день ото дня растет. Спекулянтам, мелким мародерам недолго осталось наживаться.

«Железнодорожник! — взывает плакат, на котором нарисован железнодорожный служащий.— В твоих руках судьба транспорта. Чем больше исправных паровозов и вагонов, тем меньше лишений и голода!»

Мартовская улица живет полнокровной жизнью. Вот громыхает по улице грузовик с красноармейцами. Его колеса попадают в выбоину, полную воды, и широко вокруг разбрасывают грязные брызги. В конце проспекта появляется отряд с винтовками на плече; песочно-серые ряды, вместо походного марша поют «Красное знамя» (наш «Руды прапор»). Мимо нас шумно, со смехом пробежал табунок детей. По тротуару прошли две молодые женщины в черных кожаных тужурках, на головах буденовки, у пояса револьверы, а на груди алые звезды: это красноармейки. Таких кожаных курток теперь много. «Подарочек английского короля»,— говорят москвичи. Только сделан он не от избытка любви: эти тужурки вместе со множеством иных полезных вещей оставили королевские ландскнехты, когда удирали из Мурманска.

На мартовской улице весело. Решительно — весело. Десятки раз спрашиваю себя, не бурлит ли эта радость только во мне самом и не переношу ли я ее на все, что вижу, но десятки раз отвечаю себе: нет, безусловно нет. Радостно это молодое солнце, искрящийся снег на кры-

шах, красно-белые плакаты, озорные карикатуры в витринах советских издательств, веселы движения пешеходов, шум детей, лица встречных.

Углы домов на перекрестках залеплены плакатами. Вот висит ежедневный листок РОСТА, Российского Телеграфного Агентства, которое помещает в своих выпусках важнейшие телеграммы дня и бесплатно информирует население о текущих событиях: извещают об открытии общеобразовательных курсов, о лекциях для молодежи, о митингах, о публичных диспутах на всевозможные темы, здесь же помещен приказ московского военного комиссариата о военном обучении коммунистов.

Но есть тут и надписи такого рода:

Больше воров и пройдох
бойся вшей, клопов и блох!

Это осталось с прошлой недели, которая была объявлена санитарной: каждому жителю Москвы вменялось в обязанность привести свою квартиру в образцовый порядок. По домам ходили комиссии, за грязь накладывали строгие взыскания, а если неряхой оказывался член партии, взыскания были очень строгими. Быть в России коммунистом — отнюдь не привилегия. Членство в партии подразумевает беспрекословное подчинение дисциплине. Сейчас расчищают улицы, следующая неделя, как сообщают газеты, будет банной. Каждый получит возможность даром вымыться в бане, каждому будет выдано по куску драгоценного теперь мыла. Уже печатаются плакаты со следующим текстом:

Он: Полюби, красотка, Ваню,
разговоры коротки.
Она: Ты сходил бы прежде в баню
Да заштопал бы портки.

А пока в течение семи дней производится уборка улиц. Москва готовится достойно встретить приближающуюся весну. С крыш домов сбрасывают снег, на улицах трудятся дворники. В прошлом году Москву убирала буржуазия. У пролетариата слишком много других забот: на фронтах, куда он взамен себя не мог послать никого другого, в тылу, боровшемся с контрреволюцией, на фабриках и в учреждениях, где приходилось преодолевать саботаж, при восстановлении разрушенного транспорта. И вот уборка улиц выпала на долю домохозяев, адвокатов, директоров банков и купцов, которые ничем не были заняты. Они шли и подметали. В этом году на улице — все здоровое население от шестнадцати до шестидесяти пяти лет. Они заняты не только генеральной весенней уборкой, но были мобилизованы на всю зиму. Советское правительство ввело трудовую повинность для выполнения общественных работ. Каждому приходится работать примерно один раз в неделю. Гражданам вручалось предписание, согласно которому такой-то и такой-то дом должен был очистить такой-то и такой-то участок — больший или меньший в зависимости от числа жильцов. В каждом здании есть свой домовый комитет, избираемый жильцами, и позаботиться об остальном — его дело. Кирку, лопату или метлу в руки, и на улицу! Наблюдение строгое. За отработанный день выплачивается пятьдесят рублей и фунт хлеба. На уборку улиц посылают также в качестве исправительной меры, и в этом году сбрасывали снег арестованные «Чрезвычайкой» спекулянты. Да и к чему зря держать людей в тюрьме и даром кормить их хлебом, которого не хватает даже для тех, кто предан революции?

Революционная трудовая повинность распространяется не только на уборку улиц, но и на многие другие работы. «Дров, дров, дров!» — требовали в эту зиму Москва и другие большие русские города. Транспорт разрушен, об угле, нефти и думать не приходится, а сто тысяч вагонов

торфа, которые за прошлый год удалось добыть на Шатурских разработках и, самое трудное, доставить за сто двадцать верст, московские фабрики поглотили очень быстро. Положение в самом деле было критическое, но революция сумела использовать каждую пару рабочих рук и сделала в смысле организации то, на что никто раньше не был способен. Все в лес! На пути из Петрограда мы видели много березовых рощ, вырубленных с краю, но не знали, чем это вызвано. Оказывается, лес шел на топливо для паровозов. Люди выскакивали из вагонов, разбирали пилы и топоры, приготовленные в тендере, и через несколько часов можно было ехать дальше. Революция действует быстро. В Москве сотни и сотни деревянных строений. Раз это необходимо, пусть деревянные дома исчезнут! Кирпичный завод разберет этот дом, пекарня — другой; запылают балки — будет обжигаться кирпич и выпекаться хлеб. Остались одни голые фундаменты; в предместьях вы их видите немало. Но Москва вместе с тем и строится.

«Работать! Работать! Работать!» — выкрикивают улицы, требует весь город, мертвый только для незрячих. Миллионы рук лихорадочно трудятся на восстановлении того, что уничтожили империалистическая и гражданская войны, на закладке фундамента будущего, которое поднимется неизмеримо выше всего, что было в прошлом. Москва живет. Россия живет.

На площади Профсоюзов, бывшей Скобелевской, стоит памятник революции. Обелиск.

На обелиске надпись: «Кто не работает, тот не ест!»

Республика осуществляет этот лозунг на практике.

■

— Не хочешь ли взглянуть на Сухаревку, товарищ?

Да, Сухаревку тоже необходимо видеть.

Это большой рынок возле Сухаревской башни, внушительной постройки в стиле Ренессанса из красного кирпича. По обе ее стороны — ряд зданий, тесно прижавшихся друг к другу и составляющих одно целое, нечто похожее на куб. Здесь то же, что мы видели на углу Театральной площади и Охотного ряда, но в увеличенном масштабе. Продается все, что только можно продать. Помимо прильнувших друг к другу лавочек, тут множество импровизированных ларьков с овощами, мясом, молочными продуктами, бельем, мылом и большим выбором духов; здесь стоят люди с кувшинами молока и с плетеными корзинами у ног, другие держат свой товар в руках, на земле свалены груды старой мебели, есть тут и длинные ряды с антикварными книгами. На Сухаревке вы купите все, от бриллиантового колье и роскошной кровати до веника и поношенных домашних туфель.

Здесь как на настоящей ярмарке: в одном месте из граммофона доносится популярная песенка пролетарского поэта Демьяна Бедного, в другом вытягивают «судьбу», играют гармонисты, белобородый китайский иллюзионист собрал вокруг себя толпу зевак и показывает незамысловатые фокусы. Толчея, шум и гам. Это Сухаревка. Постоянный московский рынок.

Мы уже в России месяц, наши капиталистические глаза пригляделись, наш западный мозг кое-что понял, и теперь можно расспросить о ценах. Они таковы: фунт картофеля, то есть четыреста граммов, стоит 125—150 рублей, в зависимости от качества, фунт хлеба — 280 рублей, блин из черной муки — 350, лепешка — 160. Тонкий ломтик конской колбасы, которую тут же поджаривает на подсолнечном масле мужчина в белом переднике, продается за 100 рублей, яйцо — за 200, большая селедка — за 800, маленькая — за 200, телятина — за 800. За фунт масла

просят 2000 рублей, за фунт творогу — 650, кружка молока, примерно треть литра, стоит 190 рублей. Молоко в Москве — продукт довольно редкий. Из общественных запасов его выдают школьникам, больным и семьям с маленькими детьми. Никто иной претендовать на получение его не может. Но на Сухаревке молока сколько хочешь...

О Сухаревке русский коммунист говорит с большой неохотой. Он считает ее болячкой на теле Москвы. И все же Сухаревку терпят. С помощью спекулянтов в город доставляются продукты, которые иным путем туда бы не попали. Доходы спекулянтов не вечны. Сейчас кажется, будто «Чрезвычайка» исключила из своей программы борьбу с мелкой спекуляцией, но как только будет налажен подвоз продуктов, отряды чекистов снова выйдут на улицу, разметут Сухаревку, нагонят страху и наведут порядок.

Фантастические цены предназначены не для рабочих. Трудящийся человек показывается здесь лишь изредка, а в среде коммунистов считается позорным покупать что-либо на Сухаревке. Трудящиеся — будь то заводские рабочие, служащие или школьники — регулярно получают обед и ужин в чистых столовых, а помимо того для себя и членов семей — продуктовые сухие пайки. Через свои организации они получают и так называемые карточки на предметы широкого потребления, и ордера на одежду. Сейчас всего этого еще немного, но жить все же можно, а количество выдаваемых таким путем товаров растет с каждой неделей. Все, что покупает рабочий человек, он приобретает довольно дешево. За фунт хлеба, который на Сухаревке стоит 280 рублей, он платит 1 рубль 80 копеек, а рубашка, за которую на Сухаревке запросят 2—4 тысячи, на складах белья Совета рабочих и крестьянских депутатов стоит от 75 до 240 рублей. Мы живем в стране, где радужная бумажка, носящая название «деньги», имеет цену лишь в руках того, кто вдобавок к ней имеет еще и удостоверение, в котором значится, что его владелец — человек трудящийся. Плата за труд в этот переходный период все еще выдается деньгами, но они уже утратили многое из своего прежнего значения, и недалек час, когда их можно будет увидеть лишь в музеях, и посетители станут удивляться тому, что ради этих вот бумажек и металлических кружочков в свое время люди вели войны, душили друг друга, занимались проституцией и кончали жизнь самоубийством.

Вот там вы видите тех, кто уже недолго сможет ежемесячно тратить по двести тысяч. Они стоят у правого крыла Сухаревской башни — два длинных ряда — и ждут покупателей. Это бывшие благородные дамы и девицы. Они равнодушны, а глаза их холодны. Через руки этих женщин переброшены новые шелковые платья, кружевные панталоны и рубашки, чулки, перчатки, вуали, молча держат они гребешки, лорнеты, театральные бинокли. А если вы замедлите шаг и какой-либо из них почудится в вас настоящий покупатель, она посмотрит направо и налево, нет ли тут кого-нибудь нежелательного, сунет руку в карман и вынет бриллиантовый перстень. Трудно поверить, но они привыкли стоять на Сухаревке и торговать бриллиантами, в которых еще три года назад ходили на балы к губернатору. Есть ли среди них достойные сострадания? Безусловно. Революция сурова, могуча, она словно буря, которая сметает на пути все прогнившее и трухлявое и насыщает воздух озоном. А они не способны понять это. Не поймут никогда. Умрут, но свет истины так и не озарит их сознания. И даже умирая, они будут думать о том, какая ужасная несправедливость была проявлена к ним, когда у них отняли деньги, выжатые их отцами и мужьями из крестьян и рабочих, когда их принуждали мести улицы — выполнять работу, которая испокон веков предназначалась для бедных и необразованных, а не для них.

Но возникает вопрос: не создает ли Советская Республика, мирясь со спекулятивной торговлей, новую буржуазию, едва ликвидировав старую? В РСФСР знают об этой опасности, но не боятся ее и готовы ее встретить. Революция еще не завершена. Сменилось оружие, но классовая борьба не прекратилась, власть по-прежнему принадлежит пролетариату. Здесь нет классово разнородного «демократического» парламента, который бы болтал, торговался, выкручивался, примирял, занимался интригами и который скомпрометировал бы, свел к компромиссам и утопил в болоте революцию. Как поступит диктатура пролетариата с классом новых богачей, я не знаю. Однако не вызывает сомнения, что она его не потерпит. Была же ведь выкорчевана старая, могущественная, самоуверенная, глубоко укоренившаяся буржуазия; будет выкорчевана и эта, однолетняя. А если кому-то удастся сохранить часть денег, бог с ним! Цель революции — не искать с фонарем последнего на свете «буржуа», а уничтожить старый и построить новый общественный порядок.

В сиянии весеннего дня белеет Сухаревка, переливается волнами мерцающих красок. Одинокий островок старого мира.

Второй дом Советов

Мы живем вдвоем в большом номере с тремя окнами, выходящими на улицу; сомневаюсь, чтобы в Праге было много столь просторных комнат. Здание, в котором мы живем, занимает целый квартал на Театральной площади, в нем семьсот номеров, и называется оно II Дом Советов. Два с половиной года назад оно еще носило название «Метрополь» и было самой большой и современной московской гостиницей.

В штормовые дни конца октября 1917 года это здание являлось крайней точкой, которой еще владели юнкера, захватившие Кремль, было их правым флангом. В «Метрополе», кроме обычного буржуазного общества, тогда жило немало офицеров (русских и из других стран Антанты), жил там тогда и профессор Масарик, и в отеле было много оружия. Когда рабочие, получив известие, что контрреволюционеры заняли Кремль, вышли из заводских и фабричных ворот на улицы, из окон и с крыши отеля по ним открыли стрельбу. Завязался бой, и несколько дней гостиницу осаждали. Пролетариату удалось занять Малый театр, находящийся на противоположной стороне улицы, окна в окна северной части «Метрополя», и между двумя зданиями началась перестрелка. Стены Малого театра вокруг окон до сих пор еще все в красных отметинах — это пули пробили штукатурку и оставили на кирпиче круглые углубления. В конце концов большевики подкатили орудие и стали стрелять по «Метрополю» снарядами. Но сейчас все уже восстановлено, и только на ребре нашего дымохода виден небольшой полукруг обнаженных кирпичей. Сюда попал снаряд. В большом зеркале в вестибюле зияют два звездчатых отверстия, а одно из окон нашей комнаты аккуратно прострелено винтовочной пулей.

Незадолго до Октябрьской революции «Метрополь» купил за пятьдесят миллионов рублей один русский сахарозаводчик. Когда отель осаждали, он спрятался вместе с прочими несражающимися обитателями дома в подвальное помещение и при каждом попадании снаряда причитал: «Еще пятьдесят тысяч долой!» Он оценивал свой урон слишком скромно. Сотни снарядов по гостинице так и не выпустили. Но даже, если бы он всякий раз произносил со вздохом: «Еще пятьсот

тысяч долой»,— все равно оценил бы каждый из этих орудийных выстрелов чересчур дешево. Ведь для новоиспеченного хозяина гостиницы дело кончилось хуже, чем если бы ему оставили голый фундамент. После революции «Метрополь» был национализирован.

«Национализация» — слово, звучащее вполне респектабельно. Но представьте себе, что в ваш дом врываются вооруженные люди, и среди них вы узнаете бывшего сезонника со своего сахарного завода. «Николай Алексеевич, или Сергей Варфоломеевич,— обращается он к вам,— эта гостиница, за которую вы две недели назад заплатили пятьдесят миллионов, больше вам не принадлежит. Коли вам некуда преклонить свою разнесчастную голову, можете остаться здесь, каждому члену вашей семьи будет отведено по отдельной комнате, если же вы намерены жить в ином месте, будьте добры очистить помещение!» Такая национализация еще вчера называлась грабежом, а пример сей столь нагляден, что на нем можно было бы обучать школьников. Но мы, прекрасно зная, что это происходило «с ведома хотя и против воли» Николая Алексеевича или Сергея Варфоломеевича, сидим в его плюшевых креслах, моемся в его фарфоровом умывальнике и спим под стеганными одеялами, которые по человеческому и божескому праву принадлежат ему, тем самым соучаствуя в грабеже, что карается законом согласно параграфу такому-то и такому-то. То есть так можно было бы рассуждать вчера. Сегодня грабителем был бы сочтен бывший хозяин гостиницы, если бы он с вооруженными людьми ворвался в нашу комнату и захотел нас оттуда выставить. Просто-напросто изменились правовые отношения. Дело в том, что «человеческий и божеский порядок» отнюдь не представляет собой нечто постоянное и неизменное. Придет время, и людям будет трудно понять, что когда-то один человек занимал семьсот помещений в «Метрополе», владел домами в Петрограде и Москве, да еще несколькими виллами в Крыму, а другой столь же или даже более полезный член общества с семьей из десяти человек ютился между тем в тесном подвале.

Во II Доме Советов живут главным образом советские служащие, а поскольку за углом находится Наркоминдел — так коротко именуется Народный комиссариат иностранных дел, то есть министерство иностранных дел,— здесь обитают многие его работники, начиная с народного комиссара товарища Чичерина и кончая самой скромной машинисткой или курьером Скуркой, совершающим поездки между Москвой и Ревелем. Мы все одинаково едим, одинаково живем (за большую комнату, впрочем, платят несколько дороже, наша стоит восемь рублей в сутки), у всех есть электрическое освещение и телефон, все бы одинаково пользовались ваннами, если бы хватало дров для подогрева воды; в танцевальном зале внизу устраиваются одинаково доступные всем лекции и концерты. Мы все равны. Я — товарищ, ты — товарищ. Или, как говорил Гавличек, живший в эпоху панов: «Я — пан, ты — пан!»

В восемь утра приоткрываются двери: «Можно?» Это пришли две работницы убирать номер. На пасху они два дня не являлись, во время народных праздников тоже не приходили, в эти дни никто не работает, и нет причин, чтобы именно они составляли исключение. Вынесите-ка, товарищи, ведро сами, постелите постели и принесите воды — это все детские игрушки. Одежду тут вам никто не вычистит. А кто ленится вычистить ее сам и хочет, чтобы его принимали за опустившегося буржуя, может ходить грязный. Когда мы спали тут первую ночь, то обнаружили сосуд, назначение которого у человека из цивилизованной страны не вызывает сомнений. Но на следующий день, вернувшись откуда-то, нашли свой номер уже убранным, а на столе записку: «Горшок мы убрали, но просим вас, товарищи, в другой раз этого не делать, напротив есть уборная. Это не входит в наши обязанности.

Уборщицы». Мы устыдились до глубины души. Взаимоотношения между горничной и теми, кого она обслуживает, совсем иные, чем в буржуазных семьях на западе. Прислуга еще существует. И в частном услужении тоже — в семьях, где оба, муж и жена, работают. Правда, уже появляются детские сады (я сам видел несколько), но их еще не хватает. А за детьми кто-то должен присматривать. Однако прислуга — полноправный, исполненный сознания собственного достоинства член общества, в социальном отношении находящийся на том же уровне, что и наниматель.

С двух до шести подают обед. В кассе Дома Советов вы покупаете себе на полмесяца вперед обеденные талоны по восемнадцать рублей каждый и по десять рублей талон на ужин. Там же оплачивается и все остальное: жилье, продукты, которые вы получаете, белье. Прачечная находится в том же доме, точно так же, как парикмахер, получающий месячное жалованье. Едят за столами, застланными белыми скатертями, в роскошном зале, обитом шелком, с хрустальными люстрами, позолоченными подсвечниками и плюшевыми креслами. Сидим все вместе, рабочие и крестьяне, приехавшие из европейских и азиатских деревень на заседание съезда Советов или профсоюзов, солдаты, студенты, работники Наркоминдела, персонал II Дома Советов; элегантная молодая женщина — хотелось бы даже сказать барышня — с вуалью и сапфировыми сережками рядом с товарищем в фартуке, который метет тротуары и сжигает на дворе мусор, вынесенный из наших комнат. У двери сидит судомойка и в лохани с горячей водой моет серебряные обеденные приборы, отдаваемые ей теми, кто выходит из столовой.

Во II Доме Советов, кроме большой кухни, есть еще малая с плитой на сорок конфорок, и там почти целый день варят. В течение двух месяцев, которые я здесь прожил, я не покупал на рынке ничего, кроме мелочей: однажды у меня кончилось курево, и я за сто рублей приобрел десяток паршивых папирос, в другой раз мне не захотелось идти в соответствующее учреждение за ордером, и я раздобыл за двести рублей примитивную деревянную миску и еще за пятьдесят рублей — деревянную ложку к ней.

Рабочие ругают снабжение. И порядком-таки ругают, причем умеют достаточно резко высказать свое недовольство прямо в глаза народным комиссарам. Но когда они собираются на заседания Советов или профсоюзных организаций, то выясняют, что пока ничего лучшего сделать нельзя. Они знают, что ни одно правительство не умело бы лучше организовать снабжение, чем их собственное, и что любой иной общественный порядок обеспечивал благосостояние лишь единицам, а у большинства отбирал последнее. Рабочие и крестьяне вдоволь насмотрелись на это в областях, которые на протяжении двух с половиной лет находились под властью контрреволюционных войск и в которых был установлен старый режим. Это одна из главных причин, почему русский народ так предан советскому правительству, никогда не даст его в обиду и защитит от любых врагов.

Недавно произошел такой случай.

Вместе с рабочими в поезде ехал какой-то служащий Совнархоза — по новой революционной терминологии, это сокращенное название Совета народного хозяйства, высшего экономического органа. То был один из тех, кого только Сухаревка заставила работать на Советскую власть и кого здесь все называют «редисками», поскольку они красны лишь снаружи, а внутри все еще остались белыми. Рабочие ругали снабжение, и он вместе с ними. Но, служа в Совнархозе, он знал подробности, рассказывал о них, и рабочие ругались еще хлестче. А когда злость их достигла особого накала, этот человек сказал:

— Вот видите, какова ваша Советская власть, которой вы так добивались!

Но слова его мгновенно изменили всю обстановку.

— А, мать твою так! Вот оно что! Вот ты что за птица! Ну нет, братишка, такой фокус не пройдет. Советская власть делает ошибки, но это наша власть, понятно?

Они стали советоваться, не вышвырнуть ли «редиску» из окна. Но потом передали его в руки ближайшей «Чрезвычайки».

Пан Ярослав Квапил!

Вы прислали мне в Москву письмо, в котором выражаете радость по поводу моего благополучного прибытия в Россию и высказываете надежду, что я буду беспристрастным наблюдателем и постараюсь увидеть, «как там сегодня обстоят дела во всех сферах искусства и культуры, каким образом осуществляется приобщение масс к искусству и как при этом обеспечивается необходимое уважение к творческой индивидуальности», и заверяете меня, что «все полезное» из моего рассказа о России Вы «охотно постараетесь применить в культурной политике нашей республики».

С большим удовольствием расскажу Вам все, что знаю, только очень боюсь, что Вы ровным счетом ничего из этого не сможете использовать в Чехословацкой демократической республике.

Когда я получил Ваше письмо, я уже знал о Советской Республике много, а Вы из газеты «Народни листы» и прочей чешской периодики не могли узнать о ней ничего достоверного, и потому вовсе не Ваша вина, что Ваше послание напомнило мне письмо старосты из одной деревушки, насчитывающей пятьдесят дворов, своему односельчанину, служащему поваром где-то в Нью-Йорке:

«Милый Йозеф! Присматривайся ко всему, что там делается нового, чтобы потом завести это и у нас». Разумеется, повар Йозеф будет писать о вещах, которые привлекли его внимание: о подземной и надземной электрических дорогах, о небоскребах, отелях, великолепных кухнях, кинематографах, бегах и боксерских матчах, а пан староста из всего перечисленного самое большее сможет организовать на храмовый праздник любительское состязание боксеров и сказать потом, что, как только у него появятся время и средства, он и в остальном поднимет свою сельскую общину до нью-йоркского уровня.

Скажу только следующее: Народный комиссариат просвещения затратил в 1919 году на свои нужды 17 211 651 944 рубля (длинная цифра, не правда ли?), а за первое полугодие 1920 года — уже более ста миллиардов рублей. Как я слышал, бюджетные ассигнования на вторую половину 1920 года будут в несколько раз больше. И это лишь часть денег, которые в России расходуются на просвещение и культуру, поскольку организационная перестройка не везде доведена до конца и в работе учреждений по сей день немало параллелизма. Так, значительную часть функций комиссариата народного просвещения до сих пор осуществляют профсоюзные организации, которые через сеть библиотек, клубов и т. д. добираются из центра до самой отдаленной провинциальной фабрички. Учебный отдел Красной Армии работает в войсках. И обе эти организации, то есть профсоюзы и армейский отдел имеют собственные средства, не включенные в упомянутые выше сто миллиардов.

Как Вы, пан Ярослав Квапил, собираетесь поставить это дело в «нашей республике»?

...О народном образовании, интересующем Вас, о постановке школьного дела, об уникальном учебном заведении, носящем название Рабочий университет, я напишу отдельную статью, которую Вы, если заинтересуетесь ею, сможете прочесть позднее. Вы спрашиваете, что делается во всех областях искусства. Большую часть своей жизни Вы посвятили театру. Поэтому начну, пожалуй, с нескольких слов о театре.

Прошу Вас, не верьте сказкам наших журналистов, будто здешний театр пребывает в запустении и упадке. Не верьте и тому, что первый трагик получает тут столько же, сколько билетер, и потому каждый хочет быть билетером и никто — трагиком. Все московские театры работают, все ежедневно переполнены, и билеты нужно доставать задолго до спектакля. Художественный театр так же великолепен, как прежде (это те знаменитые москвичи, которыми несколько лет назад восхищалась и Прага); в голос знаменитого Шаляпина влюблены все барышни (теперь к ним обращаются — «товарищ») точно так же, как три года назад; постановки «Пиковой дамы» Чайковского и «Садко» Римского-Корсакова в Большом театре надолго останутся недостижимыми образцами, а московский балет (Вы ведь знаете, как любят русские балет) ничего не утратил от прежней славы и блеска. На оперетту и кабаре тоже никто не покушался — к своему сожалению, я обнаружил в программе «Графа Люксембурга» Легара. Так что и за судьбу такого рода искусства не приходится опасаться. Закрыли только самые пошлые и вульгарные кафешантаны, которых прежде было в Москве великое множество. Не сомневаюсь, что, по крайней мере, в этом негативном мероприятии Вы с удовольствием пошли бы по стопам русской революции, но и такой малости Вам не позволят, поскольку шантаны приносят «нашей республике» доход, и все прочее должно отступить на второй план.

Что ставят в московских театрах? Разыскиваю старый театральный вестник с 26 апреля по 2 мая (он издается всегда на неделю) и выписываю для Вас программу на 27 апреля.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР: опера Бородина «Князь Игорь»

МАЛЫЙ ТЕАТР: Бомарше «Свадьба Фигаро»

МАЛЫЙ ОПЕРНЫЙ: опера Рубинштейна «Демон»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР (те самые прославленные москвичи): драма Чехова «Дядя Ваня»

СТУДИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА: пьеса Андреева «Молодость»

ТЕАТР ГАБИМА: трагедия Пинского «Вечный жид»

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР: пантомима Деманда «Покрывало Пьеретты»

ТЕАТР КОРША: трагедия Мережковского «Царевич Алексей»

ТЕАТР К. НЕЗЛОБИНА: «Иудушка» — драма по роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»

НАРОДНЫЙ ДОМ ИМЕНИ РАБОЧЕГО ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА: комедия Мольера «Проделки Скапена»

ВОЛЬНЫЙ ТЕАТР: мелодрама Джакометти «Гражданская смерть»

НИКИТСКИЙ ТЕАТР: оперетта «Гейша»

ТЕАТР «ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ»: закрытый вечер актеров; кроме того, тут названы еще представления двух цирков. Пожалуй, французскую декадентщину, которую, помнится, ставили и в пражском Национальном театре и которая именуется «Покрывало Пьеретты», здесь не следовало бы играть, революционному народу она ни к чему,

но в целом репертуар очень хороший, не правда ли? Вы не найдете тут ни одной заведомо низкопробной вещи.

Это тоже одно из преимуществ Советской власти. В шести пражских театрах Вы не увидели бы такой программы даже раз в год.

Как Вы видите из печатного репертуара московских театров, здесь главным образом отдают предпочтение реалистической драме, в которой русские достигли подлинных вершин. Вполне вероятно, Вам недостает здесь революционных пьес. И мне тоже. Но мы с Вами оба знаем, что драматическим искусством нельзя командовать, и, может быть, пройдут еще десятилетия, прежде чем появится подлинный драматический гений этой великой эпохи человеческой истории. Но революционная драматургия уже существует, и на сельских и малых городских сценах уже ставятся новые пьесы. Спрос на новую драматическую литературу велик, условия для ее создания прекрасные, нет недостатка и в энтузиазме, так что многие отважно берутся за перо. Я прочел несколько таких пьес, в большинстве своем они тенденциозны и пока не возвышаются над средним уровнем. Интересна лишь «Мистерия-Буфф» Владимира Маяковского — комедия в стихах, символически изображающая пролетарскую революцию. Пьеса новаторская по стилю, идее и сценическому воплощению. Когда-нибудь — я в это верю — можно будет показать ее и у нас. Нынешняя буржуазная публика ее не приняла бы, а на малой рабочей сцене эту вещь не поставишь. Только что изданную историческую мелодраму А. В. Луначарского «Оливер Кромвель» я тоже везу домой, и если у меня в Ревеле не отберет книги Антанта-освободительница, в Штеттине — товарищ Эберт, а в Подмоклях — любимая родина, Вы сможете ее прочесть. Пока что избытка по-настоящему хорошей революционной драматической литературы тут еще нет, но Вы бы не поверили, как революционно в эту эпоху и в этой обстановке может воздействовать старая литература. Что таков Максим Горький — само собой разумеется, ведь в нем — зарождающаяся пролетарская революция со всеми ее элементами, с самым дном нищеты, с бунтарством, с разложением буржуазного общества и зрелым самосознанием рабочего класса. Что таковы Толстой, Чехов, Андреев — тоже понятно, ведь это вчерашний день России, который лишь политически отошел в невозвратное прошлое, но и Шекспир и Мольер здесь совсем иные, чем виденные нами в Европе.

Скажите, что общего у Мольера с революцией? Я видел в Москве «Скупого». Наверно, Вы помните сцену, где жених дочери Гарпагона прячет его деньги и старый скупец в отчаянии мечется по сцене, оплакивая свои пропавшие золотые, помните, как в припадке безумия он вскакивает, таращит глаза на публику, тычет пальцем в ярусы. «Ты, ты их у меня украл,— стонет и молит: — Верните мне мои золотые! Верните мне мои золотые!»* Это сцена, где комедия на миг превращается в трагедию, зрителю становится жаль старого ростовщика, и по спине пробегает холодок. Актер Малого театра исполнял эту сцену почти так же хорошо, как покойный Мошна **, и уже с первых его слов я предвкушал собственное удивление масштабами человеческого эгоизма и корыстолюбия. А московская публика? Это великолепная несентиментальная революционная публика, заполнившая царскую и дворянские ложи, партер и ярусы. Гарпагон плачется из-за своих денег. Публика смеется самым искренним смехом, какой я когда-либо слышал. «Верните мне мои золотые!» — «Ни копейки, старый фараон! Много бы сейчас таких нашлось! Много вас бегает по Москве, тех, кто еще вчера выжимал из нас кровь и пот и превращал их в золотые, а сегодня, когда мы отняли на-

---

* Ольбрахт здесь вольно пересказывает монолог Гарпагона из заключительной сцены 4-го действия комедии Мольера.

** Мошна Индржих (1837—1911) — выдающийся чешский актер.

житые чужим трудом богатства, заламывает руки, хнычет и молит... Ох, не сосчитаешь, милок, сколько их! Так что же, все им вернуть?» Театр сотрясается от смеха. Ведь на Гарпагоновы золотые были приобретены все те прекрасные вещи, которые теперь принадлежат нам, ведь это наши золотые, ты, негодяй, выжал их из нас, а теперь мы за эти золотые сидим в Малом театре, куда раньше ходили только цари да богачи. Лопни со злости, старый сквалыга! И меня, приготовившегося увидеть такое изображение общечеловеческого порока, от которого мурашки пробегут по коже, что-то заставило смеяться так, как я уже много лет не смеялся.

Таково здесь драматическое искусство, к которому мы привыкли издавна. Но коллективный дух русской революции нашел выражение также в новом театральном искусстве. На свободных естественных площадках разыгрываются представления, носителями идей и действия в которых являются уже не индивидуумы, а массы. Это нечто более грандиозное, чем тот тип театрального спектакля, который на Западе создал Рейнгардт, и нечто совсем иное, чем наши представления на лоне природы. Одна такая пьеса называется «К мировой коммуне», и я видел ее изумительной июльской ночью в Петрограде перед открытием 2-го Конгресса III Интернационала. Хочу описать Вам это зрелище. Представьте себе открытое пространство шириной шагов в шестьсот на Васильевском острове между Большой и Малой Невой и двумя мостами. Раньше оно называлось Биржевой площадью, теперь переименовано в площадь Театров. Там стоит бывшая биржа, огромное белое здание, построенное в стиле греческого храма, фронтон его украшен десятью дорическими колоннами, к которым во всю ширину здания ведет лестница ступеней в двадцать. Между двумя центральными колоннами поставили помост с монументальным троном. В представлении ему отведена особая роль. В нескольких сотнях шагов от биржи стоит деревянная трибуна для делегатов Конгресса. На площади Театров сгрудилось более четверти миллиона людей. Время десять часов вечера, над городом только что опустились сумерки, знаменитая петроградская белая ночь, а скоро уже снова взойдет солнце. Слева из-за широкой глади Невы мерцает золотой купол Исаакиевского собора, за нашей спиной—сотни тысяч раз преданная проклятью Петропавловская крепость. И надо всем — широкий, необъятный свод вечернего неба.

Раздался пушечный выстрел. На фасад биржи — греческого храма — упал слепящий луч прожектора. С обеих сторон колоннады выезжают глашатаи на белых конях и звуками фанфар возвещают о начале представления. Откуда-то слышится пение горнов. Невидимый оркестр не смолкает уже до конца представления. Из-за колонн появляются короли и усаживаются на троне. За ними в великолепных парадных мундирах придворные, банковский и промышленный капитал во фраках (никаких карикатур), блестящие господа и дамы — все они располагаются у ног своих владык. Строевым шагом проходят ряды солдат и полиции, окружая избранное общество неприступным кордоном. Вот внизу, под лестницей, забренчали цепи. С обеих сторон площади из вечернего полумрака к белым ступеням приближаются длинные вереницы рабочих, мужчин в темном с молотами и женщин с мотыгами на плечах, и выстраиваются рядами на нижних ступенях. Начинается повседневный труд. Согбенные тела. Руки вздымаются вверх. Молоты звенят металлическими ударами, точно бьют в медь колоколов. Минутами слышится бряцанье цепей. Те, наверху, ярко освещенные, танцуют «Венский вальс» Штрауса. Образуется треугольник, в основании которого — труд. На вершине роскошь. Но вдруг в одной из групп внизу что-то заволновалось. Над черной массой возникает белое полотнище с заголовком «Коммунистический манифест»: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут

же они весь мир!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Однако на призыв никто не откликается, и плакат напрасно путешествует по рядам рабочих. Его подхватывает лишь горстка французов. Они вклиниваются с ним в толпу, но толпа рассеивается, тает, вершина треугольника недоступна, она окружена войсками. А кучка коммунаров внизу продолжает стоять. В центре ее появляется красное знамя. Коммунары атакуют лестницу. Первые ряды падают под выстрелами солдат, но атакующие устремляются через них вперед. Буржуазия и короли бегут. Черная группа оказывается на самой вершине и сбрасывает трон. Наступает эпоха Парижской коммуны. Весело звучит «Карманьола», и коммунары танцуют под красным знаменем. Буржуазия исчезла со сцены, но не капитулировала. Из одного угла колоннады вниз по ступеням сбегает полукругом цепочка французских, из другого угла — прусских солдат, они соединяются и неожиданной атакой пытаются овладеть вершиной. Наверху строят баррикады. С обеих сторон стреляют. Силы неравны, и Коммуна терпит поражение. В центре лестницы последняя группка связанных черных коммунаров скошена ружейным залпом. Но красное знамя укрыто и сохранено для будущего. Вот под лестницей вспыхнули два костра, и два облака черного смолистого дыма поднимаются вверх, огромные тучи дыма обволакивают сцену темной вуалью, сквозь которую лишь смутно видны белые фигуры женщин, оплакивающих мертвых. Рыдает траурный марш Шопена...

Не стану рисовать подробности. Вы — старый театральный деятель и понимаете, о чем идет речь. Перечислю лишь основные вехи развития действия. Реакция победила. Ярко освещенные вновь сидят на тронах, а темные внизу сгибаются под еще более тяжким бременем. Основан II Интернационал, и шеренга пухлых господ (они несколько карикатурны) с желтым флагом, огромными связками большущих книг и пачками газет садится на лестницу и погружается в чтение, образуя новую преграду между правящими и угнетенными. А наверху уже начинает создаваться новое европейское равновесие сил, появляются флаги Антанты и центральных держав, звучат гимны, в том числе и наш разлюбезный блаженной памяти «Сохрани нас, господи!» *. Ощущение напряженности все возрастает, приближается мировая война. Происходят первые столкновения. На свободном пространстве перед сценой дважды ринулись друг на друга и промчались на полном скаку сквозь строй противника отряды казаков и прусских улан со вскинутыми наперевес копьями. Внизу растут толпы пролетариев, вздымаются кулаки, слышатся протестующие выкрики. Опять появляется красное знамя Парижской коммуны, плывет над толпой, и кучка рабочих несет его наверх — вождям II Интернационала. Но те слишком заняты своими газетами. Кучка рабочих расстреляна полицией, знамя сломано и брошено на землю. На плечи черной толпы внизу вскарабкивается человек с новым знаменем и бросает в негодующую массу людей мятежные слова. Раздается выстрел — и человек (мы узнаем в нем Жореса) падает. Буржуазия грозит врагу смертью и прославляет войну. Лидеры II Интернационала минуту колеблются, затем каждый из них берет национальный флажок и направляется агитировать среди пролетариата. Жандармы разгоняют рабочих в обе стороны. Война неистовствует. Толпы плачущих женщин. Длинные вереницы уходящих на фронт солдат. Носилки с первыми ранеными. Кучки инвалидов. И вот начало революции. Под оглушительную винтовочную пальбу через площадь молнией проносятся грузовики с матросами, над головами которых реют красные флаги. Пролетариат опрокидывает царский трон. Принимается за строительство

* Гимн Австро-Венгрии.

нового мира. Потом — борьба с контрреволюцией. Окончательное изгнание буржуазии. Раздается вопль буржуазии всего мира, высокий, протяжный, словно бы вырвавшийся из сотен корабельных сирен. Советская власть занята созидательным трудом, а старый мир тем временем рушится. На берегах Невы пылают пожары, раздаются взрывы, огромные столбы дыма затягивают реку. Когда дым рассеивается, вспыхивает светящаяся надпись: «Да здравствует III Интернационал!» Все кончается апофеозом. Над Невой рассыпается фейерверк, и тысячи красных звезд загораются в небе. Торжественно звучит «Интернационал». Четверть миллиона зрителей и актеры на сцене стали единой массой...

Не хотите ли Вы, пан Ярослав Квапил, применить этот опыт в «культурной политике нашей республики»? Я не говорю о его грандиозности и великолепии и не утверждаю также, что «К мировой коммуне» — чудо искусства, но я имею в виду дух этого представления. Чешская буржуазия убила бы Вас.

В спектакле, описанном мною, участвуют четыре тысячи актеров, не считая войск, которых значительно больше. Постановка осуществлена совместными усилиями ряда мастеров сцены, музыкантов и художников. Может быть, Вы усматриваете в этом посягательство на «необходимое уважение к творческой индивидуальности»? Я — ни в малейшей степени. Каждый из этих художников может творить сам для себя, как ему угодно, в коллективе он должен подчиниться интересам общего дела и единому плану.

Но коллективный дух художественно проявляется и в меньших масштабах. Энергично и со значительным успехом культивируется не только хоровое пение, но и хоровая декламация. Это уже нечто новое. Отдаленно это напоминает античный хор, средневековые религиозные песнопения или современную ораторию.

Театрами здесь ведает театральный отдел Наркомпроса (это сокращенное название Народного комиссариата просвещения), и они пользуются широкой художественной автономией. Как раз сейчас организуется Народная театральная библиотека, выработан проект создания Театрального университета, основана актерская академия «Институт живого слова», ряд специальных актерских школ, устраиваются циклы общедоступных лекций о театре, издаются журналы.

Что за фильмы тут показывают? Прежде всего никаких похождений сыщиков, никаких кровавых историй с убийствами, никаких идиллий о человеколюбивых банкирах и их благородных дочурках, никаких картин о преступных япончиках. Преобладает русская реалистическая драма. По пьесе Андреева поставлен фильм с прекрасными снимками зимнего русского города, один из лучших, какие я здесь видел. В город, где находится монастырь с чудотворной иконой Спасителя, который стал благодаря этому местом религиозных паломничеств, к трактирщику, разбогатевшему на человеческом суеверии, возвращается из-за границы сын — революционер Савва. Он мучительно переносит гнет темной силы, нависшей над родным городом и семьей, ненавидит тех, кто ради своекорыстия обманывает народ, и решает уничтожить чудотворную икону. К осуществлению своего плана он привлекает одного из монахов. У Саввы есть сестра, экзальтированная религиозная девушка, которая любит своего брата, но предана также и старым религиозным традициям. Она узнает о готовящемся террористическом акте в тот момент, когда монах принимает из рук Саввы адскую машину, и ей удается уговорить монаха покаяться во всем перед настоятелем монастыря. Так тот и поступает. Духовенство, сначала потрясенное, придумывает затем коварный план. В назначенное время взрыв действительно происходит, но перед этим монахи убирают чудотворную икону, а потом вешают ее,

нетронутую, над обломками разрушенного алтаря. Произошло чудо! Звонят колокола, со всех сторон сбегается народ и падает ниц на землю. Савва стоит посреди заснеженной площади. Народ узнает в нем злоумышленника и убивает его... Или я расскажу Вам о фильме, который называется «Отец и сын». Отец-рабочий служит в белой, контрреволюционной армии, сын — у красных. Молодой коммунист попадает в плен, заключен под стражу и наутро должен быть казнен. При смене караула часовым у его дверей случайно оказывается отец. Он узнает сына, возмущается его изменой и в гневе хочет убить его собственной рукой. Что ж, пускай убивает — революционер смерти не боится, но пусть отец сначала позволит ему кое-что сказать. Не внять такой просьбе, разумеется, нельзя. И молодой пролетарий спрашивает: «Помнишь?» Перед глазами старого солдата белой армии возникают картины: он работает на фабрике, а его дочь служит у фабриканта. Тот соблазняет ее. Хозяин предлагает отцу деньги, но рабочий рвет их и бросает ему под ноги. Отец лишается места. Начинаются бесконечные поиски работы, долгое ожидание у фабричных ворот, которые навсегда закрыты для него, ему приходится до конца испить чашу горечи, познать тяжкую нищету и унижение. Вместе с безработным отцом страдает и опускается все семья. Все, что имело какую-либо ценность, уже продано. Кабак и водка — последнее прибежище. А выбраться из этой ямы ох как трудно! «Помнишь?» — спрашивает пленный большевик своего стража. И тот начинает вспоминать. Близится утро, и оба бегут, чтобы пробраться к частям Красной Армии,— отец и сын.

Итак, пан Квапил, как Вы видите, это фильмы тенденциозные. Но и в той, и в другой картинах тенденция естественная, ненавязчивая, подсказанная эпохой и классовой борьбой, иная, чем в американских боевиках и большинстве патриотических драм периода войны.

Кроме художественных задач, советский кинематограф имеет назначение и чисто агитационное.

Что киносъемочной камерой запечатлеваются такие повседневные дела, как субботники, спортивные выступления заводской молодежи, праздники или новые технические сооружения, работа на фабриках, события за линией фронта и т. д. и т. п., само собой разумеется, точно так же, как и то, что кино широко используется в школах. С его помощью воспитывают и взрослых.

Вы, конечно, хотите узнать что-нибудь и об изобразительном искусстве.

Так вот, прежде всего не верьте тому, что в Стране Советов варварски обращаются с памятниками искусства и что на петроградских новостройках можно видеть каменщиков, подпоясанных, вместо фартуков, полотнами Рубенса. Орган Наркомпроса «Отдел охраны памятников художественной старины» выполняет свои обязанности лучше, чем все учреждения царского правительства. Музеи содержатся в порядке, ежегодно им отпускается столько денег, сколько они не видывали за все время своего существования. Кремлевские коллекции и сокровища других царских дворцов в целости и сохранности, иконы висят на своих местах, в храмах и монастырях. Советская власть проводит большие восстановительные работы, церкви, представляющие собой особую историческую и художественную ценность, взяты под государственную охрану, чтобы их художественными драгоценностями не могли распоряжаться по своему усмотрению случайно назначенные попы и пономари. Был издан запрет на вывоз исторических ценностей за границу, большие частные собрания и галереи национализированы, и только благодаря этому почти в последний момент была сохранена для России проданная за границу «Мадонна» Ботичелли. В центре и в провинции возникло много

музеев, организуются передвижные выставки, устроены уличные витрины, в которых выставляются различные предметы искусства.

Теперь мастера изобразительного искусства имеют здесь бо́льшие возможности для проявления своей творческой индивидуальности, чем в старые времена. Как скульпторы, так и художники. По личному предложению Ленина Совет Народных Комиссаров утвердил проект сооружения около пятидесяти памятников деятелям мирового революционного движения и искусства. Я назову Вам несколько имен из этого списка, и Вы по ним сможете судить о том, насколько в Советской России проявляется необходимое уважение к «творческим индивидуальностям». Среди революционеров тут упомянуты Спартак, Гракх, Дантон, Марат, Робеспьер, Бабеф, Гарибальди, Стенька Разин, Герцен, Бакунин (несмотря на то, что, как Вы знаете, в России ведут упорную борьбу с анархистами, а с Махно сражаются и силой оружия), Желябов, Перовская, Плеханов (а Вам известно, как яростно боролись с ним перед революцией большевики и особенно Ленин), Бебель, Жорес и т. д. и т. п. Из писателей назову Байрона, Гюго, Гейне, Золя, Ибсена (писателя чисто буржуазного), Некрасова, Достоевского (врага социализма), Верхарна. Из художников — Рублева, Сезанна, Менье. Из музыкантов — Бетховена, Римского-Корсакова и Шопена, из актеров — Мочалова. Памятники частично уже готовы, над другими еще идет работа, памятник Робеспьеру был даже взорван контрреволюционерами.

Художники отдают предпочтение плакату и карикатуре. Плакат, первое приветствие революции, темпераментно выкрикнет вам свое «здравствуй!»* уже на первой станции, как только вы вступите на русскую землю, и не оставит вас в течение всего времени вашего пребывания в России. Плакат — термометр революции. Если температура и пульс нормальные, плакат произносит мудрые, успокоительные слова. Но одно неправильное биение пульса — и плакат уже сигнализирует о нем своим пылающим красным цветом. Жар поднимается, и плакат загорается кровью и огнем, а во время кризиса пронзительно зовет на помощь, бьет тревогу. Цвет его приобретает самый яркий, пурпурный оттенок, он весь полыхает пламенем. Кризис преодолен — и плакат смеется красным смехом. Жар спал. Алая краска плаката бледнеет, и он смеется весело и радостно.

Начало марта, когда я вступил на землю Республики Советов, вновь было порой созидания. Колчак разбит и пущен в расход, разбойничьи банды Юденича рассеяны, а для остатков армии Деникина Антанта просит милости. Плакаты ликовали. Радовались победе над Колчаком, Юденичем и Деникиным, выметенным огромной пролетарской метлой с русской территории; издевались над пузатой франко-англо-американской троицей, обращаясь к ней с призывом: «Капиталисты всех стран, соединяйтесь!» Они рисовали толпы рабочих и крестьян, с ликующими возгласами проходящих мимо Дворца труда и славящих власть Советов.

Наконец-то кончились мировая и гражданская войны и наступала эра мирного строительства. Заводы начинали работать, все здоровые люди вывозились в лес на заготовку дров, и плакаты поучали, какая это важная вещь — поленья, которые двое рабочих бросают в раскаленный горн. А когда заводские топки были хоть на ближайшие несколько дней обеспечены, рабочие двинулись к вокзалам ремонтировать паровозы — и на плакатах появились вагоны, склады с различными припасами, железнодорожники. Плакаты объясняли, что от исправности паровозов и регулярности железнодорожного сообщения зависит снабжение городов, изгнание призрака голода. Красноармейцы чинили железнодорожные пути и шоссе, построили с помощью гражданского населения мост через

* Слово написано по-русски.

Каму на два месяца раньше, чем было предусмотрено, и среднюю Россию снова можно было снабжать солью и зерном. РСФСР восстанавливала силы, и плакаты, как зеркало, отражали этот процесс. Все грамотное население было мобилизовано, чтобы учить людей чтению и письму и в течение трех месяцев ликвидировать неграмотность. И плакат с изображением рабочего, светящего дуговой лампой на кучу старого железа, взывал со стен: «Просвещение — оружие в руках пролетариата против гнета капитала!» Однако обнаружились дезертиры из трудовой армии, и плакат, до той поры довольный и спокойный, вдруг распаляется: «Глупец, погляди, кому ты служишь!» — топает на дезертира ногами и показывает толстого буржуя, приветствующего неожиданного союзника и с улыбкой пожимающего ему руку. Но это была лишь кратковременная тревога. Пришла весна и таянье, нужно было очищать улицы от снега, объявляется неделя домовой уборки, банная неделя, и плакаты, на этот раз небольшие, вновь приходят на помощь. Приближается праздник 1 Мая, который пролетариат впервые в отличие от прошлых десятилетий отметит не прекращением работы и не революционной борьбой, как в годы гражданской войны, а созидательным трудом. Это уже не подневольная работа на классового врага, а свободный и радостный труд для самого себя, своих детей и своей родины, которую только теперь обрел пролетариат. Готовится целое наводнение плакатов с лозунгом: «Труд свободного человека — праздник». Все готовятся Первого мая выйти на улицы и взяться за дело, которого кругом непочатый край. Уже шутят: «В этом году мы не будем портить дорогую обувь»,— смеется верхняя половина разделенного на две части плаката, изображая ряд мужских и женских ног на острых камнях, «Нынче мы исправим московскую мостовую»,— сообщает его нижняя половина, на которой нарисовано множество людей, склонившихся над мостовой.

В самом конце апреля поляки предприняли наступление, захватили Бердичев и приближались к Киеву. Капиталисты всех стран и вправду, соединились и погнали польский народ на войну против социалистической республики. России нельзя было позволить спокойно трудиться. Перекрестки города заговорили хриплым от гнева голосом. На них появилась голова польского шляхтича, напоминающая морду бешеного животного, у которого из пасти течет слюна. «Последний пес Антанты!» — стояло под ним. Еще одна война! Значит, снова отложить молоты и мастерки каменщиков, покинуть стройки, станки, канцелярии и взяться за оружие?! Но это уже последний пес!! Однако он оказался значительно опаснее, чем представлялось на первый взгляд, и глубоко вгрызся в тело России. Киев пал, связь с Одессой и украинской житницей была прервана, на юге начал шевелиться Врангель и угрожал соединиться с поляками. Опасность была велика. Плакаты зардели огнем и кровью. «Все на фронт!» — кричали они и били в набат. «Рабочий, берись за оружие!» «Хочешь возвращения прошлого?» — и плакат показывает с одной стороны кабак, с другой — тюрьму. «Смерть польским панам!» Смерть польским панам! Это кричат перекрестки, это на каждой бумажке, которую ты берешь в руки, это краской написано на деревянных заборах, на каждом свободном куске стены. «Долой шляхту! Да здравствует Польша, свободная от помещичьего ига!» «Ты записался добровольцем?» — обращается к вам с плаката красноармеец и тычет вам пальцем прямо в лицо. «Чем ты помогаешь фронту? — спрашивает другое изображение: — Оружием? Работой? Пропагандой?» Все способные держать оружие в руках и здоровые идут на фронт. Мужчины, женщины. Заводы и канцелярии пустеют. Смерть польским панам! А если революция провозглашает «смерть!» — это не пустое слово. Польские генералы после первого разбега остановились, заколебались и теперь удирают.

Оставили Киев, взорвали мост через Днепр, бомбардируют, отступая, город, казнят толпы схваченных рабочих. Большой красно-черно-белый плакат показывает все это советскому народу.

Шляхтич, последний цепной пес международного капитала, загнан в свое логово и обезврежен. Последний ли? Неужели действительно можно вернуться к полезному труду? Нет! На юге скалит зубы еще один. «Врангель еще жив. Добей его без пощады!» Это революционный плакат конца июля, поры конгресса III Интернационала.

Я посылаю, пан Квапил, домой ряд русских плакатов и прошу пана Борового сделать репродукции с них. Политическая полиция пана Швеглы * организована, как я полагаю, настолько плохо, что посылка дойдет по назначению в целости и сохранности. Моя коллекция, конечно, не может быть названа образцовой и даже более или менее полной, посылаю то, что мне удалось раздобыть. Помимо прочего, Вас безусловно заинтересует и тот факт, что вы обнаружите в посылке известный плакат Купки ** «Золотой идол», который в Советской России получил широкое распространение.

Карикатура хорошо чувствует себя на революционной почве. Особенно буйно расцветает она в пору или только в минуты, когда политический барометр показывает «ясно». Но она оптимистична и полна надежд даже в самое суровое ненастье. Она фигурирует на плакатах, в витринах, в сменяющихся время от времени циклах «Окон РОСТА» и отличается гораздо большей смелостью, чем чешская карикатура: при взгляде на нее у нашего мелкого буржуа не раз бы дух захватило. Брюхо толстого генерала проткнуто штыком; помещик, удирающий под ударами навозных вил; буржуй, стоящий на четвереньках и закусивший зубами уздечку, а верхом на нем пролетарий — это самые обыденные шуточки здешней карикатуры. Я посылаю домой несколько случайных образчиков. Так что пусть Вам не вздумается заводить в нашей республике русскую революционную карикатуру, Вы бы только напрасно напугали наших мелких буржуа и имели бы кучу неприятностей.

Несколько слов хочу сказать об оформлении празднеств. Знамена и плакаты, которые носят во время рабочих демонстраций,— это уже не просто пестрый кусок материи, прикрепленный к древку, как принято у нас. Это целые полотнища, которые несут несколько человек. А на них нарисованы сцены, символизирующие революцию, портреты большевистских вождей, здесь находит применение и орнамент, и декоративный шрифт. Во время общенародных празднеств дома увешивают красными полотнищами, спускающимися с крыши до самой земли,— и на них тоже подобные мотивы и надписи. Это выглядит весьма пестро и эффектно.

Популяризация искусства осуществляется в первую очередь через книги. Спрос на них велик, жажда знаний огромная. Я бы никогда не мог себе представить такую ненасытную потребность в чтении, если бы в течение нескольких месяцев не наблюдал ее здесь собственными глазами, иногда с восхищением, иногда с меланхолическим изумлением перед тем, сколько книг проглатывает молодежь. Пролетариат как бы хочет разом наверстать все, чего он был лишен столетиями. Неграмотный, которого только что научили читать, словно бы не может насытиться этими черными, прежде загадочными для него значками. Все молодые пролетарии хотят ускоренно получить школьное образование, которого им не дали раньше. Учеба в Рабочем университете — вот идеал каждого

* Антонин Швегла (1875—1933) — чешский буржуазный политик, министр и премьер-министр чешского правительства; в период написания книги был министром внутренних дел в правительстве Тусара.

** Франтишек Купка (1871—1957) — чешский график-карикатурист. Карикатура «Золотой идол» из цикла «Деньги» (1903) часто воспроизводилась в социал-демократической печати.

из них. Тиражи в 10 000 экземпляров не удерживаются на складе и трех дней. Знаний, знаний! В послевоенном революционном хаосе этот голод на книги местами принимал даже комические формы. Однажды в книжный магазин пришел представитель какой-то организации, оглядел стеллажи снизу до потолка, расставил руки и сказал: «Дайте мне этого вот до сих пор!» А на улице уже ждала приготовленная подвода...

Очевидно, вы понимаете, что при внешнем единстве внутри все время бурлит жизнь, ведутся споры и полемические сражения. Спорных вопросов много. Вы можете увидеть дискуссии в любом литературно-художественном журнале, и подчас они носят глубоко принципиальный характер.

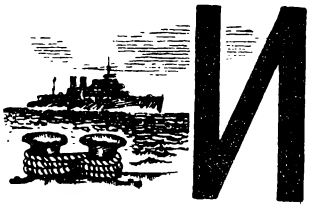
...Немало дискуссий вызывают и проблемы школьного воспитания. Совершенно особые школы созданы для детей художественно одаренных. Талантливая молодежь готовится к творческой деятельности уже с того возраста, когда впервые проявляются художественные склонности. О пользе таких художественных школ можно спорить, здесь о них много спорят, но одно бесспорно: они свидетельствуют не просто о необходимом уважении к творческой индивидуальности, но и о *чрезвычайном уважении.*

Это мой ответ на Ваше письмо, пан Ярослав Квапил, поскольку я полагал, что Ваше послание было продиктовано искренним интересом к Советской России и не означало лишь: «Вернись, блудный сын, и если будешь хорошо себя вести, можешь получить место в министерстве». А потом я также убежден, Вы не рассердитесь на меня за то, что я отвечаю Вам публично. Новой жизнью, которая возникла и развивается в России, кроме Вас, интересуются еще и другие.

С приветом И. О.

Москва, август 1920 г.

Небольшое приключение по дороге домой



Из Страны Советов мы ехали с транспортом военнопленных через Эстонию. Неподалеку от границы находятся две прославленные крепости. В резком изгибе широкой тающей Наровы, в месте, где ее течение особенно стремительно, стоят на скалах друг против друга, разделенные лишь руслом реки, бывшая шведская Нарва и русский Ивангород. Я возвращался с фальшивыми документами, очевидно, умершего в русском плену капрала Франца Герабека. Меня информировали, что на эстонской границе из страха перед большевиками устраиваются строгие осмотры, и потому я несколько недель растил себе бороду. Моя жена, Хелена Малиржова,* приехавшая следом за мной в Москву, отправилась другим путем, через Вайда Губу, в Норвегию. В норвежском Вардее ее арестовали, хотя и ненадолго, и в Прагу она вернулась позднее меня. Несчастные французские товарищи, которые на барке переправлялись морем в Норвегию, по дороге погибли.

Я ехал из России с большим транспортом пленных, среди которых нашел добрых товарищей, тоже ехавших в Чехословакию на партийную работу. На границе Эстонии нас высадили из поезда и повели в Ивангород, полуразрушенную крепость с просторными дворами.

* Хелена Малиржова (1877—1940) — чешская писательница-коммунистка.

Что мы тут делаем и зачем нас сюда ведут? Мы поняли это довольно скоро. На одном из дворов были поставлены сдвинутые в ряд столы, за которыми восседали незнакомые мужчины. Перед ними лежали какие-то бумаги. Некоторые из этих чиновников, видимо, были эстонцами. Я украдкой посмотрел, не знаком ли с кем-нибудь из них, но не узнал никого. Пленных ставили лицом к ним, они должны были так минуту постоять, и чиновники внимательно их разглядывали. Очевидно, это была профилактическая мера, предпринятая для того, чтобы большевистский яд не завезли в Европу. Но, кажется, все старания были тщетны. Во всяком случае, нескольких чехов туда легко пропустили.

Осмотр многих сотен людей — вещь не простая, и потому, когда нас одну группу за другой наконец перевели на соседний двор, было уже довольно темно. На широкой площадке стоял огромный цирковой балаган, а рядом с ним — полевая кухня. Вероятно, здесь мы переночуем. Когда все мы, пленные, собрались вместе, к нам подошел какой-то человек и заорал: «Zuerst die Reichdeutschen!» — то есть в первую очередь имперские немцы.

Немцев было множество. Их подвели к кухне и стали наливать им в котелки какую-то полужидкую собачью затируху, в которой плавали кусочки турнепса и картошки.

Через большой промежуток времени тот же человек заорал снова: «Dann Deutsch-Oesterreicher!» — то есть «теперь австрийские немцы».

Тем временем совсем стемнело. Человек кричит: «Dann die Ungaren!» — то есть теперь венгры. И наконец: «Die Tschechen und die übrigen!» — то есть чехи и остальные.

Но мы этого уже не стали ожидать. Ясно было, что за турнепсом и болтушкой нам пришлось бы стоять еще несколько часов. Мы влезли в цирковой балаган, пока там еще было место, и «чехи и остальные!» слышали через брезент, уже засыпая.

На следующее утро мы плыли без завтрака (его дадут на корабле) на множестве понтонов по Нарове к морю. Мы, чехи, добрались до ожидающего в море корабля первыми. С палубы раздался голос: «Die Tschechen zuerst!» — то есть сначала чехи.

Я по натуре оптимист и, когда мы влезли по трапу наверх, сказал товарищам:

«Есть все-таки на свете справедливость! В еде последние, зато здесь первые».

Нас увели в трюм. Не сказать, чтобы там было ахти как уютно, рядами стояли трехъярусные нары, на которые мы должны были взбираться по лесенкам. И тут мы быстро постигли все благородство оказанного нам предпочтения. Дело в том, что немецкие военные корабли разделены на три отсека. Если корабль торпедирован и один отсек уничтожен, два другие удержат судно на воде. В этот первый отсек нас и поместили. Тогда еще в море плавали мины, и если бы, не дай бог, с кораблем что-нибудь случилось, мы бы первыми взлетели на воздух. Но ровным счетом ничего не произошло. Это и есть то небольшое воспоминание, которое осталось в моей памяти.

Затем плавание до Свинемюнде, пересадка на поезд и возвращение в Чехию. В Либерце на вокзале я выпрыгиваю из замедляющего ход поезда и быстро вскакиваю в другой, отправляющийся в Прагу. Либерец был карантинной станцией, и я хотел избежать длительного пребывания там.

А затем декабрь двадцатого года, долгие бои и работа, работа, работа. Я и думать позабыл о продолжении своих очерков. И только по просьбе издательства «Свобода» возвращаюсь к ним в этом томике.

Перевод с чешского О. МАЛЕВИЧА

МАРИЯ МАЙЕРОВА

ТАМ, ГДЕ БЫЛ ХИТРОВ РЫНОК

Мария Майерова (1882—1967) — известная чешская писательница-романистка. В 1924 году посетила Советский Союз и по возвращении на родину выпустила книгу «Победный марш», отрывок из которой мы предлагаем читателям.

В сердце возрожденной Москвы, где весело позванивают трамваи, где неустанно бурлит двухмиллионный людской круговорот, есть страшный гнойник. На поверхности все здесь уничтожено гражданской войной, но под омертвевшей кожей еще тлеет жизнь. Знаменитый Хитров рынок представляет собой сегодня огромную груду развалин. Москва ремонтируется, и из этих развалин выбраны и сложены аккуратными штабелями уцелевшие кирпичи. Рынок сегодня — это яма, сплошные руины, сквозь оконные проемы синеет небо.

С Хитровым рынком связан замысел драмы Горького «На дне». И сегодня это еще дно, куда снесло водоворотом революции все человеческие отбросы. Отсюда по утрам выходили нищие, по вечерам — убийцы и воры. Здесь отсыпались в тупом бреду пьяницы и кокаинисты, картежницы, игроки, проститутки — человеческое отребье, приживалы рабочего класса. Купец Хитров построил трехэтажные дома типа казарм для людей, потерпевших крушение в жизни. Они переселились в это воровское гетто со своих чердаков и из подвалов, но продолжали влачить жалкое существование. Жена царя Александра III велела выстроить для этих людей нечто вроде биржи труда, где ежедневно нанимали на поденную работу тех, кому хотелось работать. Хитровцы, как правило, объединялись в артели и предлагали себя как самую дешевую рабочую силу. Большую часть хитровцев составляли вечные бродяги, и потому зимой людей в ночлежках было больше, чем летом. Первый солнечный луч выманивал их из мрака ночлежек, из царства вшей — в леса, к ягодам и грибам, к лесному зверью и птицам. У рек и прудов они срезали лозу, делали веники и приходили в город их продавать, а заодно договориться о какой-нибудь краже. На заработанные таким образом деньги потом жили некоторое время. Это были неисправимые люди, отбросы общества, люди дна.

Революция вихрем пронеслась по Хитрову рынку и немного очистила его. Сторонники радикальных мер — а среди них были и хитровцы — по-

Marie Majerová. „Vitězný pochod". Praha, 1954.

дожгли рынок, полагая, что уничтожат клопов, если сожгут постель. Но пожар уничтожил лишь несколько домов, пощадив остальные. В сохранившемся Хитровском переулке по сей день стоят дома Ярошенко, Румянцева, Кулакова.

Если вы встретите в Москве, где-нибудь у церкви оборванца, с остроумной живописностью выставляющего напоказ свою наготу сквозь разодранные лохмотья, то не сомневайтесь — перед вами житель Хитрова рынка. Юродивые, нищие, странники — ведь это о них мы знаем по произведениям русских реалистов. Если вы встретите стайку попрошайничающих детей, механически повторяющих молитву хитровских паразитов: «Тетенька, дяденька, дайте копеечку!», можете быть уверены — этих детей уже несколько раз ловили, умывали, одевали и помещали в детские дома. У них нет родителей; отцы и матери их исчезли в неразберихе гражданской войны, погибли от голода; дети стали бродяжничать и привыкли к вольной жизни. В Хитровке они ночуют, а днем прячутся от милиционеров.

Рабоче-крестьянская власть не сжигает дома хитровцев, а поселяет среди них рабочие семьи, чтобы они подавали им пример упорядоченной жизни в коллективе. В помещениях, где хитровцы все вместе жили на нарах, эти семьи поставили деревянные перегородки, на двери и окна повесили занавески. Именно это произвело на хитровцев впечатление.

— Мы тоже хотим занавески и перегородки,— кричали те, которые раньше с тупым равнодушием валялись на нарах. Занавески были для них первой ступенью к новой жизни.

В одном из домов поселились милиционеры. Теперь это логово у них перед глазами, и легче заниматься его очисткой. Сюда, в среду сплошной неграмотности, проникли первые буквари. В каком-то сарае установили дезинфицирующий аппарат «Гелиос». Он работает без остановки, денно и нощно. Голые хитровцы сами вертят ручку и бросают в барабан свою завшивленную одежду. За день здесь проходит до ста человек. Пришел очиститься от насекомых и бывший франт, подпоясанный веревкой. Ноги у него желтоватые, цвета слоновой кости.

В яме, среди развалин, семь женщин играют с подростком в карты на обед. Китаец сидит скрестив ноги и напевает; одни слушают его, другие ругаются. Девчонка в стоптанных мужских ботинках, с накрашенными губами, вызывающими взглядами выдает свое ремесло. Скандалисты бесчинствуют, эпилептики извиваются в судорогах, карманники ставят мировые рекорды. Разбойники и убийцы, бывшие деникинцы и шпики, опустошенные души, люди с неутолимой страстью к водке — все они здесь ночуют у предпринимателей того же пошиба — по четыре копейки за ночь.

Случилось однажды, что какой-то портной, картежник и забулдыга, проел рубаху, проиграл штаны, остался голым и не мог выбраться из Хитрова рынка. Отчаяние привело его к квартире двух рабочих. Он сорвал с двери надпись «Вытирайте ноги» с криком: «Какое вы имеете право подниматься, если мы лежим?» На дне!

Хитров рынок — незаживающий гнойник в сердце смеющейся Москвы, наследие старого, умирающего общества, которое исчезает, смывается потоком нового.

Перевод с чешского С. ПАРХОМОВСКОЙ

ЭГОН ЭРВИН КИШ

ЦАРИ, ПОПЫ, БОЛЬШЕВИКИ

«Неистовый репортер» Эгон Эрвин Киш впервые побывал в Советской России в 1925 году. Творческий итог поездки — книга, вышедшая в 1927 году, «Цари, попы, большевики», главы из которой мы публикуем ниже.

Россия проездом

Петроградский поезд прибывает в Москву на Николаевский вокзал и следует дальше с Курского, вокзалы очень близко, за 15 минут можно поймать санного извозчика, за 10 минут — доехать.

Иное дело — плацкарта: она у вас в руках, но ее нужно заполнить в кассе, вписав номер вагона и место, а это еще более долгая процедура, чем покупка марки на русском почтамте. Момент отъезда приближается с угрожающей быстротой, но человек в окошке отнюдь не торопится, а люди, стоящие в очереди, даже не нервничают, здесь у всех есть время и терпение, непостижимо много терпения.

«Москва—Севастополь», «Москва — Ростов», «Москва — Нижний Новгород» — написано на некоторых вагонах. Ну, это недалеко, примерно как от Рима до Стокгольма.

Более импозантны надписи: «Москва — Баку», «Москва — Тифлис» или даже «Москва—Владивосток»; до Владивостока в лучшем случае 14 дней, потом пересадка, узкоколейка, оленья упряжка, лыжи...

Синие международные вагоны разделены на первый и второй класс, в них сидят английские коммерсанты и немецкие дипломаты, один — генеральный консул в Тифлисе, другой — секретарь посольства в Персии, третий (господин в элегантной зеленой жилетке, вызывающей всеобщее восхищение) — закройщик из Тегерана.

В мягких вагонах желтого цвета едут «нэпманы», они не носят колец и элегантных серых жилеток, видно, что они вышли из низов, но уже обросли жирком, обзавелись сытым румянцем во всю щеку, довольны жизнью, не дураки поесть и не прочь выпить. В мягких вагонах едут чиновники по делам службы; «делегат», «мандат» и «командировка» —

Egon Erwin Kisch. „Zaren, Popen, Bolschewicken". Berlin, Aufbau Verlag, 1961.

весьма важные и популярные слова, некоторые произносят их с единственной целью — импонировать собеседнику, но сегодня в России не так легко выдать себя за ревизора, как во времена Гоголя.

Самые же интересные пассажиры (действительно интересные!) едут в темно-зеленых вагонах; тот, кто несколько дней или даже недель провел в жестком вагоне, имел счастье видеть и слышать старую и новую, северную и южную, восторженную и возмущенную Россию, познакомиться с прототипами всех литературных героев, от ветеранов наполеоновских войн, с таким благородством описанных Лермонтовым, до красных конников Буденного, которым посвящены дерзкие рассказы Бабеля... Здесь завязываются дружбы и знакомства, развертываются комедии и трагедии.

Публика смешанная, точнее не скажешь. Армии молочниц заполняют московские перроны, на рассвете они брали приступом город, теперь возвращаются домой, нагруженные гигантскими бидонами и мешками, в каждом из которых громыхают по шесть пустых алюминиевых кружек. Целые семьи едут на воскресенье за город, на дачу, где обычно круглый год живет дед. Торговцы скотом занимают отдельное купе. Хорошо выбритый молодой человек в безупречных гамашах, с безупречной складкой на брюках едет в Сухум по политическим делам, больше от него ничего не добьешься; студент педагогического техникума отправляется на Кавказ с женой и ребенком, он получил путевку в санаторий и бесплатный билет, ему, бывшему рабочему, государство выплачивает прежнее жалованье все время, пока он учится.

Головные платки всех цветов, от сдержанного серого до оптимистического пестрого. Одна дама — в шляпе и вообще при полном параде: шелковые чулки, лакированные туфельки, шелковая, шитая золотом, блузка, модная прическа «титус»; она все время угощает конфетами своего соседа, он инженер, едет в Джульфу по делам, его фамилия Шмидт, но он не знает, что это немецкая фамилия.

Мимо проползает Москва, оргия контрастов, азиатская деревня с домами в стиле американских небоскребов, розвальни и автобусы, дворцы в стиле барокко и деревянные хижины...

На кремлевских башнях сияют золотые царские орлы, между ними днем и ночью над куполами развевается красный флаг.

Сорок сороков восьмиконечных золотых крестов, опоясанных золотой цепью, истово устремляются ввысь, к богу, сорок сороков кроваво-красных пятиконечных звезд дерзко обращены против бога. А сами башни! Кто-то посадил в небе золотые луковицы, кто-то играл в футбол ананасом, и ананас так и повис в воздухе — на Красной площади собрались эмиры, шейхи и великие визири в пестрых тюрбанах и, сблизив головы, стали шептаться — о, Василий Блаженный! — про пикантные тайны гарема, кто-то торжественно поднял свой кубок, и кубок стал колокольней.

Над широкими деревянными полками висит большой фонарь, отчего вагон смахивает на блокгауз, люди сидят на полках один над другим, в три этажа; так они и будут спать. Простыня, одеяло, подушка — у каждого с собой, в простыню был зашит и этот и прочий багаж, теперь содержимое частично извлекается и расстилается на полке; кто не захватил постель с собой, может попросить у кондуктора; тот вынет белье из пломбированного чехла и превратит жесткую полку в мягкую постель, хоть на ночь, хоть на 10 ночей, три рубля все удовольствие. Детей кладут к стене, их в вагоне предостаточно, одни еще мочат пеленки, другие уже штаны, некоторые тихонько всхлипывают, иные вопят изо всех сил прямо в ухо соседа.

Столица проплывает мимо поезда, вот там в Марьинской больнице родился Достоевский, у изгибов Москвы-реки высятся бастилии с кре-

постными рвами, высоким валом и бойницами, с нами прощаются монастыри, старые деревянные дома, можно прочесть год постройки: Anno Domini 1796, значит, пожар 1812 года пощадил их; вагонный парк недалеко от железнодорожной насыпи, склады «Хлебопродукта», современные практичные здания, они могли бы стоять и в Гамбурге; снежные поля играют всеми оттенками белого, становятся голубоватыми, и перламутровыми, и серебряными, люди везут что-то в город на санях. Но город уже исчез, вместо него появились колодцы, вороны, кучи удобрений, березовые рощи, избы, развалины какого-то замка, похожего на гроб, обставленный канделябрами; кажется, что дворец не успели достроить потому, что его владелец испугался этого катафалка; маленькие домики с разрисованными коньками на крыше и резными ставнями, дачи, потом исчезают и деревни, и много часов подряд наш паровоз пыхтит, пересекая безбрежный снежный океан.

Проводник отобрал у нас билеты и теперь засовывает их в соответствующие карманчики складного планшета; в каждом вагоне два проводника, они сменяют друг друга и живут в одном купе. Время от времени по составу проходит главный кондуктор. Тот, кого плацкарта определила в блокгауз для некурящих, вынужден наслаждаться своей папиросой в тесном коридоре перед туалетом. Здесь происходят бесконечные политические дебаты, особенно если среди присутствующих находится пассажир из Германии, которого можно расспросить о Гинденбурге, Штреземане и Тельмане и о том, могут ли рабочие в Германии получить докторскую степень, какой отпуск получают беременные женщины и шахтеры, сколько стоит пуд хлеба и пара валенок и танцуют ли там фокстрот.

Во время дебатов иногда открывается дверь в туалет, папиросы присутствующих далеко не лучшего качества, а двойные окна на зиму герметически задраиваются.

За окнами воздух и снежная степь: леса редеют, появляются низкие хижины, крытые соломой, какая уж там резьба на ставнях, вместо заборов — низкие плетни. Иногда снег подымается вертикально и наверху распыляется темными лучами: это березовые леса.

В поезде двое рабочих играют в шахматы. Выбритый молодой человек в белых гамашах и выутюженных брюках, который — как всем известно — едет с политической миссией в Сухум, беседует со студентом, небрежно давая последнему понять, что он делегат, имеет мандат и командировку. Нарядная дама в шелковых чулках и лакированных туфлях уже сняла свою шляпу, она все еще грызет леденцы и конфеты и угощает долговязого инженера Шмидта. Пьют чай, разворачивают пакеты с едой, огромные караваи, огромные окорока, огромные колбасы, огромные сыры, все угощают и угощаются. Между вагонами перекинуты небольшие металлические мостки, их перекрывающиеся половинки ритмично ударяются друг о друга, поезд в России звучит совсем не так, как в Германии: таррара-таррара-бжинт, таррара-таррара-бжинт.

Женщины из курящего и некурящего купе, дама в шляпе, женщины в оптимистических и пессимистических платках, женщины без шляп и без платков осаждают пассажира из Германии: что носят теперь в Германии? Короткие юбки, длинные юбки, светлые чулки, темные чулки, мужские рубашки, джемпера — ах, да откуда мне знать? Они записывают свои адреса, умоляют прислать журналы мод, готовы уплатить вперед два рубля, три рубля, пять рублей — кто больше? А что танцуют в Берлине? Воленс-ноленс немецкий гость демонстрирует яву, блюз и чарльстон, люди забираются на полки и смотрят; таррара-таррара-бжинт, таррара-таррара-бжинт — играет джаз-банд.

Едва поезд останавливается на станции, как пассажиры выскакивают на платформу и стремглав несутся к деревянной будке, в недрах

которой бурлит котел; из крана на внешней стенке котла льется горячая вода. Все мыслимые и немыслимые сосуды, самовары, термосы, фляжки, кувшины, ведра заполняются кипятком.

В Туле штурмуют не только «Кипяток», но и прилавок с изделиями тульских мастеров — как будто золингенскую сталь нужно непременно покупать в Золингене, а не в Берлине! Все вещи — перочинные ножи, ножницы, утюги — бессовестно дороги.

Нам меняют паровоз, вместо одного ископаемого чудовища запрягают другое, старую машину откатывают прочь; с ее передней части каплет черный жир, задняя часть — снег и лед, искрящийся, как хрусталь.

Дважды звенит звонок, все бросаются к поезду, вагоны пронумерованы, чтобы даже самый тупой из пассажиров смог найти свое место, мы трогаемся дальше в новой упряжке, горячая вода превращается в чай; слева от нас — Ясная Поляна, тихая мирная деревня, хотя теперь уже всем известно, какие битвы вел здесь Толстой... Над Окой сверкает позолота купола, таррара-таррара-бжинт, вот и долина Днепра, за которой расстилается белое покрывало степи, обмазанные глиной хижины, плетеные изгороди. Монастырь несказанной красоты — обитель Коренши. «Я как монастырь,— любил говаривать Пауль Кассирер,— меня кормит образ». Обитель Коренши тоже кормилась за счет образа, которого, кстати, здесь даже и не было; в Коренше его только обнаружили и, по словам моих попутчиков, отправили в Курск, а оттуда каждую троицу переправляли обратно для совершения чудес, которые приносили монастырю миллионные доходы.

Снег на полях уже не стелется гладкой пеленой, как на севере, но образует глубокие борозды, даже зимой, под снегом, ощущается плодородность здешних мест; добротные крестьянские дома, большие сараи и амбары — мы на Украине.

Медленно подкрадывается ночь, пассажиры лезут на вторую или на третью полку, стелят постель или растягиваются прямо на деревянных досках; инженер Шмидт уговорил нарядную даму занять его место в партере, он сидит сейчас рядом с ней, она лежит в шелковых чулках, туфельках и шитой золотом блузке, большинство женщин в ночных кофтах и нижних юбках, мужчины спят не раздеваясь, в высоких сапогах или теплых шерстяных носках, дети капризничают, матери входят и выходят; когда дверь приоткрывается, в купе начинается сквозняк; если она вообще остается открытой настежь, раздается дружное ворчание, храп сотрясает все три этажа, таррара-таррара-бжинт, таррара-таррара-бжинт, у каждого под головой подушка и сапоги, все боятся воров. Мы лежим в блокгаузе, мимо нас мчится черная бесконечность. Только на станциях темноту разрывают фонари или красное пламя паровозных топок; даже ночью льется кипяток, на полу в залах ожидания спят сотни овчинных тулупов, сотни платков и сотни мешков, здесь тоже пахнет горячим чаем и горячими шерстяными носками, и спящие так же шумно сотрясают храпом воздух.

Проводница взмахивает фонарем, ее платок вспыхивает на мгновение алым пятном, второй звонок, поезд трогается: таррара-таррара-бжинт.

Перед Харьковом поднимается страшный шум, украли чемодан, скоро выясняется, что вор — стройный инженер Шмидт! Он не знал, что Шмидт — немецкая фамилия, еще бы, он носил ее очень недолго. Все лезут под подушки, проверяют багаж и деньги, у нарядной дамы исчезла сумочка, вот почему ей столь любезно уступили нижнее место, ну, что поделаешь, ничего: никто не составляет протокола, не снимает показаний, не посылает телеграмм, ничего. Нарядная дама сбрасывает свои туфельки и расстегивает резинки на чулках, полное поражение.

Все потягиваются, встают, туалет блокирован людьми с мыльницами и полотенцами. Белая страна стала черной, на горизонте ветряные мельницы, некоторые женщины остаются в шлепанцах и нижних юбках, складка на брюках хорошо выбритого мужчины, который едет в Сухум с политической миссией, исчезла, на коленях брючин образовались пузыри, а их обладателя уже не назовешь хорошо выбритым; зато сотрудник посольства и генеральный консул появляются на перроне в Харькове с безупречными проборами и воротничками, а закройщик из Тегерана демонстрирует свою новую жилетку, темно-желтую в серую полоску.

Вместо санных полозьев здесь можно увидеть тележные колеса — удовольствие, которого мы были лишены более полугода; в Москве еще царит диктатура зимы, а здесь она уже поколеблена наступлением ранней весны. Пашни кончаются, появляются груды пустой породы... Стоят рудоподъемные башни, толстые и спесивые, трубы, стройные и высокие, фабрики, терриконы, деревянные настилы. В вагон садятся местные рабочие, они спрашивают у иностранного пассажира, сколько недель отпуска полагается в Германии рабочему-металлисту, какую зарплату получает навалоотбойщик, надежны ли крепи в тамошних штольнях, предоставляется ли бесплатное санаторное лечение рабочим химических предприятий. В Артемовске построен недавно Дом профсоюзов Донецкого бассейна, на вокзале — бронзовый обелиск с именами рабочих, расстрелянных белыми в гражданскую.

На рудоподъемных башнях развеваются красные полотнища флагов — красное знамя над черной землей, из кирпичных труб вырывается дым — черное знамя над красной землей.

На всех остановках повторяется одна и та же картина: через низкий барьер женщины протягивают проезжающим корзины с яйцами и свежим хлебом или жареными цыплятами, цена которых колеблется от рубля до тридцати копеек, в зависимости от размеров станции; предлагают молоко. Вечером — степь, ночью — степь. На рассвете в Новочеркасске, столице донских казаков, в вагон садятся горожане, старые пассажиры не обращают на них внимания; мужчина в некогда выутюженных брюках совсем поблек, он не умывался с позавчерашнего дня, женщины остаются в нижних юбках, они стирают пеленки в раковине туалета и развешивают их для сушки в прокопченном тамбуре, нарядная дама уже не одевает лакированных туфелек и не застегивает резинок на чулках, таррара-таррара-бжинт. Кто хочет зайти в буфет в Ростове-на-Дону, должен привести себя в порядок. Вполне европейский вокзал: дамы с подбритыми и подрисованными бровями разгуливают по перрону, плевать и бросать окурки запрещается, штраф — три рубля: пассажиров просят пользоваться услугами официальных носильщиков, которых можно узнать по белым фартукам и жестяным бляхам. В ресторане с белоснежными скатертями можно получить великолепный форшмак, а в современном салоне обслуживает клиентов любезный парикмахер...

На вокзале сгружают мешки с пшеницей, табаком, овсом, шерстью, складские помещения теснятся к самому пассажирскому перрону, железнодорожные мастерские растянулись вплоть до другого берега Дона, через который переброшен мост.

Глубоко внизу — пойма, один из тех таинственных ландшафтов, о которых ничего не известно, ибо они месяцами погребены под водой, а потом вдруг воскресают из мертвых; недавно здесь еще водилась рыба, плыли по волнам бревна, трупы, корабли, а теперь здесь суша, по которой ходят люди; из кустов вылезают, потягиваясь, три бродяги, крестьянки тащат корзины и мешки, мужчины гонят волов и свиней, на окраине города — ярмарка, таррара-таррара-бжинт, степь, степь, степь, мелькает казачья станица, за ней аул, степь, степь, степь, опять станица, потом Кавказ.

В вагон вошли пять женщин, у них бесплатные билеты, они жены железнодорожников и едут в Батум, через пять дней и пять ночей они будут покупать контрабанду, чулки и шелк, которые привозят туда греческие и турецкие суда; пять дней и пять ночей займет обратный путь — предприятие довольно рискованное, но женщины уже не могут остановиться.

Старые пассажиры давно перешли на «ты», все сыграли друг с другом в шахматы, у каждого есть девушка, с которой он стоит по ночам в тамбуре или около уборной, все перегородки исчезли, в том числе шелковые чулки нарядной дамы, она теперь бегает по вагону в грязной ночной кофте и грязной нижней юбке, ах, как растрепалась ее некогда столь изящная прическа «титус»!

У отутюженного выбритого господина появилась ужасная щетина на подбородке и огромные пузыри на брюках, белые гамаши уже не серые, а коричневые, ничего не осталось от великолепия его политической миссии, учитель-рабочий кашляет все чаще, дети подружились с пассажирами, теперь они мочатся им на колени, а не на колени матери; если кто-нибудь спрашивает гостя из Германии о Гинденбурге, Штреземане или Тельмане или о том, сколько стоит в Германии стакан семечек или рубашка,— все отвечают хором.

Навстречу идут изотермические вагоны с минеральной водой, бутылка воды из источника «Нарзан», которая в московских гостиницах стоит пятьдесят копеек, продается здесь в ларьках по восемнадцать; двойная вершина Эльбруса, покрытая льдом, скачет вверх-вниз, за ним — Казбек в капюшоне тумана, и поэтому нельзя увидеть, там ли еще скованный Прометей, терзаемый орлом; Монблан по сравнению с этими горами — карапуз! Между тем мы прибываем на станцию Минеральные Воды, здесь высаживаются рабочие, ехавшие на курорт. В Грозном—белые цистерны с нефтью, трубы крекингов, новые рабочие поселки. На вокзале в Махачкале (в царское время город назывался Петровск) важно расхаживают черкесы в высоких каракулевых шапках-папахах, сидят, скрестив ноги, турки, надписи везде — тюркские, арабскими и латинскими буквами, последние только начинают входить в обиход; Махачкала — столица советской республики Дагестан. Здесь уже другое время, часы переводятся на час вперед.

Рельсы сворачивают на юго-восток, несколько часов подряд: слева — Каспийское море, справа — закат; потом слева — ночь, справа — тьма. Утром нас встречает грозный Нарынкол — цитадель Дербента; здесь проходил единственный путь из Азии на Север, который пролегал между морем и горами, древность, средние века и новое время боролись за него. Уже повергнут в прах древний трон Сассанидов, давно уже мусульмане не грабят сокровищ Ктесифона — и вдоль едва заметной стены Сассанидов высокомерно проносится железнодорожный состав: таррара-таррара-бжинт.

Появляется проводник и с особенным усердием подметает пол. В Баладжарах на запасных путях стоят сотни вышедших из строя вагонов — почему никто не снимет фильм «Остров забытых вагонов»? Особенность этого железнодорожного кладбища в том, что здесь покоятся только цистерны, самых разных цветов, форм и размеров.

Что значат эти вышки? Ах да, это буровые, старые и новые, рабочие поселки, старые и новые, наш идиллический блокгауз минует крекинговые предместья, Белый Город и Черный Город, какое-то странное строение, похожее на индийский храм, и на мечеть, и на византийский собор, это греко-католическая церковь, а вот и ханский дворец, и персидская крепость, и Баку — нефтяной город на горе у моря, voilà Naples tartare!

На вокзальных часах две часовые стрелки, одна показывает местное, другая — европейское время.

В газетном киоске можно получить берлинскую газету, хотя и трехдневной давности, рядом — журнал мод, мгновенно меня окружают дамы. Новые пассажирки дают свои адреса, умоляют прислать из Германии модные журналы и выкройки. (Но только две из них удостоятся этой чести, из которых одна получит два номера.)

Боже мой, как ужасно выглядит старая гвардия моих попутчиков! Ночные сорочки и нижние юбки уже не просто грязные, но и рваные, волосы всклокочены. Которая из женщин — нарядная дама с прической «титус»? А гамаши, гамаши заросшего господина (который едет в Сухум уже не с политической миссией, а с заказом от ленинградской оптовой фирмы на вагон лаврового листа), они были белые, серые или коричневые? — во всяком случае, теперь это черные обмотки.

А ведь мы еще не приехали, пейзаж за окном перемещается, таррара-таррара-бжинт, таррара-таррара-бжинт, грязевой вулкан, Сахара, по которой тянутся караваны верблюдов, они спускаются с гор и движутся вдоль полотна, корабли пустыни плывут параллельно поезду, горы, голая степь, виноградники, Генджа (бывший Елисаветополь), где в поезд садятся швабские виноделы из деревни Роза Люксембург, медные рудники, туалет опять осаждают люди с мыльницами и полотенцами, некоторые эксгумировали из недр своих чемоданов зубные щетки; может быть, ждет жених или невеста, может быть, они хотят еще раз произвести впечатление — на прощанье, многие собирают вещи; в садах при виллах цветут розы, желтые, красные и синие розы Грузии, со всех клумб льется зеленое сияние весны, а внизу в долине и на горах лежит столица Кавказа — Тифлис.

Лишь на мгновение она заглянула в окно и соблазнительно раскрылась перед нашими восхищенными взорами — все тщетно, поезд рвется прочь от искушения, бессильно опускаются руки, город съеживается, таррара-таррара-бжинт, купола гарнизонной церкви, над которыми возвышается теперь красная звезда, и вершины исчезают одновременно с развалинами персидской крепости, ботаническим амфитеатром, грузинским королевским замком Метех, потом на склоне возникает замок Давида, и от разочарования хочется закрыть глаза. Поезд въезжает в уродливый, коричнево-желтый пригород, неуютные дома с плоскими крышами, окна прекрасны только в полдень, когда они задвигаются черно-красными ставнями.

Каменный занавес очень красив, но когда он снова поднимается, видна азиатская деревня, отличающаяся от тысячи ей подобных только наличием нескольких крыш и красивыми новыми рабочими кварталами, в пустынных садах — одинокие деревья, по дороге бредут ослы и плешивые двугорбые верблюды. Слева, в горной пустыне — телеграфные столбы. Степь неожиданно переходит в соленое озеро. От Сандара начинаются надписи на трех языках — русском, грузинском, армянском. Пограничная станция — Садахло, ландшафт меняется, за окном — дикая пропасть, кустарник и мох, через каждые пять верст — караульный пост.

В Ахтале стоят французские медные заводы, они работают, но уже не принадлежат французам; большевики, отвергающие всякий национализм, создали единственное государство, на земле которого нет иностранных предприятий: они уничтожили у себя иностранный частный капитал так же, как уничтожают отечественный. Течение реки Бедедатчай, зеленой, как альпийский ручей, изрыгает на скалы белую пену, березы на берегу похожи скорее на расщепленные в верхней части телеграфные столбы.

Здесь мирно пасутся гривастые козы, пастухи сидят у глиняных мазанок, расположенных кругом, входами внутрь, как в индейском селе-

нии. Высокая гора образует водораздел между грузинской Курой и армянским Араксом, но поезду она не страшна, он ныряет в туннель и выныривает из него к ослепительному сиянию солнца и снега, лежащего на четырех вершинах и сотне пиков Аллахгоя и на его белом кратере. В Ленинакане мы останавливаемся, это бывший Александрополь, яблоко раздора трех царств: Грузии, Персии и Турции.

В 1920, да-да, в 1920 году турки увели отсюда 2000 самых прекрасных девочек и девушек в возрасте от 12 до 18 лет, ни одна не вернулась на родину, ни одна не подала о себе вести.

Серые цистерны с минеральными водами Кавказа заполняют пути, по рельсам бегут вагонетки, в лунном свете вырисовываются на горизонте каменные стены Ани, руины тысячи и одной церкви и крепости Багратидов; Ани — это армянская Помпея.

Уже виден Эчмиадзин, где вот уже 1600 лет находится резиденция армянского католикоса. Железнодорожная линия разветвляется, поезд громыхает дальше, таррара-таррара-бжинт, он торопится, дальше в Джульфу и Тавриз, в Персию.

Ледяной купол Арарата возвышается над долиной лугов и виноградников, над стадами и хижинами, похоже, что Ноев ковчег мог смело пристать к берегу именно здесь, где не страшен никакой потоп, даже библейский, а снег спокойно спит. В Эривани мы выходим.

Институт Маркса — Энгельса

Я попал в мастерскую по реконструкции великого дела, я был подавлен, потрясен интимностью архивов, этих черновиков, вставок, правок, пометок на полях, в которых оживало и дышало то, что всегда казалось мне статичным; меня захватила эта прямая воля к действию, она исходила из давно знакомых сочинений, представших передо мной в их первоначальном виде, на торопливых газетных листках; меня оглушила эта гора переработанного материала, поток полемических статей, протестов и обращений...

Выйдя из Института, я спускаюсь к Москве-реке. Как непохожа эта река с такой трудной судьбой на наш идиллический Ильм, на берегу которого я отдыхал после осмотра архива Гете — Шиллера в Веймаре, этом заповеднике немецкой интеллигенции прошлого.

Дом, откуда я только что вышел, тоже посвящен памяти двух немецких мыслителей, но княжеские милости не сыпались на них и восторги театральной публики не преследовали их, никогда они не шествовали из собственного дворца, окруженные толпой поклонниц, упоение любовной страстью было им чуждо, им не воздвигали памятников, напоминающих статуи античных героев, их книги не стали гордостью и украшением немецких домов, школьные учителя не произносят с благоговейным трепетом их имен, и дети не заучивают наизусть их биографий.

Преследуемые полицией и клеветой, вооруженные лишь знанием и отвагой, гонимые из города в город, из страны в страну, они всю жизнь боролись против сильных мира сего и умерли в изгнании.

Я сижу на пологом берегу реки, возбужденный, полный впечатлений, и пытаюсь представить себе жизнь двух социалистов, травлю, непонимание, клевету, нужду и их несокрушимую гигантскую энергию; у моих ног течет Москва — Ильм плескался иначе. Почему я вспомнил Веймар? Почему именно эта ассоциация? Ведь я видел столько удивительных святынь, храмов славы, памятных мест. За скромную входную

плату мне показали крестьянскую хижину, где сдался в плен некий император. Я видел выставленный для всеобщего обозрения автомобиль, в котором был убит некий наследник престола. Во Дворце Инвалидов я лицезрел обычный железнодорожный вагон, знаменитый лишь тем, что в нем было вручено некое требование о капитуляции. Разве я не осматривал семейные склепы и галереи фамильных портретов, огромные здания, битком набитые старыми мундирами и коллекциями орденов, или роскошные ложа под балдахинами, в которых некая принцесса со своими любовниками или некий принц со своими любовницами заботились о счастье и благоденствии подданных?

А какие безумно дорогие часовни воздвигнуты на том месте, где некое сиятельство избегло предполагаемой опасности, а какая помпейская роскошь сохранилась в домах, где родился некий ловкий государственный муж или, на худой конец, знаменитый поэт. Созданы музеи мод, музеи театральных декораций, музеи истории балета и музеи ювелирных изделий... Но никогда еще не было большого научного института, созданного в честь тех, кто постиг несправедливость общественного устройства, кто в тиши кабинета или на баррикадах доказал свое стремление к уничтожению человеческих бед и кто заплатил физическими страданиями за свое сострадание страждущему человечеству. Нет, никогда не создавалось учреждений с целью спасти и сохранить труды тех, кого монархи, политики и чиновники хотели обречь на забвение. Никогда. Иначе сегодня, в Москве, в Институте Маркса-Энгельса я не смог бы увидеть и пережить того, что сейчас, сидя на набережной, тщетно пытаюсь уложить в своем сознании, настолько я захвачен и ошеломлен. Иначе за пять лет не была бы собрана специальная литература, насчитывающая 200 000 томов: некогда актуальные брошюры и давно исчезнувшие из продажи книги, в том числе уникальные, оригинальные издания XVI века и несколько сот рукописей и рукописных документов.

И вот вдали от Германии, в доме у излучины Москвы-реки, в бывшем дворце князя Долгорукого, я увидел шкафы, все полки которых заставлены немецкими книгами по рейнскому вопросу, по истории города Кёльна, ибо там начинали свою борьбу «Рейнская газета» и «Новая Рейнская газета»; я, австриец в отставке, с восхищением смотрел на толстые тома и тонкие брошюры, на листовки, хронологически восстанавливающие ход революции 1848 года, все этапы социалистического движения в Австрии, вплоть до мировой войны и образования Красной Гвардии в Вене; здесь можно взять с полки все номера газеты «Форвертс» и даже ее предшественника «Берлинер фольксблатт», перелистать журналы времен прусской революции 1848 года, к которым я с таким трудом получил доступ в Берлине; в прошлом году, занимаясь в семинаре журналистов Швейцарского университета у моего друга профессора Веттштейна, я просмотрел все эмигрантские газеты и был немало удивлен, когда убедился, что в Москве удалось собрать значительно больше материала, чем в Швейцарии, где вся эта литература издавалась; гость из Чехословакии листал здесь сегодня редчайшие из редкостей своей отечественной литературы...

В кабинетах, в читальном зале, в музейной комнате с портретами, во всех помещениях работают иностранцы, которые находят здесь документы, недоступные им у себя на родине, а я сижу внизу, на набережной, листая записи и перебирая карточки с названиями книг. Этот дом — живая библиография, библиография в книгах; существует много специальных библиотек, например, медицинские, но только здесь — единственное место в мире, где изучается медицина, которая должна излечить всех.

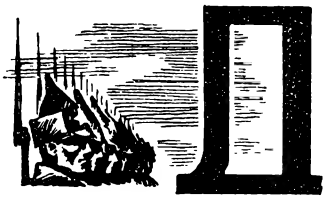
Я листаю свои заметки; вернувшись в Германию, я разыщу эти книги в Государственной библиотеке, теперь это будет легко — если они там

вообще есть. Вероятно, их там нет. Иначе бы немцы, сидящие в читальном зале и кабинетах, достали бы их в Берлине.

Дом оклеветанной и преследуемой науки, созданной для излечения общества, стоит там, где жили и умерли ее создатели — за границей.

Архив в изгнании.

Первое мая и пасха



Два самых больших праздника России, новый и старый, пришлись в этом году на один день. Одни празднуют воскресение господне, другие — Первое мая, праздник своего собственного воскресения.

Состоялись три демонстрации. Демонстрации настолько впечатляющие и мощные, насколько это вообще мыслимо для государства, основной принцип которого — организация, и для церкви, которая изучила психологию масс задолго до большевиков, но вместо громкой агитации использует тактику мягкого внушения, а это средство действует длительно, судя по вчерашнему вечеру.

Сначала был парад, обычный военный парад со всеми онёрами, как некогда на Марсовом Поле в Санкт-Петербурге или в наши дни на Марсовом Поле в Париже. Четкий квадрат построения, новые, с иголочки парадные формы, оружие на плечо, идеальное равнение, пехота, кавалерия, артиллерия, обоз; оркестры играют марши и гимны (даже немецкий «Шелленбаум»), звучат команды, несколько тысяч голосов произносят слова присяги. Потом салют из пушек, равнение направо, шагом — марш. Это везде так.

И все же не так. Хотя бы фон и декорация: вместо просторного военного плаца — зубчатая кремлевская стена с библейскими фресками и слоеными башнями, на которых до сих пор гнездится царский орел, у стены — могилы революционеров, напротив — универмаг, слева — Исторический музей, справа — самое колоритное строение в Европе: пестрый храм Василия Блаженного; около него — каменный помост для казней, Лобное место Ивана Грозного, здесь по его приказу рубили головы всем неугодным. Сегодня на внутренних гранях этого гигантского куба — Красной площади — укреплены 15-метровые плакаты на русском, немецком, английском и французском языках, призывы к единству трудящихся.

На Мавзолее Ленина — почетные гости, не такие, как на Марсовом Поле Петербурга или Парижа, никаких сиятельных князей в атласных орденских лентах, никаких дам, чьи декольте затмевают витрины ювелирных магазинов. Это представители народных комиссариатов и профсоюзов, но войска дефилируют не перед ними, а перед... сейчас мы это увидим.

Сами войска тоже производят необычное впечатление. И не потому, что на солдатах калмыцкие шлемы с красной пентаграммой, не в них дело. Дело в том, что рядовой состав выглядит так же, как офицеры; офицеры — не особая каста, это бывшие рядовые, а сейчас они уже командуют ротой или полком, бригадой или дивизией. Где яркий блеск генеральских мундиров, серебро галунов, золото эполет, где зеленые султаны и белые кители и золотые лампасы? Вот как раз объезжает строй один такой бывший рядовой, Ворошилов, народный комиссар сухопутных, морских и военно-воздушных сил, каждой войсковой части он кричит: «Здравствуйте, товарищи!» — и слышит в ответ то же приветствие. Он скачет верхом по большой площади, один как перст, с ним ни штаба, ни адъютанта. Потом оркестры исполняют гимн — «Интернационал», сложенный на Западе и переведенный на все языки мира прежде, чем его

разрешили петь в России: «Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда, владеть землей имеем право, а паразиты — никогда...»

Раздается команда: «К присяге!» Она грохочет со всех сторон. (Все радиостанции транслируют команды и текст присяги.)

Потом начинается парад. Тысячи солдат Московского гарнизона проходят церемониальным маршем мимо командира, который, спокойно улыбаясь, лежит в стеклянном гробу в черном костюме с орденом Красного Знамени: мимо Ленина. Перед Лениным опускаются широкие палаши, склоняются знамена и флаги, направо, на Мавзолей, равняются колонны. За пехотой идут красные курсанты, флот, ГПУ, кавалерия — эскадронами по мастям: сивые, вороные, буланые, потом пулеметы, легкие и тяжелые орудия, обозы. И вот — наконец! — со скрежетом выползают эти жуткие звери — танки; мостовая дрожит от гула, площадь пуста, словно все живое бежало перед ними, и становится почти страшно, когда они, эти бесколесные, безногие чудища, отдают честь мертвому Ленину, задерживаясь на мгновение у входа в его гробницу... На небе появляется эскадрилья аэропланов, они так высоко, что не слышно шума пропеллеров, вдруг они резко опускаются вниз, очень низко, кажется, что они падают, но они только склоняются над могилой Ильича и опять шумно взмывают вверх, над лозунгами, над фигурными башнями кремлевской стены, над царскими орлами и луковицами церквей.

12 часов дня. Подкатывают автомашины, приспособленные под ораторские трибуны (решетчатые стенки трибун образуют надпись «1 Мая»), приближается шествие рабочих. Все предприятия Москвы вышли на демонстрацию. Идут колоннами, по 10 человек в ряд. Число участников: 600 000.

Перед каждым предприятием движется знамя, за ним маршируют дети — сыновья и дочери рабочих, многие в красных пионерских галстуках, они несут эмблемы своей фабрики или завода: прялку или веретено, рубанок или молоток, автомобильную шину или башмак, булку или пачку папирос, нож или кирпич. За детьми идут комсомольцы, шестнадцатидвадцатилетние юноши и девушки.

Почти всегда впереди детей идет оркестр, а если его нет, ребята музицируют сами, в каждом пионерском клубе есть два барабанщика и два горниста, некоторые относятся к своему делу очень серьезно и барабанят что есть мочи, так что лопатки ходуном ходят, другие веселятся вовсю и, барабаня, подбрасывают вверх и ловят на лету свои палочки.

У взрослых тоже есть музыкальные инструменты, в каждом десятом ряду — гармошка или балалайка, группа девушек в красных платочках играет на гребенках, обтянутых папиросной бумагой, женщины держатся под руки и поют.

С крыши Моссовета видны обе части потока, справа и слева на целые километры — сплошь красные знамена и флаги, от окраин Москвы до самого центра — бесконечная красная река. Почти на всех транспарантах — цитаты, похоже, что 1 мая на улицах Москвы можно прочесть Полное собрание сочинений Ленина в 18 томах, да и Карл Маркс представлен сегодня весьма впечатляюще. Есть и афоризмы собственного сочинения, группа молодежи несет лозунг: «Мы — смена!» Очень много лозунгов на иностранных языках: немецком, французском, английском. Национальные меньшинства России представлены живописными группами, их появление производит фурор — татары в пестрых украшениях, кавказцы в бурках, узбеки, киргизы... Организация рабкоров несет транспарант с огромным портретом Франца Меринга.

Есть и сатирические плакаты, клеймящие Лигу Наций, фашизм и вождей II Интернационала. На одном плакате Муссолини в черной рубашке убивает Маттеотти. Карикатура на Каутского с подписью: «После моей смерти скажут капиталисты, что я был лучшим из социали-

сlов». А вот толстая кукла, Фридрих Адлер: «Четверть часа я революционером был, потому что мой папа меня рассердил!»

Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш, выступавший позавчера с протестом против русско-германского соглашения, изображен в виде марионетки, которую дергает за нитку Шнейдер-Крезо; Макдональд с огромной бутафорской подвязкой, которую несут три человека: «Honni soit qui mal y pense» *. И так много часов подряд. Демонстранты вливаются на Красную площадь двумя потоками, проходят мимо гробницы Ленина, восторженно приветствуют народных комиссаров, стоящих на трибунах. Старик Калинин, кажется, несколько сот раз кричал сегодня: «Дети рабочих и крестьян, будьте готовы!» — и несколько тысяч голосов откликалось: «Всегда готовы!» Ему не позавидуешь, старику Калинину, да и пионерам тоже: демонстрация длится шесть-семь часов, и все это время дети на ногах, они проходят весь путь вместе со своими старшими товарищами, рабочими московских предприятий. Самым маленьким — октябрятам, родившимся после Октября 1917 года, приходится куда легче, для них освобождены все автомобили, грузовики, такси, машины украшены гирляндами и лентами, у каждого малыша в руке флажок, он может размахивать им и кричать сколько душе угодно, и эти автомобили могут проехать везде, и даже колонна демонстрантов должна давать им дорогу и, разумеется, милиция.

Колонны все еще маршируют. Уже 7 часов вечера, красные флаги на домах освещены прожекторами, на общественных зданиях сияют серп и молот, Маркс и Ленин, пятиконечная звезда и надпись «1 Мая», трамваи не ходят, но витрины драпированы и иллюминированы, в клубах идут бесплатные кинофильмы и театральные спектакли.

В тот же вечер состоялась еще одна «демонстрация», и тоже такая, какой не увидишь нигде в мире: русская пасха, представление, полное средневековой мистики и средневекового экстаза. В церквах полно народу, люди стиснуты в толпе, у каждого в руке горящая свеча, тысячи огоньков отбрасывают свет на шитые золотом священные покровы, освещая только лица, волосы, руки святых, все остальное — в тени. Многие постились, запах воска смешивается с горячим дыханием голодных людей и запахом ладана, клубы которого висят под сводами. За четверть часа до полуночи священник выходит из церкви, за ним монахи, монахини, а после них те из прихожан, которым доверено нести иконы, но они не прикасаются к образам, а держат через платок, шествие завершают тысячи верующих, у каждого в руках шапка и свеча. Процессия выходит из церковных дверей и трижды обходит вокруг божьего храма, звонят колокола. Ровно в двенадцать процессия останавливается, двери открываются, седобородый архидиакон возглашает: «Христос воскресе!» — толпа вскрикивает, словно воочию узрев чудо: «Востину воскресе!» Это повторяется во время всей службы: «Христос воскресе!» — десять раз, двадцать раз, сто раз, и снова, и снова, пока не наступит утро, пока не разойдутся по домам есть кулич (пасхальный пудинг) и пасху (сладкое пасхальное блюдо). У выхода из церкви стоят и лежат калеки, они клянчат милостыню у женщин, торопящихся домой с горящей свечой, чтобы зажечь от нее лампаду под образами, и у тех православных, что осторожно гасят свечу и прячут в карман, дабы не афишировать свою причастность к религии...

Интересно, много ли здесь таких, кто шагал в первомайской демонстрации «против попов, дворян, капитала»? Конечно, много, но одно несомненно: этой ночью здесь не было молодежи, я не увидел ни одного молодого лица. Молодежь не знает, что происходило в страстную пятницу

---

* Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает (*франц.*).

тысяча девятьсот двадцать шесть лет назад и что случилось через два дня после этого, не знает и того, что именно празднуют в церкви. А если и знает, то не верит.

О беглецах и маленьких бродягах

елые армии бездомных подростков воровали и нищенствовали по городам и весям, ночевали в чистом поле, забирались в поезда, тряслись на буферах, лазили под колесами, чтобы зайцами добраться до сытых мест, удрать в Ташкент — город хлебный, в залитый светом сказочный Петроград * или просто куда глаза глядят: матушка-Россия велика... Девять вокзалов в Москве, и из каждого прибывающего состава выскакивали многоопытные, повидавшие белый свет, насмотревшиеся на людей мальчишки, шныряли мимо милиции и кондукторов, разыскивали приятелей, шлялись с ними по улицам, ночевали на помойках, в котлах, в афишных тумбах, в канавах, в подъездах, нищенствовали, воровали, выхватывали дамские сумочки. В Москве были тысячи таких маленьких бродяг, сейчас их сотни, хотя делалось все, чтобы отразить эту опасность, спасти детей для настоящего и для будущего. СПОН (Социально-правовая охрана несовершеннолетних) имеет в Москве четыре приемных пункта для беспризорных: два — для мальчиков, один — для девочек и один — для малышей от 4 до 6 лет; в этих коллекторах они проводят не менее двух месяцев, из коих 2 недели отводится на карантин; остальные 6 недель ребенок находится под наблюдением психологов и педагогов, после чего решается его дальнейшая судьба. Обычно его отправляют в один из 407 детских приютов Москвы; 100 из них предназначены для нормальных детей, которые могут посещать обычные городские школы; 65 — для нормальных детей, которые ходят в школу при интернате; 24 заведения — для дефективных детей, имеют учебные мастерские; еще 15 — также для дефективных, располагают учебными сельскохозяйственными фермами; имеются 14 детских домов для одаренных детей, где можно приобрести профессиональное образование и подготовиться к поступлению на рабфак; 10 учреждений представляют собой общежития для подростков, уже работающих на предприятиях; есть 3 детдома для слепых, 8 — для глухонемых, 2 — для умственно отсталых, 1 — для больных венерическими болезнями, 1 — для слабых здоровьем, 1 — для наркоманов и 1 — для эпилептиков; 109 домов предоставлены беспризорным ребятам в отдельных районах Москвы; есть 36 лесных школ с жилыми и учебными помещениями и 7 колоний — детских городков на 4 150 человек с общежитиями, мастерскими, конюшнями, сараями, школами, пришкольными участками и садами, где всем распоряжаются сами воспитанники; крупнейший из таких детских городков — Пушкино под Москвой.

Кроме того, существует детский ночлежный дом, куда можно прийти в 6 часов вечера, вымыться и получить чистое белье, а утром уйти, остаться в соседнем здании (там помещается однодневный приют) или добровольно явиться в приемник. В настоящее время в московских детских учреждениях постоянно живут 35 000 несовершеннолетних.

Сюда же, в коллекторы, передаются подростки, задержанные милицией и предстaвшие перед судом для несовершеннолетних. Собственно, такого суда нет, есть Комиссия по делам несовершеннолетних, и нет наказания, а есть только воспитательная работа, и нет «несовершеннолетних преступников», а есть просто «несовершеннолетние правонаруши-

* У Киша: Петербург.

тели». Здесь хотят избежать всего, что напоминало бы суд, преступление и наказание; только в случае очень тяжелых преступлений, совершенных подростками 14—16 лет, виновных передают в ведение народного суда, который может их осудить и направить в рабочий дом для молодежи — «Трудовой дом для юношей, лишенных свободы, от 14 до 16 лет».

Комиссия, состоящая из педагога (педагог — женщина), врача и судьи, озабочена не столько самим фактом правонарушения, сколько характером среды и ее влиянием на ребенка; комиссия заседает ежедневно и рассматривает дела задержанных немедленно, по мере поступления документов из регистратуры, находящейся в том же здании. Дежурный педагог знакомит комиссию с содержанием документов и протокола о причине задержания, потом документы, протокол и дежурный исчезают, и на сцену является малолетний правонарушитель. Беседа развивается примерно так:

— Здравствуй, Митя, опять к нам? Что ты натворил на этот раз?

— Апельсин стянул.

— Один апельсин? А не целый пакет? С весов? На Тверской?

— Ну, да, в ларьке.

— Когда это произошло?

— Час тому назад, а может, и два.

— Значит, ты не был в школе?

— Нет, не пошел сегодня.

— Только ли сегодня? Ведь лучше же сидеть в теплой школе, чем шататься по улицам в такой мороз. А отец с матерью разрешают тебе прогуливать?

— Им-то какое дело. Они на работе.

— Значит, нужно самому о себе думать. Хочешь вором стать?

— Я не вор.

— Конечно, не вор. Стащить пару апельсинов еще не воровство. Но это прямая дорога в уголовники. Особенно если прогуливать уроки. Обещай, что завтра же пойдешь в школу.

— Ничего не выйдет. Меня учитель выгонит, я уже восьмой день прогуливаю.

— Он тебе ни слова не скажет, мы дадим тебе записку, что ты не мог прийти. Ну, как, согласен?

— Ладно, согласен.

— Ты можешь дать слово, что пойдешь завтра же в школу, чтобы нам зря не писать?

— Честное слово, завтра пойду.

Следующий: парнишка лет тринадцати, оборванный, в рваных башмаках, маленький лоб, широкий подбородок, торчащие уши, украл на базаре пару галош. Рецидивист, уже два раза убегал из колонии.

— Значит, с тобой ничего не поделаешь? В коммуну ты не хочешь, в школу не пойдешь. Так, что ли?

— Я не умею, как другие.

— Научишься.

— Не научусь. Я в деревню хочу.

— Можешь ехать в сельскохозяйственную колонию.

— Хочу батраком, к дядьке. Могу за коровами ходить, за волами. Дядька меня сразу возьмет.

— Где он живет?

— Под Ленинградом, у него там хозяйство. Он меня в сарай пустит спать и пожрать даст.

— Когда же ты собирался к нему ехать?

— Были бы деньги, так хоть сейчас.

— Мы тебе купим билет и сегодня же посадим в поезд.

— А не врете?

— Нет, но ты нам обещай, что будешь учиться.

— Обещать-то можно, а что толку, мне в голову ничего не лезет, я вам сразу говорю...

Входит девушка, ей не больше пятнадцати; облезшая каракулевая шапка, стриженые волосы, кутается в лохмотья, занимается проституцией, семьи нет, два года назад ее изнасиловал домохозяин, задержана за кражу белья, просит не отдавать под суд. Ее направляют в соответствующее учреждение для девушек.

— Милиционеру вас провожать?

— Нет, я рада, что меня туда посылают.

— Вот вам деньги на трамвай.

— Спасибо, я пешком дойду. А мне там чаю дадут?

— Да, мы это сейчас устроим.

Звонят туда по телефону, просят приготовить чай и бутерброд, и она уходит.

Входит тринадцатилетний мальчик в красном пионерском галстуке. Украл в одном из государственных универмагов стопку записных книжек.

— Красный галстук надел, а воруешь?

Мальчик (с плачем):

— Я еще не давал торжественного обещания.

— А когда вступишь в пионеры, тоже будешь воровать?

— Когда вступлю, не буду. Пионеры не воруют.

— А что бы ты сделал с таким вот, вроде тебя, будь ты на моем месте?

Обвиняемый (подумав):

— Ну, поругал бы, и все. Я ведь первый раз и, наверное, больше не буду.

— Так и быть. Прощаем тебя на этот раз. Если ты понимаешь, что пионер не должен воровать, будешь человеком.

Рукопожатие.

В другом зале заседает «Опека». Здесь дети выступают в качестве обвинителей против своих родителей или опекунов. Девушка обвиняет отчима в попытке изнасилования; ученик предъявляет иск к мастеру, который эксплуатирует его и заставляет работать больше восьми часов в день; чей-то отец пропивает свою получку и получку жены, а семья голодает; другой папаша запрещает сыну вступать в пионеры; третий ни за что ни про что избивает сына. В большинстве случаев личность истца остается неизвестной, районный инспектор словно невзначай выясняет обстоятельства дела и, насколько возможно, вмешивается. Это требует особого такта, так как часто, например в случае с падчерицей, судебное разбирательство может иметь трагические последствия для третьего лица. Если выясняется, что обвинение обоснованно, приглашают ответчика, предупреждают его или передают дело в народный суд, который обходится с отцами строже, чем этот суд по делам о несовершеннолетних — с детьми.

■

Закутанные до глаз в тряпье, чтобы спастись от ночного ветра, холода и снега, вшивые, искусанные блохами, которые так и кишат в лохмотьях, служащих им одеждой, грязные и запаршивевшие от постоянных ночевок на помойках, в сломанных котлах, в кирпичных грудах и афишных тумбах, с разорванными нищенскими мешками и покоробленными мисками в руках появляются в коллекторе уличные бродяги. Их приводят инспектора, милиционеры или случайные прохожие, иногда они приходят и сами. Здесь их ни о чем не спрашивают, через несколько минут эти жалкие отребья человечества превращаются в детей, раздетые дого-

ла, они буйствуют в ванной комнате, прыгают в ванны, отфыркиваются под душем, их ровесники, как заправские банщики, трут их щеткой и мылом; едва успев вытереться, они попадают к парикмахеру, и тот хладнокровно стрижет каждого под нуль. Тем временем мешок и миска отправляются в дезинфекцию, а оттуда на склад.

Каждый получает чистое белье, черную косоворотку и в таком виде предстает перед регистратором, отвечает на вопросы об имени, возрасте, происхождении, биографии и болезнях; сообщает, умеет ли читать и писать, кем хочет стать, чем занимался и что натворил. Больных отправляют в больницу при коллекторе, у многих трахома, чесотка, сыпь, гнойные раны (результат драк, поножовщин или краж со взломом), два-три процента больны туберкулезом, не меньше одного процента — сифилисом. Здоровые попадают в одну из спален на 50 коек. Каждый московский детприемник рассчитан на 600 человек, а в 1921 году, во время голода в Поволжье, под защиту московских белокаменных стен бежало столько сирот, что в каждом приемнике жило до 2000 детей, и для каждого нашлось место. Один из приемников размещен в доме, судьба которого типична для многих общественных зданий царской России: здесь была казарма, потом дом стал разваливаться, в нем устроили приют для чиновничьих вдов, в начале войны здание обвалилось, остались только стены, но не хватало помещений под лазареты, больные и раненые сами восстановили здание и обжили его. После войны дом передали детям, рабочие района отремонтировали, побелили, покрасили его, работали вечерами, добровольно, бесплатно — на общественных началах.

Сюда принимаются мальчики в возрасте от 8 до 16 лет, и здесь работают восемь школ. Эти дети изучили географию России от Екатеринбурга до Одессы, технологию изготовления ключей и замков, номенклатуру железнодорожных перевозок, прейскурант цен на краденое и естественную историю всей съедобной фауны и флоры, но азбуки они не знают, с таблицей умножения незнакомы и о моральных нормах не имеют ни малейшего представления. Некоторые получили воспитание в семье, но потеряли родителей во время гражданской войны и интервенции и связались с уголовным элементом. Есть и такие, что успели приучиться к ремеслу, им нет и 12, но они уже сапожники, корзинщики, портные или столяры, они могут вернуться, если хотят, к своей старой профессии. Многие знают несколько языков (узбекский, польский, татарский), а один даже говорит по-немецки.

— Komm rin!* — гордо произносит малыш.

— Ну, а еще что ты знаешь по-немецки?

Он сжимает кулак и орет:

— Verfluchter Kerl! **

Это ругательство адресовано не мне, просто это вторая половина его познаний в немецком, которые он приобрел, пока нищенствовал в Республике немцев Поволжья: дружеское «Komm rin!» или злобное «Verfluchter Kerl!» — больше он ничего не знает.

С остальными вам придется объясняться по-русски, если вас интересует, что знают о мире дети России. Вы показываете на портрет Ленина и спрашиваете, кто это такой.

— Ленин был вождь рабочих и крестьян, он их освободил, чтобы они ели досыта и учились читать и писать.

— А кто эта женщина?

— Это Роза Люксембург, она хотела сделать то же самое в Германии, но ее царь расстрелял.

— А Либкнехт?

---

* Заходи (*нем.*)

** Проклятый парень (*нем.*).

— Это был муж Розы Люксембург и тоже хороший человек.

— А это кто, с бородой?

— Это Карл Маркс. Он был учитель Ленина и сказал ему, как все надо сделать.

— А кто такой Христос, знаете?

— Знаем. Крестьяне думают, что он бог, но бога нет.

В доме три пианино и рояль, на каждом бренчит какой-нибудь самоучка.

В клубной комнате полно мальчишек, они лежат животами на столах и играют в шашки. Шестнадцатилетний юноша играет в шахматы с восьмилетним малышом, карапуз ставит своему противнику мат в 4—5 ходов. На стенах висят ярко раскрашенные и исписанные каллиграфическим почерком большие картонные листы: стенные газеты. Они выходят ежемесячно, в них затрагиваются актуальные вопросы жизни детдома, сатирически и серьезно, но очень наивно. (Кстати, стенные газеты можно встретить на любом предприятии, в любом доме, забытое искусство Journaux d'affiche времен Великой французской революции возрождается в России.) В самом большом зале — сцена, каждую неделю воспитанники дают представление. В понедельник состоится премьера оперы Чайковского — без музыки Чайковского, только текст, а в антрактах оркестр балалаек сыграет «Интернационал», «Марсельезу» и несколько народных песен, у музыкантов как раз репетиция, но пришли гости, устраивается перерыв, и в честь немецкого друга оркестр исполняет «Mädel, ruck, ruck, ruck, an meine grüne Seite» *. Учитель, профессиональный музыкант, поправляет ошибки, вряд ли в этом есть необходимость, ребята необычайно музыкальны, и даже те двое, которым не хватило инструментов, остаются на местах и с полной серьезностью щиплют воображаемые струны воображаемой балалайки.

Рисовальный зал. Мальчики рисуют, учитель показывает, как обращаться с кистью, палитрой или цветными мелками и как лепить из глины. Самые младшие возятся со складными игрушками и книжками с картинками. Слесарная мастерская уже пуста, четырехчасовой день закончен, но в столярной мастерской еще работают несколько ребят. Они получили на это особое разрешение, им нужно побыстрей доделать санки, они торопятся, завтра или послезавтра они уезжают из коллектора.

Максимальный срок пребывания в коллекторе 2 месяца, потом ребенка отправляют в какое-нибудь из четырехсот детских учреждений: в рабочие или сельскохозяйственные коммуны, в детские дома для нервнобольных и больных, в детские городки, в различные рабочие школы или в какой-нибудь большой детский дом. В каждом из этих учреждений царит дисциплина; поддерживаемая выборными детскими советами, она настолько строга, что педагоги вынуждены иногда вмешиваться в интересах провинившихся. Маленький арестант восемь дней сидит один в спальне, пока другие уходят в столовую, товарищи приносят ему еду, но никто с ним не разговаривает; когда его спрашиваешь, что же он такое ужасное натворил, он начинает плакать, не он первый полез в драку. Ничего, в следующий раз, когда настанет его черед быть судьей, он им покажет, он их еще дольше продержит под арестом. Четыре члена хозяйственной комиссии, которым вместе не наберется и сорока лет, составляют меню на неделю, у них есть список, в нем 80 блюд.

Большим влиянием пользуется редколлегия стенной газеты, особенно один из редакторов, которого избирали в редколлегию уже дважды, каждый раз сроком на 3 месяца. Мой 12-летний собрат по перу рассказывает, как трудно было выпускать праздничный номер, посвященный сотой годовщине восстания декабристов. ведь туда надо было поме-

* Немецкая шуточная песенка «Девушка, иди ко мне...».

стить и шутки и карикатуры, а они нарушали торжественный характер номера. В клубе заседание совета пионерского отряда, все чинно сидят на стульях, словно старички, у председателя в руках колокольчик, единственный комсомолец лишь изредка дает пояснения по ходу дела. На повестке дня вопросы самоуправления и суд над неким молодым человеком, который взял у соседа пенал с цветными карандашами — одолжил или украл? В углу — красное знамя в окружении двух горнов и двух барабанов, на знамени вышито: «Пионерский клуб детского дома имени А. И. Герцена». Рядом цветная олеография, изображающая бой на баррикадах. Все стены увешаны рисунками на темы из жизни детдома и изображениями фабрик и крестьянских дворов, они нарисованы так близко друг к другу, что становится страшно за корову, которая, того и гляди, провалится в фабричную трубу, и за избу, которую вот-вот захлестнет приводной ремень. Этот сюжет — объединение промышленного пролетариата с крестьянством, так называемая «смычка» — повторяется постоянно, серп и молот протягивают друг другу подрисованные руки. На этих рисунках даже трактора сияют сказочной золотой краской, из них сыплются булки, деньги и фрукты; электрификация и ее благие последствия изображены цветными чернилами на многотерпеливой бумаге.

Тут же висят написанные корявым почерком письма крестьян, которым дети помогали на уборке урожая, из них явствует, что маленькие помощники работали хорошо.

Дом не охраняется, ворота открыты круглые сутки. Однако у ворот стоит дежурный, он не впустит и не выпустит никого без разрешения детсовета. Самовольная отлучка из коммуны считается дезертирством, тот, кто совершил его, обесчещен в глазах своих ровесников, которые порвали с преступным миром и обрели кров.

Перевод с немецкого Э. ВЕНГЕРОВОЙ

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ИЗ ДНЕВНИКА

Москва

Понедельник, 14 ноября 1927 г.

Утром я поехал на кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», очень большое предприятие, расположенное на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки. Сначала нас провели в комнаты, занимаемые фабричным комитетом, где я разговаривал с одним из его членов. Он объяснил, что, как и на каждой фабрике, их комитет избирается рабочими для защиты своих интересов. Комитет состоит из пятнадцати человек, включая восемь кандидатов, и трое из них посвящают все свое рабочее время работе в комитете и получают за это заработную плату от фабрики. Комитет заключает коллективное соглашение между администрацией и рабочими, которое пункт за пунктом обсуждается на общем профсоюзном собрании.

В случае каких-либо споров между администрацией и рабочими спорные вопросы разрешаются специальной конфликтной комиссией, в которую входят в равном числе представители как от администрации, так и от рабочих. Местное отделение профсоюза — «местком» избирает своего представителя в Московский Совет профсоюзов, и этот представитель каждый день во время обеденного перерыва принимает рабочих, желающих поговорить с ним. Рабочие обедают в столовой, которая находится здесь же, на фабрике. При фабрике также имеется свой клуб. На «Красном Октябре» — 3 600 рабочих и служащих.

На мой вопрос относительно того, как у них обстоит дело с сырьем, член фабкома объяснил, что Наркомат пищевой промышленности снабжает все предприятия через свои склады. Что касается того, возможны ли какие-то злоупотребления в связи с такой системой снабжения, то все рабочие, собравшиеся вокруг нас в фабкоме, единодушно заявили, что они практически исключаются, так как существует строгий Государственный контроль и Рабоче-крестьянская инспекция.

В том же помещении, где находится фабком, размещается и местная ячейка коммунистической партии, которая имеет ведущее влияние во всей работе.

---

* Записи — машинопись, на английском языке, хранятся в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в фонде ВОКС (ф. 5286, ст. 1, д. 142) — продиктованы Драйзером Рут Кеннел, находившейся в то время в России и выполнявшей у Драйзера обязанности секретаря и гида. Сначала записи идут от ее лица, а затем, начиная с публикуемой записи от 14 ноября, от лица самого Драйзера. Печатается с сокращениями.

Затем нас провели в ясли, которые обслуживают около 88 процентов всех работающих на фабрике женщин. Грудных и маленьких детей приносят сюда на десять часов в день. Кормящим матерям предоставляется два часа их рабочего времени (которые полностью оплачиваются), для того чтобы пойти в ясли и накормить своих детей. На меня произвели очень большое впечатление как сама идея устройства дневных ясель, так и их прекрасное оборудование и привлекательный внешний вид. Здесь имеются комнаты для грудных детей, где стоят кроватки с сетками, за детьми ухаживают специально подготовленные няни; комнаты для игр детей постарше, кровати, в которых эти дети отдыхают днем, столовые. Еще не закончена, но уже строится большая стеклянная терраса для прогулок. Старшая сестра сказала, что смертные случаи в яслях чрезвычайно редки по сравнению с прежними годами.

Потом мы отправились осматривать фабрику, на которой изготовляются различные виды кондитерских изделий, шоколада и пирожных. Вполне современное оборудование, цеха очень чисты, в порядке, рабочие в белых фартуках. Но многие виды сортировочных и упаковочных работ выполняются вручную.

Москва

Среда, 16 ноября

...В 6 часов вечера я поехал на встречу с Сергеем Эйзенштейном, кинорежиссером, писателем и постановщиком «Потемкина». Его комната — одна из шести комнат общей квартиры, занимаемой шестью семьями,— довольно большая для Москвы. Он сам разрисовал стены, на потолке — какой-то фантастический бычий глаз в конвульсивных цветных разводах; над письменным столом — плакат, реклама нового сепаратора для сливок, на стенах — фотографии из фильмов. Эйзенштейн — молодой человек лет 29, небольшого роста, плотный, с обаятельным мальчишеским лицом, голубыми глазами и массой густых, курчавых волос.

Я начал с вопроса, касающегося общей организации кинопромышленности в России. Он сказал, что вся кинопромышленность в стране государственная, и во главе ее стоит Наркомат просвещения (Луначарский). О кинопродукции он сказал, что за последние три года выпущено лишь три или четыре значительных картины, среди них «Потемкин» и «Мать» Пудовкина (по Горькому). В советском кино можно выделить три основных направления: 1) Эйзенштейн, 2) западный тип (Пудовкин), 3) хроникальное кино.

Теория Эйзенштейна заключается в следующем: во-первых, никакого сюжета, никакого драматургического повествования — этот кинематограф можно назвать скорее поэтическим. Во-вторых, никаких актеров, в картинах должны сниматься люди, взятые прямо «с улицы», это возможно, поскольку у него нет больших драматических сцен, но в самой повседневной жизни он находит драматизм, подлинный драматизм. Например, его новая картина, еще не вышедшая на экран — «Генеральная линия»,— показывает, как кооперация преобразует бедную деревню.

Он считает, что «Кабинет доктора Калигера» («Cabinet of Dr. Caligera») — не путь для кино, индивидуальные судьбы интересуют его, только если они даны очень широко, в масштабах общечеловеческих. ...Сейчас он работает над идеей экранизировать «Капитал» Маркса.

Я сказал, что он пропагандист советской системы, и спросил, что он делал бы со своими идеями, например, в Южной Америке. Он ответил, что приспособил бы их к местным условиям, выделив, быть может, колониальную проблему. В Америке он попытался бы сделать что-то

для прогресса — скажем, в негритянском вопросе. Я назвал его идеалистом-романтиком.

Эйзенштейн сказал, что сейчас у него маленькая, плохая студия, но уже строится новая, современная.

Я сказал, касаясь России вообще, что русский темперамент таков, что через каких-нибудь три года Россия станет ведущей державой мира. В Америке мощным импульсом развития явилось наличие обширных неосвоенных пространств, в России великим толчком была революция...

Москва

Четверг, 17 ноября 1927 г.

Утром я поехал по приглашению Эйзенштейна на специально устроенный показ его фильмов «Октябрь» и «Генеральная линия».

«Октябрь» — это серия эпизодов Октябрьской революции в Петрограде, штурм Зимнего дворца и т. д. Снято это очень динамично и глубоко волнует.

«Генеральная линия» — реалистические сцены из деревенской жизни, например, подлинная церковная процессия или эпизод с бедной крестьянкой, пришедшей к богатому соседу с просьбой одолжить ей лошадь, чтобы убрать урожай. Богатый крестьянин и его жена буквально заплыли жиром, их дом завален добром, грубая роскошь их существования напоминает уклад феодальных баронов. Вслед за появлением толстой жены богатого крестьянина на экране возникает восковая фигура кокетливо изгибающейся свиньи, ее сходство с женщиной создает комический эффект...

Вечером отправился в Большой театр на оперу «Князь Игорь».

Москва

Пятница, 18 ноября 1927 г.

...В 5 часов вечера состоялся обед с Маяковским, крупнейшим русским писателем, принадлежащим к группе «Леф». Это молодой гигант, похожий на американского борца-профессионала. На обеде присутствовали Брик, литературный критик, его очаровательная жена Лилечка, Третьяков, автор пьесы «Рычи, Китай», которая сейчас идет в театре Мейерхольда, его супруга миссис Третьякова, тоже литератор. Все они представляют собой центральное ядро группы «Леф» и направляют ее политику. Еще присутствовал очень симпатичный бультерьер.

Сначала подали разные закуски — икру, рыбу, русские булочки, пили водку, вино, после чего все очень оживились и стали сбивать коктейли. Я чувствовал себя уже совершенно сытым, когда появился настоящий обед: суп, гусь с яблоками и прочее. На десерт подали чернослив со взбитыми сливками. Я добавил в сливки водку и тем самым сделал замечательное открытие, которое после моего отъезда станет известно как «Сливки Драйзера».

Маяковский подарил мне книжку своих стихов. Потом они проводили нас до такси, и мы поехали на встречу с Таировым, руководителем Камерного театра.

Таиров кратко рассказал о направлении своего театра, так же хорошо известного в Европе, как и в России. При театре имеется театральная школа для актеров, весьма необычная, ибо студенты изучают в ней целый комплекс искусств — оперу, драму, комедию, пантомиму, трагедию,— потому что репертуар в театре самый различный. Декорации в спектакле играют важную роль и каждый раз служат решению опреде-

ленных задач — пластических, архитектурных, динамических. В декорациях — никакого натурализма, и актер может продемонстрировать все свое искусство. Декорации должны служить актеру.

На мой вопрос о том, как он собирается ставить «Макбета», Таиров ответил, что он хотел бы оставить простор для фантазии актеров и сделать минимум декораций.

Свет играет важную роль в спектакле. Камерный театр ставит в основном переводные пьесы. По каким принципам их выбирают? 1) Сценическая композиция, динамические возможности пьесы, новая архитектоника. 2) Современные проблемы и современный дух пьесы. Почему они ставят так много иностранных пьес? Они ставят также много русских, но современных русских пьес еще не хватает. Советская драма еще молода. По его мнению, наиболее интересна современная драматургия, во-первых, в Америке, во-вторых, в Англии и во Франции.

Мы заглянули в зрительный зал, шел второй акт спектакля «День и ночь». Кажется, это была легкая пьеса, оформленная в футуристическом стиле. В конце акта появляется хор, в зал бросают маленькие бумажные самолетики.

Из Камерного театра отправились в Дом ученых, где Госиздат устраивал банкет для иностранных писателей. Маяковский сидел на самом видном месте и заставил слушать себя в течение всего вечера. Были тосты за разных иностранных писателей: из американцев присутствовали Анна Луиза Стронг, профессор Дана, Альберт Рис Вильямс, Мэри Рид. Я сказал несколько слов, и Маяковский заметил, что я оказался первым американцем, который после короткого пребывания в России признался, что не имеет определенных впечатлений и выводов; он сказал, что обычно, пробыв несколько дней в Москве, американцы уже пишут книги о России и думают, что все постигли.

...Было два часа ночи, когда мы сквозь пелену снега ехали домой на извозчике.

Москва

19 ноября 1927 г.

В 5 часов я поехал в Художественный театр к Станиславскому. Я увидел высокого, замечательной внешности пожилого мужчину с белыми волосами, блестящими темными глазами, лицо его производило поразительное впечатление благодаря какой-то особенной правильности и строгости крупных черт. Его секретарша, маленькая темноволосая женщина, говорит немного по-английски. (В основном переводила Рут Кеннел.)

Мой первый вопрос касался условий работы при новом строе. Он сказал, что, конечно, не сразу все пошло без задоринок, были и трудные дни, но они уже позади, сейчас все налаживается.

— Искусство вечно, и преходящие условия не меняют его существа. Были у нас искривления — особенно в подходе к внешним выразительным средствам, но сейчас искусство воспринимается в его истинном значении. Во время революции мы ушли далеко в поисках нового, и то ценное, что нам удалось найти, становится неотъемлемой частью бессмертного искусства.

Я спросил его:

— Что из старого в области искусства вы отбросили и что из нового приняли?

— Основная роль Художественного театра состояла в том, чтобы утверждать в театре традицию искусства актера. Декорации и мизансцены важны только как фон. Это теория внутреннего искусства в противоположность искусству внешних форм. Художественный театр — это

единственный театр, который ведет работу в области внутреннего актерского творчества, все остальные занимаются вопросами декораций, решением мизансцен и прочими проблемами внешней выразительности. Революция принесла с собой очень много в этой области, много нового она дала и в смысле содержания пьес.

Нельзя петь одними и теми же голосами и старые гимны и новые, и все это сейчас в процессе взаимопроникновения и вхождения в нормальную колею.

...Но,— сказал он,— я не понимаю, я не могу почувствовать, как можно ставить старые пьесы, скажем, Шекспира, в какой-нибудь новомодной манере. Правда, я не отрицаю, что молодежь может смотреть на Шекспира другими глазами. И пусть они ставят его так, как чувствуют. Но искажать Шекспира, перекраивать Шекспира — значит совершенно не понимать природу творчества. Художественная концепция — это живой организм. Нельзя у человека отрезать руку и поставить ее вместо ноги. Однако мы лишь выигрываем в итоге всех этих экспериментов. Самое худшее для искусства — застой. Много лучше, когда оно движется, пусть даже и в неправильном направлении.

В нашем театре мы считаем, что союз нового и старого весьма обнадеживает.

Когда мы вернулись из Америки, то обнаружили, что молодежь смотрит на нас как на людей отставших, стариков. Но в прошлом году, а особенно в этом, они начали понимать, сколь много они не знают и сколь многому могут научиться от стариков. Они приходят ко мне изо всех театров и просят меня открыть им «мои секреты». Именно поэтому мы решили, что серия лекций об искусстве актера, о работе актера над собой будет иметь большую практическую пользу, чем мои индивидуальные беседы с ними... Я замечаю сейчас,— сказал Станиславский,— тенденцию возврата к внутренним формам искусства; люди, кажется, уже устают от увлечения формой. Эти внешние формы совсем не обязательно плохи, некоторые из них очень хороши: кубизм, футуризм, импрессионизм, а с другой стороны — масса всякой чепухи и глупости. Следовательно, мы должны отбросить то, что плохо, и сохранить то, что хорошо. Например, декорации и мизансцены очень обогатились после революции, но внутреннее искусство актера осталось в прежнем виде. К внешним формам актерского мастерства добавилось очень много: движения, гимнастика, танец, пение — все это очень ценно.

Внешние формы театрального искусства пришли в театр из живописи, и они сами по себе выходят за пределы актерского искусства. Актер остается сам по себе, в этом не участвует, актер не может в силу специфики своего искусства выразить больше, чем выражает сама живопись. Футуризм и т. д. не может быть выражен на сцене. Таким образом, многие театры формального искусства строят свою работу с актерами, опираясь не на актера, а на что-то вне его. Когда мы научимся использовать живопись, так сказать, изнутри, тогда она принесет огромную пользу. Но сейчас во многих театрах современные, модернизированные декорации, всякого рода постановочные эффекты играют роль самодовлеющую, первостепенную, и актер пытается играть, приспосабливаясь к оформлению, в итоге спектакль проигрывает. Или актер играет в старой манере, а декорации новейшие или наоборот, результат один и тот же — отсутствие гармонии... Наш театр использует только такие декорации, которые поддерживают искусство актера, для актера футуристической манеры мы используем футуристические декорации.

— Созданы ли за советское время какие-либо подлинные образцы драматургии?

— Как хроника «Дни Турбиных» и «Бронепоезд 14-69» очень хороши, хороша и новая пьеса Леонова, которую мы сейчас готовим.

...Искусство само по себе — явление органическое и изменяется очень медленно, но революция внесла много нового в его содержание. Искусство у нас будет играть и уже играет большую политическую и воспитательную роль. На каждой фабрике, в каждом рабочем клубе есть сейчас свой театральный кружок. Вся Россия теперь играет.

После беседы мы отправились осматривать музей Художественного театра. Здесь ценная коллекция рукописей пьес, старинные портреты и фотографии актеров, костюмы, макеты декораций и т. д.

Воскресенье, 20 ноября 1927 г.

В 12.45 ночи мы попытались сесть в поезд, отправлявшийся в Ясную Поляну, но оказалось, что все вагоны переполнены. Билеты у нас были в так называемый «Максим» (поезд имени Горького) с неплацкартными местами. Моя переводчица поговорила на вокзале с кем-то из ГПУ, сказала, что американский писатель едет в усадьбу Толстого, это делегат и т. п., и он устроил нас в первый вагон, предназначенный для служащих железной дороги. Но когда мы обо всем договорились, поезд тронулся. Мы побежали и успели вскочить во второй вагон, битком набитый людьми: лежали и сидели в три этажа на полках полутемного дымного вагона. Взглянув вверх, я мог видеть сапоги, свисающие рядами с верхних полок; какой-то парень снял сапоги, и его босые ноги оказались в тесном соседстве с моей физиономией. В семь часов утра мы прибыли на маленькую станцию Ясная Поляна.

Перед нами открылись действительно зимние картины, все покрыто снегом, а вокруг густые сосновые и березовые леса. Мы зашли в небольшой домик около станции, чтобы выпить чаю. В домике было две комнаты, разделенные кухней. Молодая женщина, хозяйка одной из комнат, вскипятила самовар, накрыла на стол, на котором уже красовался большой каравай ржаного хлеба.

Окончив завтрак, мы погрузились в сани, устланные соломой, и покатили к дому Толстого.

Наши сани подпрыгивали по дороге, шедшей через большую деревню, а затем по широкой аллее, ведущей прямо к двухэтажному белому дому. Старый швейцар открыл дверь и предложил осмотреть музей — некоторые комнаты оставлены так, как они были при Толстом. Эти комнаты не отапливались и имели очень мрачный вид. Простотой и непритязательностью они напоминали обычный дом американского фермера: большая гостиная и столовая с длинным столом и большим пианино, фамильные портреты работы Репина на стенах, маленький кабинетный письменный стол, спальня с простой узкой кроватью, старый умывальник, здесь же висел старенький халат Толстого. Как скромно, должно быть, он жил!

В этот день была семнадцатая годовщина смерти Толстого. Мы прошли по дорожке к его могиле. Она прекрасно расположена в роще из берез и сосен, никакого камня на могиле, как этого хотел Толстой. Но крестьяне убрали холм вечнозелеными ветвями... Назад мы с трудом пробирались по мягкому снегу, покрывшемуся сверху замерзшей коркой, температура уже была 10° ниже нуля. В деревне возвышается большое белое каменное здание — «совхоз» (государственная ферма), там мы остановились и попросили разрешения отдохнуть. Как только узнали, что пришел американский писатель, все засуетились вокруг нас. Потом нас проводили опять в дом Толстого, по просьбе младшей дочери Толстого, которая специально приехала из Москвы на эти дни. Жилые комнаты дома представляли собой картину гораздо более привлекательную, в жилых комнатах — обеденные столы, полки с книгами, цветы, в углу — кафельная печь, напротив — большое низкое, очень уютное кресло. Племян-

ница Толстого, старая женщина, приняла нас до чрезвычайности любезно, угостила чаем и хлебом с сыром. Потом снова были поданы сани, и мы снова поехали на могилу Толстого. Мы увидели длинную цепочку людей, двигавшихся по снегу по направлению к могиле,— может быть, человек двести крестьян из деревни и ученики школы имени Толстого. Они собрались вокруг могилы и украсили ее осенними цветами. Дети прекрасно пели старинную русскую молитву «Вечная память»...

Милюков, друг Толстого, выступал с речью, затем выступала дочь Толстого, затем мужичок с косматой бородой и добрым улыбающимся лицом читал наизусть стихотворения, написанные на смерть Толстого. Снова дети пропели ту же молитву, и процессия такой же цепочкой двинулась обратно через лес...

Возвратившись в дом, мы отправились наверх, чтобы немного уснуть, так как ночью в вагоне мы почти совсем не спали. Отдохнув, часа через два с небольшим я спустился вниз к обеду. Там было уже много гостей и среди них Милюков. Племянница Толстого говорила по-английски, но, не имея практики, подчас объяснялась с трудом, дочь его говорит по-английски очень хорошо.

Я вступил в живую дискуссию по поводу жизни крестьян с Милюковым, который, казалось, хорошо знал русскую деревню. Он, со своей стороны, хотел, чтобы я передал президенту Кулиджу письмо от окрестных крестьян, в котором они просят его воспрепятствовать интервенции в Россию. Вечером все крестьяне пришли в дом на вечер памяти Толстого, который был устроен в гостиной, где Толстой всегда обедал и принимал гостей. Слушали пластинки с записью голоса Толстого на английском, немецком, французском и русском языках. Племянница сама сыграла похоронный марш Шопена, школьный хор исполнил песню на смерть Толстого, какая-то женщина читала отрывки из биографии Толстого и рассказы о нем, рисующие его жизнь в Ясной Поляне, включая отрывок из воспоминаний Станиславского. Затем племянница сыграла любимое произведение Толстого — бетховенскую Патетическую. Мужичок, который читал в лесу, теперь застенчиво вышел вперед и прочитал свои собственные стихи о Толстом. Сам он — школьный сторож. Одет он был в старенькое потертое пальтишко, через плечо висела котомка, на ногах были высокие сапоги, простое его лицо освещалось детской улыбкой. Он был, кажется, неграмотен.

Потом племянница Толстого прочитала один из его неопубликованных рассказов, и все смеялись. Было много музыки, пения, и затем гости отправились вниз, где были приготовлены чай и сандвичи.

У меня был замечательный разговор с дочерью Толстого, которая много рассказывала мне о своей работе.

...Чтобы избежать посадки на «Максим», мы решили ехать на санях в Тулу, большой город, всего в 20 верстах от Ясной Поляны. Отправились мы в 10 часов вечера. Нам дали огромные овчинные тулупы, в которые мы укутались буквально с ног до головы и, облаченные таким образом, пребывали в совершенном тепле, несмотря на то что холодный ветер дул в лицо... Сани медленно двигались, постепенно приближаясь к огням города, которые отражались в небе над снежными полями. В пригороде Тулы мы пересели в новенький, с иголочки, автобус, который только что прибыл, и поехали на станцию. Там мы смогли купить билеты в международный вагон и поехали в Москву уже в сравнительной роскоши. Прибыли в 6 утра.

23 ноября 1927 г.

Интервью со Свидерским, заместителем комиссара земледелия. Это человек средних лет, с первого взгляда в нем угадывается острый ум.

— Сколько в России крестьян?

— 100 миллионов.

— Как между ними распределяется земля?

— Это зависит от местных условий. В центральных промышленных губерниях на каждого едока приходится 1,8 десятины. В районах Волги — 5 десятин, в Сибири — 15.

— Что именно облагается основным налогом?

— Семья облагается налогом в зависимости от числа ее членов. Чем семья больше, тем больше налог. Считается, что чем семья больше, тем она богаче, так как у нее больше земли. Но если из всей семьи работают только двое — муж и жена, то и налог с этой семьи меньше. Например, если у крестьянина 8 десятин земли, но работают в семье только двое, то это бедный крестьянин.

— Почему же вы не отбираете у него землю, если он не может всю ее обработать?

— Потому что после революции каждый член семьи получил право на определенный надел земли. Правительство помогает бедному крестьянину кредитом и т. п. Правительство не может отобрать у крестьянина землю, положенную ему по закону, даже если он и не в состоянии обрабатывать ее своими силами. А если бы у него и отобрали землю, то он стал бы только еще беднее. Имея же землю, он может сдать ту часть ее, которую сам не в состоянии обработать, в аренду. Однако если крестьянин сдает землю в аренду более трех лет, тогда правительство конфискует ее.

— Не лучше ли было бы руководствоваться в этом вопросе теорией Генри Джорджа? То есть государство владеет землей и сдает ее крестьянам в аренду. Крестьянин может арендовать такое количество земли, с которого он в состоянии выплатить государству определенные поставки. Если он взял земли больше, чем может оправдать поставками государству, он должен вернуть часть земли. Если же он вообще не приспособлен к сельскохозяйственному труду и плохо работает, он может уйти из деревни и заняться чем-нибудь другим.

— Нет, такая система для нас не подходит. Если бы мы последовали ей, то крестьянин имел бы столько земли, сколько позволял бы ему достаток. Джордж признает национализацию, но, если следовать его системе, среди крестьян не будет равенства. Мы же говорим, что земля принадлежит всем крестьянам. Есть семьи очень сильные, они могут хорошо работать. Поэтому мы пытаемся помочь более бедным крестьянам, давая им возможность работать вместе с другими крестьянами в кооперативах; кооперативам дают кредиты на покупку оборудования. Между капиталистической и социалистической системами есть разница. Если мы сможем помочь крестьянам подняться на ноги, мы поднимем и нашу промышленность, если нет — к власти вернется буржуазия.

...— Можно ли сравнить положение русского крестьянина и крестьянина Западной Европы?

— Наш крестьянин и крестьянин в Западной Европе — это совершенно разные типы. Во время моей поездки в Германию я посетил одну крестьянскую школу в Кенигсберге. Я увидел там молодых людей, одетых в униформу. Я спросил, кто они такие. Крестьяне. Они платят по сто марок в год за обучение и живут в частных домах, за что платят еще по 300 марок. У нас даже в самых богатейших местностях наши крестьяне не смогли бы платить таких денег. Наш крестьянин — это мелкий предприниматель.

Но мы делаем сейчас очень много, чтобы как можно выше поднять уровень жизни наших бедных крестьян. Сегодня, например, ко мне должен прийти крестьянин из мест, где я работал после революции. Тогда

у него не было ни сапог, ни самовара, никакой мануфактуры. В деревне не было ни школы, ни больницы, ни кооператива. Сейчас все это есть.

— Все ли ваши крестьяне теперь обеспечиваются необходимыми орудиями, все ли могут учиться? Я имею в виду национальность, крестьян всех национальностей.

— Да, все, даже самые маленькие народности, которые еще и поныне находятся на очень низком уровне развития, охвачены сейчас сетью школ, получили возможность учиться, а также получают необходимое оборудование и помощь через партийные, профсоюзные органы, кооперативы, радио. Например, сегодня утром произошел такой случай. Кочевники из Казахстана прислали ко мне делегацию из 15 человек. Эти люди переезжают с места на место со своими стадами. Теперь они постепенно уже приучаются к оседлости, и сегодня они пришли ко мне с просьбой дать им трактора — не лошадей, а прямо с ходу трактора! И не один трактор, а много. Они разговаривали со мной через переводчика, так как они даже не знают еще русского языка.

...— Как вы думаете, сколько потребуется времени, чтобы ваши крестьяне достигли приличного уровня жизни?

— У нас есть пятилетний план, который, однако, не может охватить всех деталей. Лично я думаю, что этот процесс займет лет десять.

...— Какие факторы могли бы стимулировать это развитие?

— Разные, конечно, но прежде всего, индустриализация, особенно электрификация, строительство хороших дорог.

...— Не лучше ли строить шоссе для автобусов и автомобилей, чем железные дороги?

— Для нас нет. Но тем не менее в марте начнет работать специальная комиссия по автодорожному строительству.

...— Почему вы не замените трамваи на улицах автобусами и троллейбусами?

— Для нас это практически невыгодно, так как эти машины мы должны покупать за границей.

...— Что вы можете сказать по поводу известной медлительности в работе русского крестьянина, по сравнению, скажем, с американским?

— Это всего-навсего старая басня. Существует много всяких легенд о русском крестьянине. Но теперь ведь всем ясно, что русский крестьянин проявил достаточно энергии, чтобы сбросить царя и завоевать Советскую власть.

Наши крестьяне получили за три года 30 000 тракторов. Мы боялись, что крестьянин не сможет управлять трактором, но наши страхи оказались напрасными...

24 ноября

Вечером пришел Сергей Сергеевич Динамов, чтобы оформить мой договор с Госиздатом. Я вступил с Динамовым в долгую дискуссию об индивидуализме, вернее, об аристократии ума в противовес власти масс. Бедняга совершенно измучился во время этой пытки, но время от времени бросался в бой с новыми силами.

Пятница, 25 ноября

В 11.30 вечера в международном вагоне мы выехали в Ленинград.

Суббота, 26 ноября

После завтрака поехали в открытой машине осматривать Ленинград. Не думаю, что я когда-либо видел более прекрасный город... Серый туман, который обычно висит над Ленинградом, окутывал дымкой заме-

чательные здания, купола великолепных церквей. Мраморные колонны зданий и памятники были покрыты инеем, и это придавало камню какой-то удивительный колорит. Проехали мимо Зимнего дворца, который в этом году был восстановлен в своих прежних белых и темно-зеленых тонах... Переехали на другую сторону реки и подъехали к Петропавловской крепости. Сначала нас провели в собор, где показали гробницы царей и их жен, все они из мрамора с золотыми крестами.

Пересекли заснеженный двор и подошли к крепости, спускающейся вниз, к самой воде. Внутри — камеры, одна за другой, в страшной монотонности, каждая из них представляет собой большую каменную коробку с высоко расположенным зарешеченным окошком—железная койка, железный стол и умывальник в углу. В тяжелой железной двери — узкая застекленная щель, через которую стража заглядывала в камеру, кроме щели — маленькая дверка на петлях, через которую в камеру просовывалась пища. Заключенные в камере были совершенно изолированы, ни один звук не проникал к ним через толстые каменные стены, но они все же нашли способ общаться друг с другом, перестукиваясь через стены. Одна из камер использовалась для абсолютной изоляции заключенного, так как примыкающие к ней помещения являлись складами, и сидящий в камере не мог даже перестукиваться с соседями. Другая камера являлась карцером. Толстый деревянный щит опускался на окно, и заключенный оказывался в абсолютной темноте. В камерах этой крепости были заточены Вера Фигнер, декабристы и другие знаменитые революционеры.

Когда мы возвращались домой, мы увидели церковь, наиболее прекрасную из всех, какие я когда-либо видел. Оказалось, что это татарская мечеть с большим конусообразным куполом, оригинально выложенным голубой майоликой и каким-то белым материалом, напоминающим фарфор...

Вечером наши неутомимые хозяева отправили нас в театр. Опера «Евгений Онегин» была так скучна, несмотря на хорошую музыку Чайковского, что мы ушли в конце первого акта. Сюжеты старой русской оперы чрезвычайно пресны. В ресторане под крышей мы встретились со своими хозяевами из ВОКСа, веселье было в разгаре. Джазовый оркестрик громыхал вовсю, посетители отчаянно отплясывали нечто вроде фокстрота и чарльстона: здесь был нэп, и новые буржуа справляли свой час.

Понедельник, 28 ноября 1927 г.

В 10 часов утра интервью с Иваном Ивановичем Кондратьевым, заместителем председателя Ленинградского областного Совета. Это очень простой на вид молодой человек, до революции он был рабочим-металлистом...

...— В чем заключается ваша деятельность?

— Во-первых, административная работа в городе и губернии, как у губернатора штата.

...— Под вашим контролем находятся фабрики, магазины и т. п.?

— Да. В нашем районе два вида промышленных предприятий: предприятия общегосударственного значения и предприятия, имеющие местное значение.

Промышленность Ленинграда выпускает продукции на 300 миллионов рублей. Судостроение, производство машин, турбин, текстильных изделий и т. д. имеют общегосударственное значение. Местная промышленность — обувные фабрики, бумажные, строительных материалов — удовлетворяет местные нужды... Но правительство все больше развивает в Ленинградской области тяжелую промышленность. Мы получаем очень много правительственных заказов на машины, различные материалы. К

сожалению, мы не можем выполнить все эти заказы, так как не хватает материалов, денег, машин. Основную часть наших капиталов мы используем для расширения индустрии. Все 15 миллионов прибыли, которую мы имели за прошлый год, были вложены в индустрию, но необходимость расширять производство растет и растет.

— Куда пошли бы эти 15 миллионов, если бы вы не вложили их снова в промышленность?

— Конечно, многие сферы остались без этих средств, но, имей мы не 15, а 150 миллионов, мы бы опять вложили их в промышленность, так как вынуждены удовлетворять главные нужды страны. Будь у нас больше денег, мы вложили бы их в новые промышленные предприятия — например, в новую фабрику искусственного шелка. Мы бы построили новую деревообделочную фабрику, но ведь мы должны покупать оборудование для них за границей. Оборудование для химической индустрии мы вынуждены ввозить из Германии.

— Но эта программа промышленного развития требует затраты средств, которые могли бы пойти на строительство жилых домов для рабочих, санаториев и других общественных нужд?

— Да, это, конечно, так, и определенную часть средств мы затрачиваем на улучшение быта. Город растет, растет его промышленное население и нужды этого населения.

... — Что вы можете сказать о женском труде в промышленности по сравнению с прежним временем?

— Сейчас в промышленности работает гораздо больше женщин.

— Не является ли это причиной безработицы?

— Да, конечно. Но рост промышленности способствует уменьшению безработицы. Сейчас в Ленинграде 136 000 безработных. Из них 96 000 — женщины, причем 60% из них ищут работу в первый раз.

— Как скоро, по вашему мнению, удастся ликвидировать безработицу?

— Трудно сказать. Это зависит не только от внутренних, но и от внешних условий. В то же время не хватает опытных, квалифицированных кадров, и мы должны обучать рабочих, чтобы заполнить эту брешь.

У нас имеются специальные рабочие школы, в которых разным профессиям обучается 11 000 человек; курс обучения длится от 7 до 8 месяцев, затем эти рабочие направляются на фабрики в качестве учеников.

— Значит, там учатся только молодые рабочие?

— Нет, и молодые и старые. Для молодежи есть специальные промышленные школы прямо на фабриках.

— Безработные голодают?

— Вот цифры из отчета Ленсовета: безработный получает пособие от правительства (35 рублей для человека, имеющего семью) и 28 рублей от профсоюза, плюс все преимущества, которые имеет член профсоюза, он платит минимальную квартирную плату — 5 копеек. Мы организуем общественные работы на улицах, железных дорогах; работа тяжелая — для мужчин; полегче — для женщин; за эту работу они получают от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей в день... Около 60% всех безработных — члены семей, где есть работающие.

— Что делает советское правительство с лодырями, бездельниками?

— Если человек твердо отказывается работать, мы можем исключить его из профсоюза. Но мы очень терпеливы с квалифицированными рабочими, когда они отказываются от черной работы, не требующей их умения и опыта.

— А что вы можете сказать о жилищных условиях? Я видел, что в Москве рабочие живут в очень плохих условиях. Даже в новых домах они живут по пять, по семь человек в одной комнате, не имея отдельной

ванны. Разве правительство не стремится поднять уровень жизни рабочих? Разве не лучше для рабочих семей иметь отдельные квартиры?

— Мы бедны, перед нами много задач. Мы можем удовлетворять культурные потребности рабочих только с помощью самих масс. Все, что вы говорите, необходимо. Мы были бы очень рады построить для каждой семьи трехкомнатную квартиру с ванной, но эта квартира стоит 12 000 рублей, а мы на эти деньги сейчас сможем обеспечить жильем гораздо больше людей...

Тяга к образованию и культуре у рабочих после революции — огромна. До революции для мужчин была только водка, для женщин — церковь. Если бы мы имели дело с людьми уже образованными, все проблемы решались бы много проще.

Вторник, 29 ноября

Вечером мы поехали в Совкино и посмотрели две превосходные картины «Шторм» и «Бабы рязанские». «Шторм» — это история из времен гражданской войны. Дело происходит на юге. Русский матрос принимает участие в Октябрьской революции в Петрограде и затем командует отрядом красных солдат на юге. Во время похода они берут в плен небольшую группу бандитов, которыми руководила женщина. Женщина молода, привлекательна и отважна. Она начинает испытывать свои чары на матросе, и, вопреки советам своего помощника, командир разрешает ей поселиться в их комнате. Молодой помощник с неодобрением и настороженностью наблюдает за развитием их отношений. В одном из взятых городков она подговаривает своих бандитов ограбить прежнего владельца дома, в котором они остановились. Молодой помощник командира застает их на месте преступления, и женщина его убивает. Когда командир узнает об убийстве, это потрясает его, он мучится угрызениями совести и отдает себя на суд своих солдат, обвиняя себя в том, что предал друга из-за женщины. Солдаты не хотят наказывать его, приводят бандитов во главе с женщиной, и командир сам отдает приказ расстрелять их. Сюжет очень интересен и хорошо разработан, съемки хороши, и с технической стороны фильм превосходен.

Вторая картина — чудо. Никогда не видел такой прекрасной операторской работы. Фильм захватывает, характеры героев, сцены очень правдивы. Место действия фильма — деревня в Рязанской губернии. Главный герой — большой, упрямый старик крестьянин, с длинной бородой и пронзительными жестокими темными глазами, властный и деспотичный. Старший его сын к началу фильма уже погиб на войне, которая все еще продолжается (1916 год). Отец принял в свой дом его жену, которая теперь живет с ним и его женой. Младший сын-жених живет с отцом и сестрой, своенравной девушкой с таким же сильным, как у отца, характером. Она влюблена в кузнеца и уходит к нему, не получив согласия отца, что, естественно, делает ее брак незаконным по обычаям старой России.

Отец собирается женить сына и приглашает в свой дом девушек со всей округи, чтобы выбрать ему жену. Случайно на смотрины попадает девушка из соседней деревни, которая уже знакома с его сыном и нравится ему. Она приглянулась и старику, и он выбирает ее в жены сыну. Следует веселое обручение, молодые счастливы, но вскоре молодого призывают на войну, и в доме остается старик с тремя женщинами, на плечи которых ложится все хозяйство. Через три года приходит известие о смерти младшего сына, и отец сразу открыто начинает ухаживать за молодой вдовой. Это сейчас же замечают вдовы, и незаслуженная ненависть обрушивается на голову невинной женщины. Приходит момент, когда старик подступает к ней, в конце концов он насилует ее, и она рожает

ребенка. В это время приходит известие, что ее муж жив и едет домой. Молодая женщина в ужасном положении; поносимая и ненавидимая свекровью и невесткой, презираемая и осмеянная всей деревней, она с ужасом ждет возвращения мужа. Когда он приезжает, женщины, несмотря на то, что им прекрасно все известно, рассказывают ему об измене жены и о том, что она родила ребенка неизвестно от кого. Он прогоняет жену. В отчаянии она бежит к реке, на берегу которой происходит в это время весеннее гулянье, и бросается в нее. Когда ее тело приносят в дом, туда приходит блудная дочь старика. Она забирает ребенка, говоря, что отдаст его в детский дом, и просит брата сообщить об этом отцу ребенка — их отцу. Она выходит из дома и идет с ребенком по дороге.

Сын, поняв наконец, что произошло, идет на отца с поднятой рукой. Кроме небольшой сцены в детском доме, весь фильм отмечен большой художественной правдой. Колышутся поля пшеницы, поспевающей под лучами солнца, живописны костюмы крестьян, хороши деревенские улицы... И как во всякой серьезной картине Совкино, в основе — социальная идея.

Перевод с английского Н. КОВАЛЕНКО

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

...тридцатые...

На мировой арене появилась нация, доказывающая на деле: наша система даст не собственнику капитала, а его производителю справедливо и удобно устроенную жизнь и все блага, которые способны изобрести гений, искусство и силы человеческого разума.

Теодор Драйзер

Иван Фунев (Болгария). «Машинист».

АНРИ БАРБЮС

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

(Заключительная глава книги «Россия»)

Некоторых из моих любезных читателей, довольно ко мне расположенных, раздражают те постоянные похвалы, которые я высказываю по адресу Советского Союза и которые печатает «Монд».

«Отчего вы и ваши сотрудники, рассказывая о Советском Союзе, всегда лишь поете ему хвалу, никогда не переходя на критику?» — пишут они мне.

Эти читатели усматривают в моей позиции по вопросу, волнующему значительную часть публики, известную предвзятость. Трудно себе представить, говорят они, будто в советском государстве все настолько совершенно, что невозможно высказать какие-либо оговорки.

Давайте раз навсегда объяснимся на этот счет, постаравшись устранить всякие кривотолки и недопонимание со стороны наших читателей.

Мы уже говорили и теперь повторяем: наше отношение к Советскому Союзу отнюдь не диктуется каким бы то ни было принципиальным обязательством. Наши постоянные благожелательные отзывы о новом государстве не подсказаны нам ни чувством долга, ни нашим уважением к тем концепциям, на которых это государство зиждется. И уж тем более нет смысла утверждать, будто мы подчиняемся какому-то коммунистическому приказу.

Наша позиция, которая представляется нам вполне объективной,— попросту результат естественной линии поведения, в основе которой — честность и здравый смысл.

Да, весь мир хочет знать правду о Советском Союзе. Однако постараемся точно и честно определить истоки подобной любознательности. А истоки таковы: в октябре 1917 года Февральская буржуазная революция в России переросла в пролетарскую. Свергнув царизм, Февральская революция не смогла в то же время коренным образом изменить общественно-политическую основу бывшей царской империи, поскольку власть по-прежнему оставалась в руках все тех же классов. В отличие от нее Октябрьская революция совершила глубокий переворот во всех общественных отношениях и институтах. Это был великий, беспримерный в истории эксперимент: рабочий класс, масса эксплуатируемых

Henri Barbusse. „Russie". Paris, Flammarion, 1930.

впервые за всю историю человечества взяли власть в свои руки. Это гигантское начинание родилось и развивалось в острой борьбе, в обстановке бесчисленных трудностей, которые ныне известны всем.

Политическая революция и учрежденный ею новый порядок — способны ли они обеспечить экономическое будущее огромной страны?

Жадный интерес к историческим свершениям Октябрьской революции — это явление совсем иного рода, чем желание представить себе картину экономического положения в любой другой стране мира. Вернее, это явление иного масштаба. От судьбы народа или союза народов, который вот уже двенадцать лет стремится идти в этом мире своим особым путем, руководствуясь одними лишь законами социализма, и которому капитал, удерживающий в своих руках всю власть в остальной части мира, то и дело силится навязать смертоносные компромиссы,— от судьбы этого государства зависит общественная и политическая будущность всех стран земли. Но сейчас от нас требуется лишь описать то, что есть. От нас ждут отчета об осуществленных экономических достижениях, а не каких-либо адвокатских или прокурорских филиппик или абстрактных теоретических рассуждений.

Советская действительность — органический результат пролетарской революции — это крупнейший эталон в той великой борьбе, которая в наши дни разделяет человечество на две противоборствующие половины — эксплуатируемых и эксплуататоров. Она и есть та практическая истина, которая, вооружая одних, соответственно разоружает других. Сам по себе факт существования СССР и его значение отрадным образом стимулируют разгоревшуюся между революцией и контрреволюцией борьбу не на жизнь, а на смерть. В чем убеждают события, происходящие на советской земле? В том, что здесь рождается новый мир, имеющий право рассчитывать на доверие и поддержку международного пролетариата? Или, что русская революция, подобно многим другим, не оправдала ожиданий и, следовательно, миллионам людей труда ничего другого не остается, как с понурой головой вернуться в лоно старого капиталистического строя и поклониться в ножки банкиру вкупе с генералом и священником?

На этот вопрос следует отвечать определенным «да» или «нет», как это делает суд, без всяких оговорок. Такой общий ответ диктуется интеллектуальной честностью. Того же требует здравый смысл и наше достоинство. Как-то раз Клемансо в ответ на толки о революционном терроре 1793 года заявил, что французскую революцию следует рассматривать как неразрывное целое. Это заявление представляет собой единственный случай марксистского и научного подхода к действительности, за который поклонники этого свирепого старого буржуа могли бы его упрекнуть.

Итак, куда идет вот уже двенадцать лет новая Россия? Вперед или назад?

Еще раз: суть дела, можете не сомневаться, только в этом, и все народы жадно ловят ответ, который способна дать им жизнь на этот элементарный вопрос.

Добавим, что рабочее государство жизненно заинтересовано в том, чтобы пролетарии всех стран имели точное представление о состоянии социальной битвы, символом которой оно является.

Между тем складываются два диаметрально противоположных суждения об экономической и общественной ситуации в Советском Союзе. Одни восхваляют его, другие поносят. Факт противоестественный, коль скоро мы имеем дело с вполне реальными данными. Объяснение его следует искать в остроте современной общественной борьбы, как и в понимании той величайшей исторической роли, какую должна сыграть в этой борьбе стабилизация рабоче-крестьянского государства. Факт при

всех условиях предельно важный, учитывая возможные катастрофические последствия выступлений, зачеркивающих достижения Советского Союза, для развития и укрепления международного революционного движения.

Здесь возможна только одна позиция: вдумчивый, научный подход к изучению советской действительности и выработка суждения, основанного исключительно на точных фактах и цифрах. Затем по возможности необходимо распространять это суждение со всеми вытекающими из него выводами.

Именно так и протекала наша работа. Когда я одним из первых, если не самый первый, пытался восстановить подлинную историю Грузии, то я строил свое исследование на огромном статистическом материале.

Учитывая огромную массу документации, которой с каждым днем все больше обрастает Советская Россия, становится все более рискованно и нелепо сомневаться в ее великих успехах. Факты налицо. Октябрьская революция не обманула ожиданий. Постараемся же не разочаровать тех, кто прислушивается к нашим рассказам о ней.

Все же я хотел бы сначала сказать несколько слов о фарисействе некоторых журналистов и литераторов и о редкой изобретательности, которую они проявляют.

Война открытий — да простят мне это выражение,— которую мы ведем между собой в вопросе об истинном лице Советского Союза, должна вестись по крупному счету, а не по частностям. Еще раз напомним: задача состоит в том, чтобы узнать, привел ли совершенный двенадцать лет назад переворот к созданию нового образа жизни или же он скомпрометировал и повернул вспять дело всемирной революции рабов.

Если так, то, памятуя обязанность ответить решительным «да» или «нет» на великий тревожный вопрос народов, любое раздувание деталей и бессовестное их обобщение равносильно подлости. Как, впрочем, и такое освещение советской действительности, когда вывод, способный принести надежду или отчаяние, поставлен в зависимость от доброго или, напротив, дурного настроения автора, от его возможной недальновидности, привязанностей и обид, от впечатления, которое он желал бы произвести, и заработка, на который он рассчитывает.*

Общеизвестна знаменитая история с англичанином который, впервые приехав во Францию и увидев рыжую женщину, решил на этом основании, будто все француженки — рыжие. Не так давно мне довелось прочитать литературоведческий труд, автор которого с муравьиной дотошностью выискивал в произведениях Флобера грамматически неправильные фразы. Найдя несколько таковых, он выписал их в ряд. Из этого списка надлежало сделать бесспорный вывод, что Флобер не умел писать по-французски.

Точно таким же способом анализируют историю некоторые авторы антисоветских репортажей, а также некоторые антисоветски настроенные газеты. Каждый эмигрантский листок клянется, что сообщает лишь совершенно точные сведения. Пусть так, но из огромного множества мелких фактов повседневной жизни Советского Союза газетенка выбирает лишь те, которые позволяют бросить тень на новую Россию. Таким образом, и в особенности ввиду отсутствия опровержения, Совет-

---

* Результаты контрреволюционной пропаганды ни в коей мере не следует приуменьшать. Книги, содержащие благоприятный отзыв о Советском Союзе, подвергаются во всем мире последовательному бойкоту. Скоро они и вовсе перестанут выходить. Один крупный английский издатель говорил мне, что в настоящее время нет никакой возможности опубликовать в Соединенных Штатах или же в Англии книгу о Советском Союзе, автор которой не разделял бы враждебного отношения к этой стране.

ский Союз изображают каким-то логовом, населенным одними злоумышленниками. Так, даже используя реальные факты, лицемеры, предатели и болваны нагромождают чудовищную ложь. А большая пресса еще облегчает им это дело, подхватывая клевету, которую несчастная общественность принимает как манну небесную.

О каком бы факте вы ни рассказывали читателям, вы должны отвести ему должное место, не преувеличивая его значения. Когда речь идет о столь важном вопросе, то, учитывая к тому же общую ситуацию, точная мера и дозировка фактов становится непреложной моральной необходимостью.

Вот какими соображениями мы руководствовались, приступая к рассказу о новом обществе, созданном здесь пролетариатом Востока в 1917 году.

Мы нисколько не отрицаем ни недостатков, ни промахов, ни неудач. Но мы старались не приписывать им значения, способного извратить истину и помешать общественности по достоинству оценить положение вещей, а также разочаровать друзей советской страны, что неизбежно при замалчивании положительных сторон.

Все мы замечали, с каким восторгом и с каким ожесточением подхватывает критику контрреволюция, обобщая, абстрагируя, иначе говоря, фальсифицируя ее. А публика — в силу какого-то оптического обмана — позволяет вводить себя в заблуждение.

Не будем забывать о том, что все враги русской революции по существу составляют единый лагерь и что, вопреки демагогическим заявлениям тех или других, им не дано произвольно отмежевываться друг от друга.

Кое-кто из бывших революционеров, спекулируя на революционных симпатиях народов, уверяет, будто, выступая заодно с реакцией против единственного в мире революционного государства, стараясь разорвать узы, связывающие его с пролетариями других стран, они будто бы помышляют исключительно об интересах социализма. Ты, чистый и суровый рабочий и солдат,— по достоинству оценишь этот лицемерный ход, результат которого всегда один: еще больше камней летит в стан красной республики народов, еще громче лай собачьей своры, осаждающей ее твердыню.

Однако, если забота о честной обрисовке положения в советской стране вынуждает нас неизменно выделять — как главное в буднях — победоносную поступь социализма, это вовсе не означает, будто мы сознательно закрываем глаза на ошибки и недостатки, возникающие при применении системы. В процессе работы советские строители социализма безжалостно критикуют самих себя, никогда не считая, будто цель уже достигнута. Эта ненасытная требовательность к себе поразила даже Горького. Нет никакой надобности стимулировать рвение этих людей ударами ножа в спину. И шаг их не станет стремительнее от того, что их начнут забрасывать грязью.

В самом деле, революционный и пролетарский дух советской России настолько очевиден, что не заметить его может только слепой. Велик народный порыв. Свободных рабочих сплачивает прочный энтузиазм. Пятилетний план, который не смогла бы осуществить никакая другая власть мира, воплощается в жизнь. В настоящий момент, когда идет к концу первый год необыкновенной пятилетки, о которой уже столь много сказано и написано, прирост промышленной продукции, намеченный в объеме 21 процента, уже достиг 24 процентов. Постепенный переход крестьянских масс к коллективным формам хозяйствования, возможно, будет совершаться медленно, но неотвратимо.

Пусть все, кто борется за людское счастье, все те, кто уважает

научную истину, помнят: необходимо бдительно оберегать советское начинание от происков пособников и лакеев капитала, чтобы те, сознавая свою обреченность, не пытались бесчестными литературными фокусами извратить представление об этой истине в сознании и сердцах масс. Пусть здоровый труженик, который, сбросив оковы каторжника, восстанет воином-победителем, решительно оттолкнет от себя всю эту разношерстную компанию врагов и клеветников. С большим или меньшим цинизмом и коварством, своими нападками, намеками и оговорками — то упуская из виду общую картину, то перелагая на современных вождей революции ответственность за трудности, с которыми неизбежно сталкивается на капиталистической планете новое социалистическое государство,— они силятся зачеркнуть героически начатые исторические свершения и преградить путь мировой революции.

Вот в чем объяснение нашей так называемой пристрастности, имя которой, по существу,— справедливость.

Перевод с французского С. ТАРХАНОВОЙ

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

НА ДНЕПРОГЭСЕ

Я не успел еще толком осмотреться в Москве, как вдруг мне подвернулась возможность совершить путешествие на Украину. Борис Пильняк, которого я посетил вскоре по приезде, предложил мне поехать вместе с ним на Днепрогэс, то есть на государственную Днепровскую гидроэлектростанцию, которую, пока она строилась, называли Днепрострое́м.

От Москвы до Харькова — почти сутки езды. Можно успеть и выспаться в удобном спальном вагоне, и многое вспомнить.

На Украине я второй раз. Четырнадцать лет назад я входил в Киев офицером армии Смиглого. В этом чудесном городе чуть ли не девятнадцатый раз сменялись власти. После немцев, петлюровцев, махновцев, белогвардейцев, большевиков, поочередно занимавших город на протяжении последних двух лет, пришли мы, вместе с теми самыми петлюровцами, с которыми дрались год назад на Волыни. Политическое положение в стране представлялось мне в то время безнадежной неразберихой; я командовал ротой и резался в карты. Для меня это был уже шестой год войны. Во время Киевской кампании я был ненадолго переведен в штаб Первой бригады и воевал в окрестностях Василькова. Както раз в штаб привели пленных большевиков — не то из-под Белой Церкви, не то из-под Канева. Заговариваю с одним, с другим, угощаю папиросами. Молоденький, исхудавший парнишка жадно затягивается папиросой.

— Вы откуда? — спрашиваю.

— Из Харькова.

— Интеллигент?

— Нет, рабочий.

Разумеется, врет. Явно смахивает на гимназиста-семиклассника.

— Ну, и что у вас там в Харькове слышно?

— Да что слышно, строим.

— Что строите?

— Все. Новую жизнь. Социализм.

— Ну, и как получается?

— Хорошо получается. Правда, надо сказать, вы нам сейчас здорово подгадили...

Władysław Broniewski. "W drodze do Dnieprogesu". Репортаж «На пути к Днепрогэсу» полностью был напечатан в еженедельнике «Вядомости литерацке», Варшава, 1934.

Колонна пленных трогается в путь. Я еще раз угощаю молодого харьковчанина папиросами. Он отказывается с великолепным пренебрежением:

— Спасибо. Для меня слабоваты...

Теперь, спустя четырнадцать лет, я имею возможность посмотреть, что сделал мой военный знакомый и другие такие же, как он, у себя в стране. Эти четырнадцать лет — целая эпоха и для Украины, и для меня лично. Теперь я еду сюда как друг, как гость советских украинских писателей.

В поезде я знакомлюсь с молодым украинским прозаиком и драматургом Микитенко. Оказывается, здесь знают мои стихи. Сразу завязывается беседа. С поэзии я быстро перевожу разговор на темы строительства — то есть опять же на поэзию. Ибо все здесь дышит пафосом осуществления великих планов. Только эта высокая поэзия истории и помогла людям вынести все те трудности — недостаток одежды, жилищ, продуктов и т. п.,— которые вызваны были преимущественным развитием тяжелой промышленности за счет легкой.

Рассказывают, что два года назад на Украине кое-где свирепствовал голод. Он не был вызван ни неурожаем, ни каким-либо другим стихийным бедствием, а возник как побочный результат той яростной борьбы, которую «кулак», то есть богатый крестьянин, вел с Советской властью за право единоличного владения землей. Молодые коллективы, страдавшие от недостатка техники и отсутствия руководящих кадров, бились с множеством трудностей, ошибались, боролись с вредительством. Кулаки, подстрекаемые враждебными по отношению к Советам элементами, решили попросту извести города голодом. Они не сеяли, не убирали урожай. Во многих местах поджигали колхозные строения.

В марте 1934 года на Украине голода не было. Помог прекрасный урожай 1933 года, помогла решительная позиция, которую заняла Советская власть по отношению к действиям своих врагов. Харьковский тракторный завод успешно работает, снабжая земледелие механической тягловой силой, существует Днепрогэс, дающий электрическую энергию всем городам и промышленным предприятиям в радиусе 200 километров, действует промышленный комбинат, производящий чугун, сталь, алюминий. Можно смотреть в будущее не только с надеждой, но и с уверенностью в победе.

В Харьков приезжаем около полудня. На вокзале — председатель организационного комитета Союза писателей поэт Кулик, представитель ВОКСа Любченко, писатель Копыленко. На мой взгляд, встреча чуть-чуть слишком официальна. В машине по дороге в гостиницу все быстро оттаивают.

Бегло осматриваем с Куликом и Копыленко бывшую столицу Советской Украины. Не знаю почему, Харьков напоминает мне наш Люблин, только утомляет взгляд пустое пространство вокруг — степь. На улицах чисто, асфальт, трамваи, автобусы. До войны это была типичная провинциальная дыра с тремястами тысячами жителей, теперь их втрое больше, город разросся до внушительных размеров. Особенно интересен нью-йоркский кусочек Харькова, комплекс правительственных зданий, построенных по образцу американских небоскребов. Это вам уже не Люблин. Поднимаемся в лифте на двенадцатый этаж и осматриваем с террасы панораму города. Старая его часть отступает под напором новых домов. Мне показывают: вон там общежития рабочих, там Дом писателей, здесь здание государственного отдела планирования, у подножия — красивая круглая площадь, с трех сторон окруженная солидными многоэтажными домами, на горизонте — очертания ХТЗ, Харьковского тракторного завода. Цивилизаторская миссия социализма ощу-

щается даже в городском пейзаже, с которым, однако, я, любитель сосен и тополей, так и не сумел до конца примириться.

Мы съезжаем вниз и заходим в редакцию харьковской литературной газеты. Здесь множество молодых поэтов, которые жадно накидываются на меня с вопросами о литературной и политической жизни на Западе.

На следующий день девушка из ВОКСа везет меня на ХТЗ. Десяток с лишним километров асфальтированного шоссе пролетаем в мгновение ока. Перед осмотром завода администратор, нестарый еще, но, видимо, заслуженный работник, рассказывает мне следующее:

— Завод был построен и введен в действие в течение пятнадцати месяцев в 1930—1931 годах. На производстве занято 14 500 человек, не считая 8 000 транспортных рабочих. Ежедневная производительность — 144 трактора. Годовая — 50 000. Тракторы предназначены исключительно для колхозов и совхозов. Цена одного трактора — 3 000 рублей. 60% рабочих составляет молодежь, из них 25% женщины. Средний заработок неквалифицированного рабочего — 130 рублей, квалифицированного — 200 рублей, мастера — 350 рублей, инженера — 500 рублей. У нас работает 160 иностранных специалистов, преимущественно немцев. Рядом с заводом находится соцгородок со своей больницей, детскими садами, кинотеатром, рабочими клубами и т. д.

Мы входим в цех, производящий составные части трактора. Гигантский зал с бесконечными рядами станков, у станков сплошь молодежь. И девушек, пожалуй, больше, чем 25%. Фрезеровщики, токари, шлифовщики... Темп напряженный. Над некоторыми станками флажки — это означает, что данный рабочий завоевал звание ударника в социалистическом соревновании, выполнив свой план на 110—120%, а то и больше. Таких флажков над станками порядочно. В следующем цехе, на знаменитом фордовском конвейере, рождается трактор. Каждый трактор, прежде чем он, благоухая свежей краской, торжественно выкатится на заводской двор, должен пройти по этому пути — сквозь длинную, растянувшуюся на весь цех систему передаточных цепей и рельсов, подле которых стоят рабочие, выполняющие строго определенные операции. Я проделал весь этот путь вместе с одним из рождающихся тракторов, наблюдая, как с каждым шагом он становился все совершеннее. Каждые три-четыре минуты я провожал взглядом еще одного современного заменителя устарелых волов и лошадей. Приятно было посмотреть на это.

У выхода я видел стенную газету. Такие газеты выпускает каждый заводской цех. Содержание их составляют повседневные дела и заботы, связанные с бытом и трудом данного цеха или предприятия. В стенной газете высмеиваются и осуждаются «прогульщики», то есть те, кто уклоняется от работы, прославляются ударники, там же помещены их фотографии — так поступают на каждом промышленном предприятии.

Еще мне показывали в Харькове клуб Союза железнодорожников. Это шестиэтажное здание, строительство которого стоило больших средств и трудов. Здесь есть библиотека, читальные залы, комнаты отдыха, крупнейший в Харькове театральный зал, в котором выступают приезжающие на гастроли труппы. В верхней части здания — образцовая техническая школа, где обучают будущих паровозных машинистов.

Я рвусь на Днепрогэс. Гостеприимные украинцы стараются задержать меня, всячески разнообразят и без того более чем разнообразную программу, но вот уже и третий день моего пребывания в Харькове приближается к концу. Я побывал в превосходном украинском театре «Березиль» и в русском театре, посетил выставку, где впервые собраны все картины Шевченко (и теперь я не знаю, кто лучше — Шевченко-поэт или Шевченко-художник), был на вечере в Доме писателей им. Блакитного и познакомился почти со всеми харьковскими писателями. Некото-

рых, например Кулика и Тычину, я знаю по их произведениям, о других раньше только слышал. Освежил я и свое знакомство с еврейским писателем Фефером, который несколько лет назад был проездом в Варшаве. Кулик рассказал обо мне, я сказал несколько слов в ответ, потом читали мои стихи в переводах Кулика и Первомайского. Переводят здесь лучше, чем в России. Русские переводчики — это преимущественно профессионалы, нечувствительные к некоторым тонкостям так называемой поэтической речи, а на Украине переводами занимаются поэты. Под конец я сам читаю свои стихи по-польски, и все меня понимают. Лучше всего принимают «Разговор с Яном» — их трогает, что в далеком городе, в чужой стране поэты думают о Днепростроях и Магнитогорсках с тем же чувством, что и они сами.

В Днепропетровске, бывшем Екатеринославе, я попадаю в объятия целой роты поэтов. Характерно, что чем глубже провинция, тем больше поэтов и меньше прозаиков. Вечером в тесном гостиничном номере неописуемая толчея. Днепропетровские поэты читают свои стихи. Способные ребята, чрезвычайно способные. Молоденький Сидоров напоминает складом своего таланта Есенина, но он внутренне крепче, здоровее. Одно из его стихотворений кончается такой фразой: «Вот это да, вот это жизнь, вот это хорошо!»

На другой день зеленый «фордик» советского производства везет нас с Пильняком к Днепрогэсу. Несколько окраинных днепропетровских улиц, напоминающих чем-то Хандру Унынскую из стихотворения Тувима,— и вот мы уже в степи. Вокруг безбрежная равнина — кроме столбов линии высокого напряжения, несущей ток Днепрогэса, взгляду не на чем остановиться. Разумеется, грустно. И, разумеется, на память приходят польские поэты, писавшие об украинской степи.

Бог его знает, что тут было во времена Словацкого. Я знаю, что курганы, которых тут действительно множество, насыпали тысячу лет назад скифы или сарматы, и знаю, что линию крестообразных мачт высокого напряжения провели большевики. Рядом с курганами и даже прямо по ним, энергично гудя, проезжают тракторы, производимые теми же большевиками в Харькове, не менее, может быть, поэтичные, чем курганы.

Асфальт быстро кончается, и мы едем прямо по полю, рядом со строящейся дорогой, которая вскоре вся превратится в асфальтированное шоссе. Начало весны. Кое-где виднеется уже неуловимая зеленоватая дымка — не поймешь, то ли это цвет травы, то ли листьев, то ли неба, но только посмотришь — и хочется жить на свете. «Фордик» старается изо всех сил — на асфальте выжимал до 90 км, здесь максимум 40. Мы обгоняем одну за другой тракторные колонны, проезжаем мимо хуторов, приютившихся в оврагах. На полях жгут солому перед вспашкой, пахнет свежеподнятой землей и весной.

Вдали уже виднеется нечто, напоминающее несколько наших Жолибожей, вместе взятых и окруженных вдобавок Домбровой Гурничей. Это Днепрогэс. Проезжаем по улице, еще не замощенной, но уже застроенной аккуратными домиками. А вон в том каменном доме четыре года назад размещался штаб строительства. Кроме этого дома было несколько деревянных рабочих бараков, и все. А теперь — есть на что посмотреть.

На Днепровскую плотину мы выехали как-то неожиданно — и остановились.

Нет, об этом надо писать иначе...

Лучше уж попросту. Так вот: слева, там, где прежде были пороги, Днепр теперь широкий, судоходный, спокойный. Такой он до самой плотины, по которой ездят машины и ходят люди. Под водой исчезло несколько деревень, изрядный кусок берега и все пороги, над которыми в былые времена всласть набушевался старик Днипро, в бешеном ликовании грохая башкой о скалы. Теперь не то — над затопленными селами

и скалами плавают лодки и пароходы. Но Днепр не смирился с поражением: задыхаясь от избытка собственного могущества, он рвется в железные водосливы, лезет на бетонные стены, гневно шумит над закрытым шлюзом. И наконец, вспененный и разъяренный, как клубок змей, выползает сквозь милосердно открытые перед ним водосливы, чтобы с ревом, с шумом, в тучах брызг рухнуть с шестидесятиметровой высоты вниз, под Хортицу, тот самый остров на Днепре, где собиралась некогда Запорожская Сечь. И еще с полкилометра плюется он пеной, прежде чем остынет в нем злоба и он спокойно потечет к Черному морю.

На плотине нас встречают сотрудники местной газеты и несколько молодых инженеров. Пройдясь по плотине и полюбовавшись на укрощенный Днепр, мы отправляемся назад, к сердцу всего строительства — к гидростанции.

Сравнительно небольшое здание электростанции — это образец совершенной красоты для глаза, чувствительного к эстетике простоты, целенаправленности и экономичности. Стекло, сталь и бетон. Чистота и свет. В центральном зале стоят девять турбогенераторов цилиндрической формы. Четыре первых были смонтированы американцами, потом американцев сменили советские инженеры — иностранная валюта обходится слишком дорого. И советские инженеры справились — не боги горшки обжигают. Один из турбогенераторов, стоящий сбоку, самый маленький, был смонтирован исключительно силами молодежи, комсомольцев. Поэтому он называется «Комсомолка». На вид «Комсомолка» невзрачная, но она одна могла бы снабдить электротоком весь Харьков. Директор станции знакомит нас с человеком, который начал работать на Днепрогэсе чернорабочим, учился без отрыва от стройки и теперь, уже в качестве инженера, состоит при тех самых машинах, что росли вместе с ним и выросли в такую силу. Обе стороны могут гордиться друг другом — инженер машинами, а машины инженером. Американцы, когда отказались от их услуг, предсказывали, что местным работникам не удастся заменить их. А между тем этот желторотый двадцатитрехлетний инженер не только смонтировал свои машины не хуже янки, но и хочет еще, говорят, подправить их работу: турбогенераторы вскоре будут действовать без утомительного для постоянных работников гидростанции шума. Это его собственное изобретение.

Вечерело, когда мы, покинув гидростанцию, вновь проезжали по днепровской плотине на левый берег в соцгородок. Здесь уже ходят трамваи, часть главной улицы асфальтирована, дома с множеством террасок, с широкими окнами и непременными палисадниками блистают белизной штукатурки, но в целом до идеала градостроительства еще далеко. Как это бывает во всех быстро возникших городах, везде высятся груды кирпича, валяются бревна, лежат кучи раскопанной земли, трубы будущего водопровода, улицы — это пока еще нетронутая, твердая степная целина. Задача была — обеспечить людям жилье и транспорт, и это уже сделано, а с комфортом можно подождать. У хорошеньких современных домиков частенько нет ступенек на крыльце, заборов и многого другого, что для нового дома — то же, что пуговицы для нового платья. Ну, да пуговицы — это мелочь, главное: во всем чувствуется широко задуманный план, и даже не застроенные еще пустыри только подчеркивают его.

Гостиница находится на улице Энтузиастов — название очень уместное, ведь все вокруг здесь возникло благодаря энтузиастам, даже вчерашние скептики стали энтузиастами.

Мы с Пильняком занимаем номер и ложимся спать. Инженеры дали нам час на отдых.

Он промелькнул слишком быстро. Энтузиасты пришли точно в десять. Не мешкая, погружаемся в два «форда» и едем на литейный завод.

Местная машина идет первой, потому что дорога нелегкая. Несколько километров непрерывных поворотов, то и дело пересекаем железнодорожные пути, потом осторожно перебираемся через какие-то котлованы, огороженные колючей проволокой, перекопанные канавами, заваленные строительными материалами. Там и сям стоит охрана, так же как около гидростанции и плотины,— тут есть что охранять. «Форд», кряхтя, переваливается через два рва, и вот наконец мы на месте.

Металлургия. Тяжелая промышленность. Огромные затраты и колоссальный труд. Выглядит все это устрашающе: перед нами огромные печи, окутанные клубами пара и дыма, установленные вокруг прожекторы подчеркивают окружающую темноту, где-то проезжают вагоны, грохочет железо и камень, а раскаленный шлак, стынущий у подножия мартенов, отбрасывает на людей, машины и здания отблеск, подобный тому, какой бывает порой лишь на красном знамени. На знамени в те возвышенные и грозные мгновения, когда невольно веришь: да, «то наша кровь горит огнем, то кровь работников на нем».

Гигантские печи работают без перерыва. После запуска пламя мартена пылает десятки лет, вплоть до того дня, когда рабочие вынуждены отойти от него. А случается это редко — или когда война подступит к самым заводским воротам, или — на Западе — когда этого потребует революция. Вот они, рабочие. Освещенные красным заревом, с обнаженными, блестящими от пота торсами, они похожи на фигуры с первомайских плакатов, с рисунков Каминского, с заставок к «Коммунистическому манифесту», изданному в Варшаве в 1905 году. Они патетичны в своем невероятно тяжком труде. Они серьезны. И когда смотришь на них, на их напряженные мускулы и суровые лица, на их схватку со стихией расплавленного металла, на снопы искр, брызжущих при каждом прикосновении лопаты, теряешь представление о границе между трудом и борьбой. Да, здесь, среди этих людей и машин, в неустанном рождении организованной материи, революция у себя дома.

Как же плавят сталь? Я никогда этого не видел. Слово берет один из наших спутников, инженер, такой же молодой, как тот, на гидростанции, и как тот, всеми своими помыслами, всеми стремлениями и надеждами связанный со своим предприятием, где он потрудился у каждого механизма, где он познакомился со всеми видами работ, где все возникало при его участии и где он, работая и учась, поднялся на более высокую общественную ступень — стал инженером. Он подробно, даже слишком подробно объясняет нам устройство и действие огромных мартеновских печей.

Мы долго ходим по литейным цехам, привыкая к царящей здесь жаре, к грохоту и световым контрастам. Знакомимся с механизмом, подающим руду к мартенам. Инженеры неутомимо просвещают нас: я узнал о производстве чугуна и стали больше, чем мог запомнить, а порой и понять.

Но я понял самое главное: то, что создают здесь рабочие и инженеры, это не только металл и новые заводские корпуса, но и новая, разумная и героическая, суровая и глубоко человечная сущность советской жизни. С каждой новой заводской трубой, с каждым мартеном растет новый человек, психология которого подчиняется иным законам, чем на Западе, человек, для которого работа — это не только средство удовлетворения голода, но и общественное деяние, путь к расширению знаний, к росту ответственности, к росту человеческого достоинства. Возникает новая иерархия заслуг в общем деле — в создаваемом ценой напряженных усилий социалистическом обществе.

Во всем, что я слышал и видел здесь, на Днепрогэсе, был энтузиазм, энергия, ясный взгляд в будущее.

Утром снова едем взглянуть на плотину. Вид снизу весьма впечатляющий. На сей раз нас сопровождают работники местной газеты. Мы заходим в редакцию, в сголовой съедаем яичницу. Здесь весело, пахнет свежесрубленной сосной. Едем в город Запорожье, бывший Александровск. Днепровский комбинат почти сливается с этим городом, в котором существует еще довоенная промышленность. Говорят, он вырос в четыре раза. Председатель местного исполнительного комитета сыплет цифрами и данными, которые прилежно записывает путешественник француз. Переводчица едва поспевает, а французу все мало. Осматриваем кое-что в городе и возвращаемся. Пережевываем и обсуждаем вчерашние впечатления, и запала нашего как-то уже не хватает, чтобы осмотреть еще и алюминиевый завод.

Последний час мы проводим в рабочей столовой. На обед получаем борщ, котлеты и кисель, ко всему этому пиво, которое подается в больших высоких кувшинах. Этот очень сытный обед обходится нам недорого, но несравненно меньше платит за него здешний рабочий. В большом, щедро освещенном мартовским солнцем зале сидит их человек двести. В них нет уже того величия, что вчера в литейном, тут они веселы, разговорчивы и беззаботны. Почти исключительно молодежь. Трудно отыскать человека хотя бы под тридцать. И много женщин, а вернее девушек. Вчера я видел их даже на самых тяжелых работах, но большинство заняты не на производстве — работают кондукторами, официантками и т. п. От соседних столиков доносятся обрывки разговоров. Говорят о соревновании двух рабочих бригад, о строительстве стадиона, о поступлении в вуз и о том, на сколько процентов выполнен план сева... Но наибольший интерес вызывают челюскинцы. Здесь, как и везде, где я побывал в СССР, события в ледовом лагере Шмидта у всех на устах. Водопьянов уже вылетел из Ванкарема, трещина на льдине разрушила кухню, «Красин» плывет через Тихий океан... И по этим разговорам чувствуется, что все здесь понимают, какая тесная и непосредственная связь существует между двумя, казалось бы, столь различными вещами — производством металла на Днепрогэсе и спасением потерпевших кораблекрушение членов арктической экспедиции.

Перевод с польского Ю. ВИНЕР

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

...сороковые...

В эти трагические ужасные часы историю делают народы Советского Союза.

Эптон Синклер.
Приветствие советскому народу.
Ноябрь 1941 г.

Ян Кулих. (Чехословакия) Памятник советским воинам (фрагмент).

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

ШЛА ВЕЛИКАЯ ВОЙНА...

Эти несколько корреспонденций я выбрал наугад среди многих, посланных мною из Советского Союза во время войны. Смысл нового их опубликования я вижу в том, чтобы они, в своей первоначальной непосредственности, помогли понять, чем была эта война для иностранца, англичанина, очень молодого человека, который, увидев кое-что вблизи, стал другом и союзником советского народа.

Никогда за все пятьдесят лет своего существования Советский Союз не занимал такого места, как во время войны, в умах и сердцах всех честных людей во всем мире. С Октябрьской революцией начались великие преобразования в жизни человечества, но большинство людей осознало это именно в связи с войной, так что по своему значению участие Советского Союза в войне далеко не исчерпывается победой над фашизмом. Советский Союз, как никакая другая страна, способствовал изменению послевоенного мира.

Все эти корреспонденции были написаны телеграфным языком, и сейчас я их переписал в том виде, в каком их пропустила военная цензура. Фразы в них короткие, рубленые, потому что наши газеты выходили в сокращенном объеме и редакторы требовали материала не на долгом дыхании, а, скорее, порядка восклицаний. Но важнее, пожалуй, то, что сама ситуация требовала лаконизма. Чувства во время войны были слишком огромны, чтобы вверять их словам, поэтому о героическом и поразительном говорили деловито, стараясь лучше недоговорить, чем сказать слишком много, стараясь не расписывать войну, а показывать ее через отдельные события, отдельные подвиги, отдельных людей.

Даже толстая желтая русская бумага, на которой я тогда писал, будит множество воспоминаний, а вместе с тем сейчас, когда я это читаю, мне кажется, что то была другая жизнь, и другой человек, и другой мир, навеки исчезнувший.

МОСКВА, воскресенье, 26 марта. Очень трудно понять, как выглядит здесь война. Единственный способ — долго собирать все доступные сведения, а потом пробовать в них разобраться. За ходом войны легко следить по карте. Осознать его невозможно. Все распадается на куски. Например, рассказ о том, как русские взяли такой-то плацдарм,

Материал Джеймса Олдриджа прислан специально для этого номера «Иностранной литературы».

живет сам по себе. Общее представление об этой войне нужно составлять из самых простых вещей.

Вот, скажем, грязь. Я знаю, что такое грязь на Украине, и, когда солдаты Красной Армии рассказывают, как они в ней увязали или как в ней застревали и тонули немцы, это мне понятно. Но таких простых вещей никогда не набирается достаточно для того, чтобы стало понятно сражение в целом.

Вот, скажем, взятие Проскурова. Мы уже несколько дней тому назад рассчитали, что Проскуров будет взят сегодня или завтра. Мы рассчитали это, прикинув расстояние и те препятствия, которые предстояло преодолеть Красной Армии. И Проскуров пал. Он пал вчера. Сегодня мы знаем, что он был зажат в кольцо. Но военная терминология лишает любую победу или бой всякой жизненности.

Понятными и живыми остаются менее значительные вещи. Когда первые части Красной Армии проходили через Проскуров, шел дождь. Первыми прошли через город красные саперы. Они искали мины. Вот это — понятные вещи.

История о том, как Красная Армия подошла к Проскурову, проста, но живая она только местами. Как они туда попали? Пришли пешком. И всю дорогу шли с боями? Да, всю дорогу с боями. И дальше просто. Неделю они держали город в полукольце. Немцы закрепились на шоссе в десяти милях к северу. Русская пехота их оттеснила.

Немцы стали поспешно отступать. В линии обороны образовалась брешь, и красная пехота быстро погнала их по дороге к Проскурову.

А как выглядела эта дорога? Она была плоская и темная. Она была одна. Телефонные столбы были расщеплены и сломаны. Грязь стояла по колено. Как слепые, бродили брошенные лошади. Немцы бросали на произвол судьбы и танки и лошадей. На этой дороге они бросили не то восемьдесят, не то сто танков и взорвали все мосты. Здесь это куда проще, чем пытаться увести танки с собой. Русская пехота гнала немцев по этой дороге до самого Проскурова, где немцы подготовили оборонительную позицию.

Какова была эта позиция? Она была хороша для обороны. Между Проскуровом и Красной Армией проходила река Буг. Долина Буга вокруг города была залита водой. Река разлилась поверх льда, затопила окрестности города. Пройти по льду солдаты не могли, он был слишком тонок. Оборонявшая город бригада СС «Лангемарк» зарыла оставшиеся у нее танки в грязь, направив их орудия на реку и залитые луга. Немцы построили оборонительные сооружения, укрепили свои позиции и стали ждать атаки Красной Армии.

Красная Армия атаковала со всех направлений. Эту фразу, вероятно, повторяли десять тысяч раз, но это правда. Какая была атака? Трудная. Красные саперы навели трудные мосты через разлившуюся реку. Это было трудно в инженерном смысле. Это было трудно физически, потому что вода была ледяная. Немцы непрестанно обстреливали из орудий все пункты, где красные саперы пытались навести переправы.

Удалось им форсировать реку? Да. Красные танки переправились через реку. Они перешли ее у Черного острова. Черный остров — населенное место, но сейчас там никого не было. Танки, переправившиеся у Черного острова, обошли с фланга немецкие танки. Они подходили один за другим и взрывали их. Потом переправилось еще множество танков, и было захвачено место под названием Западинцы. Это был укрепленный пункт на шоссе, и это было начало конца.

Немцы предприняли контратаку и ввели в бой около сотни танков. Кроме того, они сбросили парашютистов. Парашютисты либо завязли

по шею в грязи Черного острова, либо замерзли в талой воде. Либо сражались и были убиты.

Казалось бы, на этом битва должна была кончиться, но исход ее решался не в самом Проскурове. Решался он на линии железной дороги, вне города. Красные танки атаковали железнодорожную линию, и немцам пришлось вывести крупные бронечасти из Проскурова, чтобы прикрыть свои коммуникации. Это ослабило их оборону, и красные танки ворвались в немецкое расположение, а пехота стала с боями занимать улицу за улицей. Тогда немцы взорвали электростанцию, водопровод и фабрики и оставили город.

Вот тут-то красные саперы прошли через Проскуров.

В городе оказались люди. Сначала он был пуст. Потом люди вдруг появились — неизвестно откуда.

Рассказ о Проскурове снова становится понятным. Люди, вылезшие из своих убежищ, хотели прочесть газеты, узнать, что творится на свете.

По всем улицам Проскурова лежали в грязи немецкие трупы. Мертвец, лежащий в грязи, обычно смешивается с нею. Немцы, безусловно, стали частью проскуровской грязи. Но город был разрушен, его узкие переулки, ведущие к бесчисленным садам, были завалены мусором, центр города уничтожен. На одном из немногих уцелевших зданий висела немецкая вывеска «Биржа труда». Красные саперы первым делом сорвали ее, и это — один из простых, понятных фактов, связанных с Проскуровом.

А еще есть такие факты. В Проскурове сходятся десять шоссейных и четыре железных дороги. Там имелся водопровод, элеватор и заводы — все взорвано. Такие факты объясняют, *почему* идут бои за города, но подробности ускользают.

Из писем и телеграмм военного времени

На все 100 процентов солидаризируюсь с Советским Союзом в его военном отпоре фашистской агрессии. Народ Советского Союза своей борьбой защищает все народы, сопротивляющиеся фашистскому порабощению. Горячо приветствую Советский Союз и его героическое сопротивление.

Эрнест Хемингуэй.
27 июня 1941 г.

Скорбя об огромных жертвах, глубоко восхищаюсь чудесным мужеством и силой великого русского народа, несущего знамя цивилизации в борьбе против фашистов. Совершенно уверен в вашей конечной победе и неустанно работаю для этой цели.

Хьюлетт Джонсон.
Телеграмма в ВОКС.
Июль 1941 г.

Нацистское движение было с самого начала чудовищным восстанием варварства против разума. Оно началось убийствами интеллигенции и сожжением книг. Армия варваров, естественно, продолжает свое дело в Советском Союзе в духе тех, кто ее послал. Они уничтожают все памятники великой русской культуры, которые встречаются на их пути. Эти глупцы наивно полагают, что могут убить самый дух, если разрушат дом. Они не понимают, что дух книги продолжает жить и тогда, когда уничтожают бумагу этой книги и дом ее творца. Они не понимают, что звуки музыки продолжают жить и тогда, когда уничтожена рукопись музыкального произведения и разрушен дом композитора. Развалины, которые они оставляют за собой, не позорят великих мертвых. Они остаются только памятниками позора самих разрушителей.

Лион Фейхтвангер.
Заявление в связи с разрушением Ясной Поляны.
Февраль 1942 г.

У ОДЕССКИХ ПАРТИЗАН. Эти люди выходили из подземелий и сражались с немцами по ночам. Днем они жили в черном лабиринте сырых катакомб под Одессой. Под Одессой сто семьдесят пять километров катакомб, и с января прошлого года в них скрывалось от шести до десяти тысяч партизан. Они совершили свыше пятидесяти налетов на немецкие объекты в городе и уничтожили свыше пятисот немцев в рукопашных боях и уличных перестрелках.

Я нахожусь в одесском пригороде Молдаванке, где есть два входа в катакомбы. Это ямы в земле, под разрушенными домами. В этом районе находился штаб всех партизанских сил. Один из командиров стоит рядом со мной, это майор Анатолий Лощенко, инженер-химик, сорока семи лет от роду. Лощенко говорит, что майором его прозвали в шутку. Партизанская его кличка была Волга. Вместе с ним — помощник начальника штаба Гавшин.

Сидя в чистой белой комнате над одной из катакомб, я веду запись со слов их обоих.

Майор — улыбающийся, круглоглазый, Дмитрий Гавшин — серьезный, с тонкими губами, и майор говорит:

— В январе этого года, когда фронт приблизился к Одессе, мы получили сведения, что немцы планируют уничтожить все население Одессы, в первую очередь мужчин. Мы решили организовать партизанские отряды, готовые к взаимодействию с Красной Армией. Готовились мы в катакомбах. Первые связи завязывали через родственников. Потом стали организовывать людей там, где работали. Мы копили деньги, покупали запасы и складывали их в катакомбах. Добыли фрезерный станок и небольшую машину делать колбасу. Копали артезианские колодцы и где только можно доставали оружие. Был даже печатный станок. Большую часть всего этого добра пришлось собирать женщинам — мы ведь не могли появляться на улицах.

В этом районе нас было около двух тысяч. А всего в катакомбах — тысяч десять. Под землей проводили военные учения. Мы собирались выступить, когда Красная Армия подойдет к Одессе, особенно если немцы будут пытаться ее удержать. Начали с того, что убивали тех немцев, которые поджигали дома. Еще мы выпускали листовки на румынском языке, предупреждали румынских фашистов, что, если они будут убивать рабочих, мы убьем их самих.

На одном участке (№ 70) за нами охотились шестьдесят семь полицейских, вызванных из Никополя. Мы их захватили, двух оставили в казармах. Прибыл новый патруль и решил, что эти два немца — партизаны. А те двое, что оставались в казарме, решили, что патруль партизанский, и они стали стрелять друг в друга, а мы со своими 65 пленными ушли в катакомбы.

Тут майора перебил Дмитрий Гавшин.

— Поймите,— сказал он,— нами руководила любовь к родине, патриотизм. Мы все ненавидели немцев — мужчины, женщины, дети.

Майор продолжал:

— Сначала мы ставили перед собой простые цели. Старались помешать немцам взрывать здания. В последние две недели, когда они уже знали, что уйдут, они минировали все подряд. Нам удалось спасти одесский театр — мы перерезали проводку от мин, а водопровод и канализацию мы разминировали по мере того, как немцы их минировали. Половину здания телефонной станции мы спасли тем, что устроили там дымовую завесу. Когда немцы пришли его поджигать, они подумали, что оно уже горит, и оставили его в покое.

8 апреля немцы отдали приказ, чтобы после трех часов дня никто не выходил из дому. Красная Армия была совсем близко.

К этому времени мы уже держали связь с армией. У нас было радио, и когда мы услышали гром орудий вблизи города, мы тоже выступили. Могли бы выступить и раньше, но не хватало оружия и боеприпасов. Оружие мы получали из нескольких источников, главным образом — от словаков, которые дезертировали из германской армии и переходили к нам со всем снаряжением: передавали нам винтовки, пулеметы, мортиры, даже грузовики.

Кроме того, женщины накупили много оружия у румын, потому что те не хотели с нами воевать. Винтовка шла за 50 марок, револьвер — за 150—200. Цена автомата доходила до 250 марок. Узнав, где находится у немцев склад оружия, мы совершили на него налет. Пятьдесят процентов наших людей были вооружены. Если бы были вооружены все, мы могли бы взять город.

Под конец мы стали завязывать уличные бои с немецкими патрулями. У нас были и свои ночные патрули — каждую ночь они тайными лазами выходили из катакомб и не давали покоя немцам по всему городу. Несколько раз гестапо и сигуранца пытались проникнуть к нам и все о нас разузнать. Мы всех впускали в катакомбы, но выйти обратно — шалишь!

Один раз к нам спустилась какая-то девушка и сказала, что она — парашютистка. Сказала, что выполняет задание Красной Армии и что выступать нам рано. Мы заподозрили подвох. Напоили ее. Она выболтала, что работает для гестапо. Они забрали ее мать и сестру и обещали их выпустить, если она их осведомит о нашем расположении, наших планах и наших командирах.

Чем ближе подходила Красная Армия, тем активнее мы становились. По ночам мы передвигались по всему городу. Почти в любой его точке мы могли выйти на поверхность. В боях с румынами и немцами мы убили свыше пятисот человек. Сами мы потеряли человек тридцать, раненых выхаживали в катакомбах. У нас был свой госпиталь, много

Из писем и телеграмм военного времени

Ничто в истории человечества — ни безумные авантюры в поисках преходящей власти и славы, ни страшные массовые избиения народов и порабощение их Киром, Дарием, Александром, Цезарем, Атиллой, Мамаем, Чингисханом, Тамерланом, Наполеоном — не может сравниться по своему бессмысленному варварскому разрушению и смертоносности с ничем не оправданным нападением Гитлера на Советскую Россию. Ибо Россия, Советский Союз — это та единственная страна, тот единственный народ, который, наконец, установил справедливую и общественно-прогрессивную форму правления...

Я считаю нападение Гитлера величайшим злодеянием — в полном смысле этого слова—против великой державы. Это хладнокровная и преступная попытка уничтожить свободу человечества и — что еще важнее — духовную и социальную справедливость в семье народов, справедливость, коей, кроме как в СССР, не только не достигал, но о которой не помышлял ни один народ, ни одна раса никогда и нигде.

Эти преступления надо пресечь, а их инициатора и исполнителя, победив, всенародно казнить за его злодеяния... Мы видим, как Англия ради самосохранения идет на помощь России. Что же касается Америки, то я вместе с миллионами других американцев буду призывать наше правительство не только к самозащите путем всемерной помощи России теперь же, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного народа больше, чем когда-либо за время своего существования сделала Америка для своего народа.

Теодор Драйзер.

Из телеграммы в Союз советских писателей.
Июль 1941 г.

хороших одесских врачей, в том числе профессор Поль. Мы даже своих мертвых хоронили в катакомбах.

9 апреля, накануне вступления в город Красной Армии, один из наших партизан, Михаил Кулиев, убил тринадцать немцев, а двадцать четыре забрал в плен. Я этому не поверил, пока он их не привел. В тот же день наши разведчики связались с частями Красной Армии в пригородах, а на рассвете 10-го Красная Армия вошла в Одессу, и тут мы передали им своих пленных и вышли из катакомб.

Прослушав рассказ этих подземных партизан, я вышел на улицу, и меня подвели к большой яме посредине разрушенного здания. Из большой ямы куда-то дальше вела маленькая, майор и еще несколько человек спустились в нее, и я следом за ними.

— Они присылали солдат завалить этот вход,— сказал майор,— но мы всякий раз их захватывали, и тогда они подожгли дом.

Узким, извилистым коридором я, все время оскальзываясь, прошел шагов тридцать вниз, в черное подземелье. Неожиданно мы очутились в большом известняковом зале. Тут стоял мальчик и держал в руке бутылку с керосином, в которой горела пробка.

— Это один из четырех мальчиков, которые знают каждый метр в катакомбах,— сказал майор.— После революции катакомбы заминировали, чтобы в них не скрывались бандиты. Перед самой войной эти четверо их разминировали. Они тут знают каждый коридор, а коридоров этих тысячи. Они служили нам проводниками. Чуть кто заблудится — а это случалось нередко,— мы их посылали на поиски. Одного из мальчиков убило. Он не умел обращаться с гранатами. Он вытащил чеку, а гранату держал в руке. Она разорвалась. Он погиб. Все они герои.

Мы двинулись вперед по коридорам, похожим на штреки. Стены у них срезаны гладко, ровно — когда-то известняк здесь выпиливали кубами. Так и возникли эти катакомбы. Чем больше требовалось известняка для строительства, тем длиннее становились коридоры.

Туннель стал разветвляться. Мальчик вел нас очень уверенно. Он привел нас в тупик, где были разбросаны остатки немецких и румынских мундиров, каски и всякое снаряжение.

— Здесь у нас была тюрьма,— сказал майор.

По одному туннелю мы шли очень долго, поворачивая то вправо, то влево, спускаясь все глубже и глубже, не видя ничего, кроме света от коптящей бутылки, и, наконец, вышли в круглое помещение.

— Здесь у нас был приемный пункт,— сказал майор.

Дальше шло несколько каморок. На одной из них еще висела дощечка с надписью «Штаб». Мы вошли. Там был земляной стол, с которого еще не убрали бумаги. Майор сел на ящик.

— Вот тут я сидел,— сказал он и, указав на стену у себя за спиной, добавил: — Тут висел план Одессы.

Он поднялся и повел нас в какой-то закуток со шкафами.

— Здесь у нас была химическая лаборатория. Работала в ней женщина-химик по фамилии Семенова. Она изготовляла бутылки с горючим и дымовые бомбы. Вон там подальше были мастерские — ремонтная и оружейная. И артезианские колодцы у нас были, только очень далеко.

Мы пошли по другому туннелю, шли очень долго.

— Тут есть одна чудесная пещера,— сказал майор.

Мы миновали кучи стеклянных трубок и другого материала для бомб. Пол был усыпан старым немецким снаряжением, идти было трудно, и мы попросились обратно.

— Но ведь там, чуть подальше, такая чудесная пещера,— сказал майор,— величиной с целый квартал.

Но мы отказались туда идти и спросили, для чего она использовалась. Он ответил, что в одном конце был госпиталь, а в другом размещалось несколько тысяч беженцев из города. В госпитале были койки с простынями, а остальные все спали на полу.

Мы пустились в обратный путь. С тех пор как мы проникли сюда через узкую щель, мы не видели дневного света. Здесь было как в шахте — кругом штреки, и ни зги не видно. Шахта эта тянулась на много миль под самым городом. В ней жил миллион запахов — от сырости до карбида, которым партизаны пользовались для освещения, а в более тесных проходах еще пахло людьми. Говорят, что некоторые люди прожили в этом подземелье все время немецкой оккупации — два с половиной года,— но проверить это мне не удалось.

Хотя я пробыл под землей всего каких-нибудь двадцать минут, я был очень рад, когда мы ползком поднялись по крутому проходу и увидели впереди светлую полоску — выход на поверхность. Я успел ясно ощутить, что меня похоронили в этих туннелях, причем не на полчаса, а навсегда. Словно не осталось нигде ни свежего воздуха, ни дневного света. Это гнетущее ощущение владеет тобой с первой секунды, как ты туда попадаешь, и до самого выхода на свет божий.

Дописывал я этот рассказ в одесской гостинице «Бристоль». Сейчас ее большие с выбитыми стеклами номера, по которым гуляет сквозняк, показались мне необычайно милы. Когда я уезжал с Молдаванки, майор Лощенко стоял у широкого входа в другое подземелье, щурясь от яркого света. Не думаю, чтобы ему хотелось снова спускаться в катакомбы. Но и уходить из этих мест он, казалось, не спешил. Он все еще стоял там, когда машина, подскочив на рытвине, повернула за угол, и он скрылся из глаз.

МОСКВА, суббота. Сегодня я был в госпитале и видел длинного, лысого человека, неподвижно лежащего на спине.

Это был полковник Красной Армии Грыленко. Его только что привезли сюда после боев, в которых было окружено десять немецких дивизий.

Он рассказывал мне о боях.

Из писем и телеграмм военного времени

...Вторжение Гитлера в Советский Союз является нападением самых черных сил Европы на передовых защитников света и цивилизации во всем мире. Наши взоры обращены к вашей стране, где бывшие колониальные народы за короткие 20 лет создали новую жизнь, письменность и новые литературы. Каждый день мы читаем эпическую историю, которую вы пишете своей кровью. Мы уверены в вашей победе над фашизмом.

Мулк Радж Ананд (Индия).
Телеграмма в ССП.
Сентябрь 1941 г.

Мы в огромном долгу перед вами и вашими согражданами за ту великую борьбу, которую вы ведете против нашего общего врага. Будущее цивилизованного человечества зависит от исхода этой борьбы. Грядущие поколения во всем мире будут обязаны вам за вашу авангардную роль в нынешнем конфликте.

Левинсон, Мартин, Спенсер, Стрюйн и Винтер,
по поручению преподавателей и сотрудников Массачусетского технологического института (США).

Из приветствия антифашистскому митингу ученых в Москве.
Октябрь 1941 г.

— Куда вас ранило? — спросил я.

— Осколком, в спину,— ответил он.

— Где вы находились во время боя?

— Я был на передовой, где немцы пробовали прорваться на выручку окруженным дивизиям.

А дальше разговор шел так:

— Вы их задержали?

— Да, задержали.

— Как?

— Да просто отбросили.

— Так-таки все было просто?

— А в бою всегда просто. Либо победишь, либо нет.

— Крупное это было сражение?

— Да не маленькое.

— Как оно выглядело?

— Было много артиллерии.

— Ближнего боя?

— Да, ближнего боя.

Он говорил сверхпростыми словами, к которым свелась война,— сверхпростыми, даже если подбавить к ним краски.

То была не скромность. На войне не скромничают. Не было это и умышленным замалчиванием чего-то. Нет, это было всего-навсего упрощение. Я не сдавался.

— Какие части сражались против вас?

— Штрафные.

— В первый раз слышу о таких.

— Они состоят из провинившихся и пониженных в звании офицеров. Их посылают сражаться солдатами, чтобы они искупили свои провинности.

— И хорошо они сражаются?

— Ничего. Это сплошные самоубийцы. Они шли вперед, пока все не были убиты.

Я спросил его про осколок, которым его ранило.

Он сказал, что просто стоял там, а осколок в него попал.

Полковник Грыленко видел то, что было перед его глазами. А перед глазами у него были штрафные части, которые все были перебиты.

Это да еще то, что он там стоял и в спину ему попал осколок, и составляло для него подробности боя.

Только такие вещи мы и можем сейчас узнавать о войне — особенно о войне в России. В целом картина слишком велика.

Даже последний штрих в разговоре с Грыленко был потрясающ по своей простоте. Касался он застрявшего у него в спине осколка.

— Завтра будут его вынимать,— сказал он.— Очень сложная операция.

Я спросил, кто его будет оперировать.

Он с улыбкой глянул в склонившееся над ним лицо.

Хирургом, которому предстояло сделать полковнику Грыленко сложную операцию, оказалась миловидная 28-летняя женщина.

МОСКВА. Среда, 8 марта. В Советской России Женский день отмечают торжественно. Лучшая история к Женскому дню — это история одной женщины — летчицы на бомбардировщиках. Это первая такая женщина, о которой я слышал. Шесть раз ее самолет был подбит, дважды она была ранена. Зовут ее Лиза Коноплева.

Перед войной она училась в Московском государственном университете, на историческом отделении, и семнадцати лет вышла замуж за

Ивана Сульженко, но учиться не бросила. Началась война, и Лиза была эвакуирована в Татарию. Иван Сульженко стал героем. Он бросил свой горящий самолет на германскую автомотобазу, взорвал несколько танков, машин, цистерн с горючим и немцев и взорвался сам.

После этого Лиза Коноплева выучилась летать. Ей дали диплом с отличием и право летать на У-2.

Чтобы понять, что такое У-2, нужно увидеть его своими глазами. Это крошечный, легкий одномоторный биплан. Пилот почти не защищен от пуль. Два пассажира помещаются сзади, запертые в тесной квадратной кабине. Мотор выглядит так, точно он чуть прихвачен к носу. Но это замечательный самолет. Он может сесть и взлететь где угодно. Может сесть на колеса или на лыжи. Мотор имеет привычку глохнуть, потому что незакрытые части обледеневают. В таких случаях принято садиться где попало, сбивать лед молотком и лететь дальше.

Лизе было сказано, что она будет летать на У-2 на линии, соединяющей несколько маленьких городков. Доставляешь на рынок группу крестьян с курами и прочим товаром. Высадишь их и везешь мужчину с больным теленком к ветеринару. Это очень мило, но к войне отношения не имеет. Лиза Коноплева восемь раз подавала заявление о переводе в боевое соединение и наконец добилась своего.

Она стала летать на ночных бомбардировщиках.

В качестве ночных бомбардировщиков она использовала самолеты У-2. Делается это просто. Бреющим полетом туда и обратно. Скорость — девяносто миль в час. Сбить тебя ничего не стоит. Но взлетать У-2 могут в полумиле от противника. В этом их преимущество. Аэродромов не требуется. Можно спрятаться под деревом. Можно подкрасться к неболь-

Из писем и телеграмм военного времени

...Мне чрезвычайно тяжело сознавать, насколько не хватает национального единства в США. Хотя правда о положении в Америке в настоящий момент будет немного обескураживающей для вас, которые так на нас рассчитывают, все же необходимо, чтобы вы знали правду и, узнав эту правду, смогли бы еще больше гордиться вашей системой и боевым духом советского народа.

Рокуэлл Кент.
Из письма в ВОКС.
Октябрь 1941 г.

...Шесть или восемь миллионов человек сражаются там, на огромном русском фронте. Это величайший фронт борьбы, который когда-либо видел мир. Мы здесь, в Америке, знаем, что если тот фронт падет, русских должны будут заменить наши сыновья, наши братья и друзья, наша собственная плоть и кровь. К армии, которую мы создаем уже сейчас, придется прибавить еще шесть миллионов американцев. Только подумать, что это значило бы для Америки! Эти люди умирают за нас. Это такая простая правда, что больно говорить о ней. Чем заслужили мы такие жертвы? Стыдно вспоминать всю ложь о России, которой снабжала нас наша пресса.

Томас Манн.
Из заявления в связи с годовщиной начала войны.
12 июня 1942 г.

24 года дисциплины и труда во имя победы создали вечную славу, имя которой — Красная Армия. Каждый, кто любит свободу, находится в таком долгу перед Красной Армией, который он никогда не сможет оплатить. Всякий, кто хочет разгромить Гитлера, должен считать Красную Армию героическим образцом, которому необходимо подражать.

Эрнест Хемингуэй.
Приветствие к годовщине Красной Армии.
Февраль 1942 г.

шим расположениям противника и вернуться прежде, чем его истребители тебя обнаружат. Все это и проделывала Лиза Коноплева.

Проделывала она это всю трудную зиму 1942—1943 годов и стала лучшим пилотом в своей эскадрилье. Шесть раз ее подбивали, четыре раза она делала вынужденную посадку. Два раза вернулась с горящим мотором.

Несколько месяцев назад, во время особенно трудного полета, ее жестоко обстрелял «мессершмит». Когда она вернулась, одно крыло у самолета было оторвано, мотор горел. Приземлившись, она потеряла сознание. Вся кабина была залита кровью. Летчица была серьезно ранена — в руку и в плечо.

Она поправилась, но с бомбардировщиков У-2 ее сняли. Теперь Лиза Коноплева называет себя «воздушным извозчиком». От У-2 она никак не может оторваться. Возит на них раненых с передовой. У нее две награды: медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны, а также две нашивки за ранения. Но она по-прежнему летает на невооруженных санитарных У-2 на передовую и обратно. Сейчас ей двадцать лет.

СЕВАСТОПОЛЬ. 20 мая 1944. Это целый город, в котором никого нет. Я объездил его в джипе, тщетно высматривая хоть каких-нибудь людей. На разоренных улицах, в гулких пустых зданиях — ни признака жизни. Никогда я не видел города, до такой степени мертвого.

Его белые здания пожелтели, а набережная черна. Его трамвайные рельсы скрыты под многолетним слоем грязи. Все его дома повреждены. Его деревья искалечены, цветы на поникших ветках еле видны. Ничего не осталось.

Только на окраинах попадаются люди. С порога редких залатанных домиков старухи и подростки вяло провожали глазами нашу машину. Из стадвенадцатитысячного населения Севастополя осталось пять тысяч, которые и ютятся на этих полуразрушенных окраинах. Но и там людей мало. Я не могу себе представить этот город живым в прошлом, и трудно себе представить его живым в будущем. Эти развалины кажутся древними, никак не связанными с нашим временем, а между тем мэр (председатель Горсовета) Севастополя, стоя в самом центре города, сказал мне: «За три-четыре года отстроим».

Бои за Севастополь велись не столько в самом городе, сколько на окружающих его высотах. Сегодня я там побывал с генерал-майором Александром Сергеевым, начальником политотдела Второй гвардейской армии. Мы поехали на первую высоту, которую захватили русские... Этот крутой склон русские взяли штурмом, и я бродил по нему следом за генералом Сергеевым. Он показывал мне линии окопов, в которых шли рукопашные бои, и обратил мое внимание на небывалое сосредоточение артиллерийского огня, о котором свидетельствовало количество воронок.

С захватом этой высоты и начались бои за Севастополь.

Над городом господствуют еще две высоты — Сапун-гора и Мекензиевы холмы. Они были взяты русскими во вторую очередь.

Я смотрел на них снизу, из разделяющей их долины Бельбека, и видел растянувшийся на четыре-пять миль по Сапун-горе бесконечный узор блиндажей и ходов сообщения. Думая о том, как нелегко, наверно, было ее взять, я разглядывал то, что принял сначала за коричневые заросли кустарника по ее склонам, но, поглядев в бинокль, убедился, что это совсем не кустарник, а воронки.

В джипе я проделал путь наступления Красной Армии. Мы поднимались круто вверх, по белой земле, и я все ждал, когда откроется

широкое поле сражения. Но милю за милей тянулся склон, сверху донизу изрытый воронками. И больше ничего.

Отсюда были видны высоты Мекензии и южнее — историческая Балаклава. Поблизости находился английский памятник времен Крымской войны, когда взяли этот пункт, Сапун-гора оказалась в руках русских. Создалась угроза немецким позициям на Мекензиевых высотах и в Балаклаве, и после недолгих боев немцы их оставили.

Я ехал вдоль высот Мекензии по разминированной дороге, заваленной военным мусором, а вдоль нее еще бродили по полям и взрывались на минах немецкие лошади. Дорога эта, соединяясь с другими, вела в Севастополь.

Казалось бы, самый город представлял хорошую позицию для обороны.

Мне думалось, что немцы сражались неважно, раз не могли удержать эти высоты. И еще думалось, что русские сражались замечательно. К тому же они превзошли немцев и маневренностью, и численностью, и боеспособностью. Видимо, для победы над немцами нужно именно то, что сделали русские здесь, в Севастополе.

ХЕРСОНЕССКИЙ ПОЛУОСТРОВ. 19 мая 1944. За холмом медленно движется по полю боя цепочка немцев. Они хоронят своих мертвых. Оставляя Севастополь, немцы отходили пять миль по этому полуострову в надежде эвакуироваться. Судя по тому, как выглядит поле, немногим это удалось. На пять миль — ничего, кроме разбитого снаряжения: орудия, машины, боеприпасы, танки, грузовики — все атрибуты войны. А внизу, на пляжах, ничего, кроме мертвых немцев под дождем, которым удары волн придают причудливые позы.

Это настоящее поле боя — большое, легко обозримое. Оно поглотило аэродром, усеянный сотнями разбитых германских самолетов. Оно раскинулось по низким холмам и с обеих сторон ограничено морем. Каждый метр его изрыт воронками. Особенно приятно на него смотреть, потому что усеяно оно немецким военным оборудованием и лежат на нем трупы фашистов.

Из писем и телеграмм военного времени

Мы знали, что день 22 июня является началом конца фашизма. Как выразить словами наше восхищение борьбой мужчин, женщин и подростков на всем протяжении огромного фронта, простирающегося от Мурманска до Севастополя? Анатоль Франс писал о Золя, что он олицетворяет совесть человечества. Борющийся народ Советского Союза олицетворяет благородство и надежду человечества, надежду на то, что будущее освободится от мрачного варварства.

Франц Вайскопф.
Приветствие советскому народу к годовщине начала войны.
Июнь 1942 г.

...Одно из величайших преступлений гитлеровской Германии в том, что, будучи не чем иным, как культурной пустыней, способной только к уничтожению, она прервала гордое и полное надежд развитие советской страны...

Никто не знает, как долго продлится война... Со своей стороны, я могу лишь сказать, что, будучи человеком старым, я ни о чем так не умоляю судьбу, ни на что не надеюсь с большей страстью, чем на то, что доживу до счастливого дня, когда везде ударят колокола, зазвенят бокалы и люди обнимут друг друга, восклицая: «Чудовище повержено, мир свободен, настало время для новой жизни...»

Томас Манн.
Из письма в ТАСС.
15 июня 1942 г.

Эта взрыхленная земля лучше слов объясняет причину русской победы. И огромные воронки от снарядов крупного калибра, и небольшие опалины, оставленные мортирными снарядами, говорят о невероятном сосредоточении артиллерийского огня, которым Красная Армия поливала это поле. Красная артиллерия двое суток без перерыва обстреливала узкий полуостров, на который втянулись немцы и где они пытались закрепиться за двойной линией обороны. Но завершила дело красная пехота. Об этом говорят следы малой окопной войны: брошенное добро прошито пулеметными пулями, и мертвые не разорваны снарядами.

Годное оборудование почти все вывезено, ведь уже несколько дней, как бой кончился. Но по полю ходят толпы красноармейцев. В их передвижениях трудно уловить какой-нибудь порядок, но, очевидно, он есть.

Как всегда, на поле боя особенно бросается в глаза всякий хлам. Документы, проволока, продукты, вещевые мешки, скатки, одежда, бинты, вата, расчетные книжки — все, что связано с отдельными людьми. Я подбирал по дороге медали, «железные кресты», немецкие резиновые штампы (в огромном количестве), значки, пояса. Я видел письма — одно от жены солдата, писавшей, что она обязуется не требовать от своего мужа никаких денег, потому что у нее обнаружили примесь еврейской крови. Письмо было засвидетельствовано у нотариуса. В других письмах говорилось, что начались бомбежки и теперь они понимают, что приходится переживать их любящим мужьям. Это должно было бы звучать трагично, но вызывало лишь горькую иронию, даже смех.

Я видел, как на этом поле трудились два немца. Это были пленные, вызвавшиеся отремонтировать свое зенитное орудие, чтобы русские могли пустить его в дело. Они расхаживали без охраны, подыскивая недостающие части для своей подбитой зенитки. Они сказали, что под артиллерийским огнем им пришлось туго. Сказали, что стреляли, пока могли, а потом побежали в укрытие — в подвал под маяком. Офицеры погнали их обратно к орудиям, они не пошли. Генерал Боме, впоследствии взятый в плен, тоже находился в этом подвале, и он им разрешил остаться, сказал, что сражение все равно проиграно.

На аэродроме — последнем, который немцы удерживали на этой земле,— все еще стояли в своих укрытиях бомбардировщики и истребители, правда, изрешеченные снарядами и пулями. Немцы держали здесь две первоклассные эскадрильи истребителей — «Удет» и 52-ю. У них были истребители «фоккевульф-190» последнего образца и «мессершмиты-109». Из этих двух эскадрилий ни одной машине не удалось уйти. Я насчитал 50 разбитых истребителей, потом сбился со счета. Насчитал 58 бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков и тоже сбился со счета. Все они были выведены из строя.

По подсчетам русских только на этом поле было уничтожено пятнадцать тысяч немцев. Захвачено двадцать пять тысяч пленных, в том числе четыре генерала.

Казалось бы, у немцев здесь было немало шансов продержаться до момента, когда можно будет уйти. У них было вдоволь снаряжения, вдоволь боеприпасов, естественная позиция для обороны, им не грозил обход с флангов.

Подвело их море. Почти каждое судно, которое сюда посылали, оказывалось захваченным, не доходя Херсонеса. Но даже если бы до него добралось больше судов, немногие немцы могли бы спастись. Их все время прижимала к земле русская артиллерия, за которой вплотную наступала пехота. Русские проделали здесь то, что мы пытались сделать у Кассино несколько месяцев тому назад, но им это удалось, потому

что их пехота была так близко, что не давала немцам опомниться после артобстрела.

Едва ли это поле можно убрать как следует. Думаю, что когда пленные немцы похоронят всех мертвых, а красноармейцы выберут из обломков все годное, остальное так и бросят здесь — пусть смешивается с землей. Картина неприглядная, но смотреть на нее приятно.

МОСКВА. 9 мая 1945. Конец войны — поверить в него так же трудно в Москве, как и в Лондоне. Уже по крайней мере два дня, как все об этом знали, но никто не верил, пока не прочел сегодня утром в «Правде».

На улицах больше обычного народу. Здания украшены флагами, красными флагами. Тут и там вывешены портреты Сталина. По радио передают вперемежку джаз и марши.

К полудню Красную площадь наводнила толпа. Почти все устремлялись к главным воротам в Кремль. Некоторые, может быть, ждали, что появится Сталин, но большинство шло туда просто потому, что казалось — куда же еще и идти в такой день?

Если не считать группы студентов, которые шли, взявшись под руки, и пели, я не наблюдал бурного веселья. Но можно не сомневаться — у москвичей сегодня радостно на душе.

Сегодня — нерабочий день. Трамваи ходят, как обычно, но к центру города они идут переполненные, а обратно — полупустые.

Московская милиция, обычно строго следящая за тем, чтобы люди переходили улицы в положенных местах, сегодня молча смотрит, как пешеходы заполонили мостовые. С восьми часов утра милиционеры начали было давать свистки, но к десяти выдохлись.

Ждут еще и еще новостей. В любое время дня вокруг уличных громкоговорителей толпится народ. Но после девяти утра, когда в последний раз передавали условия капитуляции, новых сообщений не было.

Из писем и телеграмм военного времени

Каждая победа, каждый великий подвиг Красной Армии не только разрушает часть военной машины варваров, но и сокрушает чудовищную крепость предрассудков, которую создали против Советского Союза злоба и зависть...

Лион Фейхтвангер.
Из приветствия советскому народу.
Июнь 1942 г.

Что можем мы, в Америке, сказать вам, в России? Мы живы, потому что вы умираете. Мы еще свободны, потому что вы боретесь. Наши дома целы, потому что ваши лежат в руинах.

Каролина Брейди.
Октябрь 1942 г.
(Из частного письма)

Достижения Советского Союза представляют собой чудо современной истории. Посылаю свой привет великому советскому народу в час его героической борьбы.

Эптон Синклер.
Приветствие к 25-летней годовщине Октября.
Ноябрь 1942 г.

С огромным уважением и восхищением посылаю свои искренние поздравления по случаю 25-летней годовщины Красной Армии и Флота, которые столь успешно защищают изумительные достижения советской культуры и промышленности и которые отодвинули смертельную угрозу будущему развитию человеческого прогресса.

Альберт Эйнштейн.
Приветствие Красной Армии.
6 февраля 1943 г.

Очень трудно поверить, что вчера вечером мы видели в Москве последний военный салют. Зато сегодня вечером ожидается самый грандиозный салют — салют Победы. Вот тогда русские действительно почувствуют, что война кончилась.

Сейчас уже почти невозможно вообразить, сколько боли, тревог, радости, оптимизма воплощалось в отрывочных словах этих корреспонденций для меня, а возможно, и для тех, кто их читал. Иногда я сам удивляюсь, почему — помимо самоочевидных политических причин — я так привязан к Советскому Союзу. А вот сейчас перечитал эти корреспонденции — впервые с тех пор, как писал их,— и понимаю, что я жил вашей жизнью, умирал вашей смертью и отчасти сам испытал душевное напряжение и муку, бывшие вашим уделом в те трудные годы. Но испытал я и нарастающую радость, и непреклонную решимость, и бескрайние надежды, которыми жил каждый советский человек, когда до конца войны оставались считанные месяцы, недели, дни, часы.

Оглядываясь на пятидесятилетний путь, пройденный Советским Союзом, почти каждый советский гражданин вспомнит какой-нибудь один период, по той или иной причине особенно для него значительный. Я — не советский гражданин, но и мне знакомо это чувство, и вполне, по-моему, логично, что именно война сделала меня тоже «советским» и раскрыла мне все значение революции. Всякий раз, как я приезжаю в Советский Союз, меня встречают отзвуки этих давних воспоминаний. Несколько лет назад я снова побывал в Севастополе и, глядя на памятник, воздвигнутый на холме в преддверии города, вспомнил, как стоял почти на этом самом месте и смотрел вниз, в долину, где еще лежали мертвые, на проволочные заграждения, еще цепляющиеся за склоны. Но увидев самый Севастополь, такой живой, такой новый и бодрый, я забыл пустой город, который видел так давно.

Вероятно, в этом все и дело: города отстроены заново, мертвые похоронены, молодые живы, и рождаются дети, и Советский Союз выжил и будет жить, и в этом для меня главный смысл минувшего пятидесятилетия.

Перевод с английского М. ЛОРИЕ

ГЕНРИХ МАНН

ОБОЗРЕНИЕ ВЕКА

Ниже мы публикуем с сокращениями главу из книги «Обозрение века», написанной Генрихом Манном в 1944 году и изданной в освобожденной от фашизма Германии в 1947 году.

...У Октябрьской революции в России, помимо всех необходимых предпосылок, была еще одна, совсем особого свойства. Не только самые последовательные ее мыслители обладали убежденностью и волей, такую же искренность и готовность к действию они встречали и у большинства своего народа. А лишь это и создает возможность действий, оставляющих след в веках.

Две революции

Советский народ победит в этой войне потому, что и до нее владел великой правдой, не бессильной, а животворящей,— он был полон решимости перестроить жизнь к лучшему — во имя людей.

Это явление, взрыв правдолюбия, повторяется на каждом значительном рубеже эпох. Вначале французская революция во многом была похожа на более позднюю, русскую. Тогда вовсе не сразу стало ясно, что власть одного класса сменилась властью другого класса, и только. Разумеется, французам, у которых еще не было нашего опыта, трудно было представить себе, во что превратится свобода, если останутся, с одной стороны, собственники, а с другой — неимущие...

Французская революция провозгласила права человека. Будет ли он обладать ими на самом деле — это уж зависит от каждого.

На старте перед прыжком в жизнь все равны. Но попробуй пробейся, если ты родился в нищете, если тебя оставили коснеть в невежестве, если ты обездолен, да еще, чего доброго, темнокож!

Новая революция зовется социалистической, потому что первым делом, несмотря на все практические трудности, она установила равенство.

Heinrich Mann. „Ein Zeitalter wird besichtigt". Berlin, Aufbau-Verlag, 1947.

Первым делом революционная Россия уравнивает в правах свои народы. В ее пределах обитают кавказская раса и многие другие. Но различия в их положении больше нет.

Высокоразвитые народы не занимают особого положения, не пользуются никакими привилегиями. Шестнадцать национальных республик, каждая со своим составом населения, имеют собственные конституции. Они сохраняют родной язык, и хотя там изучают русский, но он не является главенствующим.

Факты свидетельствуют, что люди, прежде не знавшие равенства, подчинявшиеся государству лишь в силу инерции, добровольно выполняют свои гражданские обязанности, как только каждый получает те же права, что и другие. Долг перед родиной сразу становится чем-то неизмеримо большим, чем тягостная повинность. Родина перерастает сентиментальное понятие, которым была для нас прежде. Она близка нам, как пашня у нашего дома. И тогда ее защищают с такой страстью, так беззаветно, как если бы она и вправду была нашей пашней. Это наша родина, в которой нет больше неравенства...

Когда французская революция еще только думала о равенстве, одна мысль о нем сделала нацию непобедимой. Сколь же непобедима другая нация, которая добивается равенства и осуществляет его на практике,— трудовое равенство разных народов. В Советском государстве нет противоречия между равенством и свободой. Равенство — основа свободы, самая действенная попытка осуществить ее на деле. Доказательством от противного служит напавший на Советский Союз враг. Этот враг, немец, сделал неравенство народов своим оружием.

Полной противоположностью друг другу явились Германия, объятая расовым психозом, и Советский Союз, опытное поле равенства народов. Вот оно, самое главное!..

Советское государство отрицает слишком резкое имущественное различие и чрезмерный личный комфорт. И уж конечно начисто отрицает какое бы то ни было расовое превосходство. Коммунизм опирается на более широкую основу, чем чисто экономическая. Он способен дать настоящее равенство всему человечеству.

Враги — немцы в их сегодняшнем обличии — твердят, что социализм в Советском Союзе принижает людей, что он служит признаком врожденного рабства. Ничего подобного! Для Советского Союза социализм — это путь к полному освобождению, гораздо большему, чем только экономическое. Через равенство к свободе — вот что пытаются осуществить в Советском государстве. А это попытка совсем иная, чем та, другая, немецкая.

Все, что гитлеровцы называли антибольшевизмом, все, чем обманывали напуганных собственников, никогда не было заботой о собственности другого. Противники равенства прежде всего восстают против уравнения в правах богатых и бедных. Они усматривают в этом восстание против природы и общества. Что касается природы, то к различиям, установленным людьми, она относится с царственным пренебрежением. А общество? Если оно не стремится к равенству, для чего оно вообще существует? Тогда уж лучше неприкрытая анархия.

Какими окажутся результаты русской революции? Откуда мне знать! Думается, они, как все земное, будут меняться с приходом каждого нового поколения. Но революция, по существу, непоколебима. Она завладела средствами производства и держит их крепко. Нет ни малейших признаков того, что тут хоть что-нибудь изменится. Многие возлагают все свои надежды на вторую мировую войну. Они полагают, что эта война должна изменить, а вернее, как бы им хотелось, отбросить экономику Советского Союза далеко назад. Вот тогда в этой стране появятся снова бедные и богатые.

Да они и теперь уже есть. Однако я убежден, что человек, которому за заслуги в области духовного воспитания масс присвоено звание народного артиста, должен получать большую заработную плату, чем обыкновенный техник, обладающий знанием, но не людей, а машин. Разумеется, все должны получать плату по справедливости, и уж тем более масса трудящихся, несущих в своих руках, на согбенных своих плечах все общественное благосостояние. Богачи и нищие! Вот это явно противоречило бы смыслу социальной революции, вернее, всякой настоящей революции. И Советы знают это лучше, чем кто бы то ни было.

Противоречие, которое еще существует, будет устранено. Но, разумеется, его труднее устранить, когда захватчик прерывает грандиозное строительство в стране, которая сумела обеспечить работой всех своих граждан. Беспощадная трехлетняя война, которую не хотел, но предвидел Советский Союз и в которой он так героически выстоял, конечно, уничтожила многие результаты двадцатилетнего планомерного труда.

Война истребила столько жизней в Советском Союзе, что этого не вынесло бы никакое другое государство. (Германия, понесшая столько же потерь, поймет слишком поздно, что они невозместимы.). Эта война нанесла такой ущерб национальному достоянию, что, думается, его не восстановишь и в сто лет. Однако Советский Союз уже доказал, что он способен создать в двадцать лет. Пусть только кончится война, вы увидите, что народы Советского Союза сразу же примутся за работу. Потому что советские солдаты полностью сохранили моральное здоровье.

Руководители Советского государства позаботились, чтобы его граждане не только производили больше продукции, но и больше думали. В Германии вот уже десять лет думают мало, а власти принимают самые беспощадные меры к тому, чтобы там вообще перестали думать. После войны всем станет ясно, что быстрее поднимется тот, кто научился мыслить,— впрочем, может быть, это ясно уже и сейчас.

...Советский Союз отступить не может. Это было бы не временным отступлением, как некогда во Франции, а его концом. Обобществленную собственность, превращенную в частную, нельзя национализировать вторично. Это не буржуазная пресса, которую то зажимают в тиски, то объявляют свободной.

Для страны социалистической революции отступление означало бы войну, чрезвычайно кровавую, которая привела бы к гибели не только эту, но любую другую страну. Экономика перешла бы в частные руки, но вовсе не в руки местного населения. И в результате в стране воцарились бы чужеземцы.

Просто смешно допустить такую мысль, потратить хотя бы несколько строк на такое бессмысленное предположение сейчас, когда Советский Союз так яростно защищается от врага. Он так превосходно защищается, потому что уже доказал своим народам, как прекрасна социалистическая свобода. Народы Советского Союза защищают его так преданно и самозабвенно, потому что хотят отстоять свободу своей страны. А Советы — это их страна и их свобода. И в их войне с врагом сражается опыт, накопленный за четверть века.

Немцы защищают — вернее, будут защищать вплоть до скверного своего конца...— немцы вообще ничего не защищают. Никто не угрожал ни им, ни их стране. Они сами явились агрессорами по отношению ко всем другим странам, и они стали ими единственно потому, что их фюрер «всегда прав». Ну, что ж, тогда остается в полном отчаянии драться дальше.

На стороне советских народов — их родины, их идей, их строя — правота абсолютная. Вот что вдохновляет их на невероятный труд, на фантастические, чудовищные жертвы, которые они приносят с такой простотой. На таких высотах защищается только народ, защищающий

свою революцию. Нужно было выстоять и победить в гражданской войне, чтобы нация, вложившая в эту борьбу всю свою душу, теперь смогла изгнать ненавистного захватчика из своей страны. Как, и этот еще? Гони его!

До этого вторжения советскому народу приходилось, в самом начале революции, иметь дело с первыми ее врагами, с мятежными генералами старого режима, вступившими в союз с экспедиционными армиями чужеземцев. Все властители Европы, как некогда Священный Союз, были исполнены решимости уничтожить очаг революции прежде, чем будет слишком поздно. Воспоминания эти надолго остались в памяти советских людей. Они говорят: «Не бойтесь ужасов этой войны, нам грозила гораздо большая опасность тогда, в самом начале, когда мы были еще слабы».

Советские люди справились с самыми ранними своими врагами, которые из страха перед мировой революцией надеялись уничтожить Октябрьскую революцию. Одного этого достаточно, чтобы всем стало ясно: никакой более поздний, явно опоздавший захватчик не сможет завоевать государство рабочих и крестьян. Он давно уже потерял о нем представление. Как бы чудовищны ни были его жестокость и его коварство, советские люди неизбежно победят.

Разум

Симпатии, которыми пользуется за рубежом Советский Союз, принадлежат почти без исключения идее, идее по-новому понятой свободы. Только полные тупицы видят в революции XX века одну материальную ее сторону. В программе социализма значится национализация средств производства, и она действительно осуществлена. Следовательно, считают критики, задача революции выполнена.

Да, если бы все этим и ограничилось, если бы у экономической реформы не было никаких духовных предпосылок и никаких моральных последствий — все равно значение ее было бы очень велико, но оно вовсе не обязательно было бы положительным. Ведь государство может точно так же и даже гораздо больше, чем хозяева частных монополий, употребить во зло экономическую власть над людьми. Да и почему бы ему не злоупотребить этой властью, раз власть государственная, социальная, политическая и военная так часто употреблялась во зло.

Результаты реформ — не обязательно революционных — целиком зависят от духовного уровня, на котором они возникли. Какова предшествующая история данной нации, ее деяния, ее учения?

Социалистическая революция победила, и Советский Союз, ее детище, существует, потому что оба они родились в духовной борьбе. Но духовные битвы начинаются в тишине, хотя последствия их вызывают громовой шум. Сто лет великой русской литературы были той революцией, которая предшествовала революции социалистической.

Старая Россия поддавалась влиянию идей. Этому способствовало ее социальное расслоение — патриархальный уклад и чудовищная оборотная сторона этого уклада. Мир униженных был так близко, что оставалось просто прикоснуться к нему и отображать. К тому же государство проявляло — правда, только по отношению к литературе — некоторую терпимость. Общество добилось этой терпимости у власть имущих — наверно, потому, что литература, как они полагали, служила украшением одряхлевшего строя,— впрочем, эта терпимость время от времени на-

рушалась строгими репрессиями. При всем том старая Россия была той почвой, на которой произросла эта великая литература. Горячее сочувствие принадлежало ей одной. Без нее жизнь, которую там влачили, была бы лишена всякого интереса и тем более перспектив. Но в России была литература и была музыка, наполненная предчувствием того, что наступит время, которое предъявит новые требования. И первое из этих требований — правда, голая правда о человеческом существовании, не просветленном ничем, кроме веры и сострадания.

Русская литература XIX века — явление грандиозное и такой созидательной мощи, что нам, привыкшим к упадочничеству и ущербности, с трудом верится, что мы ее современники. Многое из прочитанного и услышанного мы поняли или домыслили уже много позднее. Я слушаю марш-скерцо Чайковского, и мне слышится откровенная насмешка над застарелым милитаризмом, над хвастливым маскарадом, которому суждено превратиться в кровавую баню, но который все-таки смешон, как старомодная дуэль.

А как мы читали Достоевского? А Толстого?

Мы читали их с трепетом, читали, широко открыв глаза, боясь упустить хоть одну мысль, хоть один образ, и слезы благодарности были ответным нашим даром. От Пушкина до Горького русские романы составили непрерывную цепь, они учили нас глубочайшему познанию человека, его слабостей, его жестокости, его неосуществленного призвания, и мы восприняли их именно как учение.

Народ, общество, со всеми его градациями, учились на этих книгах не напрасно. Если неправый, пусть только в этот, один-единственный раз, читая только эту страницу, почувствовал, как в нем заговорила совесть, если в другой раз, может быть, на этой самой странице, угнетенный всхлипнул в ярости, значит, ничто не легло в землю бесплодно, ничто не осталось напрасным. Эти книги объединяли всех. Обладает ли народ доброй волей, способен ли он откликнуться на людское горе? Об этом свидетельствует его отношение к литературе. Иногда литература становится достоянием только той части общества, к которой относятся с пренебрежением или считают подозрительной с точки зрения ее национальной принадлежности. Бывает и так, что собственная великая литература пользуется только формальным уважением. (И то и другое мы наблюдали в Германии, в те самые десятилетия, когда русская литература стала величайшим делом всего общества.)...

В конце прошлого века русская литература, эта революция, запечатленная в книге, завоевала бессмертие и в среде западной интеллигенции. Я еще помню совершенно неповторимое впечатление, произведенное на нас «Крейцеровой сонатой», этой заповедью целомудрия, которой теперь, через тысячу лет, Толстой вернул ее полное и святое значение. Нам сделалось жутко, даже самый неверящий испугался, хотя ему и казалось, что он снисходительно улыбается. Действенная мораль (а ведь еще совсем недавно проповедь Ницше лишила нас последних ее остатков) ворвалась к нам нежданно-негаданно. Она произвела грандиозное впечатление даже на тех, кто, как правило, ничего не читает. «Крейцерова соната» — одно из чудес нашего века.

Люди, развитые духовно, скоро поняли, что целомудрие, которого требует от них писатель, это только часть чего-то другого, что речь идет об абсолютной чистоте, о нравственно чистой жизни, о правде, о правде! Пусть будет, что будет! Пусть больше вообще ничего не будет! И в это же время явилось еще одно знамение, столь же важное и столь же сильное — дело Дрейфуса. В этой своей битве за правду французская интеллигенция осталась одинокой и окруженной ненавистью, несмотря на то что совесть многих была взбудоражена, а западный мир глубоко потрясен. В этом классическом случае социальные факторы не позволили вы-

нести справедливого решения. Тогда правда выступила в поход, но, придя к цели, задохнулась под лавровыми венками.

Русские, их блистательные романисты, были в лучшем положении. Если только беспримерное страдание, страдание «мертвого дома», страдание от общей извращенности и собственной тоже, даже страдание от правды, которая во что бы то ни стало должна победить, может означать лучшее положение. Зато они нашли прибежище в уважении бесчисленных безвестных читателей, которые только в этот, только в этот единственный раз на протяжении жизни многих поколений, убедились в том, что познание и нравственная воля могут победить, что успех не всегда выпадает на долю низменной хитрости и коварства.

Октябрьская революция осуществила все, что выносила в себе русская литература целого столетия. Это факт. Его подтверждает вся интеллигенция нашего культурного круга, в центре которого находится Советский Союз. И если бы — par impossible — Советский Союз вздумал отречься от самого себя...

Но нет, это немыслимо, этим он сразу же погубил бы себя. Еще прежде чем он успел бы произнести хоть слово, он уничтожил бы свою грандиозную славу — славу, которую создала ему литература...

Понятие человека одухотворенного, интеллигента, включает в себя весь род людской... Интеллигентом может быть и крестьянин. Советский Союз стремится — и это совершенно ясно сказано в его программе — дать высшее образование рабочим, стоящим у станков. Неужели это делается только для того, чтобы повысить производительность труда? Нет, каждый человек должен расти, и он будет расти, как только научится мыслить.

Социализм не выдумка инженеров или экономистов. Фурье, Сен-Симон, отец Анфантен вовсе не были ими. Маркс — философ факта. Ленин — мыслитель и в то же время человек, осуществивший социализм на деле.

Сейчас мне хочется коснуться одного удивительного и поучительного события (разумеется, это было до войны), я говорю о съезде писателей.

Москвичи и множество съехавшихся к ним представителей разных народов с жгучим интересом выслушали доклад Максима Горького, завершающего целое плодотворное столетие и открывающего столь же плодотворное новое. Народ с полным правом воспринял выступления своих писателей как выражение собственных мыслей...

Я вспомнил об этом съезде, когда в один прекрасный день некий деловой человек, бывший член правления одного из лондонских банков, сделал неожиданное признание (третий присутствовавший молчал и слушал). Вот что примерно сказал деловой человек: «Если бы революция не осуществила все самые заветные мечты человечества, если бы то, что она совершила, имело только временное значение, она была бы совершенно бессмысленна». Он помолчал, в глазах его отразилось раздумье. И уже тише добавил: «Нет, видно, смысл в ней есть».

Человек, занятый только практическими делами, обычно говорит не все, что он думает, он удерживает слова, уже готовые сорваться у него с языка. (Да к тому же здесь присутствовал еще третий.) Этот интеллигент открыл нам все, что было у него на душе. Но кто пришел к пониманию революции первым? Да, поразмыслим как следует, кто же все-таки пришел первым?

В русской избе в долгие вечера, при свете сальной свечи сидел крестьянин и читал вслух другим крестьянам — и было это в тысячу вечеров и в тысячах изб. И всегда находился только один, самоучкой постигший грамоту, ибо учили грамоте тогда далеко не всякого. И читал гра-

мотей, к примеру, рассказы графа Льва Толстого, знатного барина, который писал про то, что необходимо знать крестьянам.

Грамотей читал рассказ «Много ли человеку земли нужно». Вот кружит человек, обегая поле, которое хочется ему получить. Ему обещали столько земли, сколько смогут за день обежать его ноги. Жадность человека не знает предела, он бежит и бежит, лицо его багровеет, потом белеет как снег, а он все бежит. Задыхается, сердце его замирает, а он все бежит и бежит и наконец падает. Тут же его и хоронят. Шесть локтей было в нем росту. Шесть локтей земли и нужно человеку.

Вот оно, с чего все началось.

Эта притча такой силы, такой беспощадности, что ее мог придумать Христос, доказывает, сколь тщетно богатство и сколь преходяща жизнь, которой не следует жертвовать ради него. Множество подобных истин утверждает революция, если только народ способен прислушаться к ним. Он способен, ибо революция жила в нем задолго до своего начала.

Да, вот оно, начало. И западные интеллигенты, сумевшие понять, что это так, склоняются перед революцией. Многие приветствовали революцию сразу, принимая ее на веру и с некоторой самонадеянностью допуская, что она совершается ради них. Но они были далеки от ее истоков.

Другие, быть может более скромные, отвергали революцию, не поняв ее. Я знаю, что́ потом, шаг за шагом, убеждало их: глубокий изначальный разум революции...

То, к чему, наконец, пришли мы, а с нами настоятель кентерберийского собора и лондонский банкир, к этому еще шестьдесят лет назад пришли русские крестьяне, когда в избе, при свете сальной свечи слушали притчу, которую им читали.

Перевод с немецкого Е. ЗАКС

ДЖОН БОЙНТОН
ПРИСТЛИ

ПОЕЗДКА В РОССИЮ

(Отрывки из книги)

Сталинград

Самолет пошел на посадку. Я протер окошко и увидел за крылом огромную коричневую степь, таявшую в голубой дали. Потом мне показалось, что кто-то бросил на коричневый ковер блестящую серую ленту. Я понял, что это Волга, река, которая является не только величайшей рекой России, но и чем-то бóльшим — ее сокровищем, ее символом, ее судьбой; именно здесь, на Волге, фашисты были впервые остановлены и затем потерпели сокрушительное поражение.

Ландшафт накренился, вдалеке замелькали разрушенные здания. Мы садились в том месте, где произошел перелом в ходе войны. Мы приземлялись в Сталинграде. Но аэропорт, оказавшийся просто огромным неровным полем, был, очевидно, довольно далеко от города, который скрылся теперь из виду. Навстречу нам бросился энергичный невысокий человек с широким сияющим лицом уэльского типа, приветствуя нас и объясняя, что нас ждут здесь уже несколько дней (мы застряли на Кавказе из-за нелетной погоды). Это был помощник коменданта. Он запихнул нас в машину, ни на минуту не умолкая, и мы затряслись по ухабам разбитой дороги на Сталинград, до которого было несколько миль. Воздух был морозный, чистый и свежий.

По обочинам дороги все еще лежали груды останков сбитых фашистских самолетов, сожженных танков и бронированных автомобилей, хотя наш гид сказал, что огромное количество обломков уже вывезли. Наконец мы сделали поворот и выехали на главную дорогу. «Сталинград»,— воскликнул наш спутник, сияя и указывая рукой туда, где на много миль тянулись развалины.

Сталинград — огромный речной порт и один из трех самых длинных городов в мире, его длина по берегу Волги — около пятнадцати миль. Он напоминает Ипр, только увеличенный в двадцать раз.

Пока машина пробиралась среди развалин, наш новый друг указывал нам то на одну, то на другую груду обломков. Здесь был технологический институт, там — городская больница, школа и так далее. Повсюду виднелись фантастического вида конурки, сооруженные из рас-

---

* John Bointon Pristley. "Russian journey". London, 1946. Гонорар за эту книгу Дж. Б. Пристли передал Обществу англо-советских культурных связей. Печатается с сокращениями.

плющенных бензиновых баков и тому подобных материалов. Их обитатели выходили наружу и улыбались нам. Однако ощущение, что до прихода захватчиков здесь стоял большой красивый город, было вполне отчетливым. Мы почувствовали себя так, словно попали в фильм Уэллса «Облик грядущего».

Гостиница «Интурист», до которой мы добрались только к очень позднему ленчу, была, по-видимому, сооружена совсем недавно. В нашей комнате стояла огромная пудящая печка, две кровати, обеденный стол и стулья, и для нас и наших чемоданов места уже почти не оставалось. Но все было необыкновенно чисто и аккуратно. Горничные, улыбающиеся и любопытные, были красивые девушки с широкими, типично славянскими лицами. После Кавказа с его экзотикой мы чувствовали себя здесь почти как дома, потому что хотя жители Сталинграда — русские до последнего волоска, в них есть что-то, что напомнило моей жене ее родной Уэльс, а мне — мой Север. Если тут какое-то противоречие, я ничего не могу сделать — это именно то, что мы оба почувствовали и о чем сказали друг другу после нашего плотного ленча.

Здесь не место снова подробно рассказывать знаменитую историю Сталинграда, но я должен напомнить вам о том, что здесь произошло, хотя бы для того, чтобы вы могли понять наши чувства.

В результате упорной борьбы генерал Паулюс овладел всем городом, кроме узкого сегмента (мы видели его) вдоль реки, через которую Красная Армия получала подкрепление и боеприпасы. Подтянув сюда большие резервы, русские форсировали реку выше и ниже города, перерезали пути, по которым к фашистам шло пополнение, и в конце концов окружили армии, осаждавшие город. Дважды Паулюс получал ультиматум о капитуляции и отклонял его, потому что Гитлер посылал ему безумные приказы продолжать борьбу. Наконец, Красная Армия сосредоточенным огнем артиллерии и ракетных минометов пробила оборону противника, и ошеломленный Паулюс сдался. Это было начало того ужасного конца, который мы сами видели в Берлине. А в этом русском городе, в 1200 милях от Берлина, был, можно сказать, подписан смертный приговор фашизму.

Самые яростные бои, как вы, вероятно, помните, шли на территории огромного сталеплавильного завода «Красный Октябрь», на котором нам удалось побывать. Здесь сражались за каждый метр. Часть завода все еще ремонтируется, но большинство печей и прокатных станов работает, причем среди рабочих чрезвычайно много женщин, которые часто выполняют сложную работу и справляются с ней так же хорошо, как с обычной, не требующей особой квалификации.

Я написал небольшую книгу о жизни английских женщин во время войны и знал, каким тяжелым трудом должны были заниматься очень многие из них; поэтому я не был поражен тем, что приходится делать женщинам в России. (Значительная часть наших предвоенных критических замечаний по поводу советской жизни теперь, я думаю, не будет повторяться хотя бы потому, что мы сами за это время преодолели столько трудностей.) Тем не менее я не могу видеть, как женщина поднимает тяжести или делает что-нибудь в этом роде. Правда, в России очень внимательно относятся к работающим на заводах женщинам, когда они собираются стать матерями,— это мы замечали повсюду. Но вряд ли матерям, будущим матерям или даже потенциальным матерям следует заниматься тяжелым физическим трудом, и я надеюсь, что когда мужчины демобилизуются из Красной Армии и период восстановления будет закончен (это колоссальная задача для русских), мужчины заменят бо́льшую часть этих женщин и дадут им более легкую работу. Я думаю, что этого можно ожидать, поскольку сейчас в Советском Союзе семье и семейной жизни уделяется особое внимание.

Пока еще с семейной жизнью в России, по общему признанию, связано немало трудностей, особенно в среде научных работников и высококвалифицированных рабочих, так как бывает, что муж работает в одном месте, а жена занимает столь же важную должность в другом, как это часто случалось и у нас во время войны. Конечно, когда условия жизни станут легче, это положение изменится.

В капиталистических странах, особенно в Америке, сексу придают чрезмерное значение, используя его, с одной стороны, в коммерческих целях, а с другой стороны — как наркотик. Но советские молодые люди, за которыми я с большим интересом наблюдал всюду, где мне пришлось побывать, показались мне освежающе нормальными, сильными и нежными, а атмосфера, в которой происходит их половое развитие,— здоровой. Я считаю это одним из весьма существенных, хотя и наименее известных завоеваний советской системы.

В тот вечер в Сталинграде нам представилась возможность увидеть, как отдыхают молодые рабочие. Мы пришли в профсоюзный клуб завода «Красный Октябрь». Этот клуб, как и многие окружавшие его дома рабочих, был уже восстановлен, и я не удивлюсь, если окажется, что его восстанавливали в первую очередь, а жилые дома — во вторую. В этом заключается разница между англосаксонской и русской точкой зрения. Мы думаем о городе в первую очередь как о скоплении жилых домов и поэтому сосредоточиваемся на жилищном строительстве. Но русский — некоторые из них настойчиво подчеркивали это — заботится прежде всего о сооружении общественных зданий. Конечно, он не стал бы возражать против собственного дома вместо одной или двух комнат, но раньше он хочет построить большой клуб, университет или технологический институт, оперный и драматический театры — он хочет общественной жизни раньше личной. И мы должны всегда учитывать это различие.

В клубе «Красного Октября» все было в полном разгаре. Нас пригласили туда главным образом послушать «джаз», как здесь называют любую легкую музыку. Но перед «джазом» мы успели немного пройтись по клубу. Я побывал в зале, где юноши и девушки, которым не было еще двадцати лет, репетировали что-то вроде цыганских таборных песен и танцев. В этот момент они очень напоминали английскую танцующую и поющую молодежь: семеро из десяти были робки и неловки, двое — потрясающе самоуверенны, а десятый по-настоящему талантлив. Словно я находился в каком-то молодежном клубе у себя дома, а не в далеком Сталинграде. Вот почему так важно ездить самим, вместо того чтобы пытаться понять и представить себе Россию, читая в газете, что господин Молотов сказал господину Бевину.

«Джаз» представлял собой танцевальный оркестр, состоявший из элегантно одетых музыкантов, под руководством маленького быстрого весельчака, чьи шутки публика встречала с большим энтузиазмом. В перерывах между музыкальными номерами выступали красивые волжанки. Оркестр играл превосходно, русские — прирожденные музыканты, но это американизированное развлечение было по уровню гораздо ниже традиционных местных песен и танцев. Я расспросил об этом оркестре и об этих девушках и узнал, что все они — участники заводской самодеятельности, которые добились таких успехов, что скоро станут признанными профессионалами. Какие бы ограничения ни существовали в советской жизни, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что любой талант имеет здесь полную возможность реализации и развития.

Поздно вечером мы добрались до наскоро сооруженного помещения городского Совета, где нас ожидали местные руководители, готовые ответить на наши вопросы о восстановлении разрушенного города.

(Полночь для советского государственного служащего такое же хорошее время, как и любое другое время суток.) Под конец беседы нас повели в небольшую комнату, блестевшую от золота,— в ней были собраны подарки городу Сталинграду — золотые щиты, памятные доски и свитки из Франции, Норвегии, Эфиопии и других стран. Мы видели там Меч Почета, подаренный городу королем Георгом, и ощутили странное волнение, глядя на этот шедевр английских ювелиров и кузнецов и сознавая, что все наши мысли и чувства так чудесно выражены в ажурном золоте и сверкающей стали.

На следующее утро мы должны были встать рано, чтобы успеть на самолет, улетавший в Москву. Мы погуляли несколько минут возле гостиницы, пока наши чемоданы укладывали в машину. На углу в нескольких ярдах от нас стоял немецкий военнопленный с повязкой, на которой было написано «trusty» (заключенный, заслуживший определенные привилегии своим образцовым поведением). Он стоял один и курил сигарету. Сейчас по всей России оборванные остатки вермахта восстанавливают небольшую часть того, что они разрушили. Вид у них мрачный и понурый, это — явно не самые трудолюбивые рабочие в мире; но выглядят они вполне здоровыми. Здесь находился один из них, без всякой охраны, с драгоценной сигаретой во рту — и все же это он и ему подобные вели себя как взбесившиеся садисты, грабя, разрушая и убивая на всем пространстве от Балтийского до Черного моря. Русских можно назвать несговорчивыми, но они не злопамятны и не мстительны.

Последнее, что мы увидели, когда самолет начал разбег, было широкое сияющее лицо маленького помощника коменданта, в котором уэльский энтузиазм сочетался с йоркширской прямотой. Он и такие, как он, помогли спасти мир, сражаясь за каждый камень Сталинграда. И я верю, что теперь они восстановят его так, как того заслуживает этот великий город.

Ленинград

Решив ехать домой через Скандинавию, мы отправились в Ленинград в самом конце нашего путешествия. Это было мудрым решением, потому что получаешь гораздо больше удовольствия, оставляя самое лучшее под конец — а во многих отношениях Ленинград показался нам самым лучшим городом. Театры и музыка Ленинграда уступают московским. Киев и южные города — веселее, жизнерадостнее, в Сталинграде острее ощущаешь драматизм недавних военных дней. Но Ленинград покорил нас сразу, как только мы вышли из московского экспресса «Красная стрела». Он предстал перед нами ясным зимним утром, повсюду похрустывал снег, и разноцветные итальянские палаццо, благородная красота широких ленинградских набережных, многочисленные каналы и мосты — все это было восхитительно. Нам, живущим на Западе, этот город ближе, чем Москва и остальные русские города. Море здесь совсем рядом, а Азия где-то невероятно далеко. Я мечтаю о том, чтобы однажды мягким июньским утром, плывя по Финскому заливу, снова увидеть этот прекрасный город, мерцающий над водой.

Несмотря на долгую блокаду, следы войны теперь уже не очень заметны, хотя, осмотрев некоторое количество больших зданий, обнаруживаешь, что во многих из них все еще имеются разрушенные комнаты — результат артиллерийского обстрела. Мы побывали на множестве заводов и фабрик, в школах, клубах, больницах, театрах, потому

что ленинградцы — вероятно, самые радушные наши хозяева — считали, что мы должны увидеть как можно больше. В ленинградцах чувствуется огромная гражданская гордость, что вполне понятно. Двести пятьдесят тысяч человек погибло здесь во время блокады. Обстоятельства стоят того, чтобы вспомнить о них. Был период, когда фашисты перерезали все линии снабжения, кроме одной, проходившей с северо-востока по льду Ладожского озера. Той страшной северной зимой в городе не было топлива и почти не было продовольствия. Старые люди не вставали с постели, а молодые делали все, что могли, чтобы помочь им. Город постоянно подвергался бомбежке и артиллерийскому обстрелу. Инженеры и рабочие с таких предприятий, как огромный завод «Динамо» (где мы побывали и разговаривали с некоторыми из них), шли сражаться в окопы. Фашистов можно было остановить, голод — нельзя. Умирали целые семьи. Каждое утро у дверей больниц лежали застывшие трупы. Люди тащили по темным улицам санки с мертвыми и умирающими. Даже теперь многие не могут говорить об этих днях без слез. Более шестисот тысяч человек погибло, чтобы спасти Ленинград.

Вдумайтесь во все это как следует. Самая жестокая в мире дисциплина не может заставить людей приносить такие жертвы: полумертвых от голода носить боеприпасы рабочим, ставшим солдатами, отдавать свои силы для оказания любой возможной помощи, в случае необходимости бежать из плена и целые годы сражаться в тылу врага, как делали партизаны,— если они не идут на это добровольно. У Гитлера были эсэсовцы и гестапо, но куда девались немецкие Ленинград и Сталинград, когда война велась уже на территории гитлеровской железной империи? Ленинградская блокада продолжалась девятьсот дней и была с триумфом снята. Да, русские жестки, и, несомненно, их правительство было беспощадно к предателям и изменникам. Но страх не может заставить человека проявлять преданность и героизм. Он должен верить душой и сердцем в то, что он защищает. Ошибка Гитлера заключалась в предположении, будто советский режим был навязан русским силой и что поэтому они не будут долго отстаивать его. И есть люди, которые до сих пор говорят так. Им надо приехать на несколько дней в Ленинград, посмотреть и послушать.

В воскресенье утром нам удалось увидеть кусочек старой, дореволюционной России. Большая церковь оказалась открытой, и мы вошли внутрь Нигде никаких скамеек: в православной русской церкви вы должны стоять. Много ладана; в разных углах эхом отдается голос священника Вереница старых, бедно одетых людей, ожидающих своей очереди поцеловать священные иконы. Это снова была Россия Достоевского.

И еще раз мы побывали в церкви — неожиданно большой и пестрой, в одной украинской деревне, где нашим гидом был местный священник, прочитавший нам затем коротенькую проповедь на тему о мире между народами. Но, конечно, мы видели еще много церквей, некоторые из них действовали, другие были закрыты. Если человек в Советском Союзе хочет пойти в церковь, он может это сделать; но члены партии не скрывают своего отрицательного отношения к посещению церкви. Тем не менее в эту сферу не вмешиваются. В знаменитом старом Киевском монастыре я присоединился к небольшой группе экскурсантов, ходившей по мрачным катакомбам под руководством длинноволосого фанатичного вида монаха, все время бросавшего быстрые взгляды на деньги, которые мы платили за наши маленькие свечки.

Лично я предпочитаю молодую Россию, особенно ту, которую мы встретили в Ленинградском университете, старом здании с самым длин-

ным коридором, какой я видел в своей жизни. В этом удивительном коридоре нас энергично атаковала толпа студентов, решивших, очевидно, вознаградить себя за нехватку английских книг шумным и веселым днем, проведенным с английским писателем. Об этой нехватке английских книг, особенно учебников и дешевых изданий наших классиков, нам с грустью говорили здесь во многих местах. Английский язык стал теперь первым иностранным языком в Советском Союзе, заняв место немецкого. Тысячи студентов изучают английский, но и они, и их преподаватели, которые повсюду так тепло приветствовали нас, находятся в очень трудном положении из-за этого дефицита. Мы должны как можно скорее исправить создавшееся положение. Кроме того, мы должны присылать сюда лучшие театральные труппы, чтобы наши русские друзья могли слышать живую английскую речь.

Ленинград — очень литературный город. В гостинице, где мы остановились, была великолепная кухня, лучше я не ел уже много лет, но нам подавали столько блюд и в таких количествах, что в конце концов мы вынуждены были сказать нашему молодому гиду и переводчику, что не можем справиться с этими чудовищными порциями. Почему, спросили мы, создалось у него такое представление о нашем аппетите? Тогда он объяснил, что, будучи прилежным студентом отделения английской литературы, он использовал романы Диккенса и Теккерея в качестве руководства по английской кухне и вкусам в области гастрономии. Пришлось объяснить, что мы совсем не такие едоки, какими были наши прадеды.

Но и типично русский завтрак, устроенный в нашу честь в ленинградском Доме писателей, оказался столь же обильным и занял еще больше времени; к счастью, однако, он то и дело прерывался остроумными тостами и речами (произнесенными не мною) и прекрасной музыкой. Союзы людей одной профессии с их чудесными большими клубами являются неотъемлемой частью советской жизни. Быть может, писатели, композиторы и ученые слишком часто встречаются друг с другом — иногда они, кажется, все вместе ездят отдыхать,— но здесь, в Англии, мы встречаемся слишком редко, и профессионально-общественная жизнь у нас развита слабо. Это отчасти объясняет, почему советское гостеприимство в отношении иностранных писателей и ученых настолько превосходит наше — плохо организованное и вообще оставляющее желать много лучшего. Нет смысла призывать к расширению культурных связей, что я часто делал в России, если мы со своей стороны не научимся должным образом принимать наших гостей.

Я еще ничего не сказал о великолепных советских театрах, хотя во время поездки проводил в театре почти каждый вечер. Но тем, кто думает, что все советские пьесы посвящены Ивану Грозному, цементным заводам или партизанским героям, я хочу сказать, что в Ленинграде среди других прекрасных пьес я видел забавную комедию из повседневной советской жизни об одном очень озабоченном человеке, который все время уносит чужие портфели. Комедии такого рода надо как можно быстрее вывозить за границу, хотя бы ради тех, кто все еще представляет себе большевиков бородатыми чудовищами.

Мы осмотрели в городе ряд предприятий, в том числе большую табачную фабрику, где в лабиринте комнат на многих этажах маленькие подергивающиеся машинки сворачивали миллионы сигарет. (Потребление сигарет в России, очевидно, достигает астрономических цифр.) Эти сигареты все были знакомого русского образца, но при этом многих различных марок; в других городах — в Москве и на юге — я видел еще целый ряд сортов, причем диапазон цен был очень широк. Я спросил директора фабрики, выпускают ли они в порядке эксперимента новые типы сигарет. Вопрос удивил его, и он ответил, что, конечно, они это делают и

обсуждают качество продукции с государственным контролем, прежде чем предложить ее потребителю. Я упоминаю об этом, так как всю жизнь мне говорили, что при социализме люди должны брать то, что им дают, и что конец свободной конкуренции означает отсутствие сколько-нибудь широкого выбора товаров. Но с сигаретами в России этого не произошло. Да и почему это должно было произойти?

Советские официальные лица всегда говорят о работе очень серьезно и много, и, на мой взгляд, одна из причин этого состоит в том, что у русских есть три великолепных способа убивать время. Во-первых, папиросы — русские сигареты, такие успокаивающие и ароматные. Во-вторых, восхитительный русский чай, растущий на юге, который здесь пьют весь день и половину ночи. В-третьих, русские разговоры, потому что русские очень словоохотливые, живые и неутомимые собеседники, а мрачные молчаливые личности, которых они посылают за границу, по-моему, просто притворяются таковыми. Когда же сигареты, чай и разговоры сочетаются, то искушение провести время становится непреодолимым.

Финляндский вокзал находится в одном из разрушенных пригородов Ленинграда; строго говоря, никакого вокзала нет, неповрежденным осталось только железнодорожное полотно и платформы. Наш поезд отправлялся после полуночи; погода была холодная, и шел град — не очень приятно в такую ночь стоять на разрушенном вокзале. Все же много наших новых ленинградских друзей — драматургов, поэтов и других — пришли проводить нас с цветами и подарками. Последнее, что мы увидели в России, были их приветливо улыбающиеся лица, отражения которых остались с нами, когда огни исчезли в темноте и за окном была видна только туманная снежная пелена. Они встретили нас, как друзей; они простились с нами, как с друзьями, и что бы ни случилось, мы останемся их друзьями. А вы?

Русские и мы

приступаю к последней и, по-моему, наиболее важной из этих статей. Поэтому разрешите мне вернуться к тому, с чего я их начал. Я посетил Советский Союз не как политический деятель, а просто как писатель, чьи последние романы и пьесы приобрели там большую популярность. Я не вел никаких официальных бесед, хотя частных бесед с русскими друзьями было множество — о советских взглядах, перспективах и политике. Я не знал, что происходит за кулисами Кремля, точно так же, как я не знаю, что происходит за кулисами Даунинг-стрит. Наконец, мне чрезвычайно нравятся русские — больше, чем многие люди, которые гораздо ближе нам,— они прямодушны, сердечны, благородны, они радуются тому же, чему радуюсь я, и это создает между нами узы дружбы.

Еще очень многое из того, что повсюду научились делать хорошо, в России делается плохо. (Хотя, с другой стороны, есть вещи, которые в России делают лучше, чем во всем мире.)

Стоит русским узнать вас и почувствовать, что вы их друг, как они тут же признают эти недостатки, отбросив излишне официальный тон, и обещают — имея на то основания, я полагаю,— непременное улучшение положения. В некотором смысле Россия — это гигант, который отправился в школу. Но какая это школа! С 1918 года здесь была напечатана 821 000 различных книг и брошюр общим тиражом около 10 миллиардов экземпляров, в том числе 31 618 000 экземпляров произведений Пушкина и 24 000 000 — Толстого. Если это тьма, покажите мне свет.

Чувствуя себя новичком на международной арене, но уже пройдя путь, на котором приходилось приносить огромные жертвы и случалось совершать непродуманные эксперименты, советский народ болезненно чувствителен к критике, на которую другие просто не обратили бы внимания. Но даже американцы, склонные к такой критике (содержащейся, например, в «Докладе о русских» Уайта), гораздо легче высказывают ее, чем воспринимают. И в конце концов, если кто-то приходит к вам в дом только затем, чтобы потом сообщить о дырке в ковре, о пятнах в ванне и о выщербленной посуде, вы не станете относиться к нему с особой симпатией. Стоит ли требовать этого от русских? Они дружелюбно настроены к другим народам и об английском народе всегда говорят с горячим интересом и даже любовью, признают, что английская культура немало им дала. Но они не могут забыть отчаянных первых лет революции, когда мы начали против них интервенцию, поддерживая белых; они до сих пор помнят тот долгий период, когда капиталистическая пресса искажала каждый шаг России и использовала каждую возможность для насмешек над ее борьбой и жертвами. Но, несмотря на весь официальный реализм их позиции, по-моему, они недооценивают изменений, происшедших в мире за последние несколько лет.

В каждом своем публичном выступлении, которых за время этой поездки было великое множество, я призывал строить мосты, соединяющие наши народы, открывать двери и распахивать окна. Этот призыв всегда находил горячий отклик, и на пресс-конференции в ВОКСе, посвященной культурному обмену между Советским Союзом и Великобританией, мои предложения были встречены самым доброжелательным образом. Новые попытки воспрепятствовать этому обмену могут быть частью обдуманной политики изоляции Советского Союза, но с таким же успехом они могут оказаться еще одним проявлением бюрократической робости и тупости.

Во многих важных вопросах — таких, например, как представление о демократии,— между нами и русскими еще попросту немало недоразумений, и здесь, конечно, помогли бы более откровенные дискуссии. Надо помнить, что Советский Союз вовсе не согласен с мнением о себе — довольно у нас распространенным — как о зловещем колоссе. Он принес большие жертвы для создания своей тяжелой промышленности, которая затем в значительной степени была уничтожена фашистами. Он должен теперь восстанавливать эту промышленность и все разрушенные города. Поэтому он хочет безопасности, чтобы иметь возможность спокойно трудиться. Вот почему ему нужны дружелюбные соседи вместо банд, которые вторглись в Советский Союз следом за фашистами. В их положении мы сами стремились бы к тому же. Я утверждаю, что СССР по своему существу является не агрессивной державой, алчущей новых территорий (у него их больше чем достаточно), но уставшей от войны и тем не менее сильной страной, которой нужна безопасность для залечивания своих глубоких ран.

Конечно, в советской жизни больше недостатков и неудобств, чем это явствует из советской пропаганды. И, однако, я предпочитаю то, что я видел в действительности, большей части этой пропаганды. Я уезжал не разочарованным, а ободренным и освеженным. Кроме того, я понял, что русские всегда выставляют себя в невыгодном свете. Они слишком много говорят об одном и том же — о материальном производстве, о том, сколько тракторов выпускается у них в течение часа,— и очень мало о моральных и духовных ценностях, а в этом отношении они могут бросить грозный вызов капиталистическим странам с их проблемой масс опустошенной, больной молодежи. Советские люди добились успехов в таких областях, которые нельзя нанести на карту и проиллюстрировать в пропагандистских листках.

Русский человек, по-моему, прирожденный коллективист, с готовностью принимающий общественную жизнь и общественный труд. Но не раз во время путешествия мне казалось, что марксизм как философия жизни — а не как политическое и экономическое учение — со своей педантичной диалектикой слишком узок для экспансивной, но самоуглубленной русской души. Этим, так же как и долгими годами изоляции, можно объяснить душок провинциализма, который подчас давал себя почувствовать в среде писателей и интеллигенции. (Впрочем, за пределами России есть много мест, где он еще более ощутим.) С другой стороны, я увидел, что советские писатели не обречены, как воображает большинство из нас, следовать в своем творчестве узкой партийной линии, писать почти по приказу. Да, здесь не публикуют произведений, направленных против советской политики,— согласие с генеральной линией партии для писателей органично, они дышат тем же воздухом и стремятся к тем же целям. Но они часто высказывают довольно смелые собственные идеи, подобно хорошим писателям в любой стране, и, конечно, ни в каком отношении не чувствуют себя скованными и скорее склонны жалеть своих коллег в капиталистических странах, чем завидовать им.

■

У Советской России гораздо больше друзей и гораздо меньше врагов, чем ей кажется. Побывав там, вы непременно поймете то, о чем русские никогда не забывают. Во многих странах, как я уже имел случай убедиться, есть люди, которые просто хотят ненавидеть Советский Союз и принимают только факты, которые питают их ненависть. Если вы скажете им, что прекрасно провели там время, и многое из увиденного восхитило вас, и вы начали чувствовать растущую привязанность к советским людям,— они сразу помрачнеют. Они отвернутся от вас и обратятся к кому-нибудь другому. И вот это русские не могут игнорировать.

Сейчас самой любимой политикой в отношении России является откровенный разговор, и я, разговаривавший там откровенно и получавший откровенность в ответ, ничего против этого не имею. Однако — и эта оговорка чрезвычайно важна — это должен быть *дружеский* откровенный разговор. Я подчеркиваю, что цель русских — это не власть, не слава, не чужие владения, а дружба, настоящая крепкая дружба. Они этого не скажут, потому что у них есть гордость и горькие воспоминания о доставшихся на их долю насмешках и пренебрежении. Но по существу они сердечные, порывистые и открытые люди, стремящиеся учиться и желающие учить, прирожденные художники и ученые, в которых сохранилось столько детскости, живости и неутомимости. Эти люди не хотят жить в изоляции, не хотят быть неверно изображенными и неверно понятыми, не хотят, чтобы их подозревали, и не хотят подозревать сами. Несмотря на невероятные трудности, они совершили грандиозные подвиги; они вели войну, подобной которой не знало до сих пор человечество, и их упорство и самоотверженность поставили их в один ряд с величайшими героями мира. Теперь им столько предстоит восстановить и построить заново! Много лет назад мы сделали ужасную ошибку, за которую все тяжело заплатили,— когда отказали им в поддержке и помощи и даже сами напали на них. Давайте же исправим эту ошибку — мы уже начали исправлять ее во время войны,— предложив им, наконец, не только поддержку и помощь, если они нуждаются в них, но лучше всего и прежде всего — нашу искреннюю дружбу...

Подозрительность и скрытность, с которой мы сталкиваемся, объясняется тем, что не только коммунист подозревает своего врага — капиталиста, но и русский, как прежде не поездивший по миру, подозревает Запад. Но помимо всего этого в русских заложено какое-то глубоко

женственное начало, оберегающее от слишком легкого проявления своих чувств. (Если вы воображаете, что русские — холодные, суровые люди, посмотрите первый попавшийся русский кинофильм.) Поэтому мы должны делать попытки и продолжать делать их, всеми возможными способами проявлять наш искренний интерес и растущее дружелюбие. Критика без дружбы никуда нас не приведет: сейчас не то время. Но дружелюбная критика, высказанная и принятая, улучшит и обогатит нашу и их жизнь, потому что мы многому можем научиться друг у друга.

Я кончаю, как и начал, личным заявлением. Русские — чудесные люди, и я никогда добровольно не скажу ни одного слова, чтобы задеть их или ту жизнь, которую они строят. Я отдал им свою дружбу. И даже если они решат, что не хотят моей дружбы, я буду снова и снова предлагать им ее.

А теперь я хочу поблагодарить их за величайший из их даров, о котором они ничего не знают,— за то, что, вернувшись из их страны, я был намного больше уверен в будущем человечества.

Перевод с английского В. АШКЕНАЗИ

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

...пятидесятые...

С бескрайних просторов страны социализма до нас доходит свет великих и благородных идей нашего века. Оттуда сияет нам солнце социализма — великий пример, великая цель.

Жоржи Амаду

Антон Рефрежье (США). Красная площадь.

АРТУР ЛУНДКВИСТ

МАКИ ИЗ ТАШКЕНТА

(Отрывки из книги)

После революции Ташкент стал самым крупным городом в Центральной Азии. Красивый, своеобразный, почти тропический, он утопает в зелени, отлично снабжен водой, невероятно чист и напоен благоуханием цветов. Ташкент занимает немалую площадь. Здесь большое уличное движение, заводы, фабрики, вдоль улиц, по краю арыков, окаймляющих тротуары, стоят пирамидальные тополя.

Дома, как правило, добротные — они белые, не очень высокие, в два-три этажа. С давних пор в этом районе бывали землетрясения, но в городе уже есть и монументальные здания, которые с особой гордостью показал нам городской архитектор.

— Мы стремимся создать свой особый стиль архитектуры, с учетом истории узбекского народа, наших национальных традиций, всей нашей самобытной культуры. Наши архитекторы учитывают и климатические условия, и тип строительного материала. Мы хотим найти равновесие между красотой и целесообразностью.

И все-таки у меня создалось впечатление, что новые здания несколько тяжелы, чопорны, смесь классицизма с восточной декоративностью— гладкий фасад и стилизованные балконы из бетона. В условиях жаркого климата лучше всего именно такие дома — так мне объяснили, но я вдруг вспомнил легкие, светлые, воздушные строения Корбюзье, созданные им, между прочим, и в Бразилии: там со зноем борются вентиляцией и системой вертикальных плоскостей.

Упоминание имени Корбюзье вызвало ироническую улыбку: архитектура — это не просто свободная конструктивная идея архитектора, дом — это не самоцель, его строят для людей. В Советском Союзе люди — это самое главное, каждый человек в нем — частица одного социального и культурного исторически обусловленного целого. Отсюда и стремление к созданию национального архитектурного стиля.

Я уговариваю архитектора пройти в старые кварталы. Многие из них уже больше не существуют, они снесены, и именно здесь, на их месте, теперь самые современные в Ташкенте улицы. Согласно плану все старые здания пойдут на слом, хотя это вовсе не трущобы, скорее полувосточные идиллические уголки; тесные, затененные раскидистыми деревьями и заросшие цветущими кустами улочки, дома лепятся друг к другу, оплетенные хаотической путаницей лестниц.

Artur Lundkwist. „Vallmor från Taschkent". Bonniers, Stockholm, 1952.

На крышах таких домов растут трава, колосья, маки — высоко и буйно. Сперва приходит в голову, что это сделано нарочно, крыша превращена в поляну, с которой потом все скосят на корм скоту. На самом деле это не так. Крыши кроют глиной, смешанной с соломой, и, когда приходят зимние дожди, крыша становится отличной почвой для различных семян и зерен, попавших туда вместе с соломой.

И в самом Ташкенте, и в его окрестностях мне то и дело попадались на глаза крыши домов, где покачивались на ветру букеты маков. Маки особенность не только Ташкента или Узбекистана, в это время года они цветут по всей Центральной Азии, окрашивая долины алым цветом. И повсюду народ любит эти цветы, собирает их. Невольно думается, что красные маки — это красное знамя самой природы, символ этих советских республик, символ народной мечты о будущем.

Мы покинули Ташкент, поездом до Новосибирска едем по знаменитой Туркестано-Сибирской железной дороге, которую обычно называют Турксиб. Ее строительство закончили, кажется, в 1930 году. Был выпущен мастерски сделанный фильм, где кадр за кадром чередуются места, по которым проходит эта железная дорога,— хлопковые поля и строевой лес, песчаная буря и каскады ледяных сосулек, верблюжьи караваны и тракторы, кочевья и современные города.

Немного отъехав, мы сворачиваем на восток и едем вдоль подножия горной цепи между Казахстаном и Киргизией.

Просыпаемся великолепным ясным утром, озарившим альпийские луга. Как прозрачен воздух, какая свежесть красок! Будто смотришь на еще влажную акварель. Горы серо-лиловые, в извилинах и прожилках. И на вершинах — полосы тающего снега.

Поезд останавливается на степных полустанках. Полная тишь, глубокая и чистая, как непотревоженная вода колодца. Издалека, будто во сне, доносится собачий лай. Где-то в стороне катит машина, за ней клубится, словно пар, столб белой пыли. Пассажиры выпрыгивают из вагонов, спешат собрать букеты маков, растущих у железнодорожной насыпи. Маки повсюду, куда ни глянь.

До сих пор они вызывают у нас изумление. Кажется, в Ташкенте мы насмотрелись на них вдоволь, но это было ничто по сравнению с тем, что мы увидели. Маки стояли плотными кучками на невысоких пригорках, потом они потянулись широкой лентой и вот, наконец, покрыли всю долину — сплошное ровное красное море, отливающее шелковистым блеском. А дальше, покуда хватает глаз, все затянулось красным плюшем. Маки подступают к подножию гор и кажутся красноватой дымкой.

Маки сопутствуют нам весь день. Неповторимое, яркое зрелище. Будто перед глазами у тебя час за часом тянется необыкновенно длинный стереоскопический цветной фильм. Несколько однообразный, но со множеством то и дело возникающих подробностей.

Времена кочевников миновали, но все еще часто наблюдаешь сцены кочевой жизни. Одинокая палатка в степи, крытая черным войлоком, подле нее пара коней, из палатки тянется вверх дымок — картинка из старого учебника географии с подписью «Киргизы». Или люди на лошадях и с ними собаки: псы стерегут стада и не дают им разбредаться.

Возле некоторых высокогорных станций сложены штабелями древесные коряги — уродливые карлики, дряхлые, как древние старики, какие-то фантастические чудовища в мире растений, вырванные из земли и выброшенные на безжалостный дневной свет. Это саксаул — деревья пустыни, они пытаются спрятаться в темноту, пробиться к влаге, а наверху торчат лишь их макушки — жидкие, невзрачные кустики. И вот они вырваны с корнем — вероятно, росли в тех местах, где проводилось орошение,— переломаны и превращены в дрова.

На больших станциях на фоне гор и заросших маками полей разыгрываются поистине оперные сцены. Пестрая людская толпа, мимо проезжают возы с сеном, их волокут маленькие ослики; репродукторы разносят пронзительную музыку. Старики азиаты с седыми козлиными бородками, в длиннополых халатах, в тюбетейках стоят, опираясь на высокие, кривые посохи. Босоногие мужчины в стеганых халатах, похожих на китайские. Разгоряченные жарой, оголенные до пояса солдаты в сапогах и форменных штанах. Перепачканные сажей или мазутом рабочие — от них так и веет силой, уверенностью в себе. Девочки-подростки, очевидно, пионерки — лица гладкие, тщательно умытые, косы подвязаны «бараночками» за ушами. К девочкам относятся явно уважительно: держатся они строго, с достоинством. И еще девушки в национальных костюмах. У них тонкие, смуглые руки и сложные прически из полсотни туго заплетенных черных косичек, узеньких, как шнурки.

На станции Луговая у нас пересадка на поезд, идущий во Фрунзе, столицу Киргизии, расположенную где-то около гор. Туркестано-Сибирская магистраль уходит на север, удаляется от горных хребтов и плодородных земель, напоенных водой с этих гор. Степь пустеет, растительность на ней все более тощая, но это еще не пустыня.

Идет уборка сена. Три девушки, очевидно только что с покоса, подходят к поезду, стоят одно мгновение и вдруг прыгают на площадку одного из вагонов. Проводник соседнего вагона кричит на них, но в ответ они только хохочут. Девушки от души наслаждаются этой случайной поездкой, сидят на подножке, все время болтают ногами, поют, смеются.

Через полчаса подъезжаем к какому-то многолюдному поселку. Девушки быстро соскакивают с подножки, перебегают через пути, оборачиваются в сторону поезда, машут нам. Одна из них явно русская — волосы у нее светлые, почти белые, лицо раскраснелось от солнца. Две другие — широкоскулые азиатки с прямыми проборами в тяжелых черных волосах. Все три — обыкновенные сильные и жизнерадостные деревенские девушки, и вместе с тем в них чувствуется особая смелость и уверенность в себе, присущая советскому человеку. Распевая, идут они в городок, шагают с независимым видом в своих поношенных рабочих платьях.

В Алма-Ату, столицу Казахстана, расположенную неподалеку от границы с Китаем, мы приезжаем среди ночи. На перроне чинно стоят шестеро писателей и приветствуют нас. Вдали виднеется город. Там мерцает созвездие электрических огней. Путь к городу лежит почти по прямой аллее, обсаженной тополями.

Алма-Ата — новый город, он выстроен и озеленен согласно продуманному специалистами плану. Сегодня Алма-Ата — столица Казахской Советской Республики — быстро растущий культурный центр. В нем полмиллиона жителей.

Позвольте мне пропустить описание превосходных театров, научных институтов и различных высших учебных заведений. Вместо этого направимся в городской парк, где продаются, конкурируя друг с другом, мороженое и бараньи шашлыки. Бежит, смеясь, небольшой ручей, неся привет с гор. Они высятся над Алма-Атой полукругом, как романтические декорации, постоянно напоминая о своем величии.

В парке вырыты пруды, вода в них бурая, цвета земли, и в ней кишмя кишат карпы.

Много народа купается или катается на лодках, пробираясь среди карпов. Часто видишь всплеск, и тут же блеснет чешуя, когда рыба перепрыгивает через лопасть весла. Купающиеся получают немало поцелуев от холодных ртов любопытных карпов.

Через один из прудов перекинут мост, он ведет в зоологический сад. Там можно увидеть зверей, обитающих высоко в горах, в нескольких милях отсюда.

Нашим хозяевам очень хотелось показать нам горы, по их мнению, нам следовало бы отправиться туда в настоящую экспедицию на несколько дней. Большинство алма-атинцев немножко романтики, они мечтают об исследовании неведомых земель, об охотничьих приключениях в горных ущельях, о походах в лесные чащи, о лагерных кострах вблизи водопада и тихих озер.

В горы ведут несколько дорог. Одни из них асфальтированы, это настоящие шоссе, другие, не очень-то надежные, вьются через ущелья, петляют по краю крутизны, через бревенчатые мосты и каменные броды.

Как раз в это время года скотоводы со своими стадами перебираются выше на летние горные пастбища. Там им приходится на протяжении трех месяцев вести жизнь кочевников, перетаскивая толстые войлочные палатки с места на место в поисках новых, свежих пастбищ. Из молока делают сыр в особых домиках-сыроварнях. В таком скотоводческом колхозе может быть до 50 000 овец и коз, 3 000 голов крупного рогатого скота и столько же коней. Стада заполняют все вокруг, они рассыпаются до линии горизонта, а вокруг разъезжают в джипах и на мотоциклах люди, они поддерживают связь со скотоводами. Через всю степь тянутся электрические провода, и стоят прямо под открытым небом машины для дойки. Там же на полях производится и стрижка овец: стригут ножницами, приводимыми в движение электричеством.

Казахстан занимает большую территорию, но с населением меньше семи миллионов. Литература Казахстана, в сущности, так же молода, как и сама республика. Только в последнем поколении появилась письменная проза, и преемниками бродячих авторов-импровизаторов с их струнными инструментами стали оседлые поэты и писатели с пишущими машинками. Писатели не живут в Алма-Ате безвыездно, они участвуют в жизни народа, следят за развитием страны во всех его проявлениях.

Поездки их по республике не следует смешивать с командировкой репортера. Замысел, тема идут от самого писателя. Часто он осваивает ту или иную профессию и живет в гуще народа в течение многих лет, прежде чем возьмется за свою собственную, писательскую работу.

Это включение писателей в общественный процесс в целом — новый, типично советский метод, и каждый писатель знает, что на него возложена реальная задача, что он не просто одиночка, живущий своими фантазиями.

Их темы — преображение страны, познание природы, торжество человеческих усилий — новая Туркестано-Сибирская магистраль, проходящая через Казахстан, молодой промышленный город Караганда — его шахты и сталелитейные заводы уже приобрели большое государственное значение, Балхаш, город на северном берегу Балхашского озера — на балхашских медных рудниках самая большая добыча меди в Советском Союзе. Да, Казахстан, когда-то страна голодных степей, старая земля кочевников, стал ныне богатым краем, еще только начинающим свое развитие.

Писатели пригласили нас на концерт в национальный театр. В оркестре только народные инструменты: мандолины необычного типа, домбры, скрипки с длинным грифом, которые держат на коленях. Всего пятьдесят инструментов, издающих необычайно мягкие, нежные звуки. Сыгранный на них менуэт Моцарта прозвучал так, будто был исполнен сверчками, настолько он оказался выше по тону и подчеркнуто ритмичным.

...Мы покидаем Алма-Ату ночью. Весь следующий день за окном вагона тянутся бесконечные, тощие степи. Иногда возникает длинная

гряда холмов, местами это просто голые, дикие скалы. Мелькают глинобитные домики, возле них бегают на вытоптанной земле дети и козы. Песчаный островок прячется от ветра за торчащими из земли сухими стеблями.

Мы приближаемся к месту встречи климата южного с климатом северным.

К вечеру мы увидели длинное, изогнутое серпом Балхашское озеро. Солнце, похожее на круг светлого сыра, проглядывало сквозь рыжеватую дымку, и я подумал о медных рудниках где-то по ту сторону озера.

На следующий день показался Иртыш. Желтый, изборожденный морщинами водный поток, посреди — зеленый остров. И вот уже широко раскинулись низкие глинобитные домики — пригород Семипалатинска, насквозь продутого нескончаемыми ветрами, обтертого и прочищенного песком. Здесь ходят в защитных очках, прикрывают платками лица. Женщины придерживают юбки, деревья борются с ветром, стараясь удержать свою листву. И повсюду слышится неумолчный скрип колодезного ворота. В унылом парке половина деревьев засохла, земля засыпана песком.

Но сразу же за городом тянется широкий пояс высоких, густых еловых лесов. И хотя собственно граница еще впереди, кажется, что именно отсюда и начинается Сибирь.

Перевод со шведского Н. ДЕХТЕРЕВОЙ

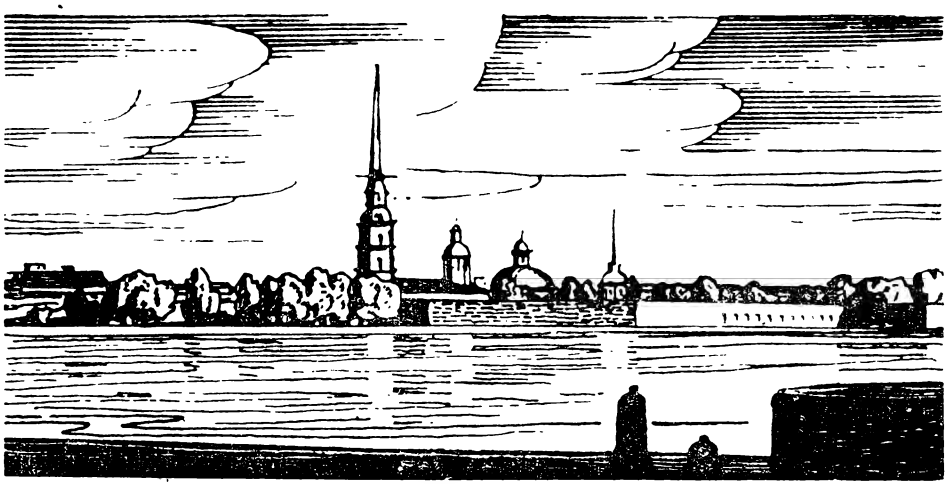
РОКУЭЛЛ КЕНТ

О ЛЮДЯХ И ГОРАХ

(Из книги путевых впечатлений)

Я думаю, всем теперь известно, как любит советский народ свою страну, сколько свершил он для нее за время с 1917 года. Гораздо меньше знали мы о той особой национальной гордости, какую испытывают советские люди за свой родной город,— о том, например, как сильна привязанность киевлян к их утопающему в садах Киеву, как гордятся москвичи своей огромной столицей с ее всегдашними толпами, шумом, суетой, как велика любовь жителей Ленинграда к этому городу, построенному Петром. Ленинград и прекрасен и радушен, мы убедились и в том и в другом. И если я в своих заметках о нашем путешествии меньше рассказываю о самом городе — о его панорамах, широких проспектах, садах и парках, о внушительной архитектуре XVIII века, о богатейших сокровищах искусства и истории,— и больше говорю о самих людях с их жизнью, узнать которых судьба подарила нам возможность, то это лишь потому, что мы как бы заглянули в огромный фруктовый сад, и нас больше пленили сами плоды, чем породившие их деревья. И все же как Ленинград грандиозен, как великолепен — он внушает трепет. Как необузданны, безудержны были энергия и гениальность человека, обведшего взгля-

* Rockwell Kent. "Of Men and Mountains". N.Y., 1959. (Текст очерка иллюстрирован рисунками Р. Кента, помещенными в его книге.)



дом заболоченные просторы дельты Невы и повелевшего, как всемогущий бог, воздвигнуть здесь город. И город был воздвигнут — неимоверно высокой ценой человеческих жизней и страданий. Картины, храмы, парки, дворцы — изображения их, вероятно, можно найти в любой библиотеке, но окраска ленинградских зданий, цвет каждого дома в каждом квартале громадного города — пастельные тона зеленого и голубого, розового и голубовато-фиолетового, кремового и розово-сиреневого, золото церковных куполов и шпилей — именно цвет придает Ленинграду его неповторимое очарование.

«Окно в Европу» — такую судьбу наметил Петр новому городу. Гитлер в свое время решал судьбу Ленинграда иначе. В одном из ленинградских музеев висит на стене листовка на немецком языке, и в ней сказано, что Ленинград сровняют с землей и будут стерты даже следы того, что когда-то здесь стоял город. Стиснутый железным кольцом, Ленинград на протяжении девятисот дней выдерживал осаду; оставался только один выход из окружения — в зимнее время, по льду Ладожского озера. Теперь те места, где были остановлены гитлеровские войска, входят в ленинградский пригород. Свыше шестисот тысяч человеческих жизней — вот какой ценой досталась Ленинграду его победа. В ленинградском музее в одной из витрин рядом с гитлеровской листовкой разложены листки дневника десятилетней ленинградки. Всего восемь страничек, насколько мне помнится, и на каждой простая запись о смерти одного из родных девочки. На одной страничке написано: «Сегодня умер мой братик», на другой — «Умер папа». Дневник охватывает период в восемь или десять месяцев, и на последней странице — запись о смерти тети, и еще несколько слов: «Теперь я осталась совсем одна». Мы спросили:

— Что же стало с самой девочкой?

— Ее вывезли,— ответили нам,— переправили через Ладогу. Но она вскоре умерла...

Москва, Сталинград, Ленинград — человечество всегда должно помнить, чем оно обязано людям, мужчинам и женщинам, которые защищали эти города. Об этом подвиге мы не забудем никогда.

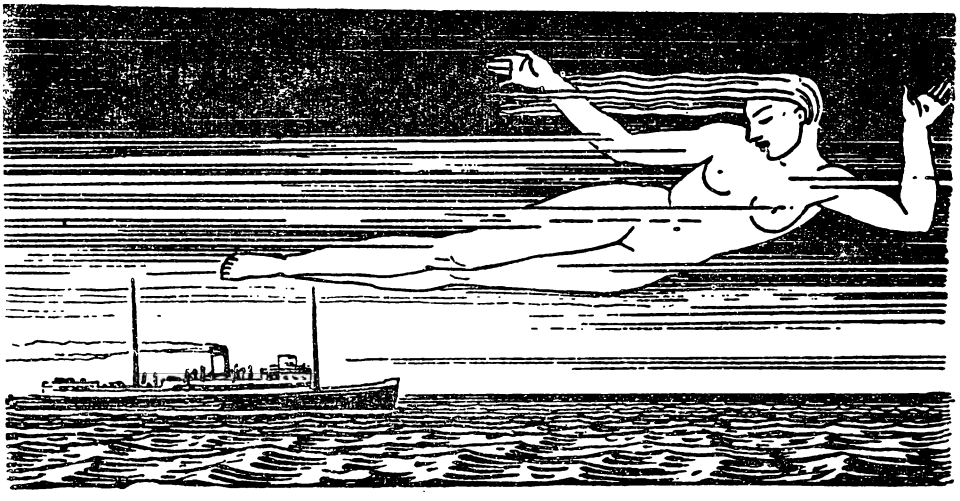
Мир! Что значит он для души русского человека? Отнюдь не то же самое, что для нас — пассивное, без всяких усилий добытое наслаждение привычными нормами жизни. Для русских людей мир — это рожденная в муках войны вера, которой они ревностно служат, которой живут.

«Мир!» Вот первый крик новорожденного дитяти истории — Совет-

ского государства. «Мир!» В два часа ночи в ноябре 1917 года Зимний дворец пал. И в тот же день принятый в Смольном декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов призвал все воюющие народы и их правительства немедленно приступить к переговорам о заключении справедливого, демократического мира.

Смольный — обширное трехэтажное здание благородных пропорций, выдержанное в строго классическом стиле. Суровый вид здания никак не вязался с представлением о беспечных и, несомненно, очаровательных девицах, для которых оно было спроектировано и выстроено как воспитательное и учебное заведение — Смольный институт. Портреты многих «смольнянок» украшают теперь стены ленинградских музеев. Вот в этот-то бывший Смольный институт, уже находившийся в руках революционеров, Ленин, переодевшись рабочим, в парике, укутав лицо шарфом, пришел 6 ноября, чтобы возглавить дело революции. И именно в этом доме, в закоулке, отделенном временной перегородкой от большой комнаты, прожили все трудные дни Ленин и его жена Надежда Крупская. Сейчас здесь все оставлено точно так, как было при них: вдоль стен две узкие койки — проход между ними шириной тоже с койку; пара стульев, стол. Теперь эта комнатка — святыня человечества, шагающего по пути к счастью.

Как я уже писал, мы, двое временно сбежавших из враждебного и духовно нищего окружения в нашем доме в Адирондаке, больше всего насладились дружеским, братским общением с детьми революции, с советскими людьми. И самые счастливые, самые незабываемые часы провели в домах наших друзей. Услуги переводчиков, пожалуй, не столько оживляли, сколько стесняли наши разговоры,— мы прибегали к помощи пантомимы, иной раз очень забавной, отчего разговор приобретал некое новое, третье измерение. Особенно свободно и непринужденно лились застольные беседы. В мастерских художников мы знакомились с их искусством и через него — с жизнью их самих, с жизнью страны. Среди многих тостов непременно бывал один — и чтоб пить до дна!— тост за мир во всем мире. Но дружеское отношение постигается не столько слухом, зрением, обонянием — оно ощущается всем твоим существом. Мы как бы погрузились в атмосферу дружбы к нам, двум американцам, хотя словами она была выражена лишь наиболее близко стоявшими к нам людьми. «Товарищ» — вот обращение человека к чело-

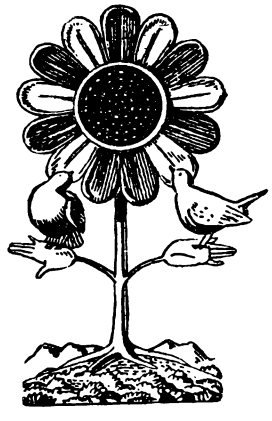


веку, за сорок лет употребления не утратившее своего аромата. Ближайшие ваши друзья, официант, швейцар у подъезда, горничная в гостинице, случайный встречный — все они «товарищи». Слуги в России? Слуг здесь нет. Руки ждут вашего пожатия, а не монетки на чай. В Гурзуфе при каждом торжественном обеде или банкете мы непременно, как это здесь положено, пили за здоровье тех, кто нас обслуживал, они тоже были в числе принимавших нас хозяев. Уезжая, мы расцеловались с ними, поблагодарили за их доброту, за прощальные подарки.

В Ленинграде нам с женой был устроен прием Союзом художников. Как раз в тот день мы побывали в Эрмитаже, любовались великолепным собранием французских мастеров, от ранних импрессионистов до Пикассо. Я восторженно отозвался о Ван-Гоге и других художниках, но о Матиссе высказался весьма неуважительно. Не успел переводчик перевести мои слова, как высокий и очень приятного вида молодой человек вскочил на ноги, принялся размахивать руками, потрясать кулаками и изверг такой словесный поток, что перекрыть его только мог тут же загремевший хор голосов, очевидно укорявших молодого человека, возразившего мне. Все вошли в раж, каждый кричал свое.

— Вот это,— сказал я, когда шум утих и все кончилось пожатием рук и улыбками,— вот это уж я запомню, и не забуду, когда вернусь к себе домой. Запомню и расскажу.

Перевод с английского Н. ДЕХТЕРЕВОЙ



ГУРБАКШ СИНГХ

«Из моего окошка»

В позапрошлом году общественность «двух Пенджабов» — индийского и пакистанского — отметила семидесятилетие выдающегося индийского писателя, шейха пенджабской литературы Гурбакша Сингха. Ему принадлежит более 35 книг. Литературную деятельность он начал в 1911 году как поэт, но в дальнейшем обратился к публицистике, короткому рассказу, драматургии. Мировоззрение писателя складывалось под влиянием сикхских, индусских и мусульманских религиозных воззрений, идей Торо и Эмерсона, Толстого и Ганди. Позднее Гурбакш Сингх испытывает все большие симпатии к идеалам социализма; торжество их он видит в жизни Советского Союза и других стран, вставших на путь социального обновления.

В сентябре 1933 года в Нушихре под редакцией Гурбакша Сингха вышел первый номер журнала «Прит-лари» («Нить любви»). Журналу вместе с его редактором пришлось кочевать: из Нушихры в Лахор, а затем, после раздела страны на Индию и Пакистан, в Притнагар, неподалеку от Амритсара. «Прит-лари» быстро стал самым популярным пенджабским ежемесячником.

В течение многих лет Гурбакш Сингх ведет оживленную переписку с читателями. Под рубрикой «Из моего окошка» он печатает вопросы читателей и свои ответы.

Мы помещаем перевод нескольких вопросов и ответов, взятых из «Прит-лари» пятидесятых годов.

Ноябрь 1951 г.

ВОПРОС. Когда в России к власти пришли коммунисты, они установили норму на хлеб — восемь унций в день. Не случится ли так, что в Индии при коммунистическом режиме положение станет еще более тяжелым, чем сейчас?

Хардев Гаревал.

ОТВЕТ. Когда русские сбросили иго капитализма, они оказались со всех сторон окруженными врагами. Война, расхищение, которому подвергало страну царское правительство, гражданская война довели Россию до крайней степени нищеты. Занимать было негде. Владельцы крупных капиталов бежали за границу. Необходимо было восстанавливать страну: строить электростанции, совершенствовать транспорт, развивать промышленность.

У русских были продукты питания, но вся страна подтянула ремни. Стали выращивать большие урожаи, покупать машины по всей Европе, предоставляли концессии иностранным компаниям и, осуществляя пятилетние планы, подняли свою промышленность на такую высоту, что мир изумился.

Сейчас в России уже никому не придет в голову беспокоиться о хлебе — он стоит гроши. Когда же там ввели норму на хлеб, ее ввели для всех, и это никого не встревожило. Каждый понимал, что сокращение рациона — увеличение мощи страны. У нас же еда скудеет только для простого люда; торговцы продовольствием и их покровите-

ли не знают никаких ограничений. Они — хозяева жизни. В их амбарах черви точат народный хлеб, а потом этот хлеб втридорога продается простому люду.

Для того чтобы народ не голодал, есть лишь одно лекарство — установление народной власти, при которой производство и торговля служат не выгоде немногих, а нуждам всех.

Август 1954 г.

ВОПРОС. Прежде вы считали сикхских гуру * проповедниками социализма. Почему же теперь вы отошли от их учения и стали на путь русского социализма?

Миссис Гилль,
Лудхиана.

ОТВЕТ. Ваше письмо привело мне на память некий аналогичный вопрос: «Если вы с почтением относитесь к сикхскому богу, почему поклоняетесь мусульманскому?» Сикхские гуру проповедовали свой социализм четыре-пять веков назад, я чту их за это. Но если в России ведется не только пропаганда социализма, а целый народ идет по этому пути, то почему же мне за ним не последовать?

Сентябрь 1957 г.

ВОПРОС. Кто в России заботится об образовании детей — родители или государство?

Даршан Сингх Дхами,
Набха.

ОТВЕТ. Обучение, образование и устройство молодежи на работу в России находится в ведении государства. Все ремесла, все науки, все искусства изучаются под контролем государства, и устройство каждого вновь вступающего в жизнь на работу — забота и долг государства. До тех пор пока государство не возьмет всего этого на себя, ни одна слаборазвитая страна не достигнет расцвета.

Февраль 1958 г.

ВОПРОС. Я признаю ненависть, но вы, подобно большинству, придерживаетесь иного взгляда. Если бы крестьяне и рабочие России не пылали ненавистью к царю, разве смогли бы они сегодня запустить спутник?

Балвант Сингх Дхудике,
Натхана.

ОТВЕТ. Спутник запущен не ненавистью к царю, а стремлением людей выйти на широкую жизненную дорогу. Царизм служил помехой в осуществлении этого стремления, что и породило ненависть. Ненависть — временный импульс, а не созидатель жизни. Ненависть способна устранить препятствие, но приблизить к цели может только последовательное стремление к ней.

Август 1959 г.

ВОПРОС. Наш профессор вернулся из России. Он уверяет, что не встретил там ни одного голого. Может ли это быть?

Дж. С. Гаревал и товарищи,
Пакховал.

ОТВЕТ. Действительно, в России не встретишь голых и босых людей: там нет таких, которые настолько нуждаются, что вынуждены отказываться от одежды.

Август 1959 г.

ВОПРОС. Допускаются ли в какой-нибудь социалистической стране критические высказывания в отношении политики страны или деятельности отдельных ее руководителей?

М. П. С.

ОТВЕТ. В социалистических странах существует такая острая критика внутренних вопросов, которой мы здесь и представить себе не можем. Издатели газет содержат специальный штат сотрудников, они разбирают жалобы читателей и выводят на чистую воду виновных чиновников.

Что же касается внешней политики, то к ней другое отношение. Коммунисты обсуждают важные вопросы в своих комитетах, советах, но в печати публикуют только такие решения, которые одобрены большинством. Там печать — не частная собственность, она принадлежит народу, поэтому в ней дается только общее мнение. Зато там газеты переполнены критическими материалами, связанными с внутренними делами.

* Гуру — вероучитель.

Декабрь 1959 г.

ВОПРОС. Вы писали, что раньше в России была распространена проституция, а теперь с ней полностью покончено. Что мешает нам, в Индии, искоренить это зло?

Аноним из Амбалы.

ОТВЕТ. Проституцию нельзя искоренить законом. Единственное лекарство против нее — экономическое равенство женщины и мужчины. Ни одна женщина не станет проституткой по собственной воле. И в нравственном и в экономическом отношении она зависит от воли мужчины. Когда женщина будет располагать ресурсами для формирования своей личности, для обеспечения своей независимости, никакая сила не заставит ее стать проституткой.

Январь 1960 г.

ВОПРОС. Действительно ли русская госпожа Наташа Толстая* такой крупный специалист по пенджаби? Вы ведь с ней знакомы — расскажите, как ей удалось с таким совершенством овладеть иностранным языком.

Рачхпал Сингх,
Моханпур.

ОТВЕТ. Наташа Толстая действительно великолепно знает пенджабский язык. Изо всех писем, которые я когда-либо получал на пенджаби, лучшие по стилю принадлежали ей и Икбалу Салману — мусульманину из Пакистана.

Русские ученые составили пенджабско-русский словарь; в нем такое количество слов, какого нет ни в одном нашем словаре. Русские любят литературу, любят народы всех стран.

Март 1960 г.

ВОПРОС. Я слышал, что в Англии зарегистрированные безработные, не имеющие возможности устроиться на работу, получают от правительства пособие. Правда ли это? А как в таких случаях поступают в России?

Читатель.

ОТВЕТ. Мне известно, что в Америке безработным выплачивают пособие; видимо, так же обстоит дело и в Англии. В России же безработицы нет и в помине.

Сентябрь 1960 г.

ВОПРОС. Можете ли вы сказать, кто сильнее — Америка или Россия? У кого больше солдат и ядерного оружия?

Харбанс Сингх Виланху.

ОТВЕТ. Я не знаю, у кого больше оружия, солдат и атомных бомб, но я могу сказать, что за последние сорок лет философия России изменила облик мира. Эпоха владычества американской идеологии отошла в прошлое. В американском лагере остались только такие презираемые народом личности, как Ли Сын Ман, Чан Кай-ши и им подобные.

Январь 1961 г.

ВОПРОС. Что вы думаете об основных политических правах граждан в России?

Гьяни Тхакар Сингх,
Барнала.

ОТВЕТ. Основные политические права в различных странах могут быть разными, но основные жизненные права должны быть едины повсюду.

1. Каждый должен иметь исконное право на хлеб, одежду и жилище.
2. Каждый должен получить специальность; каждому должна быть предоставлена работа.
3. Каждый должен получить средства для приобретения знаний, повышения культуры.
4. Нельзя устанавливать общественные барьеры в выборе спутника жизни.

Я был счастлив, когда обнаружил, что в России этими правами пользуется каждый. Все, что я увидел в Советском Союзе в сфере человеческих отношений, доставило мне большую радость.

Перевод с пенджаби И. КУДРЯВЦЕВОЙ, И. РАБИНОВИЧА

---

* Н. И. Толстая — советский востоковед, историк пенджабской литературы, переводчик, автор грамматики пенджабского языка. *(Прим. перев.)*

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО МИРА

...шестидесятые...

Старый мир кичился тем, что своим анализом проник даже в тайну солнца и звезд и мог определить их вес с точностью до одного фунта. Но зато он не трудился отвешивать хлеб голодным. Революция означает полную переоценку мира, пролетарий перевернул в человеческом представлении все явления и впервые показал людям их задачи в правильном порядке, в естественном чередовании. Его отправной точкой было развешивание хлеба, он начал с этого, но наступит день, когда он достигнет звезд.

Мартин Андерсен-Нексе

Пабло Пикассо. Юрий Гагарин.

АНДРЕ ВЮРМСЕР

СКВОЗЬ РИТМЫ ПЯТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

«Я был в Советском Союзе два раза по два месяца; первый раз в 1920 году, второй раз—летом 1935 года»,— *так начинается книга «Новая Россия». Автор ее, один из самых обаятельных поэтов и драматургов своего поколения, настолько славный человек, что, даже став одним из классиков современного театра благодаря таким произведениям, как «Госпожа Бельяр», «Мишель Оклер» и, особенно, «Пароход «Упорный», пишет теперь только для детей; это — Шарль Вильдрак.*

«Изменилась ли душа русского народа? — задает он вопрос самому себе.— Да, изменилась, она высвободилась, и в той мере, в какой меняется зеркало, вынесенное из затемненной комнаты и впервые отражающее весну». В последних строках его книги сквозит бесконечная усталость от непонимания и тупости допрашивающих его буржуа. «Слушая своих хозяев, я лишний раз констатирую, что с классовыми интересами неразрывно связана и классовая глупость... Меня охватывает гнев на самого себя: зачем с такой настойчивостью я старался обелить этих людей? Неужели же, чтобы выловить блох у собаки, я возьму ее к себе на колени? Но собака, по крайней мере, позволит мне сделать это, ведь она отнюдь не влюблена в своих блох. Молодая женщина, пудрясь, вздыхает: «Все равно, я им не завидую». Я умолкаю, я останавливаюсь. И отвечаю ей про себя: «Но то время, когда вы им позавидуете, не так далеко!»

Вильдрак ограничивается только определенным числом примеров, таких, в которых «запечатлен дух и характер советского строительства». Мне кажется, что особенно ярко выражены и этот дух, и этот характер в двух приведенных ниже очерках еще двух французских писателей, где с разницей в 30 лет выведен на сцену один и тот же советский человек.

Пионер

«Это мое четвертое путешествие в СССР,— начинает свои очерки Поль Вайян-Кутюрье.— Я приезжал в СССР революции, гражданской войны и разрухи в начале 1921 года. Я приезжал в СССР нэпа и рекон-

Очерк Андре Вюрмсера, в который он вмонтировал отрывки из нескольких книг французских писателей об СССР, написан специально для этого номера «Иностранной литературы».

струкции в 1925 году. Я приезжал в СССР десятой годовщины Октябрьской революции в 1927 году. Сегодня я еду в СССР пятилетнего плана в третий, решающий, год этого плана».

Первая пятилетка.

В этот год он проехал Украину и Азербайджан, Среднюю Азию и Урал.

Повествование этого чудесного рассказчика о его странствиях по социалистической земле — не волшебные сказки и не дешевая живопись, в которой правда залакирована, прилизана, выхолощена. Он сознавал, что социализм — это движение, и в нем есть нечто большее, чем просто одни достигнутые результаты. При чтении репортажей о 1931 годе это кажется естественным любому читателю 1967 года, но разве эта точка зрения не применима к сегодняшнему дню? Разве не должен каждый быть таким же свидетелем, как Поль Вайян-Кутюрье, писавший: «Я приехал не затем, чтобы вбить верстовой столб в заданной точке, повернуться и сказать: «Вот чего они достигли!» Нет! Стоя на дороге, указанной Лениным, по которой я отправляюсь на рекогносцировку, я протяну руку к горизонту и произнесу: «Вот к чему они идут!»

Итак, в Таджикистане Поль Вайян-Кутюрье встретил новых людей. Вот глава, которую он посвятил им в маленькой книге под названием «В стране Тамерлана».

Авангард Варзобстроя

В каменной пустынѐ среди гор на берегу Варзоба, стремительного потока, где играет форель, какой-то человек, смуглее таджика, подошел к нашей машине и, здороваясь, представился:

— Арон Маркович Гиндин, инженер-гидроэлектрик, начальник Варзобстроя.

Он произнес это с улыбкой, обводя рукой простирающуюся вокруг пустыню, где несколько рабочих у палатки складывали что-то из камней.

Арону Гиндину 28 лет. Он окончил в 1927 году московский институт и уже руководил работами по строительству плотины на Кавказе. После успешного окончания первой стройки он был назначен главным инженером Гидроэлектростроя в Ташкенте, то есть в центре ирригации и электрификации Средней Азии.

Как французская революция имела своих генералов, так и пятилетка имеет своих главных инженеров, которым 28 лет.

В Ташкенте Гиндину предложили провести разведывательные работы и установить возможности покорения Варзоба и использования его энергии сталинабадским районом.

— Его предупредили, что кредитов нет,— объясняет мне немец, рабочий Шмидт, лучший ударник Варзобстроя, который хочет, чтобы Гиндин преодолел свою скромность и рассказал мне свою историю.— Когда он выехал из Ташкента, весь багаж его помещался в одном портфеле. Как сейчас его вижу: ходит по сталинабадским улицам, бродит по старому базару. Когда он приехал, никто не принимал его всерьез. Да и как можно относиться серьезно к пареньку, приехавшему с одним портфельчиком под мышкой строить гидроэлектростанцию мощностью в 10 000 лошадиных сил!

— Как только я увидел участок, в январе этого года,— прервал Гиндин,— я был покорен. Здесь можно осуществить великолепный проект!

— Да, но чтобы выиграть игру,— продолжает Шмидт,— нельзя было возвращаться в Ташкент: надо было найти жилье в Сталинабаде, нельзя было витать в облаках. И тогда, знаете, что сделал Гиндин? Полтора месяца он ночевал в совнархозе на письменном столе. Можно подумать, что этот стол настолько пропитался его волей, что передал ее бюрократу, который за ним сидел днем.

— Главное,— заключил Гиндин,— это то, что мне наконец дали возможность вести разведывательные работы.

— Место будущей электростанции находится в 17 км от города, и дорога туда еще не была закончена. Гиндин покупает себе лошадь. Но конюшни для нее нет. Что ж, приходится и ей жить, как хозяину,— ночует во дворе треста.

— Тем временем ко мне присоединился один молодой инженер, только что окончивший институт,— продолжает Гиндин.— Кроме него весь мой аппарат вначале состоял из кучера Соловьева и рабочего Шатрова, помогавшего мне в вычислениях.

— Я приехал позже... Расположились мы в долине Варзоба. Спали в палатке. Весь бюджет строительства Гиндин носил в своем кармане. Он завербовал в соседней маленькой деревушке несколько крестьян, рассказав им, что такое будущая станция и как им нужно будет только нажать на кнопку, и к ним придет свет; тогда они согласились помочь построить это чудо, которое заменит силу 540 000 человек, работающих день и ночь...

— В это время начались весенние дожди,— сказал Гиндин, посмотрев на горы.

— Глинистая тропа и начало новой дороги в Сталинабад превратились в сплошную полосу грязи, в которой люди и животные увязали по колено. В 12 км от города есть ручей, вы через него перебирались...

— Обычно этот ручей несет 500 литров воды в секунду,— вступил Гиндин,— и вдруг стал нести 50 000!

— Строим мы мост — ручей его уносит, строим второй — уносит тоже. Пути к продовольствию отрезаны. Надуваем бурдюки и пускаемся вплавь. Но это еще не все!

— Непрерывные дожди размывают плато, и ручей начинает катить больше камней, чем воды. Варзоб выходит из берегов, и мы вынуждены бросить работу.

— Тогда уж я решил,— говорит Шмидт,— что все кончено. Но Гиндин не пал духом. Он пошел в кишлак. Держал перед крестьянами речь. И убедил их нам помочь. Они нам дали верблюдов, и мы смогли восстановить разрушенную дорогу.

— Из Сталинабада нам начали присылать людей. Сначала нас было 18, затем 50, потом 100, и мы приступили к строительству бараков.

— Все это время, совсем рядом с нами, вокруг нас в горах были басмачи,— продолжает Шмидт.— Много раз по ночам они переправлялись через реку недалеко от нашего лагеря. Но они не решались на нас нападать со своих плотов, сделанных из надутых воздухом бурдюков. Да и, кроме того, они знали, что жители кишлака за нас.

— Правда, живем мы, можно сказать, в состоянии боевой готовности, с оружием в руках. Но ни один рабочий нас не бросает.

— Наоборот, приходят новые пополнения. Теперь нас уже 150 человек разных национальностей: немцы Поволжья, как Шмидт, персы, армяне, болгары, русские, евреи, украинцы, осетины, таджики, узбеки.

— Выстроили мы столовую, завели для нее стадо баранов. Сейчас строим бараки на 700 человек.

Я перебиваю Шмидта:

— А сама электростанция?

— Вот на этом месте,— отвечает мне Гиндин,— вырастет плотина длиной в 180 метров. Отсюда начнется канал длиной 1126 метров, глубиной от трех до четырех метров. Мы сможем давать ток по 3 копейки за киловатт, а сейчас маленькая сталинабадская станция дает ток по 70 копеек.

Электростанция будет мощностью в 7000 киловатт.

К 1 сентября в долине вырастет город с 1800 жителей, с пекарнями, складами и другими вспомогательными помещениями — 28 000 кубометров строительства. Все в целом будет стоить 9 млн. рублей.

Я гляжу на пустынную долину: в глубине ее, на юге, виднеются крыши первых бараков. По дороге к нам подходят рабочие.

Я спрашиваю:

— А какое положение сейчас?

— Сейчас,— отвечает Гиндин,— мы должны были бы иметь десять машин, а пока нет ни одной. Мы получили только 34 лошади вместо 150, 25 вагонов леса вместо 140, 1 тонну железа вместо 400.

— Что же вы будете делать?

Шмидт доверительно смеется, но в голосе звенят металлические нотки:

— Бывало и хуже! Мы знаем, что материалы будут, они в пути. Когда они придут, будем работать вдвое больше, вот и все...

— Было бы слишком легко строить,— говорит, улыбаясь, Гиндин,— если бы все нужное было под рукой. Здесь мы все берем штурмом. Но не беспокойтесь, электростанция будет построена; район будет электрифицирован, а через 3 года мы пригласим вас прокатиться на фуникулере, который свяжет Сталинабад с Самаркандом. Правда, товарищи?

— Правда,— отвечает бригадир Лукьянов, старый рабочий — строитель, выучившийся за шесть лет говорить по-узбекски и таджикски. Его поддерживает и перс Муссли, и осетин Цакаев, и русский шофер Карпухин, у которого пока нет машины, и он работает плотником, и комсомолец таджик Фтура Раджабов, и жена Шмидта, первая женщина-штукатур в Сталинабаде.

Авангард Варзобстроя единодушен. В его удаче я не сомневаюсь.

Все было против этих людей: бюрократизм, грязь, наводнения, каменный поток, голод, басмачи, транспорт, и все-таки первые основы Варзобстроя заложены. В этой палящей жаре, обнаженные по пояс, они говорят нам о своей уверенности в том, что доведут дело до конца под руководством партии. И я описываю пример Гиндина, беспартийного 28-летнего инженера, одержимого верой в технические возможности социализма, предлагая его тем унылым международным буржуа, которые твердят, в бессилии постичь мораль нового мира: «Как вы будете развивать личную инициативу инженеров при строе, не позволяющем кому-либо надеяться стать хозяином?»

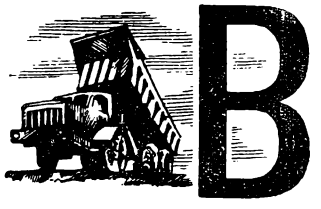
Пятилетка имеет тысячи Гиндиных.

Тридцать лет спустя

Спустя почти тридцать лет один из друзей Поля Вайян-Кутюрье, журналист той же газеты «Юманите», которой он когда-то руководил, тоже коммунист, рассказчик, романист, очеркист — он опубликовал роман в семи томах, много сборников рассказов и обширное исследование о Бальзаке,— в свою очередь объехал Среднюю Азию, Украину и Сибирь... Это была четвертая поездка Андре Вюрмсера в Советский

Союз. Он приезжал в Советский Союз второй пятилетки в конце 1934 года. Он был там и в 1936 году, когда СССР готовился к празднованию 20-й годовщины Октябрьской революции. Он был в СССР победоносном и восстановленном в 1950 году. Спустя девять лет он вновь приехал в Советский Союз. С ним была его жена. Из этого путешествия Луиза Мамиак и Андре Вюрмсер привезли книгу, которая разошлась за несколько месяцев, «СССР с открытым сердцем».

И во время посещения Братской гидроэлектростанции, расположенной за тысячу километров от таджикской долины Варзоба... Но вот как рассказывает об этом Луиза Мамиак.



В Братске, как ни в каком другом месте, вы чувствуете, что находитесь на войне. Потому что здесь ведется война, типичная для Советского Союза, война, соответствующая самой природе его строя. Потому что именно здесь находится «Сталинград Великой Отечественной войны».

Поле битвы — это склон холма, который будет затоплен и на котором кое-где еще торчат похожие на скелеты деревья. Тайга отступила. Березы и ели выстроились вдали, как отходящая армия. Ангарская флотилия патрулирует между стройкой на левом берегу реки и грузовиками на правом. Суда подвозят подкрепления. Саперы минируют и взрывают скалы. Танкисты ведут бульдозеры. Сменившиеся бригады — это резервные батальоны. Возделанные поля, ожидающие затопления, птицефабрика, совхоз, расположенные вокруг нового поселка,— это интендантские службы. Веселый паренек, сидевший вдвоем с девушкой на одном стуле в читальном зале молодежного клуба, рассказывает о своем первом сражении, рисуя на земле план операции: здесь был берег, здесь был лед, который пробурили, чтобы погрузить первые кессоны... а когда дошел до того, как чуть было не потонул, сказал: «Тогда Ангара бросилась в атаку...» Во всех крупных городах предприятия работают для Братска, как для фронта.

Каждый день главный штаб выпускает коммюнике, начинающееся не привычным обращением военных приказов «офицеры, сержанты и солдаты», а словами: «Товарищи строители!» В коммюнике говорится: «Мы продвинули плотину на столько-то метров, перевезли столько-то кубометров камня, перевыполнили дневную норму по тем-то и тем-то показателям, недовыполнили по тем-то».

Коммюнике вывешивается на стенах контор, на строительных лесах, на улицах, для того чтобы результаты работы всех были известны всем, для того чтобы бетонщики знали, как работают водители самосвалов, и для того чтобы официантка в столовой и капитан аэропорта были так же в курсе хода работ, как и главный инженер.

Увидели мы Арона Гиндина таким, каким изображается главнокомандующий на батальных картинах: в окружении своего генерального штаба, всматривающимся с вершины холма в дымящийся горизонт; только был он в мягкой шляпе и пальто, а стоял на самой верхней точке скалы, нависающей над Ангарой и его стройкой.

Внизу под ним враг бурлил, рычал и устремлялся в узкий проход, который был ему еще оставлен на несколько дней, до тех пор пока не будет окончена работа верениц самосвалов.

«Это главный инженер гидростанции,— сказали нам,— один из крупных советских энергетиков».

Вот уже тридцать лет, как этот солидный, можно даже сказать, тучный человек с правильными чертами лица, с уже седыми теперь волосами, с ясным взглядом темных глаз строит гидростанции.

В 1931 году, спустя только три года после того, как Гиндин окончил институт, с ним познакомился Поль Вайян-Кутюрье, путешествовавший по «стране Тамерлана».

Об этой встрече рассказывается в одной из статей, которые Поль Вайян-Кутюрье привез из девятимесячного путешествия по Советскому Союзу первой пятилетки.

У пятилетки, заключал он, тысячи Гиндиных.

И благодаря тому, что были тысячи Гиндиных, после этой пятилетки были другие пятилетки, и благодаря тому, что после этой пятилетки были другие пятилетки, умножалось и число таких, как Гиндин.

В течение 30 лет Гиндин ни разу не жил в настоящем городе; он жил только во временных конторах временных поселков, где надо было прокладывать временные дороги, перекрывать реки; а когда пробивал час завершения, когда земля сравнивалась, когда город принимал городской вид, когда заканчивалось превращение будущего в настоящее — он уезжал навстречу новому будущему, на другое строительство, значительней прежнего, для того чтобы создать гидроэлектростанцию мощнее предыдущей. Сейчас — рождение его шестнадцатой ГЭС.

Противник угрожал, пробовал разжалобить, издевался. Арон Гиндин строил гидростанции. Гитлер побеждал, воевал, сгинул. Арон Гиндин заканчивал стройку одной плотины и переходил к другой. Война разрушила, люди восстановили; война чуть было не вернулась снова, война, кажется, отступила... Арон Гиндин строил гидростанции все огромней и огромней в СССР, все более могущественном.

Сегодня упрямый строитель Варзобстроя, незаметный беспартийный инженер, первоначальный штат которого состоял из одного возницы и одного рабочего, сооружает самую крупную гидроэлектростанцию в мире. Поль Вайян-Кутюрье так говорил о пестрой толпе, работавшей на стройках первой пятилетки: «Они приехали отовсюду, многие в погоне за большими заработками. Люди всякие. В целом их политический уровень очень низок... Но в их рядах есть небольшая группа коммунистов, на которых держится все». Сегодня Арон Гиндин командует армией в 25 000 образованных передовых строителей, более четверти которых составляют коммунисты — в Братске их больше, чем на других стройках, так как задача здесь труднее. В его распоряжении 40-тонные самосвалы. Сегодня волосы у Арона Гиндина седые — и тридцатилетний опыт подтвердил его «веру в технические возможности социализма», как говорил Поль Вайян-Кутюрье.

Стены покрыты планами, чертежами, графиками. На дощатом столике несколько телефонов. В раму окна вписан кусок наполовину вырубленной тайги, по которой снуют грузовики. Таков без прикрас кабинет Арона Гиндина.

Как повсюду в Братске, здесь пахнет новогодней елкой, и навстречу нам выходит сказочник.

— Почему мы пришли в такое необитаемое место с таким тяжелым климатом?

Кажется, что он погружается в воспоминания, воссоздает в памяти старую историю, далекий сон.

— Природа создала здесь уникальные условия: богатейшая река с большим перепадом, мощный и регулярный приток воды, обеспечиваемый озером Байкал. Мы хорошо изучили сужение у Падуна, его скалистые берега и дно. Мы не шли на авантюру. Дальность расстояния, климат заставили нас провести большие подготовительные работы. Старожилы говорили: «Безумцы, хотят обуздать Ангару!» Правду говоря, она не причинила нам много хлопот: мы знали ее характер.

Нужно было узнать все привычки, все поведение Ангары: например, то, что она замерзает зимой не как все другие реки, потому что вода в Байкале, откуда она вытекает, относительно тепла для Сибири. Зимой Ангара наполняется шугой, тонким слоем снега и льда, и уровень реки поднимается. Когда начинается таяние, горловина закупоривается, нагромождения льда и снега достигают 6 м высоты.

Теперь рассказ начинает напоминать Фенимора Купера.

— 22 июня, в годовщину гитлеровского нападения, нас атаковала мошка. В царское время это было место ссылки: если беглые каторжники дрались или хотели наказать кого-то из своих, они привязывали побежденного или осужденного к дереву и оставляли на съедение мошке. Мы зажгли костры вокруг строек. В бой бросили самолеты...

Мы построим линию высокого напряжения и дадим электроэнергию Восточной Сибири. ГЭС даст нам возможность построить самый крупный в мире целлюлозный комбинат: мы будем перерабатывать 4 млн. кубометров древесины в год, будем производить 200 000 тонн вискозы-целлюлозы и 280 000 тонн бумажной массы; стружки и опилки, конечно, тоже будут использованы. Это предприятие породит другие, связанные с ним. Мы построим также алюминиевый комбинат, равного которому нет в СССР; бокситы, разумеется, будут подвергаться электролизу. Крупнейший горный комбинат будет разрабатывать довольно близко находящиеся богатые залежи железной руды, недавно открытые. На искусственном море будет открыта навигация, выстроенные на берегах заводы используют его воду — ведь, не забудьте, это будет пресное море! Раньше люди жили по реке, пришлось перевезти на холмы 14 тысяч домов. Здесь, где не было ничего, скоро вырастет город Братск с сотнями тысяч жителей. Нам срочно необходимо иметь птицеводческий совхоз, дающий 9 млн. яиц в год. Для начала урожаи зерновых здесь хорошие и устойчивые. Родится хорошо и картошка, и капуста, но не всюду; земля на вырубках пригодна для земледелия только там, где раньше преобладали березы, там, где были ели, земля ничего не стоит. Представьте себе только, что на берегу Братского моря будут воздвинуты 3 города, что в целом они будут насчитывать — ну, скажем,— порядка миллиона жителей.

Как жаль, что невозможно воспроизвести здесь жалкие, плохонькие фотографии, украшавшие репортажи Поля Вайян-Кутюрье: улыбающиеся усачи в лохмотьях стоят вокруг клячи и телеги; лопаты, кирки, тачки... Это было 27 лет назад, и в эти 27 лет вошли годы самой жестокой в истории войны и годы, отданные залечиванию ран. Как великолепно могли бы проиллюстрировать рассказ Арона Гиндина эти убогие фотографии его пылкой молодости!

Тон голоса Арона Гиндина изменился, он говорит о своем огороде. Созрели помидоры и огурцы. Он этим гордится. Климат здесь очень здоровый, много солнца. Нужно только защищаться от утренних заморозков. Они иногда длятся до июля, а потом снова начинаются уже с 20 августа. По ночам все должно быть укрыто. Но летом очень жарко, и все растет очень быстро.

— Видите ли, мы с женой прибыли сюда с юга (последняя моя гидростанция была в Грузии), и оттуда мы привезли семена цветов, здесь они принялись очень хорошо.

И мы представили себе, как Арон Гиндин, стоя рядом с женой в маленьком садике, показывает детям, как драгоценность, южный цветок, расцветший у дикой сибирской реки, а вокруг, на бескрайних просторах, отвоеванных у тайги, мягко колышется рожь, которую соберут машинами, приводимыми в движение электрическим током, который даст эта станция.

О верности

В изобилии не было не только роз, но и хлеба, когда пекарь, коммунист с десятилетним стажем, возглавлял «свою» первую делегацию. Дадим же ему заключительное слово. Вот уже на протяжении трети века любовь к социализму и к первой стране,где было водружено его красное знамя, переполняла сердце и вдохновляла Фернана Гренье.

«В качестве руководителя делегации я поехал первый раз во время второй пятилетки. Начиная со своего основания в 1928 году, Французская ассоциация друзей Советского Союза каждый год, 1 мая и 7 ноября, направляла в СССР делегации рабочих и крестьян.

Эти делегации должны были избираться их товарищами по работе или жителями деревни, они давали обязательство по возвращении дать отчет о своих впечатлениях. Каждый должен был собрать 2000 франков для покрытия расходов на трехдневный переезд до советской границы.

Почему только рабочие и крестьяне? Потому что рабочие, которым трудно живется, и крестьяне, в поте лица своего обрабатывающие свои жалкие посевы, ездили в СССР не для того, чтобы сравнить бедные московские магазины со сверкающими витринами «Прентан» и «Галери Лафайет». Они ездили туда для того, чтобы увидеть страну без капиталистов, без банкиров, где строится новое общество, основой которого являются не деньги, а труд. Они ездили туда, чтобы узнать, что там делается для образования, культуры, здравоохранения, жилищного строительства, для того чтобы вывести страну из нищеты и невежества.

В отличие от них те, кто у нас живет обеспеченно и в течение многих лет находится под влиянием газет, описывающих Советский Союз как самый ужасный ад, могли *не увидеть главного:* того, что исчезало, и того, что рождалось. Они бы прошли мимо подлинного богатства: мужчин и женщин, хозяев своей страны, движимых единой стальной волей преодолеть века отсталости во всех областях и построить социалистическое общество. Ромен Роллан говорил об этом в своем вступлении к роману «Как закалялась сталь»: «Самыми великими произведениями искусства революции являются создаваемые ею люди».

Время моего первого путешествия в Страну Советов было трудной и горячей порой. В день отъезда 3 ноября 1933 года нас собралось восемнадцать человек: коммунистов, социалистов, анархистов, беспартийных — рабочих и крестьян».

Восемнадцать! — какой можно было бы снять об этом фильм! Он начался бы кадрами, в которых Фернан Гренье проходил во главе делегации под гостеприимной аркой в Негорелом. И это был бы фильм о дружбе двух народов, показанной на примере жизни одного человека из народа. Зрители увидели бы, как он рос вместе со своей партией, вместе с «СССР в ритмах нашего времени», как говорит название его последней книги. Мы бы шли рядом с ним в его путешествиях, беспре-

станно полемизируя с врагами СССР, чьи имена теперь большей частью полностью забыты. Мы видели бы, как из каждого путешествия он привозил для своих друзей аргументы, простые и убедительные: это были бы восемнадцать, умноженные до бесконечности. Мы увидели бы его, когда он опубликовал «СССР в двадцать лет» в год, когда был избран первый раз депутатом в округе Сен-Дени, где потом в течение тридцати лет его переизбирали каждый год. Мы увидели бы, как его арестовали в начале гитлеровской оккупации, как он совершил побег из лагеря в Шатобриане, где было расстреляно столько заложников-коммунистов. Мы бы увидели, как он добрался до Лондона и, став министром генерала де Голля, представлял во временном правительстве Республики коммунистов — «партию расстрелянных». Мы увидели бы, как он опубликовывает книгу «Советскому Союзу 40 лет» в год изгнания из правительства министров-коммунистов, в год начала «холодной войны». Мы увидели бы, что в 65 лет он по-прежнему молод, полон энергии, энтузиазма и пишет еще одну маленькую книгу о пятидесятилетии Октября, проникнутую той интеллектуальной честностью и крепким здравым смыслом, которые сделали его в наше время воплощением идеи верности.

И если бы этот фильм заканчивался кадром, в котором Фернан Гренье, в прошлом рабочий, в прошлом министр, депутат от рабочих округа Сен-Дени, улыбался будущему социализма на Красной площади, это было бы, честное слово, очень здорово!

Перевод с французского С. БЕЛОВОЙ

Збигнев Вашевский (Польша). «1917 год». Плакат. 1957 г.

«Искусства вне времени никогда не существовало.

Чем глубже искусство проникнуто духом своего времени, тем более велико и значительно оно для всех времен».

Это слова известного современного художника ГДР Фрица Кремера. В них — ответ на вопрос, почему столь значительная часть из созданного мировым искусством последнего полустолетия связана с тем главным, что определяет дух нашего времени,— идеями революционной, освободительной борьбы. Другой — не менее известный — бельгийский художник Франс Мазереель выразил эту мысль еще определеннее: «Место художника — в первых рядах борцов за создание новой системы, исключающей эксплуатацию людей и войны».

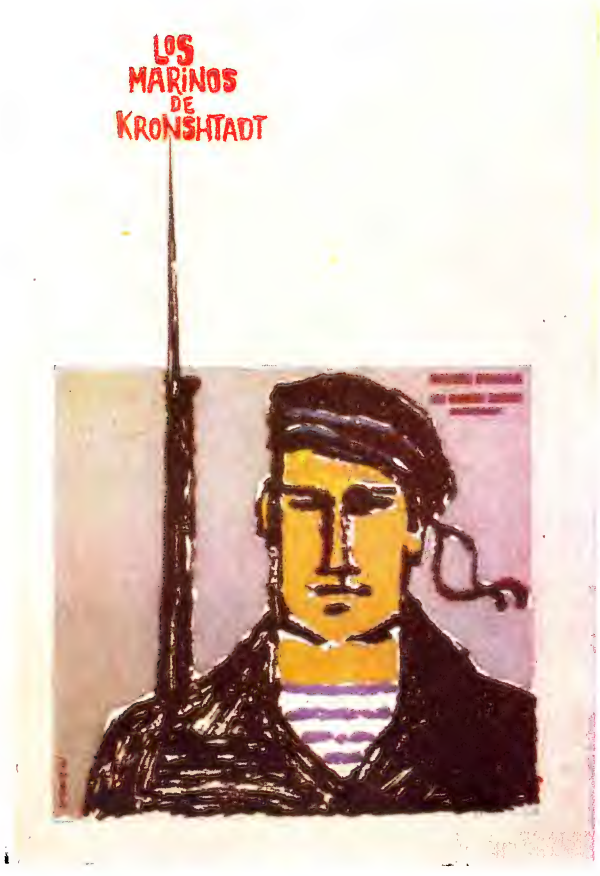
В подборке иллюстраций этого номера — репродукции с работ зарубежных художников на революционную тему.

Рослав Шайбо, Иоланта и Станислав Загурские (Польша).
Плакат к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. 1960 г.

Давид Альфаро Сикейрос (Мексика).
«Восстание».
Фрагмент росписи
в Национальном Историческом музее
в Чапультепеке.
1960 г.

Джон Хартфильд (Германия).
Обложка книги
Ларисы Рейснер «Октябрь».
1926 г.

Курт Квернер (Германия). «Демонстрация». 1930 г.



Моранте (Куба).
Плакат к советскому фильму
«Мы из Кронштадта». 1961 г.

Диего Ривера (Мексика).
«Демонстрация».
Деталь фрески
в Национальном Дворце в Мехико.
1935 г.

Джон Хартфильд (Германия).
Обложка книги Джона Рида
«Десять дней, которые потрясли мир».
1927 г.

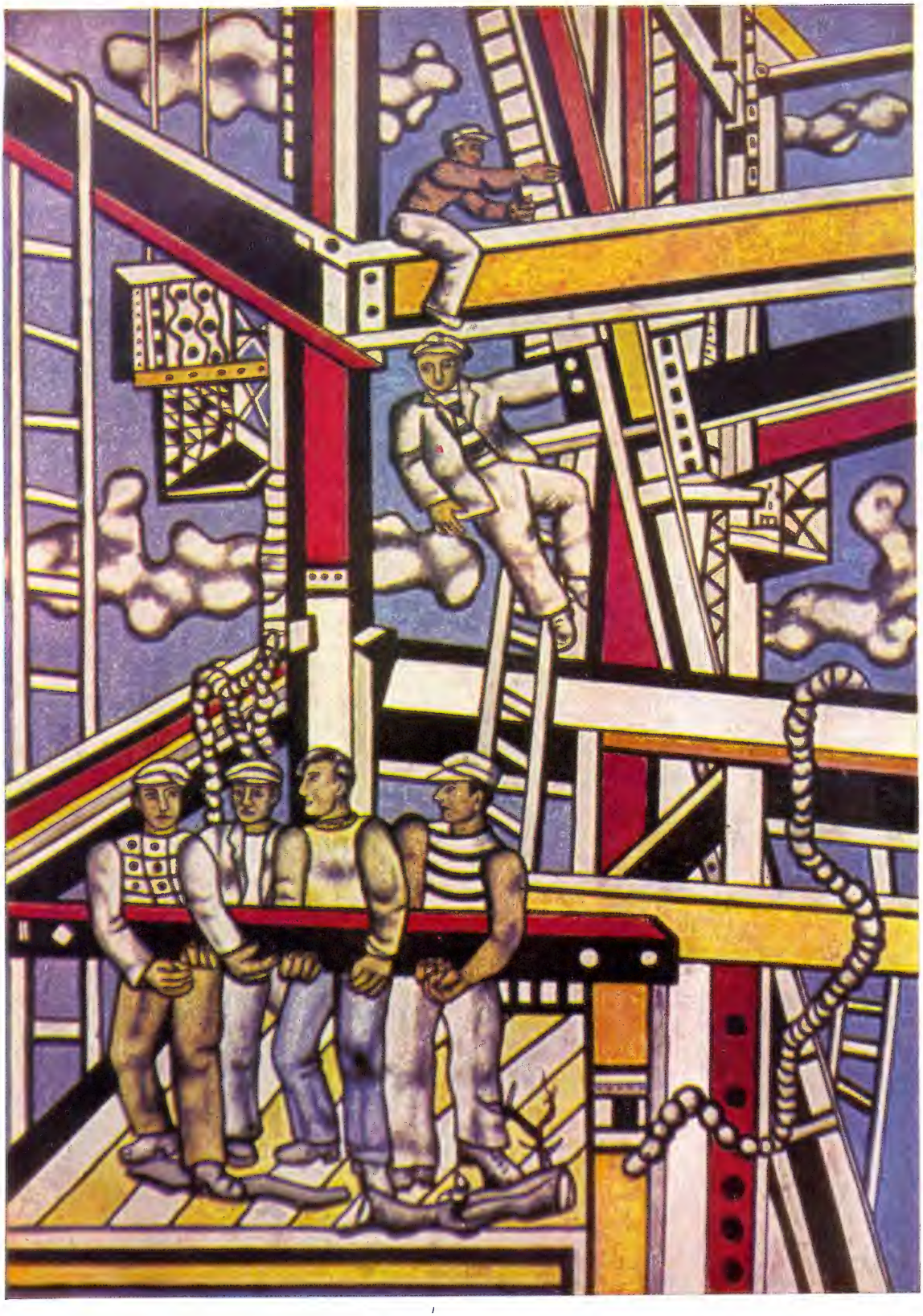
Влодзимеж Закшевский (Польша).
«Партия». Плакат.
1955 г.

Зенон Янушевский (Польша). «Миру мир, свободу народам». Плакат. 1962 г.

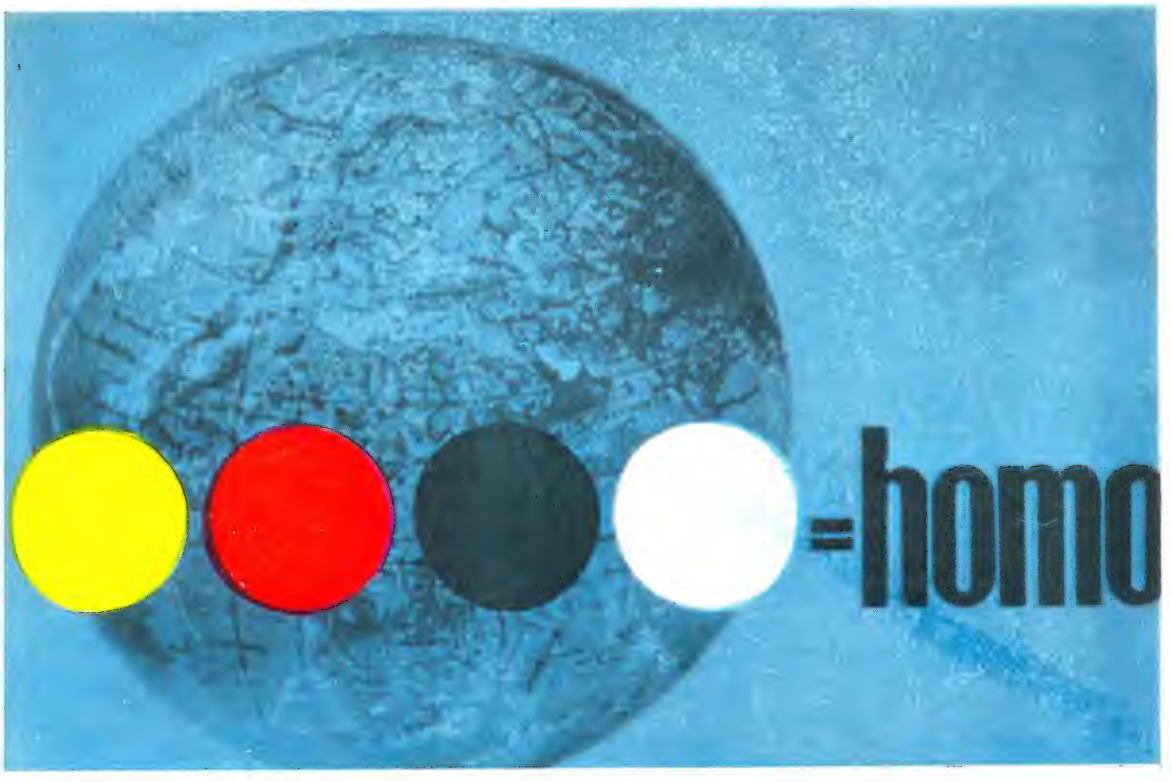
Тадеуш Трепковский (Польша). «1917 год». Плакат. 1953 г.

Диего Ривера (Мексика). «Союз крестьян и рабочих».
Фрагмент фрески в Национальной Сельскохозяйственной школе в Чапинго. 1922 г.

Михаил Ромберг (Чехословакия).
Иллюстрация к книге
Джона Рида «Десять дней,
которые потрясли мир».
1962 г.



Фернан Леже (Франция). «Строители». 1950 г.



Юзеф Мрощак (Польша).
«Человечество». Плакат.
1966 г.

Збигнев Мóсква (Польша).
«1917 год». Плакат.
1965 г.

Генрих Фогелер (Германия). «Баку». 1927 г.

САША ВЕРЕШ

МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК

Саша Вереш — югославский писатель-очеркист, эссеист, критик, поэт. В 1966 году в Загребе вышел его «Московский дневник», посвященный поездке в СССР.

Среда, 30 мая 1962

Москва появилась как чудо, как встреча с чем-то давно знакомым по сновидениям... Домики в пригороде выглядят эффектно, как декорации Бакста, как пестрый фейерверк Шагала, березы словно взяты напрокат с полотна Левитана.

Я в растерянности: на чем прежде всего надо остановить свое внимание? Столько картин, столько новых ощущений, столько слов, которые надо запомнить. Красные полотнища, красные звезды, красные гвоздики, красные флаги и флажки, красный фон портрета, Красная площадь, красные розы в большой витрине. Желтые буквы на полотнищах, темные силуэты памятников, огромный Кремль, похожий на корабль, который уходит сегодня вечером. Теперь я буду жить на Ленинском проспекте. Смотрю в окно и пытаюсь представить себе своих соседей. Все произошло так внезапно...

Четверг, 31 мая

Дождь, дождь до самого вечера. Я думал, что буду гулять по улице Горького, увижу вблизи Кремль, буду слушать старые куранты и смотреть на смену караула. Я думал, что буду раскрывать тайны букинистов и найду редкие гравюры. Я думал, что буду беседовать с молодежью, расспрашивать, что они любят, что читают, какие сдают экзамены. Я думал, день окажется слишком коротким для всего того, чего я хочу. А я сижу в комнате, в руках у меня воскресный номер «Политики», березовая аллея кажется утраченной безвозвратно: здесь не лето и не весна — так выглядит Загреб в октябре, я лишь обогнал несколько месяцев, мчась навстречу осени, и с первого дня стал ее пленником.

Вечером смотрел в театре «Ярмарку тщеславия» Теккерея. Режиссер по-веристски последователен, когда надо создать атмосферу, убедить нас, что вот такова была в те времена мебель и только такими были костюмы, у Эмилии катятся настоящие слезы (я сижу у сцены, и мне кажется, будто девушка плачет на самом деле!), и когда на сцене едят, то это настоящая еда, пламя в камине — подлинно, слов-

Saša Vereš. "Moskovski dnevnik". Zagreb, Zora, 1966.

но это не трепещущая бумага. Когда-то Теккерей был для меня гарантией нечаянных радостных встреч, и, готовясь к отъезду в Лондон, я читал его романы. Нарочито ли его остроумие, или он лишь подбирает такие ситуации и случаи, чтобы можно было подумать: жизнь смешна сама по себе, писателю здесь почти нечего делать?

В антракте познакомился с Милицей Зорич, она на днях уезжает. Ее гобелены — здоровый синтез современного духа и традиции, я вижу в них и наши фрески и умение, которым столь чудно овладели французы. Мы болтаем о декорациях, о реквизите, о стиле игры, я говорю, что наш режиссер Габунек ограничился бы намеком-символом, двумя стульями и, быть может, одним столом, сцены стали бы эскизны, и вообще все бы выглядело прозрачным, легким, пастельным... Да, но вот звонок, надо идти на последний акт, до конца пережить Теккерея (он ли это, впрочем?).

В машине слушаю аккорды Шостаковича: «Родина слышит...» Дождь перестал, и все кругом умытое, свежее, по-девичьи чистое. Французское посольство освещено как большая яркая игрушка, как торт из сказки Диснея, дворец, достойный Хауфа и братьев Гримм. Кому он принадлежал до революции?

Пятница, 1 июня

С самого утра гуляю по городу, и кажется, этой прогулке нет конца. Витрины, фасады домов, памятники, гранит, асфальт, мрамор, бронза, стекло. Серебристые ели возле Кремля. На одной из кремлевских башен рабочие ремонтируют огромную звезду. На Арбате продают пирожки. Студенты спрашивают в книжном магазине монографию о Пикассо. Чистильщик обуви завидует космонавтам, в его будке фото Гагарина. У него черные глаза и кудрявые волосы. Он приехал с юга.

Горький стоит со своей тростью как праздный гуляющий, который увидел прекрасную панораму и, остановившись передохнуть, смотрит вокруг. Маяковский — патетичен, охвачен каким-то возбуждением; изваянный таким образом, он должен участвовать, отдавать себя целиком всем этим вечерам, митингам, дискуссиям и чтениям, которые проходят у его пьедестала. Гоголь сдержан, и его памятник кажется мне словно спрятавшимся. Возле памятника Пушкину — ландыши и сирень; цветы и у подножия памятника Дзержинскому.

У букиниста я обнаружил старое издание Радищева и дорогой томик есенинских стихов. Книги здесь быстро расходятся, и ответ нередко неумолим — нет.

В театре смотрел инсценировку «Братьев Карамазовых». Художественный театр производит впечатление интимности, камерности, чего-то знакомого, уже пережитого и виденного.

Суббота, 2 июня

День облачный, небо серое, свинцовое, но дождя нет. В город поехал на автобусе. Вышел возле университета. Вот как, значит, выглядит это большое здание. Я столько раз видел его на фотографиях и думал, какое оно вблизи. И вот я здесь, на месте, и удивление испарилось, словно его никогда и не бывало. Под этим небом самым естественным кажется мне мой приезд сюда. Словно и не могло быть иначе. Что там происходит перед библиотекой? Женщина средних лет продает книги, здесь, на бойком месте, люди не могут мимо нее пройти, не остановившись.

Группа пионеров идет к метро. Красные галстуки, масса цветов, флаги, гармошки, они встречают кубинцев — на вокзале, на аэродроме

ли, не знаю. Один малыш смотрит на меня, как будто мы уже с ним встречались. Мгновение он колеблется. Потом поворачивается, подбегает, дает мне цветы, предназначенные кубинцу, и снова возвращается к своим. Каприз мгновения или некое тайное сродство душ, которое я не знаю как назвать? Я в недоумении стою с цветами, которые мне некому дарить.

На прилавках первая черешня. В кино идет фильм «Рокко и его братья». Старушка выходит из кино возмущенная: «Хорошо, что эти итальянцы такие эмоциональные, что они так любят друг друга, но мне не нравится, что героиня фильма — проститутка и что в конце она становится мученицей, святой, ангельской душой. Здесь что-то не так, я это чувствую».

В букинистическом магазине я разговорился со стариком, знающим итальянский язык, хотя он никогда не бывал в Италии. Выглядит он очень старомодно, в глазах его сверкают искры. Мне хотелось бы узнать о его детстве, но встреча наша мимолетна. Иду дальше.

Воскресенье, 3 июня

Снова дождь. Недолгая поездка до Внукова. Вечером смотрю у Мавзолея смену караула. На аэродроме группа кавказцев весело улетает домой. Что они здесь делали? Холодно, словно на дворе ноябрь. Читаю «Поездку в Россию» Крлежи *.

Понедельник, 4 июня

В музее я обнаружил знаменитых красных рыбок Матисса. Здесь Боннар, Марке, Ренуар, Манэ, Писсарро: перед отдельными полотнами я снял бы шляпу, как перед старыми знакомыми.

Маленький сибиряк, робкий, захваченный врасплох моим любопытством, рассказывает, что ему хотелось бы стать театральным художником. Ему двадцать три года, и он похож на большого ребенка, который своими голубыми глазами поглощает все эти пальмы, арабески, кружева, улицы и перекрестки. Этот мир так отличается от того, который знаком ему. «Любите ли вы Пикассо?» — спрашиваю я без обиняков. «Я не могу сказать, что не люблю, скорее сказал бы — не понимаю».

Вторник, 5 июня

Брожу без определенной цели. Вошел в большой магазин детских игрушек, чтоб увидеть, как действуют железные дороги, как кривляются клоуны, как выглядит царство пони, зебр, жирафов, верблюдов, обезьян. Детям в первую очередь хочется иметь свой космос. Все, что напоминает им о подвиге Гагарина и Титова. Сказочные герои, пестрые паяцы, маленькие цирковые акробаты словно их больше не волнуют.

Дом Ростовых выглядит романтично, это не только музейная ценность. Так и ждешь, что откуда-нибудь появятся лакеи, что во дворе встретишь какую-нибудь кормилицу, что дети, как бывало, учатся играть на фортепьяно и что их герой — прославленный Кутузов. Вокруг голуби, и мокрый Толстой сидит на пьедестале свободно, удобно, как настоящий вельможа.

* Имеется в виду книга очерков современного югославского писателя Мирослава Крлежи, написанная им в 1925 г. после поездки в СССР. *(Прим. перев.)*.

По ошибке сел не в свой автобус и попал куда-то на окраину. Деревянные домики, сырые заборы, грязь, кучи кирпичей, словно на пожелтевшей открытке, далекие, серые, неосязаемые.

Четверг, 7 июня

Сегодня я познакомился с Игорем. Китайцы фотографировались перед Кремлем, группа польских офицеров стояла на месте, где когда-то был памятник Минину и Пожарскому, многие терпеливо ждут возможности увидеть Оружейную палату, а я зачарован солнцем, которое обливает золотом и без того золотые купола церквей. Учащиеся какой-то школы рисуют, пытаются передать всю прелесть этих башен, французы слушают своего гида, показывающего, где какой царь похоронен. И тут появился Игорь. Он разговаривал со мной так, словно мы ходили в одну школу, словно мы знакомы давным-давно. Пловец (на днях прошли соревнования), энтузиаст, декламирующий Пушкина и рассуждающий о спортивных рекордах, не чуждый ни одной авантюре, бродяга, любитель парашюта, скоростей, труднодоступных вершин, Игорь подарил мне часть своего дня. Он сказал, что лучше всего отправиться на кладбище. Он жил в Сибири, на Урале, теперь живет во Львове, он любит дальние края и мечтает о захватывающих дух путешествиях.

Мы походили по кладбищу, искали могилы Маяковского, Островского, Гоголя, Чехова. Мы фотографировались перед памятником актрисы Ермоловой, мы изумились, узнав, что здесь похоронен Багрицкий! И потом по той же улице вернулись в город. Ждем мой автобус. Четвертый. На меню ресторана записываем адреса.

Суббота, 9 июня

И опять дождь. Еду в дом Ростовых. Тщетно ищу Евтушенко. Через несколько дней я познакомлюсь с автором «Продолжения легенды». Его зовут Анатолий Кузнецов.

В книжном магазине студент хотел купить стихи Бернса в английском издании. Услышав цену, он огорчился, лицо его потемнело. Он копался в карманах, считал, о чем-то раздумывал, но выхода не находил, денег все-таки было слишком мало. Я предложил ему дополнить разницу, но любитель поэзии не хотел об этом и слышать. Ничего, ответил он, приду в другой раз. Я спросил его, каких поэтов он любит. Байрона, Вийона, Уитмена, Бодлера, Блока. Потом вытащил из кармана книжку — сборник стихов молодого сибиряка Харабарова... Под шум дождя писал посвящение: доброму вестнику из солнечной Югославии в этот дождливый день...

Понедельник, 11 июня

Я снова был на кладбище. Сегодня вечером у меня много времени для болтовни... Благоухают олеандры, день солнечный, море дремлет, спокойное, похожее на большую зеленую скатерть, мальчишки играют в карты в тени, зеленщики предлагают свои помидоры, и никто не может мне сказать, где похоронен Платен *. Это было в Сиракузах, в сентябре, нескончаемым провинциальным воскресеньем. Многое минуло с той поры, и сколько километров нужно было пройти, чтобы оказаться в московском метро в своем новом паломничестве к мертвым.

---

* Фон Платен Август (1796—1835) — немецкий поэт-романтик. Умер и похоронен в Сицилии.

Я не знаю, как называется площадь и как называется улица, по которой я иду. Помню лишь, что нужно сойти на станции «Спортивная», пойти прямо, потом свернуть налево — и ты у цели, каждый скажет тебе, где могилы Гоголя, Чехова, Багрицкого, Маяковского, Ермоловой, Левитана. На этих тропинках ты поздороваешься с Геодором Нетте, Корчагиным, героями «Молодой гвардии». Думая о Фурманове, ты снова вспомнишь, кто был Чапаев.

Бреду без плана, с одной аллеи на другую, надеясь, что случай приведет меня к Космодемьянской или Островскому. Вежливо отказываю старушке, предлагающей проводить к могилам Гоголя и Чехова. И в одиночестве читаю имена, которые мне мало что говорят.

Вот улыбающееся юное лицо, это радуется жизни авиаконструктор Кузьма Николаевич Балашов. Погиб в 1941 году, а я хотел бы знать, кого он обнял, кому сказал «до свидания», прежде чем уйти навсегда. Писаным красавцем был командир дирижабля Рощин Алексей Иванович. Этот белокурый Антиной расстался с жизнью в 1947 году, а не написано, никто не мог бы мне сказать — по каким улицам он прошел последний раз. И не написано, читал ли он стихи и писал ли их сам. И я не вижу его школьных задач, его товарищей, его первый школьный танец. Эти маленькие скамейки словно взяты из детского сада, чистые, неизменно предлагающие себя прохожему, они казались бы веселее, не будь здесь его фотографии, не знай я, как он смеялся.

У могилы Макаренко бронзовый пионер, которому вокруг шеи повязали настоящий пионерский галстук. Веселый мальчуган, стоящий на посту, борющийся со снегом, дождем, ветрами, греется на солнышке сегодня утром и держит в руке несколько искусственных роз.

И еще одна могила, еще одно имя, еще одна книга, которую мы глотали, будучи скойевцами *. Островский. Его подвиг долго будет вдохновлять мечтателей, фантастов, всех поэтов и всех пионеров этой великой страны. На его могиле символическая сабля солдата и цветы, много сирени, оставленной солдатами, возвращающимися из отпуска.

Лирик русского пейзажа, мастер передачи настроения, художник берез, тополей, плакучих ив, ручьев, рек, сумерек и облаков, одиночка, разрешивший всему успокаиваться и ждать, не решившийся допустить человека на свои полотна (чтоб не заглушить шелест листьев, не затемнить горизонт, не помешать миру, покою, тишине ожидания!), он, рассказывают мне, скитался, голодал и холодал, ожидая какого-то своего чуда, береза над его могилой (не понимаю, о чем говорит еврейская надпись) кажется последней связующей нитью с миром, который Левитан, вопреки всему, любил.

Могила Гоголя выглядит аристократически, Чехова — маленькая и скромная. Я хотел бы оживить лица того и другого писателя, дать волю фантазии, чтоб воскресли все губернаторы и все ревизоры этого мира, чтоб увидеть еще раз, почему дерзким подрезают крылья и почему некоторые книги попадают на костер. И почему тосковали в провинции три сестры, когда надежда была у порога. Многое я хотел бы оживить, додумать, увидеть сегодня, здесь, но фантазия непослушна, нетерпелива, внимание рассеивается, воспоминания угасают, иду дальше — куда, к кому?

Мертв и академик Тарле, а я вспоминаю тот полдень, когда я слушал его в Праге, старый Неедлы представлял его публике. Был солнечный день, и старик говорил о минувшей войне, о силах мира, об объединившихся, наконец, славянах. Красный занавес был испещрен узорами, и у кого-то в зале был букет гладиолусов для академика. Все почти ис-

* СКОЙ — Союз коммунистической молодежи Югославии.

парилось, кроме этих цветов, кроме этих узоров и послеполуденного золота. Реальность — могила Тарле и мои думы, воспоминания.

Перелистай я пожелтевшие комплекты довоенных газет, я увидел бы множество фотографий. Александру Коллонтай встречают на аэродроме с цветами, она вручает свои верительные грамоты, ее одолевают газетчики. Или Литвинов в Женеве, Лига наций, Титулеску, Бенеш. Литвинова арестовали англичане в бурные годы интервенции, Литвинова обменяли, если мне память не изменяет, на какого-то дипломата... Литвинов твердил в Женеве свое «ceterum censeo» *, нужно объединиться против агрессора, безопасность нужно защищать коллективно. И я на его могиле, здесь, а стройный Игорь удивляется, почему я так долго стою.

Небольшой символический танк на могиле маршала Рыбалко и букет красных роз, вероятно, лишь сегодня срезанных. Однажды я видел в журнале фото — Рыбалко в окружении пионеров, он говорил речь и вдохновлял тех, кому предстоит трудиться, любить, выполнять свой долг перед родиной.

На могиле Фадеева гладиолусы, розы и лилии, ландыши, мимоза и сирень. Автора «Молодой гвардии» посещают, кто-то словно утверждает: вы не ушли совсем и вы не были столь одиноки, как вам иногда, может быть, казалось. Мы любили ваших героев, ваши мечты были и нашими собственными. Мы носились по траве босиком, как ваш Сережка Тюленин, и весь мир был нашим, потому что мы знали, что не можем устать. Пока будут существовать люди, будут и звездные мечты, и новые подвиги, и чистая любовь Ули Громовой.

На могиле Маяковского розы и лилии. И две серебристые ели, и драгоценный камень — как все стилизовано, пригнано, убрано и, осмеливаюсь сказать, привлекательно. И я почти готов утверждать, что здесь не может лежать поэт бунта, тревоги, пламенных стихов, он огромен и статен, а эта могила слишком мала для него...

Вторник, 12 июня

Не так уж легко отыскать могилу Сергея Есенина. Москва велика, и не все люди знают, где покоится поэт. Кто-то отправил меня на Пятницкое кладбище — далекое городское кладбище, полное деревянных и железных крестов, берез, ворон, восковых роз и настоящей сирени.

Нет, могила Есенина не здесь, вас неверно послали, он похоронен на Ваганьковском, вам надо ехать на метро до «Краснопресненской». Там пересядете на трамвай...

Красная Пресня. Рабочий район, ставший знаменитым своими революционными баррикадами, множество раз воспетый, живет своими скромными заботами и радостями, никого здесь не занимает моя встреча с поэтом. Люди спешат, идут по своим делам, останавливаются на минутку поглядеть книги на уличном прилавке, пробежать глазами «Правду» (газета висит на стене), узнать, есть ли уже фрукты, как зовут студентов (это витрина объявлений!), дающих уроки немецкого языка или математики. И здесь, где пахнет свежими пирожками, где люди покупают по дороге газеты, открытки, значки, чуть щекочущую надежду, таящуюся в листиках лотерейных билетов, здесь должна начаться моя экскурсия в неизвестное, моя давно ожидаемая встреча с Есениным.

По временам казалось: поэзия Есенина — это русский пейзаж с тройкой, лугами, багровыми закатами, с кронами ив, берез, тополей.

---

* Я считаю *(лат.)*.

В интерьере — иконы, запах овчины, огонек лампады, на стене — Ленин, картинка из календаря. Мужики беснуются, бранятся в бога, в черта, в царя; страна воюет с Японией, с Турцией, с Австро-Венгрией. И на этой глухой равнине ничего не происходит, разве что ржут кони, воют волки и где-то вдалеке скользят сани.

Россия Есенина патриархальна, лохмата, неумыта. Он любит такую Россию, как крестьянин любит свое поле. Он, рязанский мужик, не может обойтись без нее. И любит не только идиллию, пейзаж, но людей, их — в первую очередь. Мать, например, сестру, деда, знакомых, рязанских мужиков, двадцать шесть расстрелянных героев-комиссаров. Он любит свое заброшенное село, позолоченный очаг, слишком серьезную сестру, читающую Маркса, луну, желтую и сочную, как лимон. Его преследует мысль о бегстве из города, о возвращении к своим. Он видит мать, поджидающую его на дороге, ей он рассказывает, почему он взялся за перо, почему у него нет дома, почему он пьет.

Сергей Есенин. Что он ожидал от жизни, от друзей, от любви? Почему он нигде не мог угомониться? Что гнало его в дорогу, в мир, в приключения? На западе он купил лакированные ботинки с гамашами и пестрые галстуки, но он нигде не мог купить покоя, веры в людей. Разочарованный, он писал: «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин Доллар, а на искусство начихать...» * И в другом месте еще безнадежнее: «Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрей ящериц, не люди, а могильные черви, дома их — гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер...» **.

Сколько же воробьев на этом кладбище и кто заботится о них, не сеющих и не жнущих? На днях я прочитал в книге Николая Вержбицкого о том, как Есенин однажды ранним солнечным утром 1921 года кормил на Тверском бульваре стаю воробьев. Он крошил белый хлеб в то время, когда каждый кусок был настоящей драгоценностью. Вержбицкий упрекнул поэта: что это за разврат — людям есть нечего...

А Есенин ответил: «Это мне прислали из деревни, если вы голодны, то поклюйте тоже». И, вынув из кармана другой кусок, протянул его Вержбицкому.

На Ваганьковском кладбище вряд ли найдется человек, который не знал бы, где похоронен поэт. Идите прямо и потом налево и увидите крест и чуть подальше березку, тут и спросите женщину, сидящую на скамейке, она вам все скажет...

Небольшая могила, словно в ней лежит мальчик, и, конечно, памятник и барельеф с изображением поэта. Печальная ива, на ней замазанные смолой многочисленные надписи, стихи, эпитафии почитателей. Какая-то старушка, по-видимому совершенно чужая поэту, следит за могилой, меняет цветы, рассказывает сама и выслушивает все, что говорят посетители. Сережа был пригожий, совсем красавец, у него была такая же шляпа, как у вас. Приветливый был, терпеливый, нежный. Ни одного слова грубого не сказал ни разу.

Какой-то мужчина средних лет по имени Коля (имя вытатуировано у него на руке) слушает, молчит, не прерывает повествование. Но когда старуха произносит: вот ушел он, не дал мир ему жизни, хороший человек не умеет притворяться, хорошего человека все бьют,— этот Коля тут же ее поправляет: сам себе он не дал жить, никто в этом не виноват.

---

* Из письма С. Есенина А. М. Сахарову из Дюссельдорфа. С. Есенин. Собр. соч. Гослитиздат, 1962, т. V, стр. 158.

** Из письма С. Есенина А. Б. Мариенгофу из Остенде. Там же, стр. 160.

Молодой паренек, рабочий из окрестностей Москвы, читает стихи Есенина. Студент с голубыми глазами и нежным голосом впервые пришел на кладбище. Он не москвич. Сам не пишет стихов, но знает их много наизусть...

И вспоминает бабушка: «А вот эта береза привезена из его родного села и посажена здесь; только сохнет она, не принимается, не годится ей почва!»

Есенин и мертвый собирает тех, кто не может, не умеет, не хочет позабыть о волшебстве его стиха. Не важны больше его блуждания, пьянки, бродяжничество, жуткая ночь в гостинице «Англетер», черный человек во фраке, ставший символом кораблекрушения. Важен лишь стих, призыв — манящий, неповторимый, единственный.

Однажды я записал для себя: Есенин — личность сложная, его не объяснишь схемами. Социологам легко сказать: погиб оттого, что был деклассирован. Но следует заметить, что этот человек не был однозначен, что сам с собой он воевал больше, чем с другими, что нелегко ему было установить, что в его душе настоящее. Он-то знал, что он не «новый человек», что одной ногой он привязан к старому, но он хотел служить новому, служить целиком, вопреки всем своим слабостям. Он жил богемно, был пьяницей, бродягой, но мог быть, всем сердцем хотел быть гражданином Советской России. Он нежно любил родину, ненавидел живодера-буржуя, за Октябрем пошел стихийно, по-крестьянски.

И вот пока я иду с кладбища (будь здорова, бабушка!), и пока двое молодых рабочих громко читают мне стихи поэта, я думаю о том, что есть что-то щемящее, грустное, упрямое в том, когда поэт уходит молодым. Я не могу себе представить стариком Пушкина, не знаю и как выглядел бы Есенин в шестьдесят лет. Легенда утверждает, будто Ли тай-бо * утонул, желая обнять отражение луны в воде, а вечно недоверчивые, вечно сомневающиеся говорят: утонул потому, что был пьян. Я не знаю, кого хотел обнять Есенин, но всегда буду думать: весь мир. Знай он, сколько друзей у него останется, он никогда бы не написал:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Среда, 13 июня

Сегодня снова дождь. Льет как из ведра. Позже прояснилось. Снова стою перед домом Ростовых. Старый Толстой с достоинством мокнет в саду и выглядит все так же, как в прошлый раз. Кажется, многие мои встречи не состоятся. Исаковский болен. Этот глашатай жизнерадостности, чьи стихи я когда-то знал наизусть: «На позицию девушка провожала бойца», «Где ж вы, где ж вы, очи карие», «Шел со службы пограничник»,— не может меня принять, сейчас он никого не принимает.

Однажды в санбат 36-й дивизии пришел светлоглазый солдат, красноармеец, сменить повязку или попросить лекарство, я уж не помню, и когда уходил, я вышел его проводить, пожелать доброго пути, он запел во весь голос, так, как умеют петь только солдаты: «Расцветали яблони и груши». Это была песня о Катюше, популярная, знаменитая, исцелявшая в те огневые дни, и я все это хотел рассказать поэту, а он — далеко и близко в одно и то же время.

Не смогу я увидеть и старого Маршака, чьи переводы сонетов Шекспира я перечитывал столько раз. Он хворает, устал, не радуется посетителям, укрыт от любопытства, работает, ему нельзя мешать, он занят новым литературным таинством и окружил себя стеной, он недоступен

* Ли Тай-бо, или Ли Бо (701—762) — великий китайский поэт Ганского периода.

для гостей, невидим. А что, если нагрянуть внезапно, сказать просто-напросто: вы — Маршак, ваши переводы Бернса помогали мне в долгом путешествии (в Англию, будем точны!), вы измерили тайну шекспировского чуда, вы сделали много для того, чтобы одна любовь продлилась...

Четверг, 14 июня

Брожу по Третьяковской галерее и убеждаю себя в том, что это и живопись, и еще кое-что: энциклопедия, смотр, обзор — Россия боярская и та иная, бунтовщическая, лютая, непричесанная. Русская жизнь, многочисленные ее формы, образы и ситуации, минуты отдыха, веселья, великих перемен и путей в неведомое. Ученики и учителя, генералы и солдаты, мужики и помещики. Купцы и торговцы, попы и прихожане, здоровые и больные, свободные и рабы, бедняки и благотворители, актеры и их зрители. Жизнь при дворе, в монастыре, в городе и в деревне. Зима и весна, война и мир, смерть и венчанье, пирушка и панихида. Сватовство, ухаживание, удаль, свахи, пьяницы, каторжники, мастера и подмастерья, бабы, дети, комедианты.

Один смеется, другой плачет, красавицу девушку поджидает у дверей урод — будущий жених. Безумствуют офицеры, лакомятся богачи, бедствуют мелкие дворяне, не имея сил в этом признаться. Монахи молятся, нищенствуют, скучают, Екатерина преобразилась в Минерву, Эндимион спокойно спит, а Аполлон обнимает Гиацинта.

Классицизм, романтизм, реалистические портреты помещиков, сенаторов, министров, генералов, посланников. Князь Долгорукий сжигает указ царя, непокорную Юсупову увозят в монастырь, щеголь Демидов превратился в садовника, Тараканову поглотит вода, а княжна Гагарина мило улыбается. Матвеев рисует Сицилию, Щедрин — Капри, Неаполь, Сорренто, Иванова вдохновляет Эллада, Воробьева — Италия, Иерусалим, Библия.

А жизнь течет дальше. Гувернантка приходит в дом к богатому купцу. Стыдливая, кроткая, тихая, послушная, она словно в самом начале хочет произвести впечатление, которое станет ее репутацией. А присутствующие осматривают ее как на торгу, как шгуку сукна, бочку вина, вьюк из заморской страны, который надо лишь вскрыть. Мужики пьяные, мужики несут образа и шатаются, и крестятся, и куда-то тянутся в процессии, помещики отправляются на охоту, помещики пьют и под веселую руку женятся, помещики флиртуют, спекулируют, дуются в карты и стреляются на дуэлях. Французы расстреливают поджигателей Москвы, русские дерутся с турками, идиллические березы дополняют пейзаж, они и у дороги, и на заднем плане, и возле церкви, и на берегу реки.

Золотая рожь — это Венецианов, классицистические фасады дворцов, Левитан со своими меланхолическими пейзажами (нигде нет ни одной живой души, чтоб нарушить ландшафт, даже знаменитая Владимирка, дорога, что ведет в ссылку, без каторжников!), богатые салоны, полированная мебель, влажные морды гончих псов, старые отличия, камины, бархат, султаны, пунш, горностай и шпоры.

Разговорчивый юноша, уралец, монтер, приехавший в гости, заблудился в Москве и в первый же день забрел сюда — удивление, восхищение торжеством красок и форм, яркий галстук на шее и доверчивое признание: «Я, честно говоря, и не знаю, куда мне надо, мои друзья, может, в Москве, а может, и нет». Это юноша с большими голубыми глазами, пунцовыми губами и твердым решительным шагом, он переходит из одного зала в другой словно в полусне, возможно, видит здесь больше, чем я, чем многие из присутствующих, только он не умеет это выразить четко, он обнимает все одним словом: «Чудесно».

Его наблюдения живы, впечатляющи, метки, непрофессиональны. Он смотрит на жизнь и удивляется ее пестроте. Он немедленно говорит то, что думает. Я слежу за ним, вслушиваюсь, вбираю в себя: смотрите, как сурово Петр Первый смотрит на сына. Вы знаете, ведь его сын хотел, чтоб Россия не шла вперед, а наоборот, назад, оставалась слабой и отсталой. А это вот Иван Грозный, рисовал Репин. Сына своего собственного убил этот царь, в гневе, за то, что тот ему что-то не так сказал, а теперь обнимает, теперь ему горько, но поздно, напрасно, не воскресишь мертвого...

Видите, как жили наши богачи, можешь продать кольцо и корону и ничего больше не делать, хватит на всю жизнь. А поглядите на лошадей, что за красота, только знаете, такой вот герой своего коня больше любил, чем какого-нибудь там конюха. Если б ему понадобилось решать, кому подыхать, коню или конюху, поверьте, этот господин не пожалел бы человека и никогда не сказал бы — коню.

Я следую за этим ярким галстуком, словно этот уралец — мой гид, мой наставник. Словно бы всякий раз он подтверждает нечто решающее, а когда улыбается, то в его улыбке и превосходство, и насмешка, и вызов всем призракам вчерашнего дня. Какой это сильный человек, думаю я про себя. И иду дальше.

Пятница, 15 июня

Дождь только что перестал, а я оказался где-то на Арбате и думал о том, что будет, если я опоздаю, если не появлюсь вовремя на улице Воровского. Перед домом Ростовых промокший Толстой серьезно сидит на своем постаменте, под стрехой копошатся голуби, а дворянский герб на фронтоне поврежден: «Deus, honor et...» — бог, честь и еще нечто, что следует угадать.

В редакции журнала «Юность» знакомлюсь с молодыми поэтами Коржавиным и Костровым, критиком Рассадиным, прозаиком Кузнецовым. Я хочу слышать, к чему они стремятся, что их привлекает, пленяет, вдохновляет. Где они учатся? Как учатся? Что читают? Когда они начали писать? О чем? О ком? Какие писатели были им примером? Что в литературе было им чуждо?

Повесть Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды» переведена на несколько языков, она вызвала большой интерес во Франции. Это писатель, который искал вдохновения по всей своей стране, он часто менял города, профессии. Его биография словно совпадает с тем, что делали его герои, ему не нужно было выдумывать, ему оставалось лишь свидетельствовать. И он — мужественный человек, который умеет любить, мечтать, доказывать,— свидетельствовал убедительно, искренне, с вдохновением. Оправдывает ли себя жизнь в укромном уголке, на надежном месте, жизнь спокойная, серая, без тревог? Можно ли торчать в какой-нибудь канцелярии, когда твои ровесники укрощают реки, строят, мокнут под дождем, покоряют стихии? Своей прозой, своей молодостью Кузнецов доказывает — нельзя.

Я слушаю, как он рассказывает о своей жизни, разъясняет смысл «Продолжения легенды». Его герой — ученик, который должен все решать сам. Как прожить эту одну-единственную жизнь? Как не разменять себя? Его герой — самый обыкновенный человек. Ему не место в конторе, он хочет чего-то другого, чего-то лучшего.

Он едет в Сибирь. Разные люди встречаются на его пути, трудности настолько велики, что ему порой кажется — он не выдержит; люди вокруг него и хорошие, и плохие, а он знает, что нужно работать, хорошо работать, только так преодолевают трудности. Его герой — оптимист:

жизнь все-таки прекрасна и достойна любви. Его герой — не эгоист, не скептик и не циник. То, что он делает, есть отрицание себялюбия. Счастье в товарищеском понимании, во взаимной помощи. Подлец не может быть счастливым человеком.

У нас много сил, говорит Кузнецов, нет причин для сомнения, для страха и неверия, нужно созидать, любить людей, и в конце концов «все будет хорошо». Абсолютно хороших людей нет, но я ищу людей, в которых много хорошего. Меня интересует свежесть чувств, вера в прекрасные солнечные стороны жизни, я не люблю скептиков, тех, которые вечно сомневаются; такие люди портят жизнь, делают ее несносной. Мое поколение не догматично, не наивно, но у нас есть свои убеждения, и мы умеем их защищать. Мы не можем согласиться с той точкой зрения, что жизнь — лишь отображение усталости и безнадежности.

И пока снаружи льет дождь, одна легенда присбретает свои контуры, мало-помалу становится осязаемой. Недавний учащийся едет в Сибирь, чтоб стать рабочим, но неизвестно, что «я там буду делать, кому я по существу нужен». Захоти он остаться дома, это значило бы быть со своими, шагать по знакомым улицам, все время видеть одни и те же лица, субботними вечерами ходить в кино, а в воскресенье после обеда играть во дворе в домино. Но он не хочет этого. Он хочет попробовать что-то новое. Противостоять волдырям, которые жгут руку, противостоять непогоде, бешеным капризам реки, показать, что, собственно, значит на деле бороться.

Пусть его приятели думают, что хотят, пусть ищут теплые места, пусть отдыхают в тени. Он пойдет своим путем, упрямо, последовательно, ибо существует большой враг человека — страх. Страх перед переменами в жизни. Человеку, просидевшему двадцать лет на одном месте, страшно куда бы то ни было перебраться, уехать в соседний район, уж не говоря о Сибири.

И все-таки он преодолевает и это, едет в дальнюю даль, ищет перемен, прислушивается к гудкам поездов, осознает, что жизнь принадлежит тем, кто целиком отдает себя, не спрашивая, что он за это получит. Без них, без людей такого толка, не было бы ни электричества, ни дорог, ни надежды, ни будущего. И поэтому они должны смести с лица земли эгоистов, конформистов, трусов. Настоящая битва лишь предстоит.

В легенде Кузнецова есть одно чудесное место. Это рассказ о трудовых мозолях. Сможет ли он, писатель, научиться работать, выдержит ли? Знает ли он, как держать лопату, прекратится ли, наконец, эта боль, тупая и несносная? «Руки мои, руки! Они болят у меня днем, а еще сильнее ночью... Я открыл, что холодный воздух успокаивает. Поэтому хожу по комнате и машу руками; а если уж слишком доймет, дую. Хожу и дую, хожу и дую...»

Легенда о реках Енисее и Ангаре заключается в том, что люди оказались сильнее. Река была могучей, а люди сильнее. Река дерзка — люди еще более дерзки. Река непокорна — люди еще более непокорны. В конце концов произошло чудо. Река уступила. Смирилась. Покорилась. Согласилась дать то, что люди завоевали,— свет, радость, тепло.

Разговор переходит на прустовское одиночество, на тонкий прустовский анализ, на весь этот зачарованный мир лиловых занавесей, далеких прогулок и необыкновенных рассветов. Я становлюсь адвокатом искусства Пруста, его страстей, искушений, вдохновения. Мои собеседники меня не поддерживают, возражают; анализ, говорят они, не может быть самоцелью. Прусту не хватает одного человеческого измерения, чтоб стать цельным, он не все хотел или умел сказать.

Мы говорим о Рембо, о его чистой, солнечной природе, о мире Достоевского, об утомленном Гаршине, о молодых (Евтушенко, Ахмаду-

линой, Вознесенском). Толстой, говорят мои собеседники, был великим гуманистом. Но это излучает все его творчество. Подчеркивать гуманизм нет нужды.

Суббота, 16 июня

Солнечный день, и мечты о московском лете. В автобусе еду с разговорчивым вьетнамцем из Ханоя, который изучает здесь химию. То и дело он заглядывает в свои формулы и смеется, как умеют смеяться люди его лет...

В Мавзолей Ленина вошел с группой американских туристов. Пожалуй, нет ничего в мире, что выглядело бы столь просто и столь впечатляюще, столь цельно и столь монументально, как этот Мавзолей. Американские туристы, которые в течение многих лет приводят меня в замешательство своими репликами, развязностью, шокирующим легкомыслием и потрясающим невежеством, все они, которые фотографируются перед Парфеноном и распивают кока-колу в катакомбах, входят сюда маленькими и очень молчаливыми. Ленин лежит спокойно, словно в любую минуту может проснуться, он — храбрый капитан, что прилег отдохнуть после своего самого бурного плавания. Крлежа изображал его Колумбом, открывающим новые миры, в то время как трусы, филистеры, пигмеи путаются у него в ногах. Он велик без пьедестала. Он просто-напросто Ленин, мозг и сердце Революции.

Понедельник, 18 июня

Огромные кремлевские часы похожи на золотую игрушку, на чудо, удары которого отмечают Историю. Кремлевские стены издалека выглядят легкими, воздушными, трепещущими, грациозными, по-восточному загадочными и в то же время близкими каждому, кто к ним подходит. Словно какой-то каменный корабль, с золотыми мачтами, красными вымпелами и многочисленным экипажем, плывет, распустив паруса, в океане столетий, и нет того ветра, нет той непогоды, которая могла бы ему помешать.

Среда, 20 июня

Я — гость, а гости часто не видят того, что у хозяина под носом. Каждый день улица Горького открывается мне как большая сцена, на которой я терпеливо отделяю героев от статистов и прохожих. Беззаботные и спешащие, равнодушные и взволнованные, в штатском и в форме, идут москвичи по своим делам.

Несколько дней назад я познакомился со студентом по имени Коля. Он сказал, что родом с Волги, здесь изучает театральное искусство, хотел бы стать хорошим чтецом, таким, каким был в свое время Яхонтов. «Как вы думаете, что, если поставить на сцене «Красный цветок» Гаршина? Некий человек, охваченный мыслью о том, чтоб принести людям счастье, обнаружил, что всякое зло имеет свой корень в одном-единственном цветке. Вырвешь этот цветок, и исчезнут беды, страдания, слезы. Но чтоб вырвать этот цветок, нужно обладать храбростью, это не так-то уж просто». Я ответил Коле, что не вижу в этом достаточно драматургического материала. Человек и цветок. Может быть, здесь есть кое-что для пантомимы? Человек кружится вокруг цветка и не знает, как поступить. Человек колеблется, человек кружится, танцует, наблюдает за цветком, который становится все более необыкновенным. Сперва маленький, чуть видимый, он становится больше, вырастает в огромный,

перерастает того, кто на него смотрит. Танцор пытается в каком-то безумном танце вырвать с корнем цветок, но у того бесчисленное множество рук, и очи мешают это сделать. В тот момент, когда человек побеждает зловещий цветок, сцена расцвечена всеми цветами радуги. Софиты гаснут, публика некоторое время сидит во мраке. Потом зажигается свет. Конец спектакля.

Скажите, Коля, как вы, будущий актер, смотрите на театр улицы? Много статистов, но мало героев, только ведь и статисты могут многое сказать, нужно только уметь их слушать. Коля подхватывает: «Вот, пожалуйста,— двое молодых из провинции, издалека, может быть, даже из Сибири. Он здоров, молод, восторжен, краснощек, доволен собой и своей работой. Возможно, он врач, возможно,— геолог. Она, по всей вероятности, учительница. Они познакомились в каком-нибудь клубе, танцевали. Потом он спросил: «Вы давно здесь, как у вас идут дела?» Она заметила: «У вас нет пуговицы на рубашке, эх вы, холостяки!»

— А что теперь делают они в Москве?

— Проездом. У нее, скажем, в Туле живет сестра или родители. Они приехали их навестить. Надо купить какой-нибудь подарок, и поэтому они останавливаются перед каждой витриной. Она наверняка думает: «Куплю сестре янтарное ожерелье, дорого, но она будет рада». А он — само терпение, согласие, одобрение — она не может ошибиться.

— А что они сегодня увидят?

— Они обязательно пойдут в Кремль, и он (видите, у него фотоаппарат) непременно попытается сфотографировать ее возле царь-пушки или царь-колокола. Она встанет рядом с огромным орудием и улыбнется, а он скажет: «Постой-ка спокойно минутку»,— и все будет в порядке.

— Ваши жизненные образцы?

— Я люблю Маяковского и его мужественное упорство, его поэтическое отношение к жизни. В ином обществе поэты боятся, как бы их не поглотила политика, а подлинный поэт, каким был Маяковский, все умел превратить в лирику. Из иностранных поэтов XX века мне особенно близок Рембо. Я люблю его за то, что он до конца оставался мальчишкой, доверчивым, наивным, открытым всем ветрам мира. Я где-то читал, что он обладал кристально чистой, неиспорченной душой и что его превратили в чудовище те, кто меньше всего имел право судить. Я люблю Уитмена, его поиски, и тревогу, и жажду новых пространств, его веру в людей и их счастье.

— Кому вы хотели бы следовать?

— Может быть, Яхонтову, если б это было возможно. Но это не только мое желание. Волновать публику, покорять ее, заставить поверить тебе, повести за собой, читать стихотворение так, будто оно рождается только сейчас, словно ты создаешь его, все это умел делать Яхонтов, и мне бы тоже хотелось обладать таким умением.

Воскресенье, 24 июня

Дом Маяковского выглядит совсем обычно, не хуже и не лучше тех, мимо которых я проходил. Терпеливая девушка, студентка литературы или служащая музея, просит меня записаться в книгу посетителей, если я понимаю по-русски, она будет моим гидом. Маяковский жил на втором этаже в двух комнатах.

Я поражен. Он не собирал книг, у него не было большой библиотеки. У него было мало — буду точен,— очень мало книг. Только то, что ему казалось необходимым, только то, без чего он не мог обойтись. Справочники, несколько томов Ленина, два французских словаря, энциклопедия. Мой гид рассказывает: «Маяковский не любил собирать кни-

ги. Когда ему была нужна книга, он брал ее у друзей и аккуратно возвращал. Нет и картин на стенах, как видите. У него было много друзей, почитателей среди художников, он мог бы иметь целую галерею. Но он не был коллекционером.

Он был страстный, ловкий и иногда нервный. Он любил ездить, двигаться, менять города, публику, знакомых, отели. На одном месте он чувствовал себя неудобно, ощущал потребность в поездках. Стоять он тоже не мог спокойно. Видите этот телефон? Шнур длинный, много длиннее, чем полагается. А знаете почему? Маяковский часто говорил по телефону и при этом ходил. Он держал в руке трубку и нервно расхаживал по комнате. Ни одной минуты он не мог быть спокоен».

Я прошу мою спутницу открыть шкаф поэта. Здесь знаменитый пестрый пуловер, знакомый по стольким фотографиям. Он был на нем в тот день, когда поэт выступал в Доме пионеров, когда он давал автографы бойцам Красной Армии. В этом пуловере он сфотографировался на фоне своих плакатов и рисунков. В какой стране он его купил? В каком городе? Сколько километров с ним проехал и когда надел его в последний раз? И сколько еще будет жить (ничто не вечно!) этот реквизит, который я случайно (спасибо любопытству!) открыл.

На стене над постелью — какой-то экзотический коврик, какая-то далекая страна, могла бы быть Мексика, а даритель, даритель друг и художник, кто его не знает, Диего Ривера! В прихожей висит пальто и большая шляпа. Ты кажешься незваным гостем, забравшимся в чужую квартиру, никто тебя не приглашал, поэт может каждую минуту вернуться.

На столе готовальня, американская авторучка, сборник Г. Уэллса. Календарь показывает 12 апреля, а 14 апреля поэт убил себя. Словно каким-то чудом забрела на стол история Уайльда о счастливом принце. Когда, почему, в который раз читал он ее?

Подушка, которую Маяковский брал в дорогу, стол, за которым он обедал. Остались рюмки, тарелки, небольшой сервант, в котором все, что нужно холостяку. Как он встречал своих гостей, чем угощал их и о чем они разговаривали? И что за день был тогда, когда все покатилось под гору? И почему однажды вечером он больше сюда не вернулся?

Эти две комнаты — часть большого целого.

Масса интересных вещей собрана воедино. Записки. «Почему вы так часто ездите за границу?» Подарок Пикассо — картина, подарок Леже — книга, еще несколько книг, много писем, рисунки. Фото: Маяковский и рабочие, Маяковский и красноармейцы, Маяковский и молодежь, Маяковский и Кольцов, Маяковский и Мейерхольд. И, разумеется, карикатуры, плакаты, эпиграммы, шутки.

На одной из фотографий Яхонтов, о котором я столько слышу в этом городе. Он вдохновлял бойцов, читая им Маяковского, его любили бойцы, они говорили, что Яхонтов стоит ста лучших танков.

Запись Хикмета: «Маяковский великий человек и мой старший брат». Книга, пробитая пулей,— стихи Маяковского, принадлежавшие бойцу — защитнику Сталинграда... Мне остается лишь поблагодарить и прийти еще раз, рассмотреть все это не спеша, неторопливо, без спутников, без гида — одному.

Иду к Таганской площади, и меня преследует мысль о том, каков был последний день, какое было небо (свинцовое, низкое или солнечное, как сегодня?), когда поэт шел по этой улице и смутно предчувствовал, что идет в последний раз. Смотрел ли он на людей, на их окна, газеты, на их приветствия, их суету? Или ему было все равно, безразлично, он был равнодушен, он готовился к своему последнему пути, к своему самому дальнему пути, и не важен уже был вокзал, он исчез, растворился, этот огромный вокзал, с которого он уедет!

Четверг, 28 июня

Моя цель — студия Художественного театра. Только ли экзамен сегодняшняя проверка? Я почему-то думаю, что нечто более серьезное. Что здесь дело не в отметке. Здесь все словно висит на одной-единственной нити. Что скажут эти люди из приемной комиссии, поверят они, или усомнятся, или без колебаний вручат ту единственную визу в звездные пределы искусства?

Гардеробщица старше, чем многое в реквизите этого дома, берет мой зонтик и мою кепку, сообщает обо мне председателю комиссии, он выражает согласие, я могу войти. Я сижу с членами комиссии, слушаю, как решаются чужие судьбы, я хотел бы помочь, высказаться, оценивать вместо них, но приличия велят мне молчать, успокоиться, наблюдать, улыбаться и играть в учтивость равнодушных.

Председатель комиссии ободряет самых юных. Дорогие ребята, соберитесь, не волнуйтесь, свободно покажите, что знаете, а мы постараемся сделать все, что возможно, мы должны быть внимательны, предусмотрительны, справедливы... Дождь сильнее стучит по стеклам, а юность не чувствует этого, все громы нашего мира не в состоянии оторвать ее сейчас от Чехова, Лермонтова, Гоголя, Маяковского, Пушкина.

Они декламируют, импровизируют, играют, рассказывают, поют, объясняют, оправдываются, свидетельствуют, шумят, смеются, плачут. В эту минуту они больше не студенты, монтеры, электрики, шоферы, официанты, солдаты, они составляют особое братство, которому я не знаю названия и которое до конца хочет служить Талии. Станут ли они учащимися этой студии, обретут ли друзей в Эсхиле и Софокле? Или возвратятся туда, откуда пришли? Чтоб жить вдали от рампы, от софитов, от кулис, суфлера, гримера и до самой смерти не примириться с оценкой, которую они получат сегодня.

Все не могут пройти, а хотели бы сдать экзамен все. Этот театр — не один и эта студия — не одна, но много тех, кто стучится именно сюда. И поэтому председатель комиссии словно бы оправдывается, словно он должен еще разъяснить: мы можем принять ограниченное количество людей, очень и очень ограниченное. Многие хорошие, очень хорошие будут отсеяны. Пройдут лишь самые хорошие. Несправедливо? Возможно! Но мы должны получить разные типы. Не только красавцев, безукоризненных, созданных на роли любовников. Нам нужны и комики, толстые, маленькие, уродливые, на первый взгляд непривлекательные, нам нужны Молчалины, а не только Чацкие, Собакевичи, как и Ноздревы, и Маниловы. Все женщины не могут быть Анной Карениной, и все мужчины — Вронским.

Находчивый, маленький паренек играет кулака, ломается, аффектирует, пришепетывает, словом, ищет выход. Не прошел. Нет яркой индивидуальности, говорит девушка рядом со мной. Мне-то кажется, будто что-то есть в этой игре, парень импровизирует, он находчив, видимо, сметлив. Да, вот то-то и оно. Сообразителен, верно, но нужно обладать еще чем-то... Он просто-напросто играет на своих физических недостатках. Это пришепетывание, маленький рост. Нет, из него не вышел бы хороший актер, всего лишь посредственный.

Парень, которого зовут Сергей Чепурков, словно укротил какие-то силы зла, обуздал демона, добился бодрых аккордов, чего-то светлого, чего-то, что должно обезоружить комиссию, из-за чего я сам позабыл о дожде на улице, о непогоде, о том, что меня ждет свинцовое серое «после полудня». Он смеялся, вспоминал, издевался, угрожал, восторгался, мечтал, он знал, когда нужно повысить голос, а когда следует быть ужасно

серьезным. У него вышла всего лишь одна неприятность, ему оставалось предъявить свой школьный аттестат, а тот потерялся, говорит, матери нет в Москве, мать уехала, вернется, обязательно найдет. Он вышел, и осталось ощущение большой надежды; хороший мальчик, сказали, талантливый, из него выйдет толк, но какого черта он позабыл бумагу, почему он не предъявил нам аттестат.

Движутся лица, имена, оценки, комментарии. Некоторые из этих лиц я как будто видел в каком-то другом городе, отдельные стихи я как будто запомнил во сне. Словно бы я был уже здесь однажды и познакомился с каждым из этих ребят в отдельности. Спасибо, говорит председатель и быстро встает. Сделаем перерыв на двадцать минут.

Решаются судьбы отсутствующих, тех, что за дверью, что надеются и ждут, пока им ответят: вы приняты, вы подаете надежды, увидимся осенью. Да, парень хороший, но я не вижу необходимости его принять. Поставьте знак вопроса. Принять во внимание. Может быть, нам попадется еще лучше? А вот тот, толстяк, с кудрявыми волосами, обязательно. Он — прирожденный комик. И естествен. Это находка для студии. Принять. Да, разумеется, принять! Красавчиков иногда полно, а вот такое пореже встречается. Принять, как думаете, товарищи? Может быть, кто-то не согласен со мной? Прошу поднять руку, кто за то, чтоб его принять! Итак, большинство. Спасибо. Следующий...

Я вышел в коридор взглянуть на ожидающих. Сережа, что с вашим аттестатом? Вы знаете, я издалека, я не имею отношения к вашей студии и вашему экзамену. Но вам я обязан несколькими драгоценными минутами. Я хотел бы видеть вас на этой сцене... Я уеду далеко, уеду туда, откуда приехал, но все-таки хотел бы знать, что будет с вами, какую судьбу вам уготовят те — внутри! Ей-богу, мне бы многое хотелось узнать об этом служителе Талии, но Сергей сейчас — само воплощение страха, ожидания, недоверчивости, может быть, ужаса. А если они считают, что у меня нет таланта, если убедятся в том, что остальные намного лучше?

Суббота, 30 июня

Последний день в Москве. Машина придет точно в срок, поезд отправится точно по расписанию, минута отъезда неудержимо приближается.

Холодно, будто в декабре, мокрые березы гнутся и словно стонут и рыдают, теряя листья, и я слежу, куда их уносит ветер. Равнодушно стучит в окна дождь.

Я уезжаю, и все останется, как было.

Как печален Арбат, такой умытый, холодный и пустой. Моя прогулка безмолвна, мой шаг неуверен. У меня нет абсолютно никакого плана, если не считать планом то, что я решил отдаться случаю. Я пойду туда, где мне нравится. Я всегда не любил суфлеров, я всегда не любил слушать чужие советы, я всегда не давал себя спутать программой, расписанием. Я упивался свободой поиска с первого же московского дня. Так нужно и уехать. И вот я гуляю этим последним московским днем, и немногие прохожие кажутся мне тенями, силуэтами, масками.

Дождь кое-что подретушировал, кое-что исправил по-своему, и мне иногда кажется, что я в другом городе.

Скользят лимузины по улице Воровского, по улице Герцена, по улице Горького. У ресторана «Прага» не происходит ничего особенного. Лишь витрины те же: пирожные, дичь, заливное, сыры, компоты, фрукты, марципаны... Что в кино? Выздоровел ли Маршак? Что пишет сейчас Толя Кузнецов?

Воскресенье, 1 июля

Москва — дальше, чем когда бы то ни было. Пейзаж снова солнечный, тургеневски чистый, бодрый, гармоничный, светлый, мой спутник читает научно-фантастический роман на тему о том, что ожидает наших внуков (слетать на Марс проще, чем сегодня — в Тбилиси!), он движется неслышно, незаметно, как тень, его присутствие не нарушает мой покой. Он родом из Тулы, женат, любит свою жену, в дорогу взял ее фотографии. Его молчание, деликатность, внимание, предупредительность и все прочее (это безыскусно, и это нельзя сыграть) дают мне уйти в себя, мысленно снова обойти все те места, увидеть все те лица, с которыми я здесь познакомился...

Усыпляет меня ритм, усыпляет меня дождь. Но заснуть не могу. Картины перемешиваются, сливаются, уменьшаются, удваиваются, исчезают. Лица знакомых заполнили целиком огромный город. Мой спутник спит крепким сном. Попытаюсь заснуть и я...

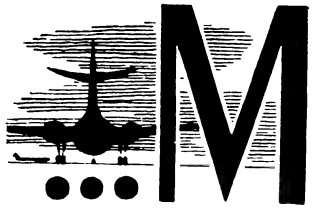
Сокращенный перевод с хорватосербского
АЛЕКСАНДРА РОМАНЕНКО

ЖАН КАЗАЛЬБУ

НЕКТО ИВАНОВ

(Отрывки из книги)

Французский публицист Жан Казальбу, неоднократно бывавший в Советском Союзе, написал в 1966 году эту книгу, в которой имя Иванова употребляется как нарицательное: Иванов — простой советский человек.



Москва! — возвестил стюард.

Все сразу смолкли... но не от того умиротворения, которое дает возвращение к родным пенатам, нет, это было молчание, навеянное образами, наполняющими сердце, образами властными и зовущими к раздумью. Ведь прошло всего несколько лет, как отгремела трагедия войны. С неба мы видели Львов и Киев, чей облик нес на себе страшную печать разрушений. Большинство моих спутников, французов, впервые видели медленно возникающую из дымки эту землю героизма и жертв, землю «святости», как сказал бы Мальро, когда писал «Время презрения».

Мимо нас вдоль пыльного шоссе, окаймленного кустарником, пробегали низкие домики пригородов. Повседневные будни доброй провинции. Когда риск и опасность остались позади, герой превратился в обыкновенного человека. Затишье...

Я растерян. Эта огромная страна, равнинная и неяркая, возможно, она и проще, и совсем иная, чем мне казалось? В глаза бросались непривычные картинки: на синей тележке торчит что-то вроде двух пробирок с розовой водой; женщина в белом халате продает за несколько копеек газированную воду с сиропом; автоматическая мойка ополаскивает стакан. И это зрелище повторялось на каждом углу: так же, как у нас бистро, эти тележки вписываются в московский пейзаж.

Пять часов. Толпы пешеходов заполняли улицы, площади, трамваи, троллейбусы, спокойным, мирным потоком вливались в двери метрополитена. Все необычно...

Мы пересекли Москву-реку, подъехали к розовым стенам Кремля, вздымающего свои башни и купола. Наконец перед нами открылась легендарная Красная площадь и уникальный собор Василия Блаженного. Через всю площадь и далеко за ее пределы тянулась километровая очередь по три-четыре человека в ряд, мужчины, женщины, дети, пришедшие посетить Мавзолей Ленина и ожидающие с поразительным терпением. Необычно...

Jean Cazalbou. Un certain Ivanov. Paris, Editions sociales, 1966. Печатается с сокращениями.

Вечер. Ровный, ясный свет московского неба мягко и величественно окутывал кремлевские башни, на которых загорались рубиновые звезды, вокруг вспыхивали неоновые вывески магазинов и светящееся «М» над входом в метро.

Толпы гуляющих двигались по парку и по набережным Москвы-реки, казалось, в этот теплый, тихий вечер лица прохожих дышали безмятежностью и покоем. Необычно...

Необычно для тех, кто только что вырвался из нашего тревожного, лихорадочного, взвинченного мира, для тех, кто не сразу привыкает к этой новой атмосфере.

Что же это — разница в темпераменте? Впоследствии, после нескольких поездок в эту страну, я узнал, что не так-то легко отличить специфически русское от советского, духовное наследие предков от современной души,— слишком глубоко в недрах сегодняшнего Советского Союза скрыты века прошлого, подобно тому, как одна в другую входят яркие фигурки сверкающих матрешек...

Каждому, кто хочет подойти к Иванову, чтобы узнать его, и особенно чтобы понять его, следует отказаться от всех и всяческих штампов, которые так привычны и так удобны для многих из нас.

Иванов в этом мире

Основной чертой реформы, как ее определил Центральный Комитет в сентябре 1965 года, а затем XXIII съезд в марте — апреле 1966 года, является установление равновесия между отраслевой централизацией, гарантирующей от беспорядка, анархии, расточительства, и автономией, освобождающей инициативу союзных республик, отдельных предприятий и их руководителей. Под централизованным контролем остаются только основные виды промышленной продукции, но будут отменены подробные директивы, предусматривающие распределение и использование каждого гвоздя, что предоставит предприятиям свободу действий. Речь идет, как уже говорилось выше, о том, чтобы сделать советскую экономику способной использовать современные научные и технические достижения. Речь идет о том, чтобы директор завода, ответственный за финансы, получил наконец право распределять их по своему усмотрению, например, на постройку необходимой для его завода технологической лаборатории. Речь идет о том, чтобы устранить опеку, которая отводила предприятиям и их руководителям роль простых исполнителей. До настоящего времени для разрешения любого вопроса требовалось, по меньшей мере, тридцать подписей различных организаций. Речь идет о том, чтобы согласовать конструирование будущего предприятия с теми машинами и измерительной аппаратурой, которые будут на нем установлены, а строительство заводов — с наличием сырья. Словом, речь идет о согласовании планирования с инициативой предприятий и о сохранении равновесия между централизацией, предусматривающей перспективу развития на длительный срок, и экономической демократией, предусматривающей повседневное руководство на местах с действенным участием всего коллектива.

Можно сказать, что при исправлении ошибок не допускалось ни опрометчивости, ни спешки. Все делалось на основе точного расчета. Так трудится инженер, совершенствующий свой прибор, так работает опытный конструктор, так действует охотник, который с бесконечными предосторожностями продвигается на несколько метров вперед, потом останавливается и неподвижно стоит, вглядываясь и прислушиваясь, прежде чем сделать следующий шаг по лесной опушке.

Уже в 1962 году началась оживленная дискуссия, в которой участвовали такие авторитетные специалисты, как академик Немчинов, профессор Либерман и многие руководители предприятий и колхозов. Новые идеи получили экспериментальную проверку в практике ряда ведущих предприятий Москвы, Ленинграда, Киева, Горького, Одессы, Харькова, Львова, Минска, Вильнюса, Риги, Таллина. Затем их опыт стал постепенно распространяться с учетом местных условий. При этом были «реабилитированы» материальная заинтересованность предприятий и трудящихся.

Заметен также интерес к изучению психологии труда и тенденция отказа от ошибочных представлений в этой области.

С этой точки зрения, характерно новое отношение к «героике труда». Быть может, герои устали? Нет, но они считают, что если строительство социализма потребовало большой самоотверженности и мужества, то коммунизм не должен быть аскетизмом ни на практике, ни в теории. Рабочий день сокращается, труд при коммунизме станет источником радости. Целинники готовы были жить в палатках не только из романтических побуждений, но и из расчета, ибо заработная плата на целинных землях относительно выше. Что ж, это факт. И едут они на целину не в погоне за развлечениями. Однажды в Сибири двадцатишестилетний кавказец, приехавший на целину вместе со своими товарищами по выпуску, сказал мне: «Летом жить в палатке очень романтично. Но зимой это не так уж весело». И тем не менее после отъезда группы на целине остался именно он.

Все эти перемены совершаются в спокойном, деловом стиле, вошедшем в обиход за последние годы. Ряд бросающихся в глаза нововведений продолжает внедряться в быт и развиваться: обслуживание без кассиров и контролеров в некоторых кинотеатрах, столовых, а не только на городском транспорте; товарищеские суды; помощь комсомольцев органам милиции (заметим, что в Ленинграде штаты милиции, сокращенные на 40% после XX съезда, так и не были увеличены).

Однако все это делается без барабанного боя и фанфар, без шумихи и бахвальства. Теперь принято давать трезвую оценку существующего положения вещей, не забегая в будущее, не разглагольствуя о том, что будет через десять или двадцать лет, отказываясь от самодовольства, от необдуманных обещаний, принимая, с другой стороны, твердые обязательства на ближайший срок и решительно отвергая пустое краснобайство...

Отныне во главе идут люди мыслящие, способные к критическому научному анализу новых явлений жизни.

Иной раз мы склонны неправильно толковать происходящее. В Москве говорят о стабилизации, о твердом рубле, о расширении производства, о рентабельности, говорят и о либерализации общественного мнения, а в Париже отзываются: «Ага! И они туда же?..» Так вот нет, не туда!

Серьезнейшей ошибкой было бы смотреть на мир Иванова глазами Дюрана-Дюпона, оценивать его нашей меркой, судить его по нашему разумению, не учитывая совершенно различный исторический опыт.

...Иванов не перестает удивлять нас, а иногда и разочаровывать, мы неизменно уважаем и любим его при всех недостатках, тесно связанных с достоинствами, что, впрочем, можно было бы сказать и о нас. Самое главное, чтобы откровенность, первое условие всякой дружбы, не обернулась самодовольством или снисхождением к собственным слабостям. И самое главное, чтобы мы помнили о величии уже совершенного, о сумме затраченного труда, об огромности жертв, принесенных во имя человечества и борьбы с варварством; это стремление может сегодня объединить наши народы.

— Ну, наконец-то! Обещали вернуться через час, а прошло уже четыре! Ох, извините, мосье...

Эти слова, которые повседневно раздаются на всех континентах, произнесла мать Тани, обращаясь к дочери и зятю Володе. «Мосье» — ваш покорный слуга, ради которого молодая пара мужественно отправилась по магазинам в поход за сувенирами и тем навлекла на себя огонь неодобрения матери и тещи.

С Таней я познакомился на подмосковной фабрике, изготовляющей рубашки, она работает там инженером. После работы она любезно согласилась пойти со мной по магазинам, а затем вызвала Володю по телефону и мы втроем обошли множество универмагов и ярмарок и в конце концов пришли к ним на квартиру. Эту последнюю часть программы обычно не так-то просто реализовать. Вы скоро узнаете, что мне помогло.

— Я прямо без сил,— заявил Володя.— По мне, лучше целый день работать, чем два часа ходить по магазинам! (Лично я вполне с ним согласен.)

— В кои-то веки ты пошел со мной за покупками, так уж не жалуйся!

Я чувствую себя виноватым; ведь это я заставил их выполнять бесчисленные хитроумные маневры: нужно войти в магазин, нередко постояв для этого в очереди, отыскать нужный товар, узнать цену, пойти к кассе, где снова очередь, уплатить деньги и получить чеки по числу выбранных товаров, затем вернуться к прилавку, снова встать в очередь, передать чек продавцу и забрать покупку. Сколько потерянных часов! Можно добавить, что если в большинстве случаев недостаток в товарах устранен, то магазинов по-прежнему не хватает, и в очереди приходится стоять уже не потому, что мало товаров, а потому что мало торговых точек. Это можно сравнить с положением в Париже в августе, когда многие предприниматели закрывают свои лавки и в одно и то же время уезжают на отдых. Нам это знакомо.

Однако жалобы Володи не были чрезмерными. Чтобы успокоить угрызения совести, я сказал себе, что в сущности виновата бюрократическая организация торговли и распределения запасов. И еще я поразился тому, как к этому привыкаешь и как невероятно терпеливы советские покупатели. И продавщицы тоже. Терпеливы до полного безразличия. Можно подумать, будто никто ни в чем не заинтересован, все ко всему равнодушны. Все это удивляет в стране, где, без всякого сомнения, труд — дело чести. Недавно я, пожалуй, отчасти понял, в чем тут причина, когда задал вопрос продавщице книжного магазина. Она ответила: «Но ведь я же здесь не останусь. Я уйду, как только закончу учебу на вечернем факультете».

Разумеется, дело не только в этом. Дело в отсутствии стимулирующего элемента, сравнимого с конкуренцией в капиталистических странах. Это сказывается и на самом качестве продукции. Еще не так давно количество брака было очень большим. С этим было связано и низкое качество товаров широкого потребления, которое так удивляет иностранного туриста. Однако он не всегда помнит при этом, что цеховые и профессиональные традиции, равно как и понятия цеховой чести, гораздо моложе в СССР, чем у нас, и что сотни тысяч человек, влившихся в армию труда после 1917 года, были в то время всего лишь темные, неграмотные крестьяне.

Вот почему, по мере того как изменялись постепенно нужды и вкусы потребителей, в магазинах начало скапливаться все большее количество нереализованных устаревших товаров. Вот тогда-то и был объявлен крестовый поход за качество: кампания в прессе, статьи, советы, крити-

ческие высказывания покупателей, посещение фабрик торговыми работниками, обмен мнениями и тому подобное. Мне хотелось проверить на месте действенность этих мер, вот почему я предпринял экспедицию в ближнее Подмосковье с целью осмотреть Танину фабрику, где изготовляются рубашки. Фабрика существует так недавно, что еще не получила имени. У нее нет давних традиций, нет, стало быть, и необходимости искоренять дурные привычки.

Ареопаг, принимавший меня, состоял исключительно из женщин, среди них была и Таня. Так что наш теперешний разговор за водкой и солеными огурцами служит продолжением моего визита на фабрику.

— Скажите, Таня, как все это выглядит на практике?

— Очень просто. Прежде такое предприятие, как наше, получало от совнархоза директивы и снабжение. Наше дело было кроить, шить, упаковывать и отправлять продукцию в торговую сеть. А теперь мы сами создаем модели, сами выбираем ткани и расцветку. Затем мы выставляем образцы продукции на периодических выставках и получаем заказы от магазинов, которые делают их, сообразуясь со спросом.

— Но ведь покупатели...

— ...они тоже входят с нами в контакт, и не только для того, чтобы ругать нас за плохое качество. Мы регулярно бываем в магазинах, спрашиваем у покупателей их мнение и выслушиваем их критику. Сегодня покупатели уже не довольствуются тем, что есть, они ищут то, что им нравится. Учет требований потребителя определяет наши заказы поставщикам. В результате мы практически не имеем брака, а следовательно, мы можем снизить себестоимость и повысить рентабельность.

Что и требовалось доказать.

— Да, но чтобы этого добиться,— вставляет Володя, работающий на мебельном комбинате,— нужна личная заинтересованность не только в количестве продукции, но и в ее качестве. Еще не так давно наша продукция оценивалась по весу. Мы делали прочные, но громоздкие вещи. Теперь от нас требуют не только прочности, но и хорошей отделки, изящества.

И Володя указывает на мебель вокруг нас, такую же новую, как и сама квартира, и вполне, на мой взгляд, отвечающую современным нормам по качеству и элегантности.

Неизбежно встает вопрос об еще более широкой заинтересованности, которая будет достигнута вместе с увеличением количества потребительских товаров. При возросшем ассортименте покупатели станут более взыскательными не только к качеству товаров, но и к обходительности продавщиц.

Было время,— писала одна из газет,— когда мы сумели организовать массовый выпуск тракторов; затем мы перешли к массовому выпуску телевизоров; а теперь мы должны наладить массовый выпуск... улыбок.

Мы вернулись к прежней теме. Я спросил:

— Скажите, Таня, много ли времени и сил отнимают у вас домашние заботы?

— И да и нет. Приходится готовить, стирать, чистить, убирать. Но с тех пор, как мы получили эту новую квартиру, все стало гораздо проще. Смотрите сами.

И Таня с Володей показывают мне свою квартиру с таким удовольствием, что вы и сами можете догадаться, почему мне повезло и меня так легко пригласили в гости. Им приятно показать иностранцу современную советскую квартиру. Большая светлая кухня, удобно и красиво оборудованная. Довольно просторные комнаты, холодильник, телефон. Все продумано и рассчитано с целью сократить утомительный домашний труд. Кто-то даже сказал мне, что при конструировании дома сняли

будто бы на пленку женщину, занятую хлопотами по хозяйству, подсчитали количество ее шагов, словом, изучили процесс домашней работы в кухне так же, как это делается при изучении труда заводского рабочего.

— Однако,— добавляет Таня,— чтобы улучшить условия жизни женщин и осуществить их полное равенство с мужчинами, необходимо увеличить ассортимент хозяйственных электрических приборов, расширить сеть магазинов «Кулинария» и домовых кухонь, прачечных, пошивочных ателье, мастерских по ремонту обуви.

В эту минуту на пороге появляется трехлетний Сережа в ночной рубашке. Когда он родился, отцу было тридцать лет, матери двадцать семь. Она продолжала учиться в институте, а Володя разделял с бабушкой повседневные заботы о малыше, водил его в ясли, гулял и играл с ним. Молодец Сережа, благодаря его приходу я узнал то, о чем не решался заговорить. Володя исполняет обычные обязанности современного мужа: отводит сына в детский сад их прежнего района, поскольку в новом еще не хватает мест для всех *.

— Ну, а теперь,— говорит Таня,— наступила очередь Володи закончить образование... Это будет нелегко, но я постараюсь помочь ему.

— Часто ли бывает, что жена раньше мужа добивается хорошего положения?

— Случается, но какое это имеет значение? В таких случаях муж, если захочет, может догнать и опередить жену.

— А разве нет среди советских мужчин таких, которые предпочитают, чтобы их жены сидели дома?

— Такие есть, но сидят дома обычно только многодетные матери.

Таня зашла в ванную причесаться и попудриться и оттуда продолжала свои объяснения:

— Во всяком случае, по последним статистическим данным, примерно 50% женщин служит, из них 380 тысяч работают инженерами, 80% врачей — женщины. 70% преподавателей — тоже женщины. К некоторым тяжелым профессиям (в металлургии, на шахтах, химии) женщины не допускаются.

Так, мало-помалу исчезают из советской действительности картины, которые всегда удивляют и даже шокируют иностранца,— женщины, работающие на прокладке дорог, на строительных лесах! Это удивляет и шокирует главным образом тех, кто позабыл о долгих годах лишений, о миллионах вдов, которые должны были кормить свои семьи, кто позабыл, что еще недавно этим женщинам приходилось управлять самолетом, стрелять из пулемета, что они ковали оружие, принесшее победу, убирали развалины, расчищая место для новых домов.

год. Маленький порт на Днепре. Херсон. Семьдесят тысяч жителей. Среди достопримечательностей города пять тюрем, где отсиживают срок «политические» юга России. Много ссыльных.

Здесь протекло детство Марии. В четырнадцать лет она работала вышивальщицей и одновременно училась. Она познакомилась со студентами, участвующими в революционном движении, и общение с ними открыло ей Цезаря, Овидия и Горация и одновре-

* Хотя в яслях и детских садах СССР больше пяти миллионов мест, это количество недостаточно. Запланировано довести его до семи миллионов, включая домовые ясли.

менно Либкнехта, Бебеля, Ленина. Когда в 1917 году вспыхнула Февральская революция, Мария сознательно и твердо встала в ряды большевиков.

Боевое крещение: правительство Керенского предприняло попытку нового наступления на фронте, и местная буржуазия организовала отправку посылок солдатам с целью поднятия боевого духа армии. Большевики решили использовать эту кампанию для распространения листовок. И вот среди дам-благотворительниц города появилась Мария с подпольным заданием. Ей все давалось легко: она ловко чинила поношенные вещи, собирала посылки, вела учет пожертвований, и вскоре ее назначили представительницей от молодежи в той делегации, которой было поручено доставить посылки в армию.

Незадолго до 18 июня, даты намеченного наступления, Мария и Сергей Горячко добрались до передовых позиций, они привезли подарки и... листовки. Волнение среди солдат было настолько сильным, что офицеры скоро обнаружили листовки, заподозрили виновных, дали приказ арестовать обоих. Однако солдаты помогли им ночью сесть в санитарный поезд, в котором они добрались до Николаева, а оттуда до Херсона.

Для Марии началась сложная жизнь, наполненная самой разнообразной деятельностью. Однажды, в 1919 году, она получила задание войти в доверие к офицерам французских судов «Мирабо» и «Жюстис», бросивших якорь в Херсоне, с тем, чтобы проникнуть на борт и распространить листовки среди французских моряков, находящихся на Черном море.

Мария — сотрудница Чека. В Херсоне, в результате подстрекательства украинских националистов, вспыхнул мятеж, Марии пришлось бежать из Херсона, с тем чтобы надежно спрятать секретные документы. Ей удалось уехать с помощью местного жителя, которому она помогла вернуть несправедливо реквизированную у него лошадь. Вместе с ней ехал председатель местной Чека. В Киеве отсутствие бумаг и необычный вид навлекли на них подозрение, но все же им удалось передать документы по назначению. Оба вступили в продотряд. Вместе с ним они прошли через всю Украину и приняли участие в освобождении Херсона.

И вот наша Мария — комиссар связи. Как будто дело нехитрое. Однако попробуйте расшифровать подозрительную телеграмму, поступившую из Одессы на имя директора местного кинотеатра: «Фильм «Зеленый паук» может быть направлен вам по требованию. Подтвердите телеграфом». Название фильма ничего не говорит Марии. Расследование, приводит к раскрытию заговора, во главе которого стоял белогвардейский полковник Базаринов.

Однако бой иногда ведется в открытую, и работа становится опасной. Во время одной операции в Елизаветграде чекистку Марию тяжело ранят. С простреленным легким ее кладут в больницу, где она изобличает врача и баронессу из Прибалтики, организовавших переход белогвардейцев в армию Пилсудского.

В 1931 году Мария уезжает в Испанию вместе со своим мужем Раймондо Касанеласом. Начинается трудная пора подпольной борьбы. Касанелас и другой член ЦК каталонской компартии Франсиско дель Баррио были убиты. Мария лишь издали смотрела на похороны своего мужа. Несколько позднее она вернулась на родину. После провозглашения республики ее сын уехал в Испанию. 27 сентября 1937 года он погиб в боях на арагонском фронте.

И все же Марии удалось увидеть его на несколько часов, она сама с группой советских добровольцев прибыла в Испанию в ту пору, когда в этой стране-мученице состоялась репетиция второй мировой вой-

ны. Два с половиной года была она в республиканской армии офицером связи, ей удалось однажды предотвратить паническое отступление 18-й испанской бригады, прикрывавшей дорогу из Мадрида в Валенсию. Мария вернулась в Москву и должна была снова отправиться в Испанию. Но в это время свобода и республика потерпели поражение в Мадриде.

1939 год. Пять советских женщин приняты в Военную Академию имени Фрунзе. Среди них Мария. Она назначена начальником штаба женского авиационного полка, и ее сбрасывают на парашюте на территорию, оккупированную немцами. Она сражается в партизанском отряде, ведет жизнь, похожую на жизнь Тани, героини Симонова из романа «Живые и мертвые». На крохотном советском островке, в лесах Сарны приходилось не только неотступно преследовать противника, но и разоблачать изменников, пробиравшихся в партизанский отряд. Так партизаны осудили и расстреляли предателя Косульникова. Некоторые теряли веру в победу, приходилось убеждать их.

Налеты, засады, перестрелки в тылу врага. Такова жизнь Марии, прошедшей путь от лесов Сарны до Венгрии. С помощью венгерского патриота врача она организовала разведывательную точку, что помогло Советской Армии захватить Секешфехервар без потерь.

В 1955 году Мария Александровна ушла на пенсию.

Если случайно, будучи в Советском Союзе, вы посетите Дом дружбы на улице Калинина, и побываете, например, на приеме, организованном обществом «СССР—Франция», смотрите и слушайте внимательно. Вы увидите невысокую женщину, которой трудно дать шестьдесят лет. Она легко объясняется по-французски. Глаза у нее блестящие и задумчивые, в ее лице и живость и мягкость. Грудь увешана орденами. Это партизанка Мария. Мария Александровна Фортус, майор Советской Армии. ■

■

— Мама, я хочу уехать в Москву.

— Зачем?

— Учиться.

— И ты туда же...— сказала она со вздохом.

Она вспомнила себя в возрасте Виталия. В четырнадцать лет у сына появилась в глазах такая же решимость, какая была когда-то у нее. Хорошо, что ему не придется, как ей и ее семерым сестрам, идти в услужение к людям. До революции наделы земли давались только на мужчин. Ни сама Федора Степановна, ни ее сестры не смогли закончить даже начальной школы. Их единственный брат с раннего детства работал в кузнице в Велико-Архангельском, близ Воронежа. Здесь она познакомилась с Николаем Михайловичем, тоже крестьянином. Здесь родился Виталий, когда же... ну да, 30 марта тысяча девятьсот восемнадцатого года, незадолго до того, как вся семья перебралась на новые места, на бывшие помещичьи земли в Кусакин, недалеко от Нижне-Каменска.

— Это Петя тебя надоумил?

Он отрицательно покачал головой. Да и какое значение могли иметь слова одного парня, когда все кругом толкало на учебу, на приобщение к культуре? Конечно мать отпустит сына, как ей ни грустно!

Он мог бы, как брат его и три сестры, остаться и работать в колхозе. Еще до вступления в колхоз, два года назад, он помогал в поле, хотя и ходил в школу, как все дети. Но работа становилась легче, а стремление к учебе и жажда знаний все росли

— Петя поможет мне поступить в училище.

Федора поняла, что сопротивление бесполезно. Уж если он вбил себе что-нибудь в голову...

— Поговори с отцом.

Теперь Виталий знал, что победа на его стороне. Николай Михайлович, гордый от сознания, что его сыну доступно образование, о котором ему самому не приходилось и мечтать, не противился отъезду сына. Наоборот.

И вот Виталий уехал. В Москве он поступил в строительное училище. И окончил его в феврале 1934 года. Он стал бригадиром плотников и одним из строителей первой линии метрополитена.

Однако его по-прежнему тянуло к науке, к технике, к дальнейшему образованию. В сентябре того же года он поступил на рабфак, где иностранным языком оказался французский. Это обстоятельство сыграло впоследствии важную роль.

Завершив среднее образование, Виталий поступил в 1937 году в педагогический институт иностранных языков на французское отделение, где и проучился до 1941 года.

В течение всех лет, проведенных им в училище, на рабфаке, в институте, он получал стипендию и жил в студенческом общежитии.

И вот плотник из метрополитена стал учителем в средней школе. Но как раз в это время началась для его страны пора великих испытаний и долгих мук.

С первых дней войны мобилизованный в армию, Виталий принимает участие в боях на западном и других фронтах. Как все советские люди, он не любит вспоминать этот трудный период своей жизни, и вам не удастся подбить его на рассказ о военных подвигах.

Демобилизовавшись в феврале 1945 года, он сначала преподает французский язык в средней школе в Москве, а год спустя переходит на работу в вуз. С 1956 года он преподает в Московском университете, а с 1958 становится заведующим кафедрой.

За это время Виталий изучил румынский язык и, продолжая специализироваться по этому языку, в 1960 году защитил диссертацию.

И вот с 1963 по 1965 год в Париже мы имели возможность познакомиться с преподавателем русского языка в Сорбонне и в Институте восточных языков — с Виталием Рыбалко, бывшим плотником метрополитена, сыном украинских крестьян. Я попросил его рассказать мне свою жизнь, пояснив, что меня интересуют необычные человеческие судьбы.

— Но моя судьба как раз вполне обычна в моей стране,— ответил он мне.

Ноябрь 1941 года. Советские войска были вынуждены уступить противнику значительную часть территории. Немецкие армии подступали к Москве. Железное кольцо сжималось вокруг Ленинграда. Транспорт был парализован, прекратилось всякое снабжение: не было ни продовольствия, ни питьевой воды, ни света, ни топлива. Началась пора мученичества, которой предстояло длиться девятьсот дней; дымились развалины, шли тяжкие бои, в грозном безмолвии ночи, придавившей город, смерть внезапно обрушивалась с неба или медленно подкрадывалась под страшной личиной голода, и все это там, где еще так недавно сияли огни, звенели детские голоса, шумели многолюдные улицы, с песнями бродила молодежь.

Инне было тогда десять лет. Она родилась в семье плотника из Ярославской области и жила в Ленинграде с отцом, матерью, братом двенадцати лет и шестнадцатилетней сестрой.

С 8 сентября немцы успели разбомбить все известные им склады продовольствия. Началось недоедание, потом пришел голод. Паек хлеба уменьшился втрое и дошел до 125 г на человека в день. Никаких других продуктов не стало. Люди ели лепешки из смеси клея, опилок и жмыха, и это считалось лакомством! В аптеках скупили и выпили весь рыбий жир. Чтобы поддержать жизнь в детях, родители Инны лишали себя последнего. Но обе девочки и мальчик страдали от голода и все время просили есть. И тогда мать (ее звали Любовь) молча плакала. Горе ее было безгранично, когда умер ее младший сын. В доме, где жила семья Инны, много людей умерло от истощения. Однажды девочка пошла к соседке, которая жила одна. Она постучалась, но ответа не последовало. Девочка вошла в комнату, старая женщина была уже холодной. Рассказывая об этом, Инна говорит:

— Я не всегда помню, что делала несколько дней тому назад, но я не могу забыть ничего из того, что делала в ту пору.

В течение всего этого времени, несмотря на бомбежку и крайнюю нужду, в школах продолжались занятия. Мать провожала детей по опасным улицам, часто во время воздушных тревог. Под каждым домом были бомбоубежища, школа помещалась в одном из них. Идти приходилось по развалинам. Детей, чьи родители работали или были слишком истощены, приводили в школьное убежище сами учительницы.

Стояли жестокие морозы. Ледяной ветер гулял по мертвым улицам, по которым еле двигались странного вида круглые тряпичные куклы: то были школьники, замотанные и укутанные во все, что имелось теплого в семье. В классе они писали, не снимая варежек. Держа в руке огрызок карандаша, они выводили слова и цифры на обрывках тетрадей, на старых газетах и оберточной бумаге. Занятия начинались в полдень, когда мороз немного слабел. Разумеется, электричества в этой школе не было. Уроки проходили при свечах, а когда не было и их, дети слушали объяснения учительницы в потемках.

Но всего труднее было добывать воду.

— По вечерам мы шли к реке с санками, на которые ставили как можно больше ведер и бидонов. Из центра, где мы жили, идти приходилось далеко. Часто, когда я плелась по темным улицам, меня охватывало странное, необъяснимое ощущение, будто я блуждаю по фантастическому городу и стены, испещренные трещинами, казалось, были прорезаны в толще гор из мусора. На земле тут и там виднелись замерзшие и полузасыпанные снегом невысокие холмики — трупы. Трупы я видела впервые, но не испытывала страха. Были вещи гораздо более страшные: снаряды, с ужасающим воем рассекающие воздух. Однажды на моих глазах рухнул дом. В грохоте зениток не слышны были даже свист и разрывы бомб.

А немного спустя из темноты появлялись блуждающие огоньки; словно гномы или домовые, они двигались среди развалин. Это были отряды, которые при дрожащем свете фонарей откапывали раненых и засыпанных.

Проходили месяцы, и наступление лета почти не приносило облегчения.

Так шла жизнь Инны до конца блокады, когда ей исполнилось тринадцать лет. Правда, второй и третий годы были все-таки менее тяжелыми. Семья поселилась у знакомых на полпути от Ленинграда к Ладоге, и огород кое-как поддерживал их в это время.

После снятия блокады Инна продолжала учиться до 1949 года и затем поступила в институт иностранных языков.

Сегодня Инна Копарева работает переводчицей в «Интуристе».

Под Ленинградом есть место, где царит глубокая тишина, как в океане после отгремевшей бури, как в бескрайней пустыне. Это кладбище, где под заросшими травой могильными холмами лежат на огромном пространстве, прямо в земле, в братских могилах, останки 500 тысяч ленинградцев.

— Инна, почему вы без настойчивой просьбы не соглашаетесь сопровождать туристов к этому месту?

— Среди туристов много молодежи, которая даже и в воображении ни разу не представила себе весь ужас этих девятисот дней, пережитых нами, а если они и знают об этом, то только из книг или фильмов. Им не понять этой трагедии, она их не трогает. Они смотрят на все равнодушными глазами туристов. Случается даже, что они, сами того не замечая, шагают прямо по братским могилам.

Произнося эти слова, она смотрела напряженным, неподвижным взглядом, и рука ее чуть-чуть дрожала.

Инна, Инна, вам нечего бояться, что наши будничные слова бессильны передать весь ужас пройденного вами крестного пути: вы напрасно думаете, что нужны слова необыкновенные, как те незабываемые дни, слова-боль, слова-кровь, слова-смерть. Слова, еще неведомые.

Нет, Инна, нужно выразить обычными словами именно то, о чем вы только что рассказали. И тогда не останется людей, которых обделили, не дав им приобщиться к вашему героическому прошлому. И каждый вокруг вас поймет, насколько священна эта земля.

Полноправный гражданин

Романтические образы литературы способствовали тому, что советский Восток часто представлялся чем-то таинственным и непроницаемым. Но с тех пор как Самарканд, Алма-Ата, Душанбе, Баку и Ереван стали местами обычного туризма, никто уже не спрашивает: «Как можно быть таджиком?»

И все же давние колониалистские представления, от которых не так-то легко отделаться, навязывают нам схемы, весьма далекие от истинного положения вещей в этих краях.

Некоторые вполне искренне сомневаются в реальности свободы и независимости республик, названных в Конституции СССР.

Иные толкуют об ассимиляции бывших колониальных народов, другие — об интеграции.

В ряде печатных работ по-прежнему фигурирует Туркестан, искусственно созданный царизмом и объединявший различные народы, чьи своеобразные особенности ярко проявились уже после создания национальных советских республик.

Многие выдвигают теорию о существовании «русской колонизации» на Востоке, ссылаясь на широкое распространение русского языка в Средней Азии и Закавказье. Между тем они забывают, что в СССР, многонациональном государстве, русский язык является главным средством общения.

Я не намерен противопоставлять здесь этой теории доводы о процветании национальных культур, сменившем феодальный обскурантизм, о равноправии среднеазиатских или закавказских республик по отношению к России или Украине, о законах против расизма и мало ли о чем еще. Это было бы диалогом глухих. Не лучше ли показать жителей этих областей такими, какими они стали сегодня, после того как они были

«взяты на буксир» Российской республикой. Показать на частных и конкретных примерах, в чем они ушли вперед, а в чем и отстали, словом, постараться понять того Иванова, которого здесь зовут Хикметом, Гамидом или Папазяном, чтобы убедиться — стал он или не стал полноправным гражданином...

■

Душанбе слегка напоминает французскую провинцию послевоенных времен, но в то же время это большой современный город с асфальтированными улицами, водоемами, жилыми кварталами, библиотеками, школами, театром, больницами, троллейбусами, автобусами, потоком грузовиков и легковых автомашин.

Душанбе — это таджикский Вильнев с висячими садами, расположенными в Гиссарской долине. Триста пятьдесят тысяч жителей. Это столица страны, в прошлом аграрной и отсталой, а ныне успешно развивающей промышленность и сельское хозяйство.

Чтобы лучше оценить происшедшее превращение, нужно знать, что в Таджикистане мало городов; средневековый Ходжент, основанный в древности Александром и названный им Александрией, был сорок лет тому назад единственным большим городом. Полвека назад при эмире Саид-Алим-хане нищий кишлак Душанбе представлял собой древнее селение с двумястами жителей, позднее он слился с Махау-кишлаком, где жили прокаженные. Душанбе по-таджикски означает понедельник. Сорок лет назад это селение славилось своими базарами, происходившими по понедельникам. Когда селение начало расширяться, оно поглотило и перестроило заново ряд соседних населенных пунктов, таких, как Шахмансур на юге и Сары-Асия на севере. Их плоские крыши, узкие пыльные улочки, низкие жилища с мутными окошечками все еще выделяются пятнами на зеленом массиве города. Они — словно «оазисы наоборот», последние островки прошлого, как бы музей воспоминаний.

Когда я, подобно Диогену, искал человека, я сделал открытие. И хотя я не сидел в бочке, открытие мое оказалось весьма замечательным, если вспомнить бытующие у нас представления. Я обнаружил, что Таджикистаном управляют... таджики.

В министерстве просвещения вокруг рабочего стола, уставленного по обычаю восточного гостеприимства фруктами, пирожными, конфетами, зеленым чаем, сидят министр, его заместители, председатель профсоюзной организации, начальник отдела кадров, начальник хозуправления. Все они — таджики. В течение всего моего пребывания в этом городе я встретил только одного русского человека среди сотрудников государственных учреждений — молодую девушку из Горького, которая, не страдая никакими комплексами, работает под началом Раджаба Мусо, чьи родители не умели читать и который в возрасте сорока пяти лет стал ректором Таджикского педагогического института. Я не берусь утверждать, что такое соотношение встречается повсюду. Нет сомнения в том, что Российская республика оказала и продолжает оказывать помощь — как мне кажется, ее очень ценят — в подготовке национальных таджикских кадров. Но нет сомнений так же и в том, что сегодня Таджикистан вполне способен сам создавать собственные кадры.

Подавляющее большинство таджикского населения, уничтожаемого малярией, трахомой, проказой и сифилисом, было неграмотно. Один таджик из двухсот умел читать и писать. Последний эмир бухарский, располагавший примерно тридцатью миллионами золотых рублей ежегодного дохода, не построил ни одного культурного учреждения. В 1965 году на таджикском языке было выпущено около четырех миллионов книг, издано 24 газеты, общим тиражом в 65 миллионов экземпляров. В на-

стоящее время в Таджикистане существует 2 600 общеобразовательных школ, где учится примерно 400 тысяч детей. Кроме того, в высших учебных заведениях насчитывается около 20 тысяч студентов. Иными словами, один учащийся приходится на сто жителей, тогда как во Франции — один на двести, а в Англии — один на 526 жителей...

Точно так же как во всех учреждениях используется таджикский язык, так и преподавание ведется по-таджикски, кое-где по-узбекски или по-русски для национальных меньшинств. В общеобразовательных школах русский язык изучается не как иностранный язык, а скорее как средство общения и приобщения к культуре, что является исторической необходимостью в таком многонациональном государстве, как СССР.

Одновременно с этим возродилась тысячелетняя национальная культура, прежде недоступная широким массам.

В одной из крупных французских газет я как-то встретился с любопытным истолкованием этого явления. По словам автора репортажа, это «народное достояние» является чистой выдумкой. Из старых архивов кто-то вытащил «никому доселе не известную литературу», и из нее наспех слепили несколько «национальных знаменитостей, объявив об их всемирном значении». Итак, Фирдоуси, Рудаки, Омар Хайям никому не были известны? Удивительное невежество... Так и хочется иной раз задать некоторым репортерам вопрос, которым Теофиль Готье встретил однажды Бодлера: «А словари вам случается читать?» Если бы они их читали, они не поставили бы себя в смешное положение людей, не ведающих, что творения этих «неизвестных литераторов» являются частью всемирной сокровищницы культуры. Правда, их иногда считают персами, это, видимо, и привело нашего знатока к утверждению, будто советские литературоведы «аннексировали даже мыслителей и философов». Увы! Любой лицеист, переводящий латинского историка Квинта Курция, хорошо знает, что античная Бактриана, часть которой составляет современный Таджикистан, была когда-то завоевана персами...

Однако есть и более важные явления, наблюдаемые, впрочем, на примере как Таджикистана, так и Армении: кое в чем эти республики являются ведущими среди других советских республик; заметим кстати, что это несколько подрывает тезис о колонизации.

В этом и состояло открытие, которое я сделал в мою таджикскую весну.

«Я встретил девушку». Так называется прелестная музыкальная комедия, повествующая о том, как отец не позволял своей юной дочери стать актрисой. Еще тридцать лет назад такая мечта была почти неосуществимой. В библиотеке имени Фирдоуси я вступил в беседу с молодой колхозницей. Закончив вечерние курсы, она поступила в сельскохозяйственный институт, а теперь готовилась к защите диссертации. С длинными темными косами, в вышитой тюбетейке, девушка застенчиво, но просто отвечала на мои вопросы и вдруг расхохоталась, когда я спросил, не жалеет ли она, что не носит паранджу. Только раз мне встретилась женщина, которая отвернулась, скрыв лицо от моей любопытной кинокамеры.

Таджикская женщина в наши дни может стать врачом, инженером, агрономом, депутатом, министром и даже, как мы убедились, заместителем председателя Верховного Совета республики. В текстильном комбинате Душанбе начальники цехов почти сплошь женщины. Однако на 24 тысячи таджикских преподавателей приходится всего 7 тысяч женщин, в то время как в среднем по Советскому Союзу они составляют 70%; значит, не все еще благополучно.

Разумеется, не устранены еще все пережитки прошлого, но речь идет не о радикальном хирургическом вмешательстве, а о долечивании ослож-

нений уже побежденной болезни. Этому могут удивляться только те, кто наделяет социализм магической силой, или же, наоборот, те, кто полагает, будто все успехи и начинания заранее фабрикуются в Москве и доставляются на места в готовом виде.

Лампа Аладина

Суббота, 24 декабря. Полночь. По прихоти судьбы сочельник мы проводим близ звезд. Нам чудится, будто вот-вот зашагает к нам по Млечному Пути старый рождественский дед наших детских снов. А может быть, магия Востока превратит его в Аладина с волшебной лампой. К тому же и стюардесса, встречающая нас во Внукове, напоминает принцессу из восточной сказки роскошными черными волосами, рассыпанными по плечам.

Словом, судите сами...

Вот бы удивился пастух Сулейман, если бы сорок лет тому назад ему предсказали, что его сын станет депутатом. А между тем именно так и получилось. Сидящий около меня невысокий человек и есть Абдуллаев, сын чабана, депутат городского совета Баку, давно сменивший чалму на каракулевую шапку.

Благодаря ему три с половиной часа и 2300 км пути из Москвы в Баку мы проводим в путешествии по местам и эпохам страны, которую Александр Македонский назвал огненной, «Антропатин»,— название, которое арабское произношение превратило позднее в «Азербайджан».

Это маленькая страна, в шесть раз меньше Франции, с четырьмя миллионами жителей, занимающая, однако, первое место среди советских республик по приросту населения.

Трехтысячелетняя история. После Александра Македонского на этой земле, сменяя друг друга, хозяйничали турки, татары, персы, римляне, арабы, монголы Чингисхана, начиная с эпохи Ивана Грозного русские; к 1830 году русская колонизация была практически завершена.

Три тысячи лет крестьянской нужды, поскольку судьба дехкан была тесно связана с наличием воды — источника жизни. Только старший сын в семье, если он был женат, мог распоряжаться некоторой частью воды в арыках. Чтобы жениться, ему приходилось платить калым (выкуп), а для этого он, если был бедняком, занимал деньги у бая и должен был расплачиваться своим трудом. Но подобно тому как у нас в эпоху средневековья торговля зависела от законов церкви, так на Востоке шариат помогал муллам с помощью хитроумной системы сложных процентов увеличивать долг из года в год. Таким образом, дело кончалось тем, что вся семья работала на «благодетеля».

Азербайджанский рабочий класс, по-прежнему нищий, но более многочисленный, с тех пор как русские колонизаторы занялись бурением нефтяных скважин, сыграл большую роль в Октябрьской революции. Здесь в 1904, 1905, 1914 годах произошли крупные стачки, и именно в Баку подпольная типография печатала с 1903 по 1905 год знаменитую ленинскую газету «Искра».

На этом месте рассказа голос Абдуллаева меняется, и он цитирует по памяти:

«Все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это».

Так говорилось в воззвании, с которым Ленин обратился ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока 22 ноября 1917 года.

Однако впереди была еще бóльшая часть тяжелого и кровавого пути. Англичане, чьи деньги составляли основную часть капиталовложений в нефтепромыслах, заняли Азербайджан в августе 1918 года. Затем они ушли, а у власти остались крупные собственники, которые подавили революционный Баку.

Мой сосед с нескрываемым волнением рассказывает историю двадцати шести народных комиссаров, схваченных англичанами 20 сентября 1918 года и увезенных на другой берег Каспия, на туркменскую территорию. Ночью конвой остановился. Английский офицер Тайгер Джонс приказал двадцати шести комиссарам идти вперед по пескам, а своей роте скомандовал стрелять в них.

Через несколько дней после приезда нам привелось беседовать в Академии наук с дочерью одного из этих двадцати шести комиссаров первого периода народной власти.

Второй раз Советская власть была провозглашена в Азербайджане 28 апреля 1920 года.

— Но на этот раз,— говорит мне Абдуллаев,— генерал Томпсон и его войска были изгнаны из Баку, и впервые за всю свою историю Азербайджан стал независимой самоуправляющейся республикой...

...Однако страна отстала на целый век: 95% населения было неграмотно, вся промышленность сосредоточилась в Баку, а экономика всей страны была такой же, как в Таджикистане,— отсталой, полуфеодальной.

Мне приходят на память слова Поля Вайян-Кутюрье в его книге, посвященной поездке в Среднюю Азию в начале тридцатых годов.

«Здесь пить кипяченую воду, а не ту, в которой только что мыли ноги,— это уже культурный переворот».

Так каким же стал сегодня Азербайджан?

Три записи

В министерстве культуры я беседую с самим министром культуры и с заведующим отделом искусств, одним из ведущих драматургов Азербайджана.

Цифры.

Население 3 700 000 человек, из которых 750 000 учатся, иначе говоря, каждый четвертый. Прежде можно было на пальцах сосчитать библиотеки и кинотеатры, теперь они имеются в самых отдаленных местечках, даже в горах. В 1914 году имелось 25 библиотек и 18 тысяч книг — теперь 2 585 библиотек и 14 860 000 книг.

Азербайджан — первая страна в мире после Грузии по числу врачей на душу населения.

300 в 1913 году, то есть один на 8 000 жителей.

8 000 сегодня, то есть один на 400 жителей (напомним, что во Франции один врач приходится на 950 человек).

Процент смертности: 74 на 10 000 (во Франции — 107 на 10 000).

Город Сумгаит, находящийся в сорока километрах от Баку, занимает первое место по рождаемости — 50 на 1 000 человек; этот город родился всего лишь одиннадцать лет тому назад. Средний возраст его жителей составляет двадцать восемь лет, чем все и объясняется.

Революционные преобразования.

«В первые годы после революции почти все промышленное оборудование покупалось за границей. Сейчас мы производим все сами и экспортируем в семьдесят стран. Наши специалисты работают в добром десятке стран».

Азербайджан производит даже холодильники и домашние электрические аппараты.

Вывод: народ стал взрослым. Отсталая страна не может в полвека пройти путь от феодального уклада до эпохи телевидения, не осуществив у себя ценой огромных усилий глубокую экономическую и социальную революцию.

Лирическое заключение

ора кончать...

Прошло уже пятнадцать лет, Иванов, с тех пор как я впервые встретился с тобой. Пятнадцать лет, тринадцать путешествий, поисков, раздумий, бесед, расспросов и даже изучения — всего этого не так уж много, чтобы по-настоящему узнать, и понять, и оценить тебя, и рассказать о тебе другим. Я пошел на риск, взявшись писать эту книгу. Я отдаю себе в этом отчет, когда перечитываю ее страницы: кое-кто из моих сограждан упрекнет меня в том, что получившийся у меня портрет не совпадает с тем твоим образом, который рисуют им их вкусы, их понятия, их взгляды. Кое-кого в твоей стране — впрочем, и в моей такие найдутся — заденет чистосердечие, покоробят некоторые мысли или шутки. Но ты, друг мой, не станешь сердиться на мою откровенность...

Во всяком случае, я не хотел ни поучать, ни морализировать, ни навязывать свой образ мыслей. Мне противны те, кого Пьер Куртад назвал «специалистами по Кремлю». Они еще существуют в достаточном ассортименте.

Величие природы в твоей стране, твоя титаническая деятельность вызывают мое восхищение, мое уважение и любовь отданы тебе, Иванов, простой советский человек.

Мне нравится твое отнюдь не олимпийское спокойствие, твоя насмешливость, твоя уверенность и твои сомнения; мне милы твои преданные бабушки, считающие, что краше их внуков нет на свете, серьезные дети и дети легкомысленные, мне по душе неторопливые рабочие и русые крестьяне твоей страны. Мне нравится, что ты выражаешь себя не только в космических полетах, но и в песнях поэтов, в смехе ребятишек.

Зная о моей симпатии, люди нередко спрашивают меня публично и в частной обстановке: «Где бы вы предпочли жить, во Франции или в Советском Союзе?» Даже если в этом вопросе нет коварства, он лишен смысла и ставит ложную проблему. Я пишу эти строки в моем убежище в Пиренеях, за окном — прохладный влажный апрель, набухают и лопаются почки, открываются лепестки цветов; вся гора искрится ими, и ясени трепещут вдали, залитые ровным солнечным светом. Я стараюсь определить время дня по влажному, нежному аромату листвы, по глубокой тишине вокруг. Тайная нега, ощущение сладости жизни поднимается от земли, с которой я «заключил столько пактов». Мне хорошо, я у себя дома. Для тебя тоже, Иванов, этот вопрос «Где люди счастливее — в Советском Союзе или у нас?» был бы лишен смысла. Тебе хорошо жить у себя в своей советской стране. Ты не из тех, кому не дорога родина. И вдали от кремлей, от твоих новых городов, гигантских плотин, плодоносных полей, твоих березок и бескрайней тайги — все для тебя тоска и уныние, несмотря на все красоты и соблазны!

Когда я бываю у вас, я стараюсь настроить свой дух на ритм твоей жизни, чтобы лучше понимать тебя и душевно отождествиться с тобой. И я вовсе не стану считать, что ты достиг полного совершенства, когда

в гостинице «Москва» мне наконец подадут настоящий бифштекс с поджаренной по-нашему картошкой и с хорошим вином. Когда осенью я еду на Байкал, я нахожу там родные Арденны, на Кавказе я узнаю Пиренеи, а в Ереване — милый сердцу Прованс.

Иногда мы спорим с тобой, Иванов. Случается, я тебя раздражаю, а бывает, что ты вызываешь во мне досаду.

Но мне не забыть, что в нашем черством мире ты вот уже полвека олицетворяешь молодость и страстное стремление к будущему, разумному и справедливому. И ты был всегда для нас вдохновляющим примером, а не эталоном для раболепных последователей и не образцом на все случаи жизни.

Мне никогда не забыть, что в разгар цветущего лета, в пору нашего «растерзанного июня», по словам Арагона, ты взвалил на свои плечи груз нашей грядущей свободы. Мне никогда не забыть, как на Мамаевом кургане сто дней и сто ночей стальные кони войны взрывали и калечили лоно кормилицы-земли; мне не забыть, что после бездонной, бесконечной ночи над обесчещенной Францией поднялось то же солнце, что и над берегами Волги, что при слове «Сталинград» возвращалась надежда, инструмент становился легче в рабочей руке, земля оживала под плугом крестьянина, мысль делалась плодотворнее в мозгу ученого, и мечта о свободе ярче светила в тюремных застенках.

Удивительное дело: все, кто вчера еще не хотел тебя знать или боялся тебя, сегодня обнаруживают, что ты существуешь и что всеми помыслами души ты стремишься к миру, к дружбе между людьми и что с тобой можно и должно сосуществовать. Я не ревную и не иронизирую. Я не спрашиваю, почему они все тобой занимаются. Я считаю, что в наше время и до тех пор, пока мы не изменимся, мы должны отдавать на общее дело все плоды нашего труда, нашей техники, нашей науки и культуры.

Некоторые спрашивают, не нанесен ли ущерб нашему традиционному гуманизму. Не знаю. Но зато я хорошо знаю, чем наша цивилизация может обогатиться, приобщаясь к тому новому гуманизму, который ты воплощаешь, и знаю, что и мы можем дать тебе немало полезного. И разве суть гуманизма не в том, чтобы осознать единство судьбы всего человечества?

В одном стихотворении 1938 года в пору растущей опасности Сюпервьель писал о дожде, который обволакивает всю нашу «сумрачную планету», словно ткань единой судьбы, обволакивающая все людское стадо, всех запуганных и беспомощных. Монотонное пение дождя не могло растрогать ни «черствого ума, ни сердца тиранов» или пробудить в них тревогу, растерянность и запоздалые угрызения совести при виде уже нагрянувшего бедствия, когда «под дождем мокнут знамена» (если они сохранились).

Сегодня ты говоришь нам, Иванов, что знамена есть, ты даже указываешь наилучшее их применение, посылая вымпел на Луну.

И, может быть, завтра, когда завершится создание мудрых и всесильных машин, потомки с благодарностью вспомнят всех тех, кто по ту и по другую сторону отверг неминуемость трагедии и добился того, чтобы разум человека и радость жизни стали сильнее всего на свете, а дружба — залогом будущего.

Перевод с французского Н. СТОЛЯРОВОЙ

АНКЕТА „ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

Иностранная литература

Журнал «Иностранная литература»
Пятницкая, 41. Москва 17, СССР.
Телефон В 3-51-47.
Телегр. ИНОЛИТ — Москва 17.

Дорогой друг!

В преддверии пятидесятилетия Советской власти журнал «Иностранная литература» обращается к деятелям культуры разных стран и континентов с анкетой, на которую, как мы надеемся, не откажетесь откликнуться и Вы.

Вопросы, которые мы хотели бы положить в основу этой анкеты, таковы:

В этом году исполняется пятьдесят лет со дня Октябрьской революции в России. Как это историческое событие отразилось — прямо или косвенно — на судьбах человечества и отдельных людей за минувшие полвека?

Что черпают демократические силы Вашей страны и связанная с ними творческая интеллигенция в полувековом опыте социалистического строительства и развития социалистической культуры в Советском Союзе?

Какое влияние оказали идеи Октября на Ваше собственное духовное формирование?

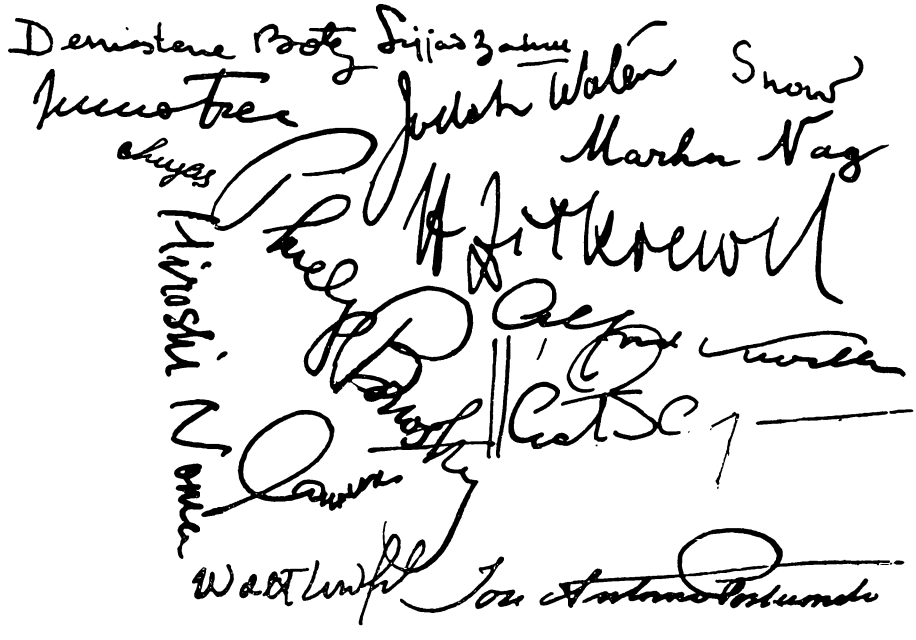
Предлагая эти вопросы, мы имеем в виду отнюдь не ограничить в какой бы то ни было мере участников нашей анкеты, а лишь яснее определить тему. Для нас приемлемы как выступления, в которых будут затронуты другие ее аспекты, так и отклики, отвечающие лишь на некоторые из этих вопросов.

Равным образом мы воздерживаемся от каких-либо ограничений в отношении формы откликов и будем рады получить от наших друзей — писателей, поэтов, художников, артистов, ученых, общественных деятелей — и краткие заметки на двух-трех машинописных страницах, и стихотворение, и рисунок, тематически связанный со знаменательной датой.

Заранее благодарим.

С сердечным приветом,

Б. РЮРИКОВ,
Главный редактор.



Октябрьская революция и судьбы человечества

ФИЛЛИП БОНОСКИ (США)

Вернитесь вместе со мной в Америку 1919 года — более двух лет прошло с тех пор, как в далекой России произошла социалистическая революция. Весть о том, что царский Зимний дворец штурмом взяли рабочие Петрограда, едва просочилась до глубин континента, когда десятки тысяч рабочих американской сталелитейной промышленности поднялись на стачку. Ей суждено было стать крупнейшей по масштабам ожесточенной борьбы забастовкой во всей истории американского рабочего движения — с весьма далеко приведшими последствиями.

Тем не менее она потерпела поражение — была задушена террором, административными акциями государства. Лишь через тридцать с лишним лет — в эти годы я рос в маленьком промышленном городишке, обедневшем, терроризированном властями,— рабочим сталелитейной промышленности удалось завершить дело, за которое они так отважно выступили в памятном 1919 году.

Среди многих врагов, с которыми приходилось сражаться рабочим — в их числе были голод и жестокий полицейский террор, слежка, доносы,— оказался новый, гораздо более коварный и опасный, впервые заявивший о себе тогда в рабочем движении и с тех пор представлявший едва ли не главное оружие в руках реакции. Стачка началась с нападок на Уильяма Фостера, который был ее руководителем, а позднее возглавил Американскую коммунистическую партию. Сперва он был объявлен «агентом кайзера», а позднее, еще до того, как забастовка была подавлена,— «агентом большевиков».

Вот так это было — борьба за восьмичасовой рабочий день превращала тебя в «агента большевиков». Русская революция появилась на американской пролетарской сцене в облачении, напяленном на нее американским капитализмом, который был охвачен неподдельным страхом и паникой,— в одеждах «большевистской угрозы», «красной опасности», «коммунистического заговора». Эта концепция воплощала всю злобу, невежество, классовые предрассудки, полное незнание истории, в особенности характерные для американской буржуазии, но вполне типичные и для буржуазии всех стран. Так определилось ведущее направление буржуазной пропаганды на пять последующих десятилетий. Опиралась она на весьма убогую теорийку, объявлявшую буржуазные общественные отношения «естественными», а социалистические отношения противоестественными, навязываемыми, благодаря происка иностранной агентуры (рука Москвы!), такому мирному, спокойному, всем довольному рабочему классу. Пропагандистами социализма согласно этой теории выступали преступники, чужаки, чью руку направляла иностранная держава. Во имя этой концепции патриотизма и этого понимания истории были посланы на смерть миллионы людей, данью этой концепции служит нависшая над миром угроза новой истребительной войны, и по сей день не отведенная от человечества.

Вот в этой гнетущей атмосфере прошла, в сущности, моя юность — благодарной почвой для писателя вряд ли ее назовешь. Уроженцу маленького сталелитейного городишка Пенсильвании, сыну рабочего-католика, мне на долю досталось воспитание школы и церкви, внушавших, что борьба рабочих за повышение заработной платы и лучшие условия труда непатриотична, противна духу религии и, разумеется, есть результат заговора, сплетенного чужеземцами — атеистами и «иностранными агентами». Уже тогда я писал — с самого детства. Но на протяжении многих лет мне и в голову не приходило, что жизнь рабочих, окружавших меня, может оказаться материалом, пригодным для писателя. Рабочие? Они были грубыми, бедными, необразованными, некультурными — многие не умели даже говорить по-английски. Откуда было взяться романтике (только популярные беллетристы ее выдумывали) в этих убогих жизнях, в этой обстановке тяжелого труда и бедности? Герои? Люди, спускавшиеся в подземные шахты, чтобы добывать уголь, стоящие целый день перед ревущей печью, где плавится сталь?

В руках меллонов и морганов были органы пропаганды, школы, церкви, издательства, в их власти было внушать миллионам, что коммунизм «чужд идее демократии», что рабочие не заслуживают внимания общества и уж конечно не достойны внимания и интереса писателей. Все, что казалось прекрасным, благородным, культурным, было связано с высшими классами, надеяться попасть самому в эту среду не приходилось, но можно было боготворить ее на расстоянии...

Что же опрокинуло все это? Меллоны имели власть над аппаратом воспитания, но не над своей собственной экономической системой. В 1929 году рухнула фондовая биржа, и вместе с ней потерпела крах и вся отлично поставленная структура антирабочей пропаганды. Мы увидели капитализм в натуре. Голеньким. Таким, каков он есть на самом деле. Люди начали голодать.

Вот тогда мы по-настоящему и узнали, что такое рабочий и какова его действительная роль в истории. Вполне естественным было обратиться к борющейся России и осмыслить предпринятый там «великий эксперимент»: простые люди отважились взять свою судьбу в собственные руки, и в 1929 году, двенадцать лет спустя, эта власть не только все еще была в их руках, но они доказывали всему миру, что она принадлежит им по праву и что отныне вековому угнетению народа приходит конец.

Так, значит, все это была ложь — коммунизм вовсе не олицетворение зла, а свобода для народа, никогда прежде не знавшего ее вкуса. И, рожденный великой исторической драмой, на авансцену выходит новый герой — рабочий, рабочий, вооруженный ясным пониманием своей исторической роли и призвания.

Перед писателями предстал герой, о котором они всегда тайно мечтали,— не одинокий бунтарь, но сознательный созидатель жизни.

Факт этот повлиял на культуру и искусство столь же глубоко, как и на ход самой истории.

Если нам предстоят последующие пять десятилетий, то потому, что состоялось нынешнее пятидесятилетие. Человечество освоило секрет собственного спасения. Оно в вечном долгу перед мужчинами, женщинами и детьми вчерашней России, взявшей штурмом Зимний дворец, чьи дети потом остановили Гитлера под Москвой и Сталинградом и чьи внуки построили такой несокрушимый бастион против сил мировой реакции, войны и смерти.

ДЕМОСТЕНЕ БОТЕЗ (РУМЫНИЯ)

Октябрь

Тогда,
В сырых туманах октября,
Родился новый мир.
Истории поток
Он надвое рассек,
Как аргонавт моря.
Тогда,
В семнадцатом году
У всей вселенной на виду.
Тогда
С рассвета до заката
Живою Волгою-рекой
По петроградской мостовой
Красногвардейцы и солдаты
Текли без края и конца
К воротам Зимнего дворца.
И те ворота из металла
Река народа разметала!
И над дворцовым зданьем главным,
Где некогда
Царил орел двуглавый
И нес в когтях нужду и голод,
Возникли из кипящей лавы
Серп и молот.
Тогда,
В том октябре,
На белый мрамор лестниц
Незваные красногвардейцы влезли.
В солдатских сапогах
По залам бальным
Шли на прием,
На неофициальный!
Тогда,
В том октябре,
На пьедесталах
Без лишних слов
Владык «бессмертных» вдруг не стало:
Цари из бронзы
В пыль
Летели с лошадей
Быстрей, чем неудачливый жокей!
Над Балтикой вздымался ураган.
И от фортов кронштадтских хмурых
Он несся к берегам Амура.
И крейсеры вставали на врага
Своей стальной мятежной грудью.
Для башенных орудий
Кресало всенародной воли
О гнев-кремень
Там высекло запал...
И вот уже огонь заполыхал,
Как по жнивью сухому в поле,
И он пылал так яростно и жарко,
Что бывшие рабы России царской
Снесли к нему оковы и замки,
Чтоб переплавить в полыханье этом
Все цепи на плуги,
На тракторы, моторы и ракеты.
Тогда,
В том октябре,
У революции забилось сердце
В Смольном.
И в тот же миг биеньем вольным
В России от конца и до конца
Отозвались рабочие сердца.
Тогда,
В том октябре,

Впервые и бесследно
Разбились вдребезги казачьи лавы
О синюю броню матросских блуз,
О серые шинели мужиков,
О грудь людей, сплотившихся в союз.
Тогда
Сто пятьдесят мильонов бедняков
Судьбу свою
Впервые в руки взяли...
Так не было еще.
Яснее стали дали.
Все на земле,
В тревожном нашем мире,
Тогда вдруг стало
больше,
стало шире!

Перевод с румынского Георгия ГЕРАСИМОВА

ВИЯЗ С. Л. (ЗАМБИЯ)

Я убежден, что демократические силы и деятели культуры могут многому научиться на примере вашей революции и дальнейшего пути России.

ПРОФ. Д-Р СТЕФАН ЖУЛКЕВСКИЙ (ПОЛЬША)

Великая Октябрьская революция изменила ход истории человечества. На вопрос о том, чем она была для Польши, отвечает вся новейшая история моей страны, отвечают успехи социалистического строительства, ярко свидетельствующие о развитии, совершенствовании, социальном преображении Польши и ее тридцатимиллионного народа. Тот самый ураган истории, который пронесся над крейсером «Аврора», увлекает и нас на великий путь действия.

Опыт великого Октября научил людей добиваться успеха в борьбе с социальным злом, научил людей искусству самоуважения, показал, что в силах человечества преобразовывать мир, планировать будущее и осуществлять планы при условии сознательного участия масс в созидании истории.

Именно поэтому идеи Октября внесли столь важный вклад в развитие современной польской культуры. Когда на заре борьбы за независимость Стефан Жеромский формулировал свое критическое отношение к старой Польше, к Польше социальной несправедливости и классовых привилегий, он ссылался на «львиную отвагу» ленинской мысли.

Владислав Броневский писал о том, какие упования вызывали у польских революционеров плоды советской революции.

Сидим вместе с Яном в тюрьме, в Ратуше,
в тесной камере номер тринадцать.
. . . . . .

Только Ян — из железа, истинно!
Хорошо, что вздремнул опять...
. . . . . .

Утро — серым комочком в горстке.
Ян вздыхает с улыбкой доброй.
«Знаешь, парень, в Магнитогорске
нынче в строй вступают две домны».
. . . . . .

И — где Рим, где Крым, а где Польша...
Но пылают в тюрьме этой польской,
согревая душу все больше,
домны Магнитогорска.

(«Магнитогорск, или Разговор с Яном»)

Эта связь нашей мысли и воображения с опытом пролетарской революции не прерывается и ныне. Ибо этот опыт заново ставит все великие вопросы человечества, на которые и сегодня, как и прежде, отвечает творчество мыслителей и художников.

Жан-Жак Руссо как-то сказал: «Теперь я существую иначе, и мой долг создать иной тип добра, отвечающий этому новому существованию».

Бесклассовое общество есть форма существования человечества, отличная от прежней. А потому иное значение приобрели вечные вопросы: что есть добро? как оценивать человеческий поступок? как достичь свободы? — и много им подобных, самых важных. Но каждый наш шаг по пути, указанному Октябрем, каждый наш успех и каж-

дое заблуждение изменяют смысл этих вопросов. Эти вопросы встают заново каждый день. Они должны неустанно будоражить человеческую мысль своей постоянно обновляющейся актуальностью. Вот почему влияние Октября в области современной отечественной мысли я вижу везде, где идет борьба за прогресс.

САДЖАД ЗАХИР (ИНДИЯ)

Мне минул шестьдесят один год. Многое уместилось в моей судьбе — борьба и испытания, любовь и горе, счастье и страдания. Я совершил немало ошибок и глупостей, далеко не все в жизни удалось, хотя кое-чего стоящего все же, пожалуй, добился. Если есть кого упрекнуть в чем-либо, то не спутников по жизни, а себя самого — порой проявлял слабость, не хватало сил и воли осуществить задуманное, порой оказывался робок или ленив на мысль или на действие, требовавшее особых усилий. Что все-таки дает удовлетворение, когда мысленно «прокручиваешь» перед собой панораму собственной жизни, так это сознание, что в целом она не была тусклой, однообразной, прожитой на уровне плоских банальностей или конформизма, сводящего бытие к бессмыслице или даже абсурду. Порвано немало цепей, что позволило двигаться вперед, к большей свободе, хоть этот путь вперед бывал тернистым и трудным. Высшей радостью и счастьем были те моменты жизни, когда удавалось расслышать звуки поступи миллионов моих соотечественников, шагающих навстречу освобождению родины, звуки марша участников борьбы за построение новой, более счастливой и полной жизни для людей, когда мог сказать себе, что я тоже участник этого марша. А если еще точнее — те моменты, когда я сознавал, что, преодолевая свои личные слабости и сомнения, шагаю в рядах не только своего народа, но миллионов и миллионов простых людей всех стран, всего мира — всех тех, кто, пересекая юдоли страдания, крови и слез, устремляет шаг навстречу занимающейся заре свободы, навстречу расцвету самых благородных, самых творческих, самых высших человеческих сил и способностей.

Я считаю, что этому маршу Человека нет конца и предела — и каждый индивидуум в той степени осуществляет себя как личность и реализует свое предназначение на земле, в какой он способен слиться с человечеством, движущимся вперед, занять свое место в его рядах. Это вовсе не легкое дело, много препятствий, закоулков, западней и зигзагов на этом пути. Не раз доведется разбиться и упасть. Иной раз под давлением самых разных отрицательных сил и обстоятельств как древнего, так и современного происхождения кто-то ошибается, а то даже на какое-то время поворачивает вспять. Но опыт, здравый смысл, логика истории, к счастью, побеждают и позволяют вновь избрать верное направление — направление Надежды, торжествующего Бытия.

Не раз я задавался вопросом, когда же и как это направление определилось в моей собственной жизни и когда закрепилось оно для всего человечества в нынешнюю эру его истории. Ответ на этот вопрос лично для меня вполне ясен и однозначен: подлинное представление о путях и средствах человеческой борьбы за свободу, за всестороннее моральное, материальное и духовное развитие человечества сложилось в связи с тем, что произошло в России пятьдесят лет назад,— Великой Октябрьской социалистической революцией и всеми ее глобальными следствиями.

Теории и идеи социализма и коммунизма, как известно, существовали задолго до событий ноября 1917 года. Социалистическая революция 1917 года, основание первого государства рабочих и крестьян, строительство социализма в СССР, созидание новой жизни для всех наций и народностей СССР, культурная революция в стране, неизменная помощь и поддержка антиимпериалистических и народных движений новым социалистическим государством доказали на деле верность марксистско-ленинского понимания диалектики исторического развития. Не оказались ли бы мы без этого понимания слепыми жертвами исторических обстоятельств; не их сознательными строителями и руководителями, а жертвами?

Вот почему я приветствую Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ее детище — Советский Союз как свет маяка для современной эры истории человечества, мощнейшее средство, позволяющее человечеству двигаться вперед, к великой свободе и творческим свершениям, к подлинным высотам духовного самовыражения Человека.

АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА (ГДР)

1 мая 1919 года

На кремлевской стене, между высокими зубцами, расщепленными как ласточкин хвост, как раз над тем местом, где теперь Мавзолей Ленина, 1 Мая 1919 года стоял молодой немецкий коммунист и смотрел вниз на Красную площадь.

Там, внизу, на грубо сколоченной ораторской трибуне стоял человек. Только по энергичной жестикуляции выразительных рук, то вопрошающих, то убеждающих, то сложно рассекающих фразу, и по резким поворотам головы, которые придавали, казалось, особое звучание словам, можно было понять, что человек произносит речь.

На площади в полной тишине раздавался голос, к которому с напряженным вниманием прислушивалась огромная масса людей, собравшихся перед трибуной. Солдаты в мундирах, очень мало напоминавших парадную форму, стояли справа у несколько поблекшего храма Василия Блаженного, образуя каре. Другие солдаты оцепили пространство позади большой человеческой массы, где должен был состояться парад. Люди перед трибуной стояли плечом к плечу. Тогдашняя «вся Москва» пришла сюда на первомайский праздник, десять тысяч пар глаз были устремлены на оратора.

Но вот речь кончилась. Человек сошел с трибуны по деревянным ступенькам. И когда его невысокая фигура появилась у подножия трибуны, к которой немедленно приблизился автомобиль, в этот момент человеческая толпа прорвала слабый кордон. Увлекая за собой часовых, охваченных тем же желанием, даже не помышлявших о сопротивлении, толпа устремилась со всех сторон к человеку около автомобиля. Человеческий поток сжимался во все более узкие, все более темные круги, похожие на те, что образует камень, брошенный в воду, только двигавшиеся в обратном направлении. Единственная темная точка в светлом пустом квадрате площади — автомобиль и человек в нем — в одно мгновение стали центром почти черного пятна — бурного водоворота, окружавшего автомобиль. Автомобиль медленно тронулся с места. Человек в машине встал. Он поднял руку с фуражкой, приветствуя это море рук, и все громче и громче звучало в воздухе: «Ленин... Ленин... Ленин»... Все, кто только недавно заполнял площадь, старые и молодые, в мундирах и рабочих тужурках, слились в единое целое, и это единое целое, все еще вращаясь вокруг точки в центре этого водоворота, медленно устремилось к башне с часами. Потом большие ворота поглотили маленький серый автомобиль.

* * *

Я повернулся и пошел, навсегда унося с собой только что увиденную картину — зримое воплощение великого мирового события, свидетелем которого было все мое поколение. Еще раз, как уже бывало в мировой истории, ось исторических свершений со скрежетом, грохотом, бесповоротно переместилась — в этом городе, в этой стране...

И все, что происходило потом на земле, можно было хорошо рассмотреть только отсюда, правильно понять только с точки зрения социализма.

АРМАН ЛАНУ (ФРАНЦИЯ)

Маленький зеленый огонек

Нужны тысячи исторических трудов, чтобы определить с точностью и объективностью значение Октябрьской революции. Я совсем заблудился в этом столь широко поставленном вопросе. Но в одном я уверен — в мире произошел сдвиг. Период революций XIX века, последней вехой которого была Парижская коммуна, кончился в 1917 году, и началась другая эпоха. Я был этому свидетелем. Плохим или хорошим? That is the question.*

С пятнадцати лет, то есть с 1928 года, меня необычайно волновало то, что один крупный писатель, которому, правда, не всегда сопутствовало вдохновение, Жюль Ромен, назвал «великим светом на Востоке». Великий свет на Востоке озарил мое детство и отрочество романтикой. Я говорю «романтикой». И это правда. Таков был мой возраст. И возраст революции тоже.

Здесь, мне кажется, необходимы некоторые разъяснения. Моему отцу удалось выбиться в низшие слои мелкой буржуазии, пополнив армию торговцев и служащих отелей. Но война и болезни сломили его, и он вскоре умер. Мать получила воспитание в Америке, типичное для молодой буржуазки начала века. Но не стоило больших трудов обнаружить в жилах моей бабки, воспитавшей меня, красную кровь вязальщиц Труайя в Шампани, о которых писал великий поэт средневековья Кретьен де Труа. Знаете эти строки о том, как трудно живется ткачам?

Всю жизнь мы ткем шелковую материю,
Но все равно плохо одеты.
Мы всегда будем нищи и голы
И всегда будем страдать от голода и жажды.

Вся позднейшая история моей семьи — упорное стремление вскарабкаться вверх по социальной лестнице, «выбиться в люди». Я — единственный, кому это удалось, но хочу лишь одного — остаться с народом. Я никогда не соглашусь, чтобы обо мне го-

* Вот в чем вопрос *(англ.)*.

ворили: «Он вышел из народа». Никогда. Все мои деды и бабки были рабочими и крестьянами Шампани. Все четверо — простолюдины. Я говорю об этом с гордостью. У каждого своя гордость. Часто тех, кто «пробился» в буржуазную среду, преследует страх не удержаться в ней, у них появляется черствость и неприязнь к «не преуспевшим» в жизни — черты, не столь ярко выраженные у буржуа по рождению. Все это в какой-то степени характерно и для моей семьи. Мои родные стремились если не завоевать более высокое положение в обществе, то хотя бы удержать достигнутое.

Отец, который четыре года воевал с «бошами» (я первый в семье называю немцев «немцами», а это не всегда было так уж легко), был большой патриот, что называется, «старый вояка» из тех, кто составляет неиссякаемый резерв «храбрецов» для всякого рода бредовых националистских авантюр.

Итак, когда мне было пятнадцать лет, к нам часто заходил один папин друг — печатник, молодой, страстно увлеченный своим делом человек. У моего отца, его звали Эме, были свои взгляды, но он отличался терпимостью и с уважением относился к убеждениям других. Типичный галл, одновременно искушенный и наивный, уроженец Шампани, у которого ноги на земле, а голова в облаках, он умел слушать своих идейных противников. Респектабельный, всегда при галстуке, отец не гнушался беседой с человеком, которого он в шутку называл «большевиком» и от чьего облика в моей памяти сохранились лишь сияющие глаза с голубоватыми веками, непокорные волосы и распахнутый ворот, открывавший впалую грудь. Это был первый коммунист, которого я встретил. Мне он казался красивым. Так оно и было на самом деле. По вечерам он подходил к садовой калитке. Было лето. Входить он не хотел, зная, что отец болен. Он лишь справлялся о его здоровье. Потом уходил. Через разделявшую нас решетку, как через окно воображаемой тюрьмы, в которую уж не знаю кто из нас был заключен, я слушал его прерываемый сухим кашлем рассказ о Днепре, Урале, о великом свете с Востока. Однажды он оставил мне книгу. Я полюбил ее больше, чем какую-либо другую. Это была «Мать» Горького.

Потом отец мой умер, и его друг больше не появлялся. Я даже не помню его имени. Только глаза.

Немного позднее, примерно в 1930 году я читал «Кларте» и «Монд» — журналы Анри Барбюса. И с их страниц для меня вновь зазвучал голос того анонимного друга с горящими глазами, которому мой терпимый отец когда-то предоставил слово... Немного позднее, став сельским учителем, я поставил в поселках департамента Сена и Марна «Потемкина» и брехтовскую «Трехгрошовую оперу». «Потемкин» принял эстафету у «Матери» Горького.

А потом тень Гитлера нависла над Европой. Начались тяжелые годы. Новости из Москвы, сталинские чистки, процессы... Я был в полной растерянности. Что думал обо всем этом мой друг, если сухой кашель не свел его еще в могилу? Война закрутила свою карусель из мертвых листьев и вселенской стужи... Наконец наступила оттепель. Я мог снова вернуться к прошлому. Я кинулся к нему с радостью человека, вновь обретшего семью.

В прошлом году на одном заводе в окрестностях Парижа, где я рассказывал о своих книгах, одна деятельница профсоюза подошла ко мне и сказала: «Возьмите это на память». И она протянула мне кольцо для ключей.

Женщина была похожа на мою бабушку, какой та сохранилась в моей памяти. Я посмотрел на кольцо. Вообще мне не нравятся эти модные теперь безделушки. Но вдруг взгляд мой остановился на прозрачном пластмассовом брелке, в котором, как ископаемое во льду, застыло изображение маленькой зеленой книжки с заголовком на французском и русском языках — «Мать» Горького.

Уже нет больше дома моего детства. Нет решетки между миром и мною. Может, я ее просто не вижу. Уже нет, увы нет, сияющих глаз худого юноши, говорившего в тени деревьев о Днепрострое и Урале. Все мои близкие умерли, и я мало-помалу становлюсь старым улыбающимся человеком, который уже не умеет сжимать кулаки. Разве только кольцо для ключей с маленьким зеленым огоньком.

УОЛТЕР ЛОУЭНФЕЛС (США)

Первому 50-летию будущего

Это тот короткий взгляд в будущее,
без которого настоящее непереносимо.

Как я могу не петь,
Если весь мир поет:
«Мы пришли не разрушать —
Любить, бороться, жить...»
Взгляни на их землю,

Преображенную
В неиссякаемый источник мира.
Они называют земной шар товарищем.
Плыви на корабле через всю страну —
Пустыни наполнены шелком и медом.
Пшеница и хлопок текут по каналам
в столицу семи морей.
Это пришлось бы по сердцу
Полю Баньяну —
Шагать от Балтики до Черного моря
В сапогах электростанций.
Кто же сделал все это?
Мужчины и женщины среднего роста,
Подобные нам,
Осторожно выводящие свой корабль
На орбиту грядущего,
Весь космос поет о будущем
Заветное слово — «Жить»!

Перевод с английского Н. ПРОРОКОВА

МАРТИН НАГ (НОРВЕГИЯ)

1. Русская революция явилась поворотным пунктом в истории человечества. Это стало теперь банальной истиной, столь же банальной, как, например, вот эта: «Без дыхания нет жизни». Ныне и противники, и сторонники русской революции дышат воздухом, который ею очищен и разрежен. И каждый, исходя из своей позиции, вынужден как-то ответить на тот призыв и на тот вызов, который представляет собой эта революция. И в идейном, и в политическом отношении русская революция сыграла животворную, мобилизующую роль, оказав неизбежное воздействие также и на своих противников. Невозможно представить себе наше столетие без русской революции.

2. В 1967 году — юбилейном году русской революции — можно наблюдать, как многие норвежские интеллигенты, писатели и деятели искусства спрашивают себя: что произошло за эти годы? Чему мы можем научиться у русских? Какие выводы — для нас самих — можем мы сделать из всего этого?

Одновременно множество людей трудится над тем, чтобы дать нашим соотечественникам как можно более полную картину советского искусства и культуры: осенью 1967 года в Норвегии выйдет в свет история советской литературы (написанная, да позволят мне это сказать, автором этих строк), кроме того, будет издано больше переводов произведений современной русской литературы, чем когда бы то ни было раньше. Так, будут переведены «Бабий Яр» Кузнецова и «Мастер и Маргарита» Булгакова. Намечено издание сборника рассказов и избранных стихотворений Маяковского. Кроме того, друзья Советского Союза предполагают издать сборник статей, освещающих разные стороны жизни, культуры и искусства этой страны. Статьи будут написаны компетентными специалистами.

Я привел лишь несколько примеров той большой работы, которая сейчас ведется в нашей стране. Результатом этих усилий должно быть более широкое знакомство норвежцев с советским искусством и культурой — такое, какого еще не удавалось достичь за все предшествующие пятьдесят лет. Это многообещающая и радужная перспектива.

3. Идеи Октябрьской революции оказали решающее влияние на всю мою жизнь и работу литератора и исследователя. Я принадлежу к послевоенному поколению (я родился в 1927 году). Мои политические взгляды сформировались в годы войны против фашизма, особенно в первые годы после нее. Это было трудное и недоброе время — годы холодной войны в Норвегии были на редкость тяжелыми. Современная атмосфера выгодно отличается от тех лет. Но идеи 1917 года всегда были и остаются для нас мощным стимулом. Я считаю своим долгом правильно оценивать события пятидесятых годов, отмечая как положительные их стороны, так и те, что заслуживают критики. Идея революции от этого не пострадает, а, напротив, лишь засияет новым блеском. Идея должна войти в твою плоть и кровь, стать органической частью всей твоей деятельности на благо твоей страны и твоего народа. Вот так я мыслю себе мою скромную литературную и научно-исследовательскую работу, областью приложения которой является советская литература. Октябрьская революция вдохновляет меня на всем моем жизненном и творческом пути, и эта вдохновляющая сила неизбывна. Отсюда — самые яркие надежды. Это значит, что, как сказал некогда Рудольф Нильсен, по-прежнему звучит «голос революции», а «мир по-прежнему молод», как некогда сказал Нурдаль Григ.

ХИРОСИ НОМА (ЯПОНИЯ)

Когда в нынешнем году я посылал поздравительные новогодние открытки в Советский Союз своим близким друзьям-писателям и друзьям-ученым, изучающим японскую литературу, я писал, что от всего сердца поздравляю их с 50-й годовщиной Октября, и слова эти вылились из самых сокровенных глубин моей души.

Попробуем хотя бы на миг допустить мысль о том, что сталось бы с нынешним миром, не будь Октябрьской революции в России... Одно лишь предположение об этом ужасном мире, моментально погрузившемся во тьму, покажет нам непреходящее значение Октябрьской революции и ослепительными лучами ее славы ярко осветит наше будущее. Не будь Октябрьской революции, не было бы и того мира, который является сейчас нашим глазам. Не было бы мира, который непрестанно движется вперед к прогрессу, то идя шаг за шагом, то бросаясь вперед стремительным рывком, то делая шаг вперед, два шага назад. Не смогли бы возникнуть одно за другим социалистические государства, рожденные успехами революции,— Китай, страны Восточной Европы, Восточная Германия, а также Северный Вьетнам, Северная Корея и Куба, которые всеми успехами обязаны тесной связи с Советским Союзом, социалистической страной, созданной в результате Октябрьской революции. И не существовало бы великой силы, противостоящей в области политики, экономики и культуры капиталистическим странам. Не было бы ни рабочих, ни крестьянских движений во многих странах мира, движений, которые ширятся в настоящее время и являются центральной силой в борьбе за народные права. И мы не были бы свидетелями успехов мощной национально-освободительной борьбы в Азии, Африке и Латинской Америке, которую невозможно затормозить никакими силами. (Когда я писал эти строки, меня не покидала мысль о Национальном фронте освобождения Южного Вьетнама, который в условиях американской агрессии ведет героическую борьбу за освобождение и никогда не будет поставлен на колени.)

Все эти события развиваются в тесной связи с идеалами Октябрьской революции в России. Литература социализма тоже тесно связана с Октябрьской революцией, опирается на нее и руководствуется великими идеалами, порожденными этой резолюцией. Эта литература воспитывает человека на новых принципах пролетарского гуманизма и с новой, прежде недоступной нам, социалистической точки зрения всматривается в противоречия людей, их душу и наблюдает за обликом общества в целом. И я, один из писателей Японии, убедился во всем этом.

Я родился незадолго до свершения Октябрьской революции, поэтому лично наблюдать за ее ходом не мог и осознал ее величайшее значение спустя многие годы. Очень скоро влияние Октябрьской революции в Японии сказалось и на рабочем движении, и на крестьянском движении, и на движении японских неприкасаемых «эта», и на борьбе женщин, и на культурных процессах в стране. В свете Октябрьской революции происходила переоценка ценностей, она свершилась в душах многих выдающихся людей Японии.

Теория, впервые созданная Марксом и Энгельсом, получившая развитие в трудах Ленина и Лениным же воплощенная на практике, послужила основой Октябрьской революции в России. Эта теория явилась опорой, которая позволила рабочему классу России, не имевшему ничего, кроме цепей, сковывавших его, совершить революцию, сбросить цепи, уничтожить эксплуатировавший его класс капиталистов и приступить к построению на нашей Земле «идеального царства» — страны без эксплуатации, без классов, страны истинной свободы и культуры.

Со студенческих лет у меня было много друзей среди рабочих, я жил вместе с бедняками и многому научился у них, а их вела путеводная звезда Октябрьской революции. Я мечтал о будущем, когда из отношений между людьми будут устранены деньги и расчет, которые отгораживают человека от человека, разрушают единение человеческих душ. Я мечтал о литературе, которая будет служить идеалам этого будущего, и стремился к ее созданию. Именно поэтому я продолжаю пристально следить за великим социалистическим опытом в Советском Союзе, путь которому был открыт Октябрьской революцией.

Отметая в сторону различные трудности, Советский Союз продолжает идти вперед. СССР нанес поражение армиям империалистических держав, страшившихся Октябрьской революции и социалистического государства, рожденного ею; СССР защитил демократию и социализм и явился ядром тех сил, которые разгромили во второй мировой войне фашизм. Огромную роль в мировом коммунистическом движении сыграл XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. И в сокровенных глубинах всех этих событий лежит великая мощь Октябрьской революции, ее идеалы и ее идеи. Ныне Советский Союз является опорой мощных сил мира во всем мире, препятствующих возникновению третьей мировой войны, войны ядерной, которая привела бы к уничтожению человечества.

Идеи Октября оказывают воздействие на развитие литератур всех стран, в том числе и Японии, вливают в них новые жизненные силы. 50-я годовщина Октябрьской революции вновь освещает ярким светом великих идей пути борьбы за демократию, социализм и мир в Японии и во всем мире.

ХОСЕ АНТОНИО ПОРТУОНДО (КУБА)

Октябрь

Через три дня после 7 ноября 1917 года мне исполнилось 7 лет. В провинциальном городе Сантьяго-де-Куба, где я жил, исторический залп крейсера «Аврора» не получил никакого отзвука. Моя семья, принадлежащая к мелкой буржуазии, была далека от событий, которые не влияли на рост цен на сахар и за которыми мой отец, сдержанный сторонник союзников, почти бесстрастно следил по страницам одного иллюстрированного журнала. Я обратился к этому журналу позднее, он назывался «Америка Латина». В нем я впервые встретил сообщения о большевиках и о Ленине, написанные без особой симпатии. Значительно позже, в пору моей юности и учебы в иезуитском колледже, я познакомился с курсом истории. В колледже в программу бакалавра он был включен как дополнительный предмет, который привлекал меня больше математики и изучению которого я предался с жадностью открывателя новых земель. Тут-то я услышал во второй раз о большевиках и о Ленине.

Преподаватели истории высшей школы обычно рекомендовали студентам в качестве вспомогательного чтения шеститомник произведений двух французских историков Мале и Изаака, переведенных в Аргентине. В разделе «Современная история» было помещено редкое фото Ленина с пространным комментарием, который заканчивался словами: «Исполненный безграничного презрения к противнику, с невероятной верой в себя самого и в свою теорию, Ленин с непоколебимой решимостью принялся революционизировать сверху донизу Россию и весь мир в целом. До сих пор он, кажется, ничего не добился, кроме великого разрушения».

У меня в руках этот томик, переизданный в 1954 году, «полностью переработанный в соответствии с новейшими событиями». И в новом издании безо всяких изменений воспроизводится этот абзац. Таким был Ленин для меня и моих современников — мелких буржуа Кубы около 1923 года.

Затем появляется Хулио Антонио Мелья. Для молодежи моего поколения Мелья — провозвестник новой революционной эпохи, в зареве которой мы увидели, что у нас занимались фальсификацией истории.

Борьба против диктатуры Херардо Мачадо с 1930 по 1933 год сблизила нас с пролетарскими массами, и мы понемногу начали разбираться в значении большевистской революции. Тогда мы стали читать Маркса, Энгельса и Ленина. Первыми были избранные произведения Ленина в издании «Новая библиотека» в Мадриде. Затем последовали «Государство и революция», «Империализм как высшая стадия капитализма» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». И только тогда, рядом с новыми товарищами, рабочими, студентами, членами левых организаций, освободившись от представлений, внушенных нам фальсифицированным курсом истории в иезуитских аудиториях, мы начали понимать, что такое Ленин и большевики, мы узнали творческий и революционный смысл понятия «Октябрь».

ЭКТОР БЕХАР РИВЕРА (ПЕРУ)

Начиная с Октябрьской революции угнетенные сами стали делать свою историю. С этого дня миллионы мужчин и женщин во всем мире безостановочно идут к своему полному освобождению. Они следуют примеру народа, который завоевал власть, разгромил международный заговор реакции, уничтожил фашизм и построил новую жизнь.

В моей стране, где половина населения неграмотна, а другая половина живет в таких тяжелых условиях, что приобщиться к культуре почти невозможно, где революционер-интеллигент или инакомыслящий является ссыльным в своей собственной стране, изолированным от общества, и объектом нападок со стороны господствующих классов, культурное развитие советского народа воодушевляет и вдохновляет. Книга нашего самого крупного поэта Сесара Вальехо «Россия — 1931» служит ясным свидетельством того, что он приветствовал строительство социализма; позднее, в 1961 году, в СССР приехал Хавьер Эрауд, это был его первый шаг на пути к революционному самоопределению, а в 1963 году он погиб в сражении за свободу перуанского народа. Вот только два примера — а их много — того, что существование Советского Союза и остальных социалистических стран оказывает могучее влияние на перуанский народ и вдохновляет нас на продолжение борьбы за социальную революцию и национальную культуру, как выражение творческого самосознания народа.

Вот почему гигантский подвиг революционеров Октября составляет часть нашей собственной истории.

С братским приветом.

Тюрьма префектуры Лимы,
12 февраля 1967 г.

ЛОРД ЧАРЛЬЗ ПЕРСИ СНОУ (АНГЛИЯ)

Пожалуй, я ограничусь ответом на ваш первый вопрос: он обнимает самое существенное и двух остальных.

Нет, безусловно, никакого сомнения, что Октябрьская революция — заглавное, определяющее событие двадцатого века. Оно повлияло на судьбы всех нас — независимо от того, живем ли мы в Советском Союзе или за его пределами. Один тот факт, что социалистическое государство смогло выстоять и несмотря на трудности и препятствия, едва укладывающиеся в представлении, превратиться в одну из двух «супердержав» мира,— сам этот факт имеет непреходящее значение. Быть может, пока мы еще даже не в состоянии узидеть его в широкой исторической перспективе. К концу нынешнего века наши дети и внуки смогут оценить этот гигантский процесс более точно, чем мы. К тому времени советское строительство достигнет новых рубежей. То же можно сказать и о техническом прогрессе, который со все нарастающей скоростью меняет облик западного мира. В какой-то степени эти перемены, хотя они и оказывают глубокое воздействие на жизнь общества, совершаются по законам собственной внутренней динамики, не связанной непосредственно с категориями политики. И в этом одновременно величайшая проблема, сложнейшая задача и — говорю это с надеждой, не вполне свободной от доли тревоги,— величайшая перспектива для последующих поколений человечества.

Хотел бы прибавить несколько слов лично о себе. Мне было двенадцать лет в пору Октябрьской революции. С юности я с пристальным вниманием слежу за прогрессом советского общества. Я радовался вашим победам и огорчался во времена ваших трудностей. Я удостоился особой чести быть занесенным в гитлеровские черные списки сразу по двум графам; если бы Красная Армия не разбила нацистов, сегодня меня не было бы в живых.

Меня всегда интересовали пружины действия политического механизма. Подобно большинству людей, интересующихся политикой, я понимаю, насколько сложен этот механизм (еще более сложен, чем сама физика, как говорил Эйнштейн), как трудны здесь предвидения. И, однако, долг каждого — сохранять чувство будущего. Человек без чувства будущего представляет опасность для всех нас. Через все трудности — сколько бы их ни было, как бы они ни были велики — созетское общество всегда проносило веру в будущее. И это — самое сокровенное, самое дорогое в нем для всех людей доброй воли.

ДЖУДА УОТЕН (АВСТРАЛИЯ)

1. Совсем недавно в ежемесячной литературной колонке австралийской «Трибюн» мне довелось утверждать, что, на мой взгляд, Октябрьская революция 1917 года оказалась поворотным пунктом современной истории и что она прямо или косвенно привела к значительным переменам, которые с той поры произошли в мире.

История в самом деле никогда дотоле не знала такой эры перемен. Прежде всего Советский Союз, первое социалистическое государство в истории, достиг положения ведущей державы мира, в то время как поначалу он был далеко позади крупных капиталистических стран с их развитой экономикой. Затем несколько европейских и азиатских стран вышли из капиталистической системы и еще большее число стран добилось освобождения от позора колониального рабства. Такой же процесс происходит в Латинской Америке, где строит мирную жизнь свободная Куба, равняющаяся на идеалы Октябрьской революции.

Даже богатые капиталистические страны ощущают воздействие Советского Союза, вынуждающего их на мирное соревнование.

Всего лишь один пример — первый, что приходит на ум: с тех пор как Созетский Союз добился таких выдающихся успехов в развитии науки и техники, первым прорвавшись в космос, в Австралии, так же как в Англии и США, стали уделять все большее внимание проблемам образования. Всеми без исключения признано, что достижения эти оказались возможными благодаря превосходству Советского Союза в области подготовки научно-технических специалистов, и все усилия в последнее время были направлены к тому, чтобы догнать Советский Союз. Удастся ли это — вопрос другой.

Но самое главное — огромные усилия, предпринимающиеся Советским Союзом во имя сохранения мира во всем мире, во имя предотвращения новой мировой войны, вдохновляют миллионы людей в капиталистическом мире на выступления против военных планов их империалистических хозяев, вселяют веру в то, что битва за мир может быть выиграна. Мечте американских империалистов о мировом господстве не суждено сбыться, потому что ей противостоит твердая решимость Советского Союза отстоять мир. И это — создание мирового фронта борьбы за сосуществование и мир — один из непосредственных результатов победы Октябрьской революции.

2. Идеи, вызванные к жизни Октябрьской революцией, оказывают глубокое воздействие на писателей и деятелей культуры в нашей стране. Все больше возрастает интерес к изучению трудов Маркса, Энгельса и Ленина. По существу, изучение марксизма-ленинизма стало обязательным на факультетах политической науки австралийских университетов. Это вовсе не означает, что изучение это поставлено хорошо, немало ученых «грамотеев» горазды запросто показать, где «ошибались» Маркс или Ленин, или предложить подходящий к моменту антикоммунистический тезис в угоду власть имущим. И тем не менее можно говорить о неуклонном росте интереса к марксизму-ленинизму как следствии притягательной силы идей, рожденных Октябрьской революцией.

Если обратиться к области, мне близкой,— литературе, то период после Октябрьской революции в австралийской литературе отмечен возрождением реализма. Идеи революции оказали глубокое воздействие на недавно созданные писательские организации. Марксизм вооружил писателей чувством историзма, перспективы, оптимизма. В отличие от прославленных кумиров — американских и английских прозаиков и поэтов с их культом отчаяния и смерти — эти писатели заявляли о своей вере в исторический прогресс, в возможность совершенствования человеческой натуры. Одной из представительниц этой новой группы была Катарина Сусанна Причард. С ее романа «Working Bullocks», вышедшего в 1926 году, открывается история новой школы социальных реалистов, сложившейся под влиянием Октябрьской революции и продолжавшей традицию социального реализма, начатую Генри Лоусоном.

3. Я убежден, что идеи Октябрьской революции оказали существенное воздействие на формирование меня как писателя. Впервые я познакомился с ними в детстве, когда учился в школе в Западной Австралии. Я прочитал много книг об Октябрьской революции, в том числе сборник очерков и статей, изданный в 1918 году группой философов и историков Запада. Большинство этих ученых мужей полагало, что революция долго не удержит свои завоевания, что она обнаружит свою несостоятельность и вскоре будет восстановлен старый порядок. Но этого не случилось, несостоятельными оказались их надежды, и правящие классы Запада обратились к последнему средству — вооруженной интервенции против молодого советского государства, а когда и она провалилась, на смену ей пришли международные заговоры и интриги — как известно, не помогли и они. Последующие надежды на Гитлера обернулись бумерангом, как говорят в Австралии.

Марксизм-ленинизм, идеи Октябрьской революции осуществлены в истории в масштабах, о которых мне, бывшему мальчишкой в начале двадцатых годов, невероятно, дико было даже помыслить,— мало найдется таких, кто осмелился бы предсказать эти масштабы даже двадцать пять лет назад. Эти идеалы — как бы ни были тяжелы злоупотребления и ошибки, совершенные в процессе их осуществления,— всегда будут вдохновлять новые миллионы и десятки миллионов людей. Поход человечества вперед продолжается.

Мне, как писателю, идеалы Октябрьской революции открыли подлинный смысл гуманизма, научили вере в способность человека противостоять силам зла и совершенствовать самого себя. Я пытаюсь «озвучить» эти убеждения в своих романах и рассказах, не упрощая поднятых общественных и моральных проблем и стремясь не забыть об опасности вывести на сцену марионеток вместо живых характеров.

БРУНО ФРЕЙ (АВСТРИЯ)

Когда человеку двадцать лет, мир кажется ему чудесным обещанием: в этом возрасте не рассчитывают и не взвешивают.

1917. Ноябрьский день. Стиснутый в необозримой человеческой массе, я восхищенно ловлю неслыханные слова оратора. Разве война и полиция не всесильны? Но этот говорит о мире. Глаза людей сияют. Что это? Сон наяву? Незнакомые люди обнимают друг друга. Я чувствую, что настроение толпы захватывает меня, как осенний ветер захватывает одинокий лист: произвольно и в то же время осознанно, я присоединяюсь ко всеобщему ликованию, когда оратор зачитывает текст воззвания: «В час, когда рабочие и солдаты Петрограда отняли власть у предательской буржуазии, вошли в правительство и перед лицом всего мира от имени русского народа предложили мир без аннексий и контрибуций, рабочие Вены шлют рабочим Петрограда свой братский привет. Мы торжественно клянемся неустанно и бесстрашно бороться в нашей стране за немедленный демократический мир, жизненно необходимый всем народам».

Это было в воскресенье, через три дня после того, как огромные заголовки газетных статей оповестили весь мир: «Победа рабоче-крестьянской революции в Петрограде».

Социал-демократическая партия Австрии, учитывая антивоенные настроения народа, под влиянием этой великой новости созвала митинг в защиту мира. Виктор

Адлер, уверенный в одобрении соотечественников, говорил с трибуны самого большого зала в городе о потрясающих событиях в Петрограде, словно желая доказать, что Фридрих Адлер, его потерянный сын, не так уж ошибался, предрекая приближение революции перед лицом военного трибунала. Но о самом Фридрихе не было сказано ни слова.

Подвиг Фридриха Адлера вырвал меня из бесцельного беспокойства юности, выстрелы в кайзеровского министра означали пробуждение от спячки. Мне было тогда двадцать, и революция в Петрограде казалась далеким эхом. Революционный протест одиночки против удобного приспособленчества к войне со стороны руководства социал-демократической партии получил поддержку.

Весть из Петрограда, радостно встреченная на том памятном митинге, наложила отпечаток на всю мою дальнейшую судьбу. Пытаясь теперь, через полвека, проанализировать поступки двадцатилетнего юноши, я открываю в своих тогдашних фантазиях один импульс, повлиявший на содержание и смысл всей жизни: к острому желанию увидеть осуществленным чудесное обещание юности сводились, в конечном счете, все надежды, все устремления, все эксперименты, все усилия.

Разве возможно в двадцать лет предвидеть все обрывы и пропасти, встречающиеся на пути тех, кто стремится достичь вершин? Как можно было предвидеть, что те самые люди, которые посылали торжественные приветствия петроградским рабочим и солдатам, спустя каких-нибудь несколько месяцев бросят на произвол судьбы бастующих рабочих Вены и матросов Катарро, австрийских революционеров, слушавших по радио ленинское обращение: «Всем! Всем! Всем!»? Разве можно было предвидеть, что кумир нашей юности Фридрих Адлер через несколько лет станет смертельным врагом страны Октября?

За эти полвека Великий Октябрь стал для меня мерилом всех идеалов, программ, манифестов, компасом, надежно указывающим направление прогресса, движущей силой народов на их тяжелом пути к Золотому веку.

Если 50 лет назад лозунги Октября казались головокружительным пророчеством, почти утопией, то ныне, 50 лет спустя, они стали определяющей силой исторического развития. Последнее надо понимать двояко: как бесповоротные изменения, вызванные к жизни революцией, принявшей форму государственной власти, и как неудержимое стремление к революционным преобразованиям общества — прежде всего в странах, еще мало затронутых технической цивилизацией, где идеи Октября открыли мощную цепную реакцию.

Моя семидесятилетняя жизнь привела меня к непреклонному убеждению: когда рабочий класс в союзе со всеми людьми доброй воли направляет свою энергию на борьбу с регрессом, на предотвращение войн, только идеи Ленина способны привести его к победе, где бы и когда бы это ни происходило. Иного пути, иных идей — нет.

(Продолжение следует)

ДОКУМЕНТЫ

ЖАК ДЮКЛО

ФРАНЦИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ОКТЯБРЯ

(Фрагменты из книги)

Пятьдесят лет тому назад

Пятьдесят лет тому назад, в тот момент, когда миллионы людей сражались друг против друга, когда ценой смерти многих из крови и грязи окопов воздвигались скандальные состояния, когда будущее представлялось мрачным, а война нескончаемой, громовый удар сокрушил старый мир.

Этим громовым ударом была Октябрьская революция 1917 года, открывшая перед человечеством перспективы социалистического общества, из которого будет изгнана эксплуатация человека человеком, в котором мир не будет зависеть от столкновения интересов, заставляющих враждовать друг с другом господствующие классы различных стран.

Первыми политическими актами Советской власти, установленной в результате Октябрьской революции 1917 года, были декрет о мире и декрет о земле; в этих декретах проявилось то новое, то необычайное, что было в этой революции, вступившей на непроторенный путь.

Октябрьская революция 1917 года, доведенная до победного конца партией Ленина, была своего рода реваншем Парижской коммуны, которая в 1871 году на протяжении 72 дней выражала стремления и надежды наиболее сознательных элементов рабочего класса, принявших идеи социализма.

12 апреля 1871 года Карл Маркс в письме к Кугельману говорил о героической борьбе коммунаров, которые, по его выражению, штурмовали небо», подчеркивая таким образом сверхчеловеческий характер тех усилий, которые были сделаны ими в границах одного изолированного города, чтоб заложить основы нового мира.

Jacques Duclos. Octobre 17 vu de France. Paris, Editions Sociales, 1967.

Победа Октября 1917 года была осуществлена на несравнимо более обширном театре операций, в самой обширной империи земли, которая оказалась в то же время самым слабым звеном в цепи империалистических государств.

Многие в ту эпоху не верили в долговечность опыта, предпринятого Лениным, самым великим революционером всех времен, в котором человек науки счастливо сочетался с человеком действия.

Некоторые социалистические вожди той эпохи, безоговорочно претендуя на владение наукой социализма, интерпретировали учение Маркса и Энгельса так, как будто их главной заботой было оградить свой интеллектуальный комфорт; эти вожди без колебаний объявляли, что Октябрьская революция не является революцией социалистической.

Другие говорили о «бланкизме», извлекая из этого определения вывод о безнадежности, о неминуемом крахе предприятия партии большевиков и Ленина.

В буржуазных кругах полагали, что Октябрьская революция в конце концов не выдержит ударов, ей наносимых, ударов, осложнявших и без того тяжелое положение, объективные трудности, с которыми столкнулись рабочий класс и народные массы Советской России.

И действительно, чтоб справиться с великими задачами, вытекавшими из октябрьской победы, нужна была пылкая вера, поддерживавшая волю народа к борьбе, нужно было доверие, выдержавшее самые трудные испытания, усилившее способность народа к сопротивлению.

Этой верой, этим доверием обладал Ленин, и он умел внушить их партии, массам. В то время как он сверхчеловеческими усилиями направлял борьбу, чтоб удержать победу, укрепить ее, не было недостатка в критиках, которые предпочитали удобное кресло зрителя на балконе истории месту в рядах бойцов, в гуще сражений...

Поскольку я, пятьдесят лет тому назад, судил о революции не с позиций тех, кто, выискивая блох в гриве льва, перестает видеть самого льва, но с позиции убежденности в том, что эта революция открывает новую эру в истории человечества, мне захотелось, путем ретроспективного обзора некоторых текстов, показать, как была принята русская революция во Франции, отсюда и название книги: «Франция перед лицом Октября»...

Люди моего поколения, ответившие на призыв Ленина и вставшие под знамя коммунизма, испытывают законное чувство гордости, обозревая пройденный путь, так как этот путь привел к победе социализма. И, напротив, тем, кто полагал, что этой светлой цели можно достичь, идя иными путями, сейчас, если говорить о социализме, нечего предложить миру.

Именно благодаря Октябрьской революции 1917 года была отмщена славная Парижская коммуна, социализм стал плотью, обрел жизнь. Учитывая грандиозность побед, одержанных за полвека, можно вообразить, каковы будут грядущие победы социализма: они откроют перед человечеством, наконец обретшим свободу, вдохновляющие перспективы коммунистического общества будущего. Жизнь, положенная на подготовку, на приближение этих свершений, прожита не даром.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года

Положение во Франции в момент Октябрьской революции

Сообщение об Октябрьской революции пришло во Францию с некоторым запозданием. В дни, последовавшие за захватом власти, французские руководящие круги явно рассчитывали на новый переворот, и поэтому об успехах «русских максималистов» говорилось в одном ряду с сообщениями об успехах, одержанных силами контрреволюции.

В то время как победоносная социалистическая революция в России открыто и настойчиво ставила вопрос о заключении мира, во Франции, где майские волнения уже показали со всей ясностью, что массами владеет усталость от войны, продолжать войну становилось все более трудно и возникали проблемы, приводившие к частым сменам кабинетов.

К ноябрю 1917 года у власти было шестое правительство, если принять начало войны за точку отсчета... 16 ноября министерство Пэнлеве, пришедшее к власти 12 сентября, уступило ее министерству Клемансо... Переход власти в руки Клемансо означал жесткую военную политику, резкий отпор правительства всему

тому, что в рабочих требованиях могло рассматриваться, как мешающее ведению войны.

Через несколько дней после опубликования декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов по предложению Ленина, Клемансо определил политику своего правительства, резюмируя ее в многозначительной формуле: «Я веду войну».

В этих условиях правительство Клемансо было, естественно, настроено антисоветски, а французское рабочее движение, скованное политикой поддержки империализма, должно было обнаружить всю глубину противоречий, во власти которых оно находилось.

Читая «Смутный год» Рэймона Пуанкаре, написанный в форме дневника, не находишь в дни, последовавшие за 7 ноября 1917 года, никаких замечаний по существу событий, происходящих в России.

11 ноября он записывает:

«Собрание делегатов от авиационных и военных заводов состоялось сегодня утром на улице Гранж-о-Бель. Присутствовало восемьсот человек. Мерргейм произнес антиправительственную речь и поставил на голосование антиправительственную резолюцию».

В заметках о событиях следующего дня — 12 ноября — можно прочесть:

«Г-н Маклаков, которого я до сих пор не могу принять официально как посла, из-за событий в России, сказал мне, что он хочет, чтоб пролилась кровь и чтоб максималисты получили по заслугам. Это было бы, по его мнению, гарантией восстановления порядка».

Наконец 24 декабря 1917 года Рэймон Пуанкаре излагает план раздела России, разработанный английским и французским правительствами, холодно и цинично намеревавшимися расчленить ее.

Как Октябрьская революция была принята во Франции

Центральный орган социалистической партии «Юманите», во главе которого стоял в ту пору Ренодель, защищал политику сотрудничества с буржуазией и комментировал революцию 7 ноября (25 октября) 1917 года отнюдь не доброжелательно.

9 ноября. «Юманите» писала:

«Керенский свергнут, Ленин взял верх.

И вместе с ним идея немедленного заключения мира, со всеми полагающимися спекуляциями на ней, которую невежественная масса приемлет, ни в чем не разбираясь. Надолго ли этот триумф?

... Возможно ли, чтоб, опомнившись от первой неожиданности, они (социалисты, понимающие обстановку) не сумели сплотить необходимые силы и энергию, выковавшиеся в столь мучительных испытаниях.

... Из эксцессов зла может еще родиться добро, если только не угасло революционное пламя, при свете которого был свергнут старый режим».

«Из эксцессов зла может еще родиться добро» — в этой формуле заключалась отрицательная оценка Октябрьской революции. Некоторые французские социалисты надеялись, что она не выстоит, что будет восстановлен прежний порядок.

9 ноября. Реакционная газета «Матен», откликаясь в своем третьем выпуске на события, разворачивавшиеся в Петрограде, писала:

«В Петрограде разворачиваются чрезвычайно важные события. Нам они пока неизвестны... Нет, однако, сомнений, что конфликт между Временным правительством и максималистами, принимавший все более угрожающие формы, вошел в острую фазу и что до настоящего времени... преимущество остается на стороне максималистов».

Обильно процитировав сообщения агентств и газет из Петрограда, Лондона и Женевы, «Матен» писала:

«Из этих сообщений вытекает, что ночь с 6 на 7 ноября и утро 7 были решающими. Максималисты перешли к действию, вышли на улицу. Часть общественных зданий в руках революционеров. В частности, они захватили Центральный телеграф. Вот почему информация, доходящая до нас сейчас из Петрограда, профильтрована ими...

Нам позаботились сообщить, что посольство Франции не пострадало, что правительственные центры функционируют нормально, в городе царит порядок...»

В 4-м выпуске того же дня эта газета оптимистически писала:

«Люди, наилучшим образом разбирающиеся в том, что происходит в России, считают, что, быть может, не так уж плохо, что невыносимое напряжение последних недель разрешилось подлинной гражданской войной в районе Петрограда,

и они не сомневаются, что элементы порядка одержат верх в конфликте, где кровопролитие неминуемо.

...Зло слишком назрело, возможно, к лучшему, что его эксцессы проявились столь явно. Было бы странно, если бы переворот, свершившийся в Петрограде и являющийся делом рук дерзкого меньшинства, окончательно изменил судьбы России. Не исключено, что мощная реакция будет следствием этого кризиса и что через несколько дней Ленин и его друзья займут в тюрьмах места вчерашних министров, которых они сейчас туда бросили.

Эту точку зрения... разделяют хорошо информированные русские, которых ни в коей мере нельзя заподозрить в том, что в глубине души они питают тайную любовь к свергнутому царизму».

10 ноября. «Матен» снова вернулась к событиям в России:

«Можно предположить, что до настоящего времени серьезного кровопролития не было...

Сильным демагогическим козырем нового правительства является то, что, наряду с близким миром, оно обещает немедленный раздел земель. Перестать сражаться и сделаться тут же землевладельцем — против такого соблазна наивным умам устоять трудно. Больше всего следует опасаться того, что, если подобную пропаганду можно вести без всяких ограничений, на всей линии фронта, массовое дезертирство вскоре станет чуть ли не легальным».

Затем эта газета касалась разнообразных чувств, которыми одушевлены казаки, очевидно возлагая большие надежды на их контрреволюционную активность.

Заголовки «Матен» говорили о «Петроградской коммуне», газета была полна нападок на декрет о мире, она представляла большевиков и Ленина, в первую очередь, как агентов германского империализма, пыталась утвердить идею, что новое правительство не долго удержится у власти.

12 ноября. Пьер Ренодель. главный редактор «Юманите», думая, в первую очередь, о последствиях, которые Октябрьская революция может иметь для продолжения войны, писал:

«Разумеется, для нас, французов, как и для англичан, имеет серьезное значение, что внутренние события затрудняют военные действия России в разгар столь страшной войны.

Но мы были бы не правы, если бы забыли о том, что и наша революция упорядочила Францию не в один день, что и у нее была своя Вандейская война, свои уличные волнения, своя борьба личных интересов...»

Много было разговоров о Керенском

13 ноября. В «Матен» можно было прочесть:

«Вероятность поражения максималистов. В Петрограде и в Москве войска, верные правительству, близки к победе над восставшими».

14 ноября. Та же газета публиковала в сослагательном наклонении информацию из тех, что были по вкусу реакционерам. Заголовки «Матен» говорили о многом:

«Конец восстания в России.

Поражение максималистов.

Керенский, по слухам, овладел положением и вошел в Петроград со своими частями».

И в тексте статьи:

«По последним телеграммам, полученным нами из России, представляется очевидным, что авантюра максималистов подходит к концу и что Временное правительство во главе с Керенским, по-видимому, вновь стало хозяином положения».

Все это было опубликовано в 3-м выпуске 14 ноября, но уже в 4-м выпуске того же дня тон несколько меняется:

«Русская анархия.

Новые перипетии.

Максималисты, отбив снова Центральный телеграф, пользуются этим, чтоб сообщить о громких успехах».

Три дня спустя, **17 ноября,** «Матен», для которой казаки были «высшей надеждой и высшей идеей», писала:

«Смятение в России.

Слабость Керенского.

Две организованные силы противостоят друг другу: максималисты и казаки.

Как ни свирепа гражданская война, разразившаяся в большинстве районов России, попытка примирения между максималистами и другими партиями, намечающаяся в Петрограде, представляется нам еще более устрашающей. То, что большевики, сторонники немедленного и безоговорочного мира, образуют пар-

тию, еще полбеды, даже если эта партия на какой-то момент захватывает власть в одной из двух столиц... Но если бы их взгляды, их опасные теории могли проникнуть в органы, консультирующие правительство и объединяющие людей разных взглядов, это было бы обстоятельством чрезвычайно опасным...»

«Создалось нечто вроде Коммуны»

17 ноября. Многотиражный еженедельник «Иллюстрасьон» опубликовал в этот день информацию о событиях в России. Он писал:

«В России разразилась новая революция. На этот раз она была организована экстремистскими элементами во главе с Лениным и направлена на свержение законного правительства Керенского. Она привела к тому, что в Петрограде и провинции бушует полная анархия... Зимний дворец, куда укрылось прежнее правительство, взят штурмом, министры арестованы. Учреждено некое подобие Коммуны. Изданы прокламации, обращения к народу и армии. Съезд Советов избрал четырнадцать «народных комиссаров» и проголосовал за отмену собственности и смертной казни. Подписанный Лениным Манифест — о котором стало известно только через немецкие газеты — призвал все воюющие страны заключить трехмесячное перемирие и немедленно начать переговоры о мире...»

Антисоветские кампании

Французская пресса говорила о русской анархии и выражала уверенность, что большевики недолго удержат власть. Бывший министр военного снабжения Альбер Тома, посланный французским правительством после Февральской революции с миссией в Россию, выражал в «Юманите» от **3 декабря** свое огорчение падением Керенского в следующих выражениях:

«Мы вложили в Россию, нашу названую сестру, самые горячие надежды... Французскую республику всколыхнула высокая радость при известии о русской революции, которая должна была спасти нас от измен; Керенский и его друзья, подлинные герои идеи (их соратником по борьбе я был недолгое время, чем крайне горжусь), сумели увлечь освободительную революцию на фронт сражений, поддержав тем самым союзные демократии.

Увы, первых водителей революции смела неверная волна усталости и отчаяния, порожденных анархией — наследием свергнутого режима,— и с тех пор на фронте — инертность, если не перемирие; в тылах — чудовищная дезорганизация; в стране — голод — плохой советчик, убийца энергии».

7 декабря. «Матен» пыталась определить, что «способствовало максималистскому перевороту»:

«Когда разразилась русская революция, те, кто конфискует ее сейчас в свою пользу, не принимали в ней никакого участия. Она была направлена против министров-германофилов, проводивших ту же политику, которую сейчас проводят Ленин и Троцкий.

Как случилось, что большевизм, величина в марте ничтожная, в июле — легко подавленная, обрел мало-помалу такую мощь? Для этого понадобилась серия ошибок: ошибок, совершенных союзными правительствами, ошибок, совершенных русским революционным правительством.

Столь же крупные ошибки совершили социалисты союзных стран... Их долг по отношению к России и по отношению к социализму состоял в том, чтоб направлять своих товарищей. Этот долг не был выполнен никем, кроме бельгийских социалистов, которые обратились с письмом к Советам, где Вандервельде и Брукнер разоблачали «уловки тех, кто, загримировавшись под социалистов, прячет свое подлинное лицо и, сознательно или бессознательно, под знаменем социализма льет воду на мельницу германского империализма...»

9 декабря. «Юманите» сообщала о запросе, который Ренодель, депутат парламента, сделал Клемансо, председателю кабинета министров:

«Какова позиция нашего правительства, какова позиция союзников по отношению к событиям в России?

...Если наше правительство предпринимает что-либо, полезно было бы сказать об этом народу. Пусть это не будет жалкой уступкой, которую прячут, как нечто постыдное.

Пусть, напротив, это будет утверждением проницательной и сильной политики, первой честной попыткой вывести нас на ровную дорогу».

11 декабря. «Юманите» опубликовала интервью с Камилом Гюисмансом, секретарем Социалистического интернационала, который упрекал большевиков в том, что они продолжают свою политику борьбы за мир.

«Необходимым условием, при котором русская революция может принести плоды,— писал он,— было бы заключение всеобщего мира, опирающегося на демократические основы...

.... А как поступают максималисты? Они подменяют всеобщий мир миром сепаратным... Они дают центральным державам возможность бросить на Запад все свои военные силы. Тем самым они гальванизируют германский империализм и подавляют демократические движения, пробуждающиеся в Германии. Они развязывают анархию в России и теряют преимущества, данные революцией... таким образом, они затягивают войну по крайней мере еще на два года».

25 декабря. Сообщая о работе конференции ВКТ, центральный орган социалистической партии выделял некоторые выступления, в частности, выступление Майу (Ангулем), учителя, подвергавшегося преследованиям за свои пацифистские высказывания, который заявил: «Представители большинства несут тяжелую ответственность»,— и добавил, что центральным державам должен быть предложен мир на условиях, сформулированных в Циммервальде.

Меррге́йм упрекал большинство в том, что оно не проявило достаточного доверия к русской революции, а Перика ставил тому же большинству в вину, что оно не придерживалось резолюций, вынесенных на предвоенных конгрессах. Он обвинял также газеты в том, что они фабрикуют патриотизм ценой от 5 до 20 франков за строчку.

Заключительная резолюция, принятая 161 голосом против двух, заявляла:

«Конференция предлагает рабочему классу всех воюющих стран потребовать от своих правительств публикации точных условий мира.

Только такая всеобщая активность, к которой уже призывала русская революция в самом ее начале и которую мы полностью поддерживаем, может воспрепятствовать заключению сепаратного мира».

В этой резолюции не было ничего похожего на обвинения, выдвинутые против большевиков Камилом Гюисмансом, который возлагал на большевиков ответственность за продолжение войны.

28 декабря. «Матен» сообщала, что большевики движутся на Соединенные Штаты, и опубликовала депешу из Вашингтона, объяснявшую политику президента Вильсона:

«Помимо всех соображений стратегического характера, положение в России воспринимается здесь с тревогой — появляется все больше доказательств, что большевистские вожди задумывают серию революций во всем мире и стремятся не меньше самого кайзера уничтожить все демократические институты...

Президент Вильсон принял русскую революцию, как ободряющее и успокоительное событие; он надеялся, что Керенский окажется в силах создать стабильное и организованное правительство. С момента, когда Керенский утратил власть, американское правительство тщательно воздерживалось от каких-либо действий, которые могли поставить его в оппозицию к большевикам, в той мере, в какой оно могло надеяться, что при всем их радикализме они искренне стремятся к реализации демократического идеала. Однако в настоящее время правительство располагает доказательствами того, что большевики идут на Америку, чтобы попытаться распространить с помощью прямого вторжения доктрину коммунистической организации.

Правительство ни в какой мере не намерено противодействовать социалистической пропаганде, не компрометирующей ведение войны... Но президент Вильсон позволил заявить от его имени, что он будет действовать с железной неумолимостью, если агитаторы окажут вооруженное сопротивление закону или употребят физическую силу...»

Клемансо против посылки социалистической делегации в Советскую Россию

Социалистическая партия не теряла надежды вновь увидеть Россию втянутой в войну на стороне союзников. Именно поэтому во время дебатов в палате депутатов, посвященных событиям в России, депутат-социалист Мариус Мутé потребовал, чтоб правительство не противилось направлению в Россию делегации; он аргументировал это следующим образом:

«Россия нам изменила; поэтому положение союзников, и в частности Франции, тяжелое. Но мы умели встретить лицом к лицу еще более трагические трудности.

...Если кто-нибудь имеет право протестовать против переговоров о сепаратном мире, то это, без сомнения, мы — социалисты.

Поэтому лучше, чтобы мы, социалисты, поставили в вину (большевикам) переговоры о сепаратном мире, чтоб мы говорили об этом здесь и там» («Юманите», 28 декабря 1917).

Во время тех же дебатов Марсель Самба поддержал предложение, выдвинутое Мариусом Муте, и пытался сломить сопротивленье Клемансо...

Смесь разочарования и ненависти

29 декабря. «Иллюстрасьон» опубликовал большую статью Сержа де Шессена, посвященную событиям в России,— «Коммуна в Петрограде».

Автор статьи прежде всего представлял того, кто был повержен Октябрьской революцией,— Керенского.

«6 ноября Керенский в последний раз поднялся на трибуну предпарламента. Неужели это был тот же человек, чей голос каких-нибудь три месяца тому назад бросал воинские части на штурм австрийских окопов? Иссиня-бледное, желтушное лицо, опущенные плечи, дрожащие длинные, тонкие руки. При взгляде на эту хрупкую фигуру — в которой была воплощена высшая военная и гражданская власть,— все дурные предчувствия, все опасения обретали плоть. Правительство измучено, анемично, парализовано болезненной слабостью воли: сможет ли оно оказать сопротивление наступлению улицы? Распад и неврастения, облаченные в великолепие фраз,— Керенский был живым символом всех противоречий: командовать десятью миллионами солдат, возглавлять правительство, пользующееся неограниченной властью, жить в Зимнем дворце и позволить, чтоб тебе был вынесен приговор произволом нескольких заводов и запасных батальонов, предводительствуемых политическими авантюристами. Все анекдоты о мании величия, в которой общественное мнение обвиняло Керенского, мучительно вставали в памяти, когда он терпел поражение на трибуне.

... Приняли его холодно, однако, разоблачая максималистский заговор, оратор как бы вновь обрел присущие его голосу модуляции, чарующее, страстное красноречие, которое некогда покоряло толпы. Он скандирует, как это ему свойственно, фразы, отчеканивает слова. В строгом зале Государственной думы, где старики в расшитых мундирах недавно обменивались возвышенными речами, административными афоризмами, возникает призрак плебейской Коммуны.

... Чтоб усмирить предпарламент, излечить его от пустословия, нужны железная энергия, воля, способная подняться над партиями и их бесплодными спорами. Обладал ли Керенский этой волей? Его мысль уже давно освободилась от стесняющих пут доктринерских предрассудков, но в нем оставалась какая-то социалистическая сентиментальность, неистребимая снисходительность к дерзким детям революции.

... Последним оплотом законности был древний дворец царей, где правительство сопротивлялось, издавая бесполезные декларации. И тут то же самое, та же растерянность, то же бессилие, тот же паралич воли. Ночью Керенский созывает последний военный совет: пытаются установить, какими силами располагают; информации нет. План разработать невозможно. Дан приказ выставить заградительные посты на мостах, но выполнять приказ некому.

...Женщины и юноши, почти дети, вот к чему сводится армия Временного правительства. На что она была способна, кроме как сообщить оттенок славы этой меланхолической странице истории русской революции, что она могла противопоставить концентрированному огню орудий «Авроры», классического крейсера всех мятежей, пушкам Петропавловской крепости и артиллерийским батареям, установленным в арке Генерального штаба напротив дворца?

... Впервые в мире социалистическое правительство объявило себя хозяином страны, осуществив таким образом золотую мечту, которую лелеяли Маркс и Энгельс: осуществив социалистическую революцию путем захвата власти. В Совете под неудержимым натиском мирового пролетариата визионеры и предатели провозглашали падение тронов и правительств. И в гуле этого коллективного безумья, подобия которого можно найти только в средневековье, уже слышался мрачный похоронный звон по огромной стране, превратившейся в объект опытов социальной вивисекции на потребу циммервальдским авантюристам».

Из совокупности всех этих деклараций и оценок, характерных для последних недель 1917 года, ясно видно, что главной заботой союзных правительств и социалистических партий, поддерживавших их военную политику, было желание помешать России выйти из войны.

Они, казалось, не отдавали себе отчета в том, что еще до Октябрьской революции оппозиция русского народа войне приняла огромный размах, проявившийся в растущем дезертирстве, не говоря уж об общем ослаблении дисциплины.

Таким образом советское правительство, приняв 8 ноября, на следующий день после взятия власти в свои руки, знаменитый декрет о мире, заняло позицию, отвечавшую чаяниям, воле рабочих и крестьянских масс.

Клеветнические измышления против Октябрьской революции

5 января 1918 года. Еженедельник «Иллюстрасьон», публикуя статью, озаглавленную «Русское рабство», продемонстрировал свое презрение и ненависть к рабочему классу и народным массам:

«Солдаты и матросы назначены на самые высокие посты военной иерархии, согласно произволу г. Ленина, единственным подтверждением их права на эти посты служит участие в штурме Зимнего дворца, защищавшегося горсткой несчастных женщин.

... Дисциплина, отмененная для солдат, приняла грубую и отвратительную форму по отношению к командирам, с которыми Комитеты, состоящие из рядовых, обращаются крайне недоброжелательно.

На заводах рабочие — всевластные хозяева. Случается, что они запирают на долгие дни хозяина или инженеров в конторе. Представителям дирекции в тех случаях, когда их не выгоняют вовсе без всякого права опротестовать это, часто разрешается звонить по телефону, телеграфировать только под контролем рабочих.

... Народная власть принадлежит Советам рабочих и солдатских депутатов.

... Ношение оружия, бывшее прежде привилегией дворянина и являющееся атрибутом власти, теперь стало правом рабочего, господина нового общества, единственного повелителя народных масс. Как в Москве, так и в Петрограде у буржуа, имевших охотничьи ружья, они были конфискованы, в то время как каждого рабочего снабдили боевым оружием.

... Карикатура на правительственное управление, бредовые картины рабства и тирании, поток злоупотреблений и насилий, претензия на социальный прогресс, а на деле возврат к варварству — такое зрелище представляет Петроград, находящийся во власти большевистского террора. Пожелаем нашим русским друзьям, чтоб этот опыт был возможно более краткосрочен, но при этом достаточен, чтоб излечить их навсегда от эксцессов социализма цезаристского толка, против которого нам и самим не лишне принять меры предосторожности».

2 февраля. Тот же еженедельник опубликовал снова большую статью Сержа де Шессена «Его величество плебс»:

«Обитатели дна, столь снисходительно описанные русскими драматургами и романистами, наконец, вышли из литературы, став сначала реальностью, а затем — властью.

... Россией в самом деле управляют подонки окраин, накипь больших городов. «Известия» тщетно изощряются в том, чтоб нарисовать портрет Ленина, брата социалистических пророков, души, родственной научным реформаторам и революционным героям: родившийся в канаве максималистский государственный переворот бессилен очиститься от врожденного порока, непреодолимая склонность обрекает его на систематический бунт против любой власти; он стремится не к законности, а к господству невежества, тирании челяди, самовластью сволочи.

... Максималистское правительство не только уничтожило росчерком пера частную собственность, государственные обязательства, международные союзы и дружеские связи, все это наследие буржуазии. Оно не только социализировало землю, капиталы, дома, средства производства, заводы. Оно также убило кредит в индустрии, парализовало транспорт, отдало страну во власть голода.

...Максимализм гигантскими шагами ведет Россию назад, в каменный век».

Движения солидарности с Октябрьской революцией

Октябрьская революция вызвала широкий резонанс в международном рабочем движении. В «Юманите» от **29 января** сообщалось о забастовках, происходящих в Австрии.

30 января «Юманите» информировала, что сотни тысяч рабочих бастуют в Германии, Австрии и Венгрии. Рамадье уточнял в статье, что на сорока заводах Берлина прекратило работу 100 000 рабочих, что они вышли на улицу, но полиция рассеяла демонстрацию.

На следующий день, **31 января**, Пьер Ренодель писал об этих забастовках:

«В движении, начавшемся в Германии, рабочий класс выступает с требованием всеобщего избирательного права и права быть непосредственно представленным на переговорах о мире... Английский рабочий класс гребует того же. Он, я полагаю, этого добьется. Французский рабочий класс не останется в арьергарде. Час народного торжества близок. Рабочий класс Германии может его еще более приблизить».

9 февраля. «Юманите» воспроизвела так называемый «документ», опубликованный реакционной газетой «Пти паризьен», «документ», с помощью которого была сделана попытка убедить общественное мнение, что «максималисты» находились на жалованье у Германии.

Комментируя этот «документ», Ж. Б. Севрак подытоживал:

«Приказом 7433 Имперский банк будто бы уведомлял «всех представителей немецких банков в Швейцарии... что запросы о деньгах на пацифистскую пропаганду в России будут делаться из России через Финляндию. Эти просьбы могут быть подписаны следующими лицами: Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Козловским, Коллонтай... По удостоверении подписей указанных лиц, просьбы перечисленных выше русских пропагандистов следует рассматривать как оформленные согласно правилам и немедленно выполнять».

По одному из этих документов «мы устанавливаем,— писала «Юманите»,— что в приказе 7433 Имперского банка... сообщается, что Ленин, Троцкий и т. д. будут направлять просьбы о деньгах из России. Этот приказ датирован 2 марта 1917 года. Однако в этот момент ни Ленин, ни Троцкий, ни кто-либо другой из названных большевиков не был в России и не мог даже подумать о поездке туда, поскольку революция еще не свершилась. Ленин находился в это время в Швейцарии, а Троцкий — в Америке».

Керенский в Париже

После поездки в Англию Керенский прибыл в Париж, где был принят руководством социалистической партии, которому он заявил:

«Было бы серьезной ошибкой полагать, что борьба в России шла между умеренными и более последовательными социалистами. Все демократические организации вынуждены были бороться против темных элементов массы, эта борьба была долгом не только каждого социалиста, но и каждого порядочного человека...

... Я приехал не уговаривать вас, а просто сказать, что все социалисты — от Плеханова до интернационалиста Мартова — считают, что этот режим, который, прикрываясь именем социализма, следует худшим методам царизма,— самая страшная опасность для социализма, потому что буржуазия эксплуатирует пример, который он дает, она пользуется этим примером, чтоб дискредитировать наш идеал» («Юманите», **3 июля 1918 года**).

Керенский поставил перед французской социалистической партией, так же как он сделал это ранее перед лейбористской партией, вопрос о военной интервенции против собственной страны. Это вытекало из статьи, опубликованной Реноделем в «Юманите» от **6 июля:**

«Мы говорим без колебаний, что демократические силы — все республиканцы, социалисты, либералы и демократы — обязаны выступить в защиту России во имя ее возрождения.

Если мы вынуждены обсуждать проблему интервенции, скажем прямо, интервенции военной, необходимо, чтоб эта интервенция производилась в согласии и с одобрения демократов России, которые знают, чего хотят для своей страны. Ради спасения России от немецкого ига нужно, чтоб интервенция была действенной»

Керенский продолжал свою кампанию по разжиганию страстей, выступая перед социалистической фракцией палаты депутатов:

«Сейчас в России осуществляется не диктатура пролетариата, а диктатура германской буржуазии, и осуществляется она самым циничным образом. Это не мое мнение, это — факт».

Говоря так о германской буржуазии, Керенский пустил в ход аргумент, который, как он надеялся, тут же подхватят, но среди депутатов-социалистов были сомнения насчет целесообразности интервенции против России, как это видно из вопросов, заданных Мистралем, депутатом от Изера.

Те, кто поддерживал русскую революцию

Среди тех, кто поддерживал русскую революцию, выделяются три участника Кинтальской конференции — Пьер Бризон, Александр Блан и Раффен-Дюжан.

Пьер Бризон, депутат от Алье, был директором популярного еженедельника,

отражавшего довольно точно умонастроения солдат, утомленных войной и недовольных тем, что в то время, как они страдают от войны, другие на ней наживаются.

В номере от **5 января 1918 года** «Ваг» («Волна») отмечала в рубрике «Парламентская неделя»:

«Против кредитов. Парламент утвердил на первые месяцы 1918 г. кредиты в размере одиннадцати с четвертью миллиардов. Против кредитов, требуемых на продолжение войны, голосовали «три пилигрима» — Блан, Бризон, Раффен-Дюжан и один вольный стрелок Ру-Костадо...

Г-н Пишон, министр иностранных дел (большая заключительная речь): Раньше одержать победу...

Г-н Бризон: Одержать победу с помощью мира; такова единственная реальная возможность (шум среди страусов слева, лягушек в болоте и ночных птиц справа).

Г-н Пьер Ренодель: Социалистическая фракция вновь будет голосовать за кредиты, которых у нас просят для национальной обороны.

Г-н Жан Лонге: Без сомнения, в последний раз. (Громкие крики.)

Г-н Альбер Тома: Говорите за себя! Что касается нас, мы будем голосовать за них до конца войны. (Очень хорошо! Очень хорошо!)

Г-н Жан Лонге: Я выражаю мнение определенного числа моих друзей. (Волненье, движенье в зале.)»

Кроме того, «Ваг» начала публиковать франко-русский социалистический разговорник, вот некоторые примеры из него:

«МИР *: магическое слово, которое все русские произносят с энтузиазмом! Французский перевод — Paix.

ПРАВДА *: название главного печатного органа максималистов в Петрограде. По-французски — Vérité. Царское правительство запретило публикацию газеты. На следующий день после Февральской революции «Правда» появилась вновь. Она была органом Центрального комитета социал-демократической партии, которую возглавлял Ленин.

ТОВАРИЩ *: ...Это слово, которое слышится на всех улицах всех городов России с 1917 года. Переводите: Camarade.

СОВЕТ *: То есть Soviet. Всякое собрание делегатов составляет Совет. Во Франции это слово повторяют после Марселя Кашена, который провозгласил его как лозунг на заседании Национального совета социалистов (...). Советы возникли на всей территории огромной России, как грибы после дождя. Крестьянские Советы, рабочие Советы, солдатские Советы — именно они стоят у власти, они — максималистская революция, иными словами, у власти стоит народ (...). Такого еще не было с тех пор, как мир существует.

БОЛЬШЕВИК, МЕНЬШЕВИК *: Эти два определения (...) соответствуют понятиям «принадлежащий к большинству» или «принадлежащий к меньшинству». (...). Но употребляются чаще для того, чтоб обозначить политическую окраску социалистов, чем для того, чтоб оценить количественную силу группы, которую сейчас вычислить невозможно. Неважно, впрочем, кто из них сейчас более многочислен. Качество важнее количества. Большевики — люди решительные, отважные, смелые, всегда готовые пожертвовать собой. В этом их сила, это помогло им взять власть...»

В номере от **7 февраля** еженедельник Пьера Бризона приводил следующую цитату из выступления Меррегейма:

«Что-то переменилось в Европе. Премьер-министры принимают рабочие делегации и обсуждают с ними вопросы войны и мира. Русская революция тоже прошла через подобный этап...»

В номере от **14 февраля** «Ваг» публиковала биографическую справку о Ленине и подчеркивала, что социалистическая федерация Сены приняла резолюцию кинтальцев большинством в 6000 голосов, тогда как за центристскую резолюцию голосовало 2000, а за резолюцию Альбера Тома — 1473.

Борясь с антисоветской ложью, распространяемой прессой, «Ваг» писала **11 июля:**

«Вся так называемая «информационная пресса» — «Пти паризьен», «Матен» и т. д. — заявила некоторое время тому назад, что максималисты подписали секретный договор с Германией.

Вы помните? Был даже опубликован текст этого так называемого «договора».

Так вот, это была фальшивка. Очередная клевета в пользу интернационала реакционеров.

Некоторые из людей, якобы подписавших этот документ, вовсе не существуют, другие в момент подписания находились черт знает как далеко друг от друга!..

Но будьте осторожны! Если «Пти паризьен», «Матен» и прочие мастера оболванивания и ложной информации обвинят нас в том, что мы украли башни собора Нотр-дам, наверно, найдутся бедные дурачки, которые им поверят...»

---

* По-русски в тексте.

В связи с первой годовщиной Октябрьской революции «Попюлер», директором которой был Жан Лонге, опубликовала специальный номер. «Ваг» писала о нем:

«Здесь можно с пользой ознакомиться с серьезными работами о русской революции. В частности, со статьей Жана Лонге, с обзором общественных преобразований, проведенных Советами в промышленности, торговле, финансах, сельском хозяйстве, народном образовании, в области искусств, статьей, освещающей роспуск Учредительного собрания, с биографией Ленина, с большим эссе Клары Цеткин и т. д...

Как бы ни относиться к тактике большевиков, все это не может не интересовать умного читателя, который до настоящего времени оставался в почти полном неведении относительно происходящего в России...»

...«Ваг» называла русских социалистов, не переставших клеветать на большевиков во Франции и в других странах, не переставших поносить свою родину, «торговцами нового образца»:

«Их корыстным ламентациям мы предпочитаем французские свидетельства. В частности, то, что пишет честный капитан Садуль, хоть он и принадлежит к умеренным социалистам и друг Альбера Тома, с которым и приехал в Россию. Он видел, как совершалась русская революция, он воочию видел дела и силу большевиков и сделал вывод, что «принять на себя роль палачей великой русской революции, которая, несмотря на какие-то промахи, остается замечательной силой идеализма и прогресса, означало бы покрыть себя навеки позором».

Русская революция существует. Существует русская социалистическая республика в стадии формирования. Так пусть эти полпреды русского раскола отправляются защищать ее. Кстати, это дало бы им возможность ее усовершенствовать, если она им не нравится. Это будет, право же, социалистичнее, чем хныкать здесь, подобно детям, которых лишили сладкого.

Вы не имеете права упрекать максималистов, что они пользуются неправильным методом,— они приняли на себя трудную задачу направлять первые шаги новой России.

Подлинные революционеры проявляют единство с Советами, а не стреляют в них, как это сделали вы в Ярославле. Улучшают их, если нужно, но изнутри; осуществляют единство русских социалистов против сил прошлого: царизма, капиталистов, помещиков. А не философствуют, не интригуют, не изощряются в словопрениях, подобно византийцам, которые спорили между собой в тот момент, когда турки уже стояли у ворот Византии...

Хотят они того или нет, но обстоятельства делают из них и из их друзей и сторонников шуанов и вандейцев мировой социалистической революции...

Так пусть они оставят нас в покое и проваливают ко всем чертям! Их долг — быть в России. Их долг — единство социалистов. Их долг — быть с максималистами в борьбе за новую эру. Их не просят все одобрять. Их просят не предавать».

В своих номерах конца 1918 года «Ваг» перечисляла достижения социалистической революции, над которыми нависла угроза...

Рабочий класс не поддерживал яростную интервенционистскую шумиху. Так, Федеральный конгресс металлистов принял в этот период резолюцию, где говорилось:

«Конгресс шлет русской революции свой привет и живое одобрение. Он энергично протестует против гнусной кампании, которую ведет большая пресса, инспирируемая подозрительными элементами, с целью подготовить общественное мнение к вооруженной интервенции союзников в России. Он указывает, что подобная интервенция была бы на руку международной контрреволюции и представляла бы посягательство на права русского народа устанавливать у себя тот образ правления, который он считает нужным». («Юманите», **14 июля**.)

Кроме того, **17 июля** «Юманите» опубликовала резолюцию конгресса ВКТ, принятую 908 голосами против 253 при 46 воздержавшихся, в которой «порицалась любая вооруженная интервенция стран Антанты в России, расходящаяся с волей самого русского народа».

Некоторое время спустя **28—29 июля** на пленуме Национального совета социалистической партии была принята 1544 голосами резолюция Жана Лонге против резолюции Реноделя, за которую было подано 1172 голоса, и резолюции Блана-Лорио, получившей 152 голоса. По поводу интервенции против Советской России резолюция Лонге гласила:

«Национальный совет заявляет, что социалисты ни под каким предлогом не могут поддерживать проекты русской контрреволюции.

Он заявляет, что в чрезвычайно смутный момент, переживаемый сейчас этой страной, необходима крайняя осторожность. Он выступает против какого бы то ни было вмешательства союзников, которые выступили бы против русских социалистов и посягнули бы тем самым на права народов России устанавливать у себя тот строй правления, который они полагают необходимым.

Во всяком случае, он ставит вопрос о каком бы то ни было вмешательстве в зависимость от единодушного согласия на это вмешательство русских социалистов,

так как без подобного согласия интервенция не может не противоречить интересам Франции».

Резолюция же Ренодель гласила:

«Что касается интервенции союзников в России, то Национальный совет признает, что подобная интервенция полезна как в плане борьбы с германским империализмом, так и для уничтожения Брестского договора, который является договором грабительским и насильническим.

Но в настоящий, чрезвычайно смутный момент, переживаемый Россией, необходима крайняя осторожность, пока законные представители России, то есть депутаты Учредительного собрания, не выразили со всей определенностью своей позиции».

Что касается третьей резолюции, то она выражала полную солидарность с Советским правительством.

В то время как Национальный совет социалистической партии обсуждал вопрос об интервенции, «Юманите» **2 августа** сообщала о депеше из Вашингтона, где говорилось: «Г-н Фрэнсис, посол Соединенных Штатов, прибыл в Мурманск в сопровождении представителей британского, французского, итальянского правительств и других иностранных дипломатов».

«Юманите» **3 августа** опубликовала информацию, согласно которой Архангельский Совет был свергнут в результате антибольшевистского переворота, новые городские власти обратились к иностранным войскам с просьбой о восстановлении порядка. Последние заняли Архангельск без потерь.

Операция в Архангельске является, как это ясно, началом интервенции против первого в мире социалистического правительства, против которого должны были в недалеком будущем объединиться все силы мировой реакции.

Интервенция стран Антанты против Советской России

17 декабря часть французского флота встала на одесском рейде. **18 декабря** 156-я дивизия была передислоцирована из Салоник в Одессу. **19 декабря** генерал Бертло, главнокомандующий частями Антанты на юге России, выпустил обращение к жителям Южной России: «Мы решили прибегнуть к военной оккупации России, чтоб предоставить ее гражданам возможность восстановить порядок».

К концу января 1919 года Южная Россия была полностью окружена: оккупированная зона начиналась от Тирасполя и охватывала все побережье Черного моря. В начале февраля 58-й авиньонский пехотный полк отказался оккупировать Тирасполь, и после многочисленных тщетных попыток сломить его сопротивление командование было вынуждено обезоружить полк и отправить его в Марокко.

Через месяц в Херсоне подразделение 176-го пехотного полка отказалось расстреливать арестованных русских рабочих. 8 марта две роты того же полка, прибывшие в качестве подкрепления в крепость, отказались сражаться. Во всех спорах в качестве аргумента звучало: «Мы не находимся в состоянии войны с русскими: перемирие подписано пять месяцев тому назад! Франция больше не воюет!»

Франция ввязалась в контрреволюционную военную операцию, которая должна была сыграть важную роль в политических событиях 1919 года...

Восстание моряков на Черном море

...5 апреля на станции Койлендорф подразделения 10-го артиллерийского полка отказались выйти на передовую. Мало того, солдаты 7-го саперного полка взбунтовались и, с оружием в руках прогнав офицеров, стали брататься с большевиками.

«5 апреля Одесса была эвакуирована. Целые части уходили из города, опустив штыки к земле, с пением «Интернационала». Нередко приходилось прибегать к помощи греческих частей, чтобы конвоировать взбудораженные французские подразделения. Танки проходили перед зданием Совета, и солдаты кричали: «Берите их! Мы оставляем их вам!» Генералы и высшие офицеры покидали город на кораблях или убегали на машинах, мчась на предельной скорости» (Андре Марти «Дни славы на Черном море»).

2 марта французская учительница Жанна Лябурб, убеждавшая французских солдат в Одессе, что их долг не сражаться с большевиками, была расстреляна по

приказу французского командования. Ее останки покоятся на одесском кладбище, и до сих пор многие склоняются перед ее могилой.

Взятие Одессы большевиками произвело большое впечатление на французских матросов. В субботу 19 апреля начался мятеж на различных кораблях французского военного флота. На борту «Жана Барта», «Франс», «Дю Шейла», «Жюстис». «Верньо» пели «Интернационал».

Определенное воздействие на моряков оказали дебаты в палате депутатов, по рукам ходил «Журналь оффисьель», где была опубликована речь Марселя Кашена от 24 марта, в которой он, в частности, говорил:

«Эти солдаты (58-го полка) вернулись в свое расположение, но на следующий день им вновь приказали предпринять, в еще большем размере, операцию, не удавшуюся накануне. Представьте себе состояние их духа. Они отказались выйти. (Аплодисменты на крайних левых скамьях.) Упрекнете ли вы их в этом, вы — французские депутаты? Что касается нас, мы недвусмысленно заявляем, что они были правы. (Аплодисменты на крайних левых скамьях. Шум, оратору не дают говорить.)

Отныне на это обречены все попытки насилия, направленного против народов. Народы кончат тем, что осознают свою солидарность бедняков и жертв и обратят эту солидарность против вас... Слово принадлежит социальной революции».

Французский военный флот, потрясенный взрывом черноморского восстания, уже не годился для продолжения борьбы против большевиков. Суда, находившиеся далеко от центра операций, откликнулись на события, происшедшие на Черном море, как, например, «Гишан», на борту которого находился Шарль Тийон.

Матросы и солдаты, воспротивившись на Черном море интервенции, направленной против русской революции, вынудили французское правительство отозвать свой флот; они сослужили большую службу Советской России, и хотя они и понесли тяжелые наказания за свои действия, зато внесли свой вклад в великое дело социалистической революции.

Разочарование интервенционистов

Газета «Матен», верный и страстный голос интервенционистов, не скрывала разочарования этих последних, когда писала 9 апреля:

«Мрачный звон колоколов доносится сегодня с Востока. Одесса во власти большевиков. Антанта, одерживающая победы во всем мире,— Британская империя, Французская республика, Соединенные Штаты и их союзники,— вся эта могущественная коалиция отступила перед несколькими отрядами московских рабочих.

Чичерин в своих радиотелеграммах ликует. Ленин приказал вывесить флаги.

Завтра мы можем потерять и Крым. Наши военные базы на Черном море сведены на нет.

На этом участке земного шара союзники отступают...»

Многозначительны заголовки статей этой газеты, посвященные положению в России:

11 апреля. «Крым сдан большевикам. Великий князь Александр поделился с нами своим отчаянием, он видит в этом конец России».

15 апреля. «Большевики угрожают Севастополю. Красная Армия завладела Симферополем...»

Активность народных масс Франции

Агрессивные действия французского правительства против Советской России и Венгерской советской республики вызывали глубокое неодобрение в различных кругах Франции. В связи с этим Национальный комитет Всеобщей конфедерации труда избрал 28 мая 1919 года делегацию из 15 членов комитета, которая должна была передать Жоржу Клемансо, председателю совета министров и президенту Мирной конференции, резолюцию, в которой содержалось требование «прекратить какую бы то ни было вооруженную интервенцию в такие страны, как Россия и Австро-Венгрия, где происходят социальные преобразования».

Эта позиция ВКТ выражала чувства рабочего класса, чувства, которые нашли выход также в мощном забастовочном движении (в нем участвовало 250 тысяч трудящихся), начавшемся вскоре среди рабочих парижской металлургической промышленности и других отраслей.

Из печати того времени узнаешь, что во время многочисленных митингов, организованных профсоюзами, кроме чисто профессиональных требований — увели-

чение заработной платы, установление предела минимальной оплаты, переход на английскую неделю, выработка правовых норм для персонала и т. д.,— ораторы призывали забастовщиков выступить с политическими требованиями, протестуя против дипломатического и военного вмешательства в дела России и Венгрии, добиваясь амнистии, немедленной демобилизации и т. д. Они добивались согласования действий всех корпораций, всех профсоюзных федераций, участвовавших в забастовочном движении,— работников общественного транспорта, служащих торговой сети, шахтеров и т. д., согласования действий с бастующими профсоюзами союзных стран.

4 июня поутру забастовщики собрались во многих залах Парижа — в Доме профсоюзов, на Бирже труда, в зале «Каршер», на бульваре Тампль, на улице Клода Декана, в зале «Эгалитер», на улице Буайе и т. д., а также в пригородах — в Аньере, Женвилье, Коломбе, Баньоле, Монтрее, Венсенне, Булонь-Бийанкуре и т. д.

Национальный профсоюз работников связи, со своей стороны, на своем первом съезде в Валансе принял 7 июня (при четырех голосах против) следующее обращение к ВКТ:

«Работники почты, телефона и телеграфа, поднявшись над корпоративными интересами, выражают энергичное осуждение всяких военных операций и всяких более или менее замаскированных маневров, целью которых является затормозить дело освобождения народов, начатое этими народами».

Парламентские дебаты об интервенции

11 июня «Матен» сообщила о дискуссии, вызванной запросом об оставлении Одессы:

«Открыл серию запросов г-н Виолетт, депутат от Эры-и-Луары...

Г-ну Виолетту совершенно ясно, что Франция не хотела экспедиции в Россию. Но правительство пожелало ее предпринять. Был установлен военный режим без объявления войны, чтоб не возбуждать общественное мнение...

Задетый этими словами г-н Абрами (заместитель государственного секретаря) счел должным объясниться. Он заявил, что приказ об эвакуации был действительно направлен 28 (марта)... Если г-н Пишон не сообщил об этом в палате депутатов, то это объясняется тем, сколь важно было, чтобы противник не знал о наших намерениях.

Во всяком случае, заключил г-н Абрами, бесспорный факт, что после 28 марта ни один солдат, включая добровольцев, не направлен в Россию. Действительно, на Восток были направлены войсковые части, это вызвано необходимостью, так как мы должны обеспечить соблюдение перемирия в трех странах, но в Россию не было послано никого... Если даже негритянские части и были посланы в Одессу, то они там не высадились.

— Ясное дело! — вскричал г-н Виолетт.— Как они могли высадиться, если мы были вынуждены сдать город...

Истина состоит в том, что приказ был изменен. 2 апреля нашим частям было сообщено, действительно, чтоб их успокоить, о прибытии греческих войск.

Местные советы указали генералу Ансельму, что, если войска останутся в городе, это грозит полной анархией.

Тогда 4 апреля он приказал начать срочную эвакуацию, между тем как за несколько дней до того ее можно было проделать в полном спокойствии и порядке...

Удивительное дело, наши части смогли отступить без трудностей только благодаря большевикам.

И г-н Виолетт заключил: этим отступлением не приходится гордиться, оно результат вашего дурацкого упрямства. Было время, когда вы защищали в России политику Распутина. Каковы, любопытно знать, там ваши интересы сегодня?..»

Заседание 12 июня

В ходе обсуждения парламентских запросов депутат-социалист Гуд зачитал письмо одного из моряков с Черного моря, где, в частности, говорилось о событиях 20 апреля:

«Мы не хотели сражаться против русской революции, в которой никто, даже офицеры, ничего не понимает.

...Во время эвакуации Одессы большевики не только не стреляли в нас, как можно было ожидать, но и помогали нам эвакуироваться.

Когда мы прибыли в Севастополь, «Жан Барт» в благодарность дал по ним не знаю сколько залпов из своих орудий.

Тогда мы предъявили требования командиру. Повторяю, люди сказали ему: «Мы ничего не хотим. Мы ничего не имеем ни против вас, ни против офицеров, но мы вам заявляем, что, если вы хотите вернуть нас во Францию, мы оставляем руководство в ваших руках, в противном случае мы от имени экипажа берем с этой минуты всю ответственность на себя».

Гуд добавил, что матросы твердили одно:

«Мы не хотим участвовать в этой войне, за которую не голосовал парламент. Мы хотим вернуться во Францию».

Он продолжал:

«Матросы оставались верны Франции, но они хотели показать, что находятся в состоянии революции. Красное знамя, помещенное утром на бугшприте, в полдень развевалось на грот-мачтах всех французских судов, стоявших на рейде. Служба — заметьте — неукоснительно соблюдалась на борту, в том числе все наряды, угольный, как и все прочие. На борту «Жана Барта» делегаты придумали играть во время выхода угольного наряда музыку, которая обычно игралась только для адмирала...

Матросы говорят: «Мы сыны Великой французской революции».

«Во Франции существует правительство, конституция, уложения, указывающие, когда могут быть приведены в действие сухопутная армия и военный флот. Все, выходящее за рамки этих уложений,— нарушение конституции, и мы на это не пойдем». На этом они стояли твердо. («Очень хорошо! Очень хорошо!» — с крайних левых скамей.)

Переговоры продолжались в течение четырех дней, и к концу этого срока — я прошу министра обратить на это особое внимание — командир и адмирал, сначала командир, а вслед за ним и адмирал, согласились с пожеланиями делегатов, то есть согласились, чтоб суда вернулись во Францию, а люди больше не принимали участия в бойне, в уничтожении русского населения, и чтоб по прибытии во Францию не было применено никаких санкций, а напротив, чтоб люди получили увольнительные.

Командир «Жана Барта», капитан I ранга Куэдик де Кереван, был, впрочем, единственным офицером, которому во время всех этих событий была оставлена полная свобода передвижения...

Г-н де Кергезек: Это весьма достойный офицер!

Г-н Гуд: Капитан I ранга, пользовавшийся большим уважением экипажа, обязался от имени адмирала Аме и в его присутствии, что не будет применено никаких санкций.

Он дал от имени правительства, а следовательно, от имени Франции, свое честное слово, что за события на Черном море матросы не подвергнутся никаким санкциям.

Мы обращаемся сегодня к министру военно-морского флота и напоминаем ему, что его долг — и мы убеждены, что таково же его желание,— сделать так, чтоб это честное слово было выполнено. (Аплодисменты на крайних левых скамьях.)

Еще одно письмо матроса, бывшего на Черном море

Г-н Брак: Я хотел бы ознакомить палату депутатов с очень коротким документом... Речь идет о письме матроса, молодого человека, бывшего на борту «Жана Барта». Это письмо адресовано семье, он знакомит родных с положением, в котором оказался, знакомит очень бегло, вовсе не имея в виду послужить какой-либо политической партии.

Я прочту письмо полностью, оно короткое. Я опускаю только в начале и в конце письма несколько фраз, которые носят совершенно интимный характер:

«Я был в Севастополе, на «Жане Барте», это флагман адмирала Аме.

Мятеж вспыхнул на «Жане Барте» в ночь с субботы на воскресенье, на пасху. За несколько дней до того воззвание адмирала оповестило нас, что мы идем сражаться с Советами. В нем говорилось примерно так: «Правительство Советов потребовало восстановления своей политической власти в Севастополе; мы не нашли в этом ничего неприемлемого, но делегаты добавили, что они хотят, чтоб мы ушли из Севастополя с позором: на это мы согласиться не могли». В конце адмирал говорил, что он рассчитывает, что каждый выполнит свой долг.

В среду перед пасхой после полудня мы бомбардировали окрестности Севастополя, главным образом холм с рощицей, где, должно быть, стояли большевики с 140- и 305-миллиметровками. Потом «Жан Барт» прекратил огонь. В тот момент на рейде были «Жан Барт», «Верньо», «Жюстис», «Франс». «Мирабо» стоял в доке.

В субботу вечером, около восьми или девяти часов, послышались крики, раздававшиеся одновременно на «Франс» и «Жане Барте». Я услышал, как кричат: «В Тулон! В Тулон!» Потом все кинулись на нос. Кто-то сделал красный флаг и

поднял его на носу; на других кораблях произошло то же самое. Адмирал и второй помощник явились нас уговаривать, без большого успеха; только один командир смог, поскольку экипаж его очень любит, добиться, чтобы красный флаг был спущен. Тут пришли делегаты со всех кораблей, которые хотели говорить с адмиралом; адмирал твердо пообещал, что эскадра уйдет из Черного моря не позднее, чем через две недели, уведя с собой «Мирабо», и увезет материальную часть и наземные войска. Обещание было выполнено; некоторое время спустя мы вернулись в Константинополь. Я думаю, что мятеж произошел прежде всего из-за того, что мы были очень далеко от Франции, которую многие не видели вот уже два года, а потом из-за дружеских чувств, существовавших между французскими моряками и русскими гражданскими, которые не пытались скрывать — особенно рабочие,— что они большевики, и братались с нами. («Очень хорошо! Очень хорошо!»)

Г-н де Шаплен, депутат-реакционер, которого меньше волновала судьба французских моряков, чем борьба против власти Советов, выступил в этой дискуссии, заявив:

«Вчера в наших дебатах прозвучало имя известного русского патриота — имя Бориса Савинкова. Его позиция, его преданность делу Колчака доказывают, что в самой России в настоящий момент есть немало социалистов, являющихся сторонниками признания омского правительства. Невозможно оспаривать, что этот человек пользуется влиянием в своей собственной стране, что он популярен в России, за границей, в русских кругах...»

И далее:

«Мы должны выбрать одну из двух возможностей: либо потворствовать большевистским лигам, распаду России, анархии, хаосу; либо признать правительство Колчака, то есть русскую демократию, возрождение франко-русского союза. И если мы решаем признать Колчака, это нужно сделать быстро и полностью, господин министр. Нужно разом пресечь слухи, что демократическая Россия оставлена друзьями, нужно предоставить в ее распоряжение оружие, в котором она нуждается. А если кто-либо мне возразит, что это влечет за собой новые расходы для Франции, я отвечу, что имеются запасы оружия, запасы почти неисчерпаемые, и не так далеко отсюда — в Германии. Вот первая мера, которая должна быть принята нами: следует обязать Германию снабдить оружием русских патриотов, чтоб они могли поставить на ноги отчизну, поверженную немцами...»

Таким образом, этот деятель рассчитывал на помощь Германии в деле подавления русской революции.

Речь Марселя Кашена

Заседание **13 июня.**

Г-н Кашен: ...Г-н Гуд установил здесь с абсолютной ясностью и убедительностью, что эти люди отказались сражаться с другими людьми, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Они защищали закон и конституцию. Вы не можете ничего поделать с этой истиной, с этим утверждением: мы не находимся в состоянии войны с Россией. («Очень хорошо! Очень хорошо!» — на крайних левых скамьях.) Они не могли поступить по-другому. Разве здесь, на этих самых скамьях, мы не видели некогда человека, офицера, который тоже, в 1877 году, сумел поставить свою совесть выше некоторых незаконных приказов? Разве не был одним из нас майор Лабордер, к которому все республиканцы этой страны питали глубочайшее доверие? (Аплодисменты на крайних левых скамьях.)

...Прежде всего вспомним, каково было начало военной акции, закончившейся столь плачевно? Если вы помните, оно относится к лету 1918 года, когда союзники впервые оккупировали русскую территорию силой оружия — оккупировали Россию, которая была союзной державой, не забывайте об этом,— они воспользовались тогда неким предлогом и не преминули прикрыться им перед нами.

Они говорили в тот момент, в 1918 году, что немцы угрожают захватить Россию; они заявляли, что даже победоносная война на нашем фронте, если она закончится господством Германии над Россией, будет войной, проигранной для нас.

Они решили тогда захватить Россию. Вспомните — и позвольте мне огласить его — призыв, который они адресовали народу России. 11 августа 1918 года они обратились к народу России со следующим манифестом:

«Наши войска вступают на территорию России и не преминут оказать вам поддержку в борьбе против Германии. У нас нет намерения навязать России какую бы то ни было политическую систему. Судьбы русского народа находятся в руках самого народа. Только он сам может выбрать себе форму правления и найти разрешение своих социальных проблем».

Кроме того, вы говорили России: мы не дадим тебе умереть с голоду. Мы придем к тебе на помощь в час разрухи, голода и нищеты.

Вот что вы утверждали в августе прошлого года.

Но и после падения милитаристской Германии вы продолжали лелеять свой план вторжения. Вы возбуждали против революционной России все иноязычные народы внутри страны, все народы, жившие на границах с Россией. Вы попытались поднять их против России, вооружить их и с их помощью удушить ее. Вы здесь вслух отстаивали эту теорию. Это была ваша пресловутая концепция санитарного кордона. Вы хотели затянуть петлю на горле русской революции. Вы хотели убить ее голодом, удушить, и частично вы в этом преуспели.

... Впрочем, вам не удалось осуществить полного окружения революционной России...

И тогда вы решили захватить ее собственными силами. Вы хотели послать туда наших солдат, наших матросов. Тайными соглашениями, условия которых не известны ни одному из депутатов парламента, вы предусмотрели раздел этой страны — вашего союзника — на зоны влияния. Одни зоны влияния вы отвели себе, другие были отведены нашему союзнику — Англии. Англичане направились на берега Каспия, там они оккупировали нефтепромыслы, теперь они там обосновались.

Они сейчас на Балтике — оккупируют остров Эзель; на какой срок? Они обосновались в Мурманске и Архангельске. На каких условиях? С какими экономическими целями?

Что касается вас, то вы сказали — мы берем на себя Южную Россию. И вы, действительно, взяли ее на себя.

... Вчера совершилось событие серьезнейшего политического значения, результат долгих и многотрудных усилий г-на Пишона и всей международной реакции, его поддерживавшей. («Очень хорошо! Очень хорошо!» — на крайних левых скамьях.)

После долгих колебаний — колебаний, достойных всяческого уважения,— адмирал Колчак был признан главой единственного русского правительства, с которым отныне может вести переговоры Франция. Я коротко исследую перед вами последствия этого нового и неожиданного акта...

Он уже даже не в Уфе, у него осталось всего несколько войсковых частей у подножия Урала; мы предпочли всем генерала, пережившего накануне разгром — он оставил в руках большевиков 45 000 человек.

...Но если вспомнить исторические республиканские традиции нашей страны, то здесь нет ни одного человека, который вправе не отдавать себе отчета в том, что наше признание Колчака воссоздает сейчас, через сто двадцать лет, ситуацию, когда эмигранты призвали в 1791 году герцога Брауншвейгского пойти на Париж. (Бурные аплодисменты на крайних левых и некоторых левых скамьях).

... Предоставьте русскому народу, господа, отныне самому избирать собственную судьбу; не вмешивайтесь в его дела; не берите на свое содержание худших реакционеров, стремящихся поработить его! Позвольте ему управляться так, как он это считает нужным. И еще — верните оттуда солдатиков, которые находятся там против собственной воли, не наказывайте тех, кого вы именуете севастопольскими и одесскими мятежниками... (Движение в зале.)»

Эти парламентские дебаты отражают ту волну сочувствия к черноморским солдатам и матросам, которая прокатилась по всей стране, выражаясь в требованиях амнистии, в горячей и широкой кампании за нее, закончившейся в итоге, после долгого периода борьбы, их освобождением...

Сколько стоила антисоветская интервенция

23 сентября. «Тан» под заголовком «Россия». Стоимость операций» писала: «Г-н Марсель Кашен, депутат, потребовал от министра иностранных дел: 1) установить и огласить общую сумму, выплаченную с ноября 1917 года из нашего национального бюджета на дипломатические, военные, морские операции всех родов против русской Советской Республики; 2) приплюсовать к этой сумме все расходы, утвержденные французским правительством, на поддержку мятежных русских генералов и адмиралов, которые, будучи на содержании у союзных держав, борются против правительства своей собственной страны».

Вот ответ г-на Пишона, датированный 18 сентября:

«Сейчас не представляется возможным уточнить во всех деталях или даже в совокупности все расходы, произведенные в России с ноября 1917 года на дипломатические, военные и морские операции... Ввиду многообразия элементов (Северная Россия, Балтика, Южная Россия, Сибирь) никаких итоговых сведений в настоящий момент представить невозможно...

Политика, которой мы придерживались в России как в отношении большевиков, так и в отношении различных правительств, фактически стоявших у власти, является результатом ряда последовательных соглашений с союзными и дружест-

венными державами и была многократно представляема парламенту и им одобрена».

Понятно, что французское правительство не стремилось сообщать какие-либо точные сведения о фондах, выделенных на интервенцию, именно потому, что они были весьма значительными.

Защита советской революции

3 октября. «Юманите» публикует статью Андре Пьера, связанную с избирательной кампанией и озаглавленную «Что такое русская революция?», в которой говорится:

«Чем обязан мир русской революции? Он ей обязан:

1) падением самого самодержавного строя на земле;

2) политическим и социальным освобождением народов Центральной Европы;

3) революционным взрывом в Германии и Австро-Венгрии и, в результате этого, окончательной победой союзников над центральными державами;

4) первой попыткой осуществления социалистической республики, к которой рано или поздно придут все страны.

Русская революция, вслед за французской революцией,— самое великое событие современной истории».

12 октября. «Юманите» опубликовала статью Анри Барбюса «Мы обвиняем».

В этой статье Анри Барбюс, как всегда, защищал благородное дело, страстно упрекал правительства Франции, Англии и Америки за клевету, ложь и вооруженную интервенцию, направленные против Республики Советов, и заключал:

«Товарищи, мужчины, юноши, женщины, матери будущих мучеников, ветераны, в чьем сердце проклятье войне, работники физического и интеллектуального труда, объединенные — хоть и не все это понимают — общими интересами на земле, французы, еще не утратившие уважения к благородным освободительным традициям Франции, которые стараются замарать и задушить в России, солдаты всех стран,— дети и женщины умирают, громоздятся горы трупов! Преодолейте перед лицом этих событий грубое невежество, чудовищную слепоту эгоизма, инерцию, постыдные чувства. Откажитесь от поддержки деспотизма и варварства.

Спасите истину человечности, спасая русскую истину. Будьте уверены, что грядущие поколения будут судить о порядочности людей нашего поколения в зависимости от того, поднялись ли они в эту минуту, чтоб крикнуть «НЕТ!»

Нетерпение реакции

15 октября. «Тан» под заголовком «Разрешить русскую проблему» опубликовала в своем дневном выпуске статью, которая свидетельствовала о некотором нетерпении:

«...Вы переписываетесь с германским правительством, этого явно недостаточно. Вы разрабатываете планы обильного вооружения эстонцев, латышей и литовцев? Этого тоже мало, и это может стать опасным к тому же. Кто даст вам гарантии, что литовские ружья не будут стрелять в поляков, что эстонские и латышские ружья не перейдут к большевикам?

Почему не посмотреть прямо в глаза действительности? Проблема прибалтийских стран неразрешима, пока не будет разрешена русская проблема.

А почему русский вопрос остается неразрешенным? Потому что союзные и дружественные правительства до сих пор не составили себе ясного представления о большевизме.

Некоторые продолжают действовать, как если бы большевизм был доктриной, и даже доктриной демократической.

Разделить земли между крестьянами, избрать правящие органы всеобщим голосованием, создать профессиональное представительство — все эти реформы не были придуманы Лениным. Другие режимы шли в том же направлении и делали даже больше!

Коммунизм сам по себе не есть нечто свойственное только современным большевикам: к нему инстинктивно тянется великорусский крестьянин.

Но для большевистского режима зато особенно характерно, что на большевистскую пропаганду, центр которой находится в России, направлены за последние полгода за границу суммы, общий итог которых достигает 60—80 миллионов рублей...

Еще раз, пора с этим покончить! Нужно, чтоб союзные и дружественные державы признали официально русское омское правительство (Колчака).

Нужно, чтоб Германию обязали передать этому правительству, представленному на Западе армиями генерала Деникина и Юденича, не только 400 000 русских ружей и несколько сотен русских пушек, уже обнаруженных за Рейном, но также снабдили их, за счет репараций, всеми военными материалами, которые будут сочтены необходимыми. Нужно также, чтобы союзные и дружественные державы договорились об обеспечении реорганизаторов России финансовыми ресурсами, отсутствие которых ставит под угрозу результаты их усилий.

Осознаем урок, данный нам событиями на Балтике. Поспешим разрешить русскую проблему...»

Таковы были точные указания, данные державам Антанты тузами «Комите де форж», которые были готовы на все, лишь бы раздавить революцию.

Французский капитализм был своего рода острием копья, направленного против Советов...

Протест писателей

26 октября. «Юманите» опубликовала протест группы писателей против блокады Советской России:

«Мы считаем, что дело тут не в политике и даже не в том, является ли строй, установленный в России,— как это говорят — опасностью для порядка во всем мире. Тяжкое преступление совершается против людей, преступление, из которого не может получиться ничего хорошего ни для кого. Мы отказываемся от соучастия в этом преступлении, соучастия, которое выражается хотя бы в нашем молчании. Всеми силами сердца и духа мы протестуем против акта, недостойного человеческой совести вообще, недостойного традиций нашей страны, в частности».

Под текстом подписи 71 писателя и деятеля культуры, в том числе Анатоля Франса, Жоржа Дюамеля, Жюля Ромена, Жана-Ришара Блока, Анри Барбюса, Эли Фора, Виктора Маргерита, Стейнлейна, Синьяка, Пикара-ле-Ду, Вламинка, г-жи Отан-Лора и г-на Отана, Ингельбрешта, Виктора Баша, Адамара, Эмиля Кана, Шарля Жида. 30 октября П. Ланжевен, Жан Тексье, Эмманюэль Леру также присоединились к подписавшим этот манифест.

Ромен Роллан опубликовал в печати под заголовком «Неодолимое воскресение» письмо, в котором он говорил, в частности, следующее:

«Мир отдан во власть породе хищных и пронырливых интендантов, которые, прикрываясь именем республики или именем королевства, трудятся ради удовлетворения собственных страстей и собственных интересов. Досадно думать, что столько хороших людей, трудящихся с чистым сердцем, даже и в рядах буржуазии, все еще позволяют себя обманывать. До тех пор пока великая ложь не будет рассеяна, невозможен никакой серьезный и широкий социальный прогресс. Каждая попытка обновить устарелый, прогнивший порядок будет подавлена, как подавляются сейчас хаотические и грандиозные усилия наших русских братьев. Но никогда не угаснет вечное стремление к новому, более справедливому и более человечному порядку. Тысячу раз задушенное, оно воскреснет тысячу и один раз».

Конкретные действия против интервенции

24 октября. «Тан» весьма разгневанно разоблачала директиву противостоять правительственной политике интервенции в России, данную Объединением профсоюзов департамента Сены членам своей организации и неорганизованным рабочим. Она пишет:

«Быть может, не было придано достаточно значения недавнему «коммюнике» Объединения профсоюзов департамента Сены, которое обязывает рабочие организации, чтоб каждая в своей профессиональной области попыталась выяснить, какова материальная помощь, вложенная ими в снабжение русской контрреволюции».

Здесь содержится явное доказательство того, что руководители профсоюзов намерены эксплуатировать рабочие организации в политических целях, а также и того, что они намерены прибегнуть к непосредственному действию, чтобы воспрепятствовать, в пределах их возможностей, проведению в жизнь решений союзных правительств. В самом деле, профсоюзным организациям департамента Сены предлагается изучить, «какими путями они могут помешать производству и транспортировке боеприпасов, материалов и амуниции всякого рода, необходимых для

действующей армии, которые наше правительство, вопреки ясно выраженной народной воле, упорно посылает армиям Деникина и Колчака».

Ясно видна непосредственная цель «практических действий», о подготовке которых идет речь; ясно видно, каким образом делается попытка парализовать через профсоюзы усилия цивилизованных наций, направленные против большевизма. Соучастие людей, которые здесь, на Западе, присваивают себе право говорить от имени демократии, бросается в глаза...»

Это было призывом начать репрессии против профсоюзов...

Миллионы на борьбу с большевизмом

6 ноября. Газета «Тан» за десять дней до выборов опубликовала статью «Чего нам стоит большевизм»:

Г-н Клемансо вчера сказал, намекая на большевиков, которые хотят установить свою диктатуру во Франции: «Мы или они, решает сила».

Ясное дело! Но откуда эти внутренние большевики черпают силы? У большевиков вовне.

Франция во второй раз подвергается атаке революционной доктрины, сфабрикованной за ее пределами и несущей в себе пороки другой страны.

До войны нам пытались привить марксизм, развившийся в Германии, в условиях прусского милитаризма, и несший на себе его печать. ... Теперь нам хотели бы привить русский большевизм, родившийся из коммунистического мироощущения, в котором прозябали веками безграмотные великорусские крестьяне...

Маркс был изнанкой Бисмарка, Ленин восходит к самодержцам былого. Мы — мы и наши союзники — отвергаем эту вторую социальную эпидемию. Но, по странному контрасту, мы позволяем ей распространяться в других местах, защищаясь от нее у себя в стране. В Сибири армия Колчака отступает. Армия Юденича терпит поражение к югу от Петрограда...

И, однако, некоторые из союзных держав пошли на большие жертвы, чтоб помочь русским патриотам. Англия опубликовала список расходов и перечень войсковых единиц, которыми она обладает в настоящий момент в России: она потратила около сорока четырех с половиной миллионов фунтов стерлингов, она поставила русским боеприпасов и продуктов питания на общую сумму около тридцати пяти с половиной миллионов... Наконец, она содержит на различных русских фронтах более шестисот офицеров и примерно полторы тысячи солдат.

Когда-нибудь мы узнаем, чего стоили усилия Франции...

Не следует забывать также того, что сделали американцы в Сибири. Но, если не говорить о фронте генерала Деникина, какое несоответствие затраченных усилий и достигнутых результатов! Поэтому Англия, игравшая главную роль в русской кампании 1919 года, сейчас, кажется, намерена ограничить свое вмешательство.

Но не следует из этого делать вывод, что большевизм отныне не будет ничего стоить Англии и другим союзным странам. Как не перестает мужественно растолковывать своим соотечественникам наш собрат «Таймс», отказ от вмешательства в русские дела обойдется Англии еще дороже: она потеряет самое большое количество людей и денег. Не только окажутся как бы несуществующими капиталы, вложенные в России, не только западные державы лишатся всех тех продовольственных и сырьевых ресурсов, которыми могла бы снабжать их реорганизованная Россия, но контрудар русской анархии еще и внесет смуту туда, где мы этой смуты потерпеть не можем. Не говоря уж об опасности грядущей русско-германской кооперации, у нас перед глазами два непосредственных примера. Один из них — Рига, где латвийское правительство находится под угрозой большевистского восстания. Другой — то, что происходит на границах Индии и Афганистана... Нет, прекратить траты на Россию — выход для союзников отнюдь не экономичный.

Но, с другой стороны, они не могут идти на бесконечные траты, которые не дают результатов. Что же сделать, чтоб прогресс был пропорционален понесенным жертвам?

Надо признать, что русская кампания 1919 года пострадала от существенных ошибок. Она могла бы полностью удаться только в том случае, если бы русские патриоты пользовались неограниченной поддержкой соседних государств и «инородцев», живущих на окраинах старой русской империи... Эти условия не были выполнены.

Глухое недоверие соседних государств и инородцев парализовало русских патриотов.

Это недоверие было взаимным...

Всеобщие интересы требуют, чтоб была, наконец, принята иная система организации победы, чему необходимо предпослать организацию единения».

Вот что занимало старика Клемансо, не упускавшего ни одной возможности выразить свою ненависть к Советской революции, прямо пропорциональную количеству капиталов, инвестированных или помещенных французскими капиталистами в бывшей царской России...

По призыву великого Ленина

Октябрьская революция 1917 года изменила лицо мира и факты показывают, что империализм не может помешать движению истории, что соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма, рабочего движения и движения за национальную независимость. В то же время прошедшие годы характеризуются обострением империалистической агрессии и усилением деятельности реакции.

Углубление общего кризиса капитализма, обострение противоречий усиливают авантюристический дух империализма и делают опасность, нависающую над народами, еще более ощутимой — ставят под угрозу дело мира и социального прогресса.

Все чаще и чаще империализм пытается искать выход в военных провокациях, во всякого рода заговорах и военных интервенциях. Американский империализм взял на себя роль мирового жандарма.

В этих условиях постоянное единство революционных сил, непоколебимая верность принципам пролетарского интернационализма становятся особенно важными. Пролетарский интернационализм, международная солидарность тех, кто идет в первых рядах социального прогресса, являются испытанным оружием, необходимым условием успеха борьбы за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

Победы национально-освободительного движения неразрывно связаны с успехами мирового социализма и международного рабочего класса. Нерасторжимый союз этих великих революционных сил нашей эпохи является залогом окончательного триумфа дела национального и социального освобождения народов.

Единство и сплоченность мировой социалистической системы, международного коммунистического движения, движения национального освобождения, всех революционных сил являются гарантией грядущих побед дела мира, демократии, национальной независимости и социализма.

В ноябре 1847 года конгресс Союза коммунистов поручил Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу составить «Манифест Коммунистической партии», ставший основным теоретическим и практическим документом международного рабочего движения.

Семьдесят лет спустя Октябрьская революция 1917 года обратила в живую реальность предвиденья «Манифеста Коммунистической партии»:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Советский Союз и славная партия Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза, заслужили благодарность трудящихся всего мира, всех угнетенных, кто обрел свободу благодаря мощному движению национального освобождения, толчок к которому был дан Октябрьской революцией 1917 года. Вот почему сегодня мы говорим: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!»

Коммунисты всех стран горды тем, что они видят результаты осуществления теории научного социализма, марксизма-ленинизма, которой и они руководствуются в своей деятельности.

И даже те, кто еще не охватил всего исторического значения Октябрьской революции 1917 года, со всем тем, что она повлекла за собой, не могут не склониться перед красноречивыми фактами.

Все в Советском Союзе направлено на создание счастливой жизни человеку, на то, чтоб обеспечить ему условия расцвета. Гуманизм советского общества, так впечатляющий всех людей доброй воли, верующих или неверующих,— предвосхищение коммунистического общества будущего, которое будет материализацией самой древней мечты людей.

Реванш Парижской коммуны

В своей знаменитой работе «Государство и революция», написанной в сентябре 1917 года, Ленин подчеркивал, что Парижская коммуна — первое пролетарское государство, пытавшееся сломить могущество государства буржуазии и соз-

данные им институты подавления: постоянную армию, которую Коммуна заменила вооруженным народом, полицию, служившую состоятельным классам, которую Коммуна полностью преобразовала, бюрократию, которую она стремилась сократить и упростить, духовенство — инструмент духовного угнетения,— которое она поставила на свое место, отделив церковь от государства, судейское сословие, обладавшее так называемой независимостью, но полностью преданное капиталу, которое она заменила новыми органами правосудия, избираемыми народом, ответственными перед ним и подлежащими смещению по его воле.

Из опыта Коммуны Карл Маркс сделал вывод, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей, но должен эту машину сломать и построить иную, отвечающую его классовым интересам, выражению и защите которых должно служить новое пролетарское государство.

Парижская коммуна была государством диктатуры пролетариата, и Ленин в «Государстве и революции» показал, что диктатура пролетариата, которая является высшей формой демократии по сравнению с демократией буржуазной, необходима для обеспечения победы социализма.

В период подготовки Октябрьской революции 1917 года Ленин продумал первый опыт пролетарского правления, каким была Парижская коммуна, по поводу которой еще в 1911 году он заявил:

«Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно».

Героическая попытка коммунаров кончилась поражением, но Великая Октябрьская революция 1917 года была первым реваншем, взятым социализмом над теми, кто считал его навеки сокрушенным, и через полвека после того, как революция была осуществлена, сияние одержанных ею побед излучается на весь мир.

И если Карл Маркс мог сказать в 1871 году: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества», то сегодня, по случаю пятидесятой годовщины Октябрьской революции 1917 года, можно сказать, что это заглавное событие Истории будет вечно прославляться, как отправная точка новой эры в жизни человечества.

Трудящиеся и народы всего мира будут всегда приветствовать славную партию Ленина, Коммунистическую партию Советского Союза, ее бойцов, которые благодаря чудесам политической проницательности, героизму и упорству сумели сберечь ее победы и распространить их влияние, как пионеров, первых строителей нового мира, где уничтожена эксплуатация человека человеком, нового мира, идущего к коммунизму.

Париж, 1967 г.

Перевод с французского Л. ЗОНИНОЙ

ДОКУМЕНТЫ

КЛАРЕНС ДЭРРОУ

Свобода не знает границ

Кларенс Дэрроу (1857—1938) — один из самых выдающихся американских адвокатов, ораторов, общественных деятелей. Сейчас его знают у нас прежде всего по фильму «Пожнешь бурю» (об «обезьяньем процессе»), а в свое время его известность была ничуть не меньше, чем у любой кинозвезды.

В сущности все его защитительные речи были обвинительными: он обвинял порядки, обвинял такое устройство общества, которое вынуждает людей проявлять не лучшие, а худшие стороны своей натуры. «...Придет время, когда преступления исчезнут, но приход этого времени не ускорят тюрьмы, исправительные колонии, виселицы. Это время придет только тогда, когда изменятся условия жизни, которые определяют существование, страдания и смерть человека».

В 1894 году Дэрроу был преуспевающим адвокатом железнодорожной корпорации Северо-Востока. Началась крупнейшая забастовка железнодорожников. Стачечников, членов профсоюзов тогда иначе как «заговорщиками» не называли. Организатором забастовки на железных дорогах Чикаго был Юджин Дебс. «...Может быть, где-либо, когда-либо и жил человек добрее, мягче, благороднее Дебса, но я такого не встречал...» — писал впоследствии Дэрроу. Перед адвокатом встал выбор — с кем идти. И он сделал выбор — ушел из корпорации, бросил прекрасно оплачиваемое место, стал защитником стачечников. Этому выбору он оставался верен всю жизнь. Недаром Линкольн Стеффенс назвал его «защитником тех, кто заклеймен проклятьем».

Стан униженных и оскорбленных был его станом отчасти и по наследству: в доме его отца, сельского столяра, был один из подпольных пунктов, где организовывалась отправка беглых негров в северные штаты. Его полное имя — Кларенс Сюард Дэрроу, так его назвали в честь Сюарда, известного в штате Огайо борца против рабства.

Каждый раз, ввязываясь в драку, Дэрроу знал, что выступает против сильных, против власть имущих. Так было и на знаменитом «обезьяньем процессе» — штат Теннесси против Скопса. Дэрроу защищал молодого учителя, который осмелился в школе Дайтона рассказать детям о теории Дарвина. Формально он проиграл это дело — Скопса приговорили к штрафу. Но для Дэрроу всегда необыкновенно важно было приоткрыть хоть краешек правды как можно большему числу людей.

В 1920 году в Чикаго судили членов новорожденной коммунистической партии. Судили по закону о шпионаже, было это в разгар массового антибольшевистского психоза — «красного страха», раздуваемого реакцией. По указу генерального прокурора Пальмера ни в чем не повинных людей хватали на улицах, бросали в тюрьмы, высылали из США. Во время так назы-

ваемых пальмеровских рейдов только 7 и 6 января было арестовано более 10 000 человек.

Дэрроу не был сторонником коммунизма, он был буржуазным либералом старой закваски, что явно проявляется и в публикуемом нами документе.

Тем более показательно, что он, выступая на этом процессе, оказался «красным адвокатом».

Речь Дэрроу в защиту чикагских коммунистов печатается с сокращениями.

Р. ОРЛОВА

Когда рождается новая великая истина, новая великая идея, необходимая для человечества, от кого она исходит? Не от полиции, не от прокуроров, не от судей, не от адвокатов, не от врачей — нет, не от них. Она исходит от презираемых и отверженных; возможно, она рождается в тюрьмах; ее порождают люди, которые осмелились стать мятежниками и думать по-своему; они и разделяют судьбу мятежников. Одно поколение карает их, другое воздвигает им памятники; так бывало всегда.

Так было и в Америке, так было и в других странах. Так, вероятно, будет снова. То, что я говорю, известно каждому присяжному: вы поклоняетесь мертвым героям, которые погибли за правду. Обвинители, получавшие жалованье, клеймили их презрением, приговаривали их к смертной казни; но следующие поколения поднимали их из могил, очищали от грязи, которой их забросали при жизни, открывали миру великие идеи этих мучеников, которые погибли, чтобы спасти нас. Так было всегда. Может быть, у человечества и нет иных путей. Но все равно: мы должны сделать все возможное, еще и еще раз воззвать к разуму и к чувствам, чтобы не совершать подобных ошибок; вот о чем я прошу вас.

В течение многих и многих лет людей травили и преследовали, нарушая все права, сажали их в тюрьмы; так случилось и с двадцатью обвиняемыми.

Господа, мистер Барнхарт говорит: «Они не верят в конституцию» и «Они осмелились критиковать конституцию». Их судят не за это, господа. Если бы мистер Барнхарт был лучше знаком с историей,— а может быть, если бы он не выступал в качестве обвинителя на этом процессе, он был бы лучше знаком с историей, даже зная при этом не больше, чем знает сейчас,— ему было бы известно, что с тех пор как появилось правительство, многие талантливые люди, начиная с Томаса Джефферсона и кончая Патриком Генри, никогда не верили в нашу федеральную конституцию. Они считали, что ее создали люди, преследовавшие свои личные интересы.

Разве это дело не должно рассматриваться, как любое другое? Вот мой клиент Оуэн. Разве он не имеет права на защиту закона? А считается ли с этим рядовой полицейский?..

Рядовой полицейский дважды нарушил конституцию, федеральную конституцию и конституцию штата, надругался над правами обвиняемого, а прокурор действовал с ним заодно.

Они вошли в дом обвиняемого без ордера на обыск. Они перерыли его бумаги. Они нашли флаг, красный флаг, который он имел такое же право держать в своем доме, как вы имеете право держать зеленый или желтый, а полицейский нагло сорвал этот флаг и повесил на стенку другой. Какое право он имел на это, господа?

Что вы скажете по поводу такого патриотизма, во имя которого нарушаются мои и ваши права, нарушается конституция, и все для того, чтобы попытаться убедить вас и меня?.. Они перерыли бумаги обвиняемого, осмотрели его письменный стол, обыскали весь дом и здесь, в суде, хвастались этим.

В 1930 году Международное бюро революционных писателей обратилось к ряду представителей мировой литературы и искусства с вопросом:
«Какова будет ваша позиция в случае объявления войны империалистическими державами СССР?»
Мы воспроизводим несколько ответов, опубликованных в №№ 4 и 5 журнала «Вестник иностранной литературы» за 1930 год.

■

БЕРНАРД ШОУ

Меня, вероятно, повесят.

■

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

Господа!
М-р Г. Уэллс сегодня вечером получил вашу телеграмму, но, к сожалению, считает невозможным телеграфом ответить на ваш вопрос во избежание недоразумений. М-р Уэллс был всегда противником всяких выступлений против Советского Союза и всегда отстаивает искренние и дружественные отношения с ним.

Мерджори Уэллс

■

Господа, прокурора следует привлечь к уголовной ответственности, и он был бы привлечен к ответственности, если бы конституция в Иллинойсе оставалась в силе.

Кто дал право прокурору штата, обязанному соблюдать конституцию Соединенных Штатов и штата Иллинойс, нарушать закон?

С самого начала и до конца в этом деле имели место вопиющие нарушения законности, попытки разжечь страсти и создать предвзятое мнение, чтобы вы, господа, забыли то, что дорого сердцу каждого настоящего американца; чтобы вы, господа, забыли то, что́ Америка когда-то защищала; чтобы вы сыграли свою подлую роль, не давая человеку высказаться, подавляя его мысль, искореняя свободу слова. На самом деле, господа, вам предлагают способствовать тому, чтобы Америка становилась страной тиранов, доносчиков и ростовщиков, которые попирают законы, конституционные и человеческие права, безнаказанно грабя народ.

Ну, а письмо Оуэна? Оуэн говорит: «Мой сын — музыкант, и я больше всего хочу, чтобы он стал революционером, чтобы он стал музыкантом революции». Вот что говорит Оуэн, и хотя это личное письмо, хотя оно не может пролить никакого света на это дело, его демонстрировали присяжным, чтобы они могли сказать, что Оуэна надо посадить в тюрьму, потому что он написал это письмо.

Господа, я понимаю мистера Оуэна: он поставил высокую цель перед своим сыном. Ни один из раболепствующих временщиков никогда не достигнет такой высоты духа. Если сын оправдает надежды своего отца, он может очутиться в одной могиле с преступниками, а трусливые временщики, которые всегда защищают то, что приносит им выгоду, помогут ему отправиться туда; но именно революционерам воздвигают памятники. Во все века, со времен Моисея, провозвестникам будущего приходилось высекать ступеньки в твердой породе; они пробивались сквозь шипы и колючки, чтобы проложить дорогу вам и мне.

Как вы думаете, что стало бы с миром, если бы не было революционеров? Я хотел бы, чтобы их было как можно больше. Как вы думаете, что стало бы с тружениками, если бы на протяжении всей истории не было таких революционеров? Подумайте о самодовольных и трусливых людях, которые никогда не поднимали голоса против власть имущих. Если бы на свете жили только такие люди, то вы, господа, рубили бы лес и таскали воду. Вы были бы рабами, господа. Этим храбрым революционерам, которые осмеливались думать, осмеливались говорить, осмеливались действовать, вы, господа, обязаны всем, что у вас есть, всем, на что вы надеетесь; и если присяжные лишат человека права стать революционером, то этим самым они сделают все возможное, чтобы обречь на муки весь род человеческий. Не трудно поверить в истину, которую кто-то другой уже считает истиной. Не трудно травить собаками и предавать смерти тех, кто может оказаться лучше вас; людям Новой Англии было легко участвовать в охоте за ведьмами и вешать старух за колдовство; людям, жившим во времена инквизиции, было легко сжигать на кострах тех, кто осмеливался думать; всему этому противостояли революционеры, чьи пламенные сердца освещали путь человечеству к чему-то новому и лучшему.

Я одобряю высокую цель, которую поставил мистер Оуэн перед своим сыном: стать революционером и создать музыку для революции. Совершится ли революция или нет, но голос его сольется с голосами тех, чьи имена бессмертны, и его музыка воспламенит сердца людей. Если он достигнет этой высокой цели, я буду рад за человечество, хоть мне и жаль сына мистера Оуэна: его ждет тернистый путь; его ждут нужда и оскорбления, горе и самопожертвование, утраты и забытая могила.

■

СТЕФАН ЦВЕЙГ

Милостивые государи! Я, разумеется, считаю обязанностью каждого мыслящего человека со всей силой и со всем ожесточением препятствовать попыткам военной угрозы России. Разумные люди и прежде знали, что всякая война представляет собой варварство и недостойный человека атавизм; в XX веке это было исчерпывающе доказано, и я надеюсь, что народы Европы не забыли этого убийственного урока

Попытка вооруженного вмешательства в дела другой страны является поэтому преступной и соответствует только частным и классовым интересам отдельных лиц, но никак не соответствует истинному настроению масс и народов.

Я твердо убежден, что агитация некоторых безответственных лиц, имеющая целью снова послать миллионы или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха. Но этот безусловный оптимизм не должен ослаблять нашей бдительности и нашей готовности решительно бороться с каждой попыткой военной интервенции и предшествующей ей одурманивающей газетной пропагандой.

■

Здесь много говорилось о красном флаге. Я говорю, господа, что у меня есть такое же право иметь красный флаг, как у вас есть право иметь зеленый, желтый или любой другой. У меня есть право иметь один флаг или десяток, и не было еще такого суда присяжных, который отрицал бы это.

Позвольте рассказать вам кое-что о красном флаге. Я объясню вам, почему все тираны мира ненавидят его; я скажу вам, почему всякий, у кого в кармане краденые деньги, ненавидит его; я скажу вам, почему создатели этого закона * ненавидят его, хотя у них нет ни ума, ни воображения. Их ум и воображение, если таковые у них когда-то были, проданы за доллары.

Что такое красный флаг? Господа, его впервые подняли не коммунисты. Его впервые подняли не социалисты. Его впервые подняли не демократы. Он гораздо старше. Он старше всех этих партий.

Красный флаг был на протяжении всей истории эмблемой тружеников, и я хочу сказать, господа, что этот флаг устоял, несмотря на все несчастья, в течение многих веков.

Этот флаг развевался, когда трудящиеся были порабощены; когда их покупали и продавали; когда они создавали свои цехи и когда встречались в каменоломнях и на пустырях, потому что закон запрещал им собираться открыто; когда их сажали в тюрьмы, потому что они осмеливались выражать недовольство из-за заработной платы; когда во Франции их жизнь была в руках короля; когда капиталисты, даже в Америке, превращали их в рабов. Этот флаг — символ страданий трудящегося человека на протяжении веков. Это его знамя, и вы не можете отнять его своим вердиктом на этом процессе. До тех пор пока красный цвет — цвет крови, которая течет в жилах людей, до тех пор пока на рассвете разорванные облака алеют от лучей восходящего солнца, красный стяг останется знаменем рабочих.

Я не знаю, осуществится ли коммунизм. Я не знаю, настанет ли когда-нибудь такое время, когда люди будут достаточно добры, достаточно человечны, чтобы сказать: «Вот мое, я объединяю его с твоим, и мы будем работать вместе для общего блага». Может быть, так и будет. Мне страшно подумать, что это невозможно; я лелеял эту мечту, эту надежду даже в ту пору, когда боялся, что она никогда не сбудется. Я не знаю, сколь это научно. Конечно, кому-нибудь из ученых джентльменов это известно; но есть нечто более высокое, чем наука. Я не знаю, можно ли это выразить холодными математическими формулами. Человек на одну четверть не эгоист, а на три четверти эгоист. Ученые, может быть, найдут какое-нибудь средство, чтобы одна четверть одолела три четверти. Я не знаю, как этот вопрос разрешится математически, но настолько, насколько человек является идеалистом, настолько, насколько его интересует судьба своих соплеменников, настолько он будет верен своим мечтам. И у меня есть свои мечты. Я не знаю, сумеет ли социализм или коммунизм проложить себе путь. Но я точно знаю, что капитализм себя уже дискредитировал. Я знаю, что наша экономическая система — это безумная система, при которой ни один человек не может быть честным, не может не быть эгоистом, при которой ни один человек не может жить, не принося в жертву других.

Я знаю, что современная система не годится. Я знаю, что она делает людей подлыми, жадными, эгоистичными. Я знаю, что она душит все хорошие побуждения в человеке. Я знаю, что при современной системе ни один человек на земле не может быть таким, каким он мог бы стать. Я знаю, что капитализм не оправдал себя и никогда не сможет оправдать. Никто из искренних поклонников капиталистического строя, убежденных, что после смерти попадут

* Закон о шпионаже.

МАТЭ ЗАЛКА

Я награжден орденом Красного Знамени за мою деятельность во время гражданской войны. Я постараюсь заслужить еще один такой знак отличия. Я убежден, что по окончании войны империалистов с Советским Союзом я окажусь уже не единственным нерусским писателем, который награжден орденом Красного Знамени.

ЯН МАТЕЙКА

Во время советской республики в Венгрии я был прокурором первой дивизии Венгерской Красной Армии. Работа эта была оборвана падением советской власти. С тех пор меня посылали на различные фронты советского строительства — я и по сей день не чувствую себя демобилизованным.

в рай, не захочет отправиться туда, если там такие же порядки, как на земле. Мои подзащитные считают, что система, годная для рая, годна и для земли. Они мечтатели. Их принципы складывались в течение многих веков. Не они создали эти принципы. Они унаследовали их по прямой линии от большинства идеалистов мира. Карл Маркс выразил их лучше, чем кто-либо другой. Они мечтатели. Обвинитель был прав, когда утверждал это, но его утверждение прозвучало оскорбительно. Почему, господа, почему? Прокуроры часто оскорбляют обвиняемых — это один из самых обычных и дешевых приемов. Это легко, потому что обвиняемые беспомощны, а прокуроры обладают полнотой власти. Против обвиняемых возбуждено уголовное дело. Они не могут встать и возразить, а также не могут ударить обвинителя топором по голове. Они вынуждены все терпеть.

По законам этой страны они имеют такое же право на свои убеждения, как вы на свои; и все вы говорили мне не раз, что будете защищать права других так же, как защищали бы свои собственные.

Господа, кое у кого личный интерес в этом деле. У тех, кто правит миром. Они хотят зарабатывать деньги. Хотят уничтожить все, что стоит между ними и их добычей. Сегодня им мешают эти двадцать человек. Завтра это будет кто-нибудь другой.

Защитить свою свободу в этом мире можно, лишь защищая свободу других. Вы будете свободны только тогда, когда я буду свободен. То, что может постигнуть меня, может постигнуть и вас, вот почему правительство, не способное защитить всех своих граждан, не должно быть у власти.

Эти люди мечтатели. Они идеалисты. Они верят, что когда-нибудь в будущем наступит время, когда собственность станет общей...

В этом мире достаточно жадности, достаточно зависти и достаточно ненависти; и если людям иногда кажется, что наступит время, когда все будут братьями, когда не будет грязных сделок, когда не будет нищеты, когда не будет ни бедных, ни богатых, когда люди будут жить в мире и братстве,— если они мечтают об этом, то этот идеал следует сохранить для человечества, независимо от того, воплотится ли он в жизнь или нет.

Мистер Барнхарт дал определение пролетария; он сказал, что это человек, который работает за жалованье, не имеет собственности и т. д. Он говорит, что есть другие определения, уничижительные: пролетарий — это самый захудалый рабочий.

Вы правы, мистер Барнхарт, именно таким было определение пролетариата в течение многих веков.

С древних времен труженик был самым презираемым человеком, его покупали и продавали, пороли и убивали, его душа и тело были собственностью хозяина. Во Франции до революции слово «рабочий» означало — «человек без собственности», и у него действительно не было собственности. Сегодня слова «рабочий» и «пролетариат» имеют другое значение. Они означают вот что: те, кто не зарабатывает деньги путем эксплуатации других людей. Вот и все, что эти слова значат.

Почти все люди принадлежат к классу пролетариев; почти все — это, может быть, слишком сильно сказано, но во всяком случае гораздо больше половины; буржуазия не может существовать без пролетариата; пока крупные предприятия находятся в чьих-то руках, должны быть люди, которые работают на этих предприятиях.

Мои подзащитные верят, что наступит время, когда хозяевами предприятий будут рабочие, вот и все. Они верят, что наступит время, когда общество будет организовано так, что хозяевами предприятий станут люди, которые там работают,— вот все, что они имеют в виду. Что в этом плохого, господа присяжные?

ФРИДРИХ ВОЛЬФ

Ответ прост: я беспрекословно последую приказу КПГ и ее ЦК. В свое время забастовка английских транспортников и докеров, проведенная политически правильно, сумела почти парализовать английскую интервенцию в СССР, тогда воевавшем с Польшей. Будущее покажет, в чем должно будет заключаться вмешательство интеллигента во время войны и чем придется пользоваться — пером или оружием. Напомню, что в моей книге «Борьба в угольном районе» описано, как я — тогда городской врач в Ремшейде — помогал прогнать капповские войска.

Может быть, этого никогда не будет, но я полагаю, что каждый человек, которого беспокоит судьба человечества, хочет, чтобы те, кто работает, пользовались результатами своего труда. Может быть, этого никогда не будет, но я хочу, чтобы пришло время, когда люди, работающие в промышленности, стали бы ее хозяевами. Я бы хотел рискнуть, хотя знаю, что при такой системе я сам вынужден буду стать рабочим.

Большинство из вас, господа присяжные, работает на других. В течение долгих тяжких лет трудящиеся не имели права голоса. Господа, а что они имеют сейчас? Насколько законы страны зависят от рабочего? Вы не вчера родились. Насколько зависит от вас, кто будет президентом, или мэром, или сенатором, или кем-нибудь другим? Все знают, что от простого человека практически ничего не зависит.

Я бы хотел увидеть, как будет управлять пролетариат... Я не выступаю в поддержку рабочего или его взглядов на том основании, что он святой; он не святой, он обыкновенный человек. Но я знаю, что в прошлом миром правили собственники, и если может прийти время, когда им будут править рабочие, пусть они попробуют и увидят, на что способны; и если это значит верить в «диктатуру пролетариата» — пусть, почему бы и нет?

Я бы хотел увидеть, как пролетарии будут управлять государством; у других в течение долгого времени была эта возможность, а у пролетариев никогда. Может быть, пролетариат утратит свой идеализм, если начнет преуспевать; так часто случается. Но даже если от этого ничего не изменится, я бы хотел увидеть у власти пролетариев.

Нам здесь говорили: «Ваши подзащитные даже не верят в профсоюзы».

Ну, допустим, что не верят. Я полагаю, что это заявление было сделано ради присяжных, которые являются членами союза.

Мои клиенты имеют право на свою точку зрения. Никто не может сказать, является ли их точка зрения самой правильной, пока она не подверглась испытанию. Нам говорят, что они не верят в социализм. Откуда у обвинителей такая любовь к профсоюзам и к социализму? Есть чему удивляться!

Эти господа стоят здесь и обвиняют моих клиентов в том, что те не являются сторонниками профсоюзов и социализма.

Они заговорили бы по-другому, если бы социализм уже был у наших дверей.

Говорят, что Коммунистическая рабочая партия одобряет Ленина и что мои клиенты верят в него. Они говорят, что мои клиенты симпатизируют Ленину. Это правда, господа, это правда. Ну, а что вы собираетесь с этим сделать? Я скажу вам, что думаю об этом я. Я солидарен с ними в этом вопросе и совершенно не боюсь даже самых придирчивых присяжных в Соединенных Штатах.

...Я знаю, что каждый американец, в жилах которого течет хоть капля красной крови, ненавидит прошлое России. Я знаю, что вы не найдете ни одного американца, который не ненавидел бы царя и все его постыдные деяния. Я знаю, что всякий, кто любит свободу, всякий, кто любит человечность, не захочет избавиться от нового и вернуться к старому; и я знаю, что нельзя свергнуть старое, не заменив его новым.

Кое-что я знаю о России; в течение многих лет я изучал ее литературу; я много читал об ее истории. Я хорошо знаю, что более тысячи лет она была оплотом тирании в Европе. Я знаю, что в ней царили произвол, деспотизм, насилие; что многие мужественные и свободолюбивые люди России были убиты или сосланы в Сибирь, где они погибали во имя любви к ближнему своему. Я знаю, что вы не найдете ни одного американского гражда-

■

ШАРЛЬ ВИЛЬДРАК

Дорогие товарищи!

Вашу телеграмму я получил только сегодня, то есть с большим запозданием, потому что я весь апрель был в разъездах.

Не знаю, пригодится ли вам еще мой ответ, но, во всяком случае, я не хочу упустить возможности послать вам его.

Если империализм объявит войну Советам, моя позиция будет позицией революционера, и я использую все свои силы как человек и писатель для борьбы с подобной попыткой. Прибавляю, что так же поступлю в случае любой войны, угрожающей национальному самоопределению.

Правда, мне, вообще говоря, не представляется возможным, чтобы при нынешнем состоянии Европы и общественного мнения какое-нибудь капиталистическое правительство решилось на военные действия против СССР, но империализм уже давно объявил Советам наступательную и оборонительную войну, войну экономическую, войну прессы и пропаганды, ведущуюся при помощи систематической лжи и шельмования.

В этой войне я остаюсь (и останусь) в числе тех, кто не перестанет протестовать и бороться. Ибо, хотя я и не состою членом никакой политической партии, я считаю, что капиталистический строй — основная язва нынешнего мира, и продолжаю верить в русскую революцию — героическое стремление к новому порядку вещей.

С братским приветом.

■

нина, который, ценя свою репутацию, осмелится сказать слово в поддержку прошлого.

Господа, факт остается фактом. Правительство, которое было у власти в России в течение многих веков, должно было быть свергнуто. Многовековой деспотизм может быть смыт только кровью и слезами.

Я не знаю, удержится ли правительство Ленина; я не знаю, и не в этом суть. Я знаю, что оно есть в России сейчас, и я знаю, что там было раньше; я знаю, что старому пора умирать, а новому — встать на его место; и пусть для этого потребуется еще одна революция или еще сто революций, меня радует, что царское правительство больше не заливает землю кровью.

Я не могу сказать, что ждет Россию в будущем. Я желаю всех благ русским, как и вообще всем людям на земле.

Человеку не дано видеть будущее. За тяжелый занавес, который скрывает настоящую Россию от будущей, никто не может заглянуть. Тем не менее мы знаем, что судьба ткет свою ткань, челнок движется, будущее начинает вырисовываться. Какое будущее — ни вы, ни я сказать не можем. Мы можем только встретить будущее России и всего мира так, как мы встречаем свое собственное будущее. Мы можем встретить его с надеждой и доверием.

Я знаю, ни один порядочный человек не желает возрождения прошлого в России. Я знаю, ни один человек не хочет этого, разве что ради денег. Пытаться предсказывать будущее порядка, рожденного в муках мировой войны, рожденного в муках и нищете великого народа,— это значит пытаться сделать то, что находится за пределами человеческих возможностей. Когда-нибудь мы все узнаем. А пока я надеюсь, что настоящее будет существовать для того, чтобы навсегда умерло прошлое.

Когда я слышу, что русская княгиня работает официанткой в константинопольском ресторане, меня это не волнует: меня беспокоит только один вопрос: получится ли из нее хорошая официантка? Я не знаю, имеет ли она право быть княгиней. Газеты могут печатать подобные душещипательные истории, но у меня они не вызывают слез. Ведь кто-нибудь должен прислуживать за столом, это может быть и княгиня — почему бы и нет? — если, конечно, она хорошо работает. В течение многих и многих лет рабы обслуживали аристократов, а теперь пришла их очередь; да, пришла их очередь.

Господа, я знаю, что говорю от своего имени, но я думаю, что говорю от имени всех людей, любящих свободу и справедливость, когда заявляю, что желаю России добра, и надеюсь, что ее прошлое ушло навсегда; когда я говорю, что, по-моему, ни один американский солдат не должен быть сегодня в России; когда я говорю, что, по-моему, это неслыханное преступление, что они находятся там, когда я говорю, что, по-моему, ни одна страна на земле не должна выступать против права русских распоряжаться своей судьбой.

7 ноября 1919 года, через два года после того, как Ленин стал главой нового правительства в России, мои подзащитные праздновали это событие, и, вероятно, Джек Карней произнес речь. Я думаю, что ему это было приятно. Они показывали московские фотографии, люди там в праздник собирались вместе, бурно радовались тому, что старое общество умерло и родилось новое.

Как бы мне хотелось посмотреть на фотографии этих энтузиастов, мечты которых воплотились в жизнь!

Мои подзащитные праздновали 7 ноября через два года после того, как Ленин пришел к власти.

А теперь, господа, позвольте рассказать вам коротенькую историю. Она не отнимет много времени, но она имеет отношение к этому делу.

Совсем недавно, кажется, это было 14 июля, я получил открытку. Несколько аристократов, считающих, что

ЛЮДВИГ РЕНН

Так же как в настоящее, так называемое мирное время, и в случае войны я прежде всего — солдат Красной Армии мирового пролетариата.

ЭПТОН СИНКЛЕР

Я считаю что советское правительство завершает одно из величайших достижений человеческой истории, и каждый, кто верит в прогресс, должен защищать его, в случае если капиталистический мир выступит против советского правительства.

в Чикаго бунтовщиков следует сажать в тюрьмы, праздновали 130-летие со дня падения Бастилии в Париже.

Разве не удивительно, что в Чикаго так любят свободу чужой страны? Я могу собрать всех банкиров в Чикаго на праздник в ознаменование французской революции, а после того, как они немного успокоятся, перестанут бояться за свои деньги и испытывать страх перед большевизмом, мы сможем собрать их на праздник в ознаменование русской революции и победы Ленина.

Очень легко убедить людей стать сторонниками свободы чужой страны, а не своей собственной — в этом вся беда. А мои подзащитные этого не знали. Они думали, что люди могут быть сторонниками свободы своей страны так же, как и чужой.

Итак, 14 июля мы веселились по поводу разрушения старого и рождения нового. И это происходило в Чикаго, где живут благополучные люди, которые выступают обвинителями на этом процессе, благополучные люди, которые любят справедливость, когда она далека от них, благополучные люди, которые тепло принимают революцию, если она не рядом с ними. Эти самодовольные люди праздновали годовщину французской революции; и респектабельные люди Америки празднуют ее в течение 50 лет, потому что произошло это во Франции, к тому же давным-давно.

Подождите 50 лет и вы найдете другого обвинителя — вы найдете другого обвинителя, который будет посылать людей в тюрьму, в то время как его хозяева будут праздновать годовщину революции в России, свергнувшей царя.

Я помню поразительные слова Карлейля, великого шотландского философа: «Да, гильотина работала; да, кровь текла и людей убивали, аристократы неистовствовали и вопили, но вот в чем разница: в течение многих столетий убивали бедняков, их убивали разными способами, теперь убивают богатых... Отрубленные головы — это головы тех, чьи крики слышал весь мир, в то время как бедняк, простой человек, которого в течение многих лет убивали самыми разными способами, встречал смерть в гробовом молчании отчаяния. Он молчал, потому что не было никого, кто бы слушал про его горе, но однажды он поднялся во гневе и смел власть имущих с лица земли».

Господа, мы умеем забывать. Если в Чикаго можно праздновать падение Бастилии, то почему мои подзащитные не могут праздновать падение Николая?

Жаль, что русским пришлось убить его и вообще пролить царскую кровь, но так как на его совести были все преступления всех царей, вместе взятых, ничто иное не могло быть записано в книге судеб.

Давным-давно сказано, что «без кровопролития не может быть отпущения грехов». Поистине было бы странно, если бы кровь, пролитая во Франции, если бы страдания, которые вынесла Россия, оплачивались бы не кровью, а другой ценой.

Обвинители спрашивали вас, господа присяжные, верите ли вы в «юридическую свободу». Ради бога, скажите мне, что такое «юридическая свобода». Это хитрая ловушка, которую использовали для порабощения людей. Что такое «юридическая свобода»? Люди всегда пользовались «юридической свободой». Те, кого заживо сжигали испанские инквизиторы, обладали «юридической свободой». Это значит, что они имели все свободы, предоставляемые законом. Старики и старухи в Америке, которых вешали за колдовство, пользовались «юридической свободой». Ни один человек, знающий значение слова «свобода», никогда не присоединял к нему определение «юридическая». Свобода есть свобода, а правительство совершает лишь юридические акции. Если какое-либо действие правительства юридически не оправдано, то оно добивается возведения своих действий в ранг закона, и люди, которым в прошлом вырывали языки, которых

АННА ЗЕГЕРС

В случае войны с Советским Союзом долг всякого порядочного человека ясно и определенно стать на сторону Советского Союза и защищать его всеми силами!

УОЛДО ФРЭНК

Без всякого сомнения, я объявлю себя на стороне Советского Союза и всеми доступными мне способами буду помогать ему в его оборонительных действиях.

ЮЛИУС ФУЧИК

Уважаемые товарищи!

После некоторых усилий я добрался до сути вашего вопроса, на который и отвечаю.

По истечении 24 часов с момента объявления войны я **должен был бы** оказаться на плацу братиславских казарм и быть готовым к отъезду на фронт. Я говорю **условно** (должен был бы) так как являюсь членом Коммунистической партии Чехословакии и не могу гарантировать чехословацкому министерству национальной обороны, что его предписание в данном случае совпадет с **приказом КПЧ**.

Это мой ответ на ваш вопрос.

Но мне хотелось бы помимо этого сказать еще и следующее. Сейчас я разъезжаю по Советскому Союзу и собственными глазами вижу чудеса пролетарского энтузиазма. Я вижу грандиозное строительство социализма. Вижу, как вы сажаете СССР на автомобиль, а мужика — на трактор. Я вижу, как под руками пролетарской диктатуры расцвела бывшая отсталая Средняя Азия. И теперь знаю лучше, чем когда бы то ни было, что наша первая обязанность — это **не допустить** нападения обанкротившихся капиталистов на Советский Союз, это драться за отсрочку такого нападения, ибо вам еще необходима передышка.

Это вторая часть моего ответа.

■

кололи раскаленным железом, бросали в кипящее масло, привязывали к позорному столбу, вздергивали на дыбу и пытали до смерти, которым вырывали внутренности, выдергивали ногти, загоняли в тело шипы, все они пользовались «юридической свободой», пока их пытали и убивали. Вот какой свободой вы будете пользоваться, если темные силы в нашей стране — те, кто стоят за обвинителями,— проложат себе путь и создадут свою «свободу».

Я мог бы предсказать, что мир так или иначе изменится. Я мог бы предсказать, что когда-нибудь добро станет в такой степени свойственно человеку, что все мы будем жить в согласии и мире. Я мог бы предсказать, что когда-нибудь на землю спустится голубь, несущий исцеление на своих крыльях и больше не будет ни войн, ни помыслов о войне; каждый человек будет любить ближнего своего, и весь мир достигнет высшего блаженства, и не будет больше нужды, невежества и жадности; и не будет детей, работающих на заводах, чтобы сильные мира сего могли наживаться; и не будет нищеты, и будут побеждены болезни; и будет царить согласие и добрая воля...

Я могу предсказать и другое — что и здесь, у нас, в этой стране угнетатели добьются того же, чего добились в России: они будут выжимать все соки из рабочих, пока однажды Америка не станет свидетельницей самой великой и кровавой революции в мире. Я могу предсказать то, что уже много раз предсказывали в Америке.

Я всегда любил свою страну. Я люблю ее широкие прерии, высокие горы, величественные реки, густые леса, природные богатства, сокрытые в земле. Я люблю свободу, родившуюся благодаря новым идеям, благодаря конституции, созданной революционерами и защищаемой революционерами, конституции, утвержденной в борьбе и мятежах. Я знаю, что свобода создает богатство, а богатство уничтожает свободу. Я знаю, что страна, не отстаивающая свободу, теряет ее. Я знаю, что человек, не защищающий свои права, не имеет никаких прав, и я считаю первейшим долгом каждого американского гражданина — защищать свою свободу и свободу своей страны, свободу, которая у нас есть и которой мы еще можем добиться.

Я хочу сказать вам, что в истории каждый шаг вперед отмечен кровью и слезами. Все то, что завоевывалось в старом мире, оплачивалось дорогой ценой: жизнью, кровью, страданиями, физическими и душевными. Мир полон могилами жертв. Отстаивая свои убеждения, люди гибли, но потом им воздвигали памятники. Обвинители, присяжные и судьи приговаривали их к смерти. Но человечество двигалось вперед по их искалеченным трупам, и дорогу ему освещали пламенные сердца этих преданных свободе людей.

Перевод с английского В. ЛИБЕРЗОН

ДОКУМЕНТЫ

НИКОЛАС ГИЛЬЕН

В Регле, когда умер Ленин

Возможно, многие кубинцы не знают, что Регла, «заморское селение Регла», как пишут банальные хроникеры,— это самый крошечный муниципальный округ нашей Республики В то время как некоторые районы и провинции протянулись на несколько тысяч квадратных километров (как, например, Камагуэй, самая большая провинция Кубы, в которой 6 348), Регла занимает всего-навсего... три квадратных километра, а население ее не составляет и 30 тысяч человек. Однако в конце XVIII века, и особенно в начале XIX, до 1812 года, здесь жили креолы и испанцы численностью не менее двух тысяч. В 1960 году уже существовала одинокая часовенка на том самом месте, где сейчас находится церковь, и в ней служили молебны, как служат и посейчас, Регльской Божьей Матери.

Со старых времен известны пути сообщения между Реглой и Гаваной. Только прибавился еще один путь — прекрасный подводный туннель, пересекающий бухту возле Морро, недавно построенный и открытый для движения. Что ж еще сообщить вам, читатель, чего вы не знаете? Ибо было бы поистине нелепо знакомить вас, словно с пятнадцатилетней девочкой, едва вступающей в жизнь, с солидной и твердо стоящей на ногах особой, за плечами которой уже более двухсот лет существования!

Так вот, если Регла географически незначительна, то население ее состоит из людей, отличающихся едва ли не самой большой живостью ума и характера во всей Республике. И не только эта живость выделяет их, но и то обстоятельство, что они так твердо и громко заявили о себе в час сражения за попранные права, которые необходимо было восстановить. В 1880 году, когда отмена рабства открыла ворота свободному труду, население Реглы основало Цех лодочников; четыре года спустя — Цех

Очерк Николаса Гильена был впервые напечатан в газете «Нотисиас дэ Ой» 24 апреля 1960 года.

Именно Октябрьская революция открыла всем путь к социализму.

Пальмиро Тольятти

●

...Рождение великой надежды человечества. Эта надежда — русская революция.

Сун Ят-сен

●

Взгляните на Восток!
Казалось, для русского народа не было выхода из мрака царизма.
На революцию, и в особенности на революцию победоносную, не было надежды.
Но Россия — страна, где сбывается и невозможное. Большевики это невозможное теперь совершают до конца.

Анатоль Франс

●

плотников побережья; а в 1886 году — Цех конопатчиков. Потом пришли металлурги, чернорабочие, рыбаки... Во времена Республики, в 1906 году, возник в Регле первый кружок социального просвещения, преследуемый полицией, окрестившей его «анархистским центром». И это именно в Регле был установлен впервые восьмичасовой рабочий день, которого добивались и добились конопатчики, а вслед за ними и плотники побережья. А позднее, в 1908 году, это они основали Дом трудящихся, называвшийся также «храмом», опередив, таким образом, табачников Гаваны.

Нет ничего удивительного в том, что с такими предпосылками, с таким «общественным климатом» и с такими свершениями, многие из которых мы не будем здесь упоминать, чтобы не отягчать излишними подробностями данный очерк, Регла явилась и в официальном отношении подходящим местом для принятия мер, могущих еще более укрепить и возвысить традиции социальной борьбы, столь укоренившиеся среди ее населения. В 1921 году алькальд города доктор Антонио Бош издал декрет, в котором день Первого мая официально объявлялся торжественным праздником. В соответствии с данным указом было отдано распоряжение, чтобы учреждения Муниципалитета в этот день не работали — в знак уважения к рабочему классу, как было сказано, и «в доказательство сочувствия духу солидарности, каковой данное торжество отражает...».

Три года спустя, в 1924 году, умер Ленин. И уже знакомый нам алькальд Бош 24 января издал новый декрет, еще более знаменательный, чем предшествующий, касающийся на сей раз смерти великого человека.

Стоит привести здесь этот извлеченный из старых архивов декрет, ибо документ этот представляет живейший интерес. Как вы увидите, читатель, в нем предписывалось, между прочим, посадить оливу в знак памятного дня.

«ПОСКОЛЬКУ: Судя по известиям, полученным по подводному телеграфному кабелю, в России умер гражданин Николас Ленин и на субботний день двадцать шестого числа данного месяца назначено его погребение;

ПОСКОЛЬКУ: Вышеупомянутый гражданин Ленин заслужил большую любовь и горячую симпатию со стороны пролетарских элементов и интеллигенции упомянутого муниципального округа, и следует отметить высокое значение его личности и важность его огромной общественной деятельности во имя самых здоровых и естественных принципов справедливости;

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, что отдавать почести тем лицам, которые выделяются среди прочих своим трудом на пользу общества, является делом общепринятым, а Ленин своей общественной деятельностью выделяется среди прочих как ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН МИРА, заслуживая признания со стороны всех обитателей земного шара, что является достаточным мотивом для того, чтобы воздать ему посмертные почести в знак уважения и восхищения, я, пользуясь полномочиями, вверенными мне населением данного города, облекшим меня званием алькальда.

ПОСТАНОВЛЯЮ: Объявить и объявляю днем отдыха в учреждениях Муниципальной администрации ближайший день двадцать шестого числа текущего месяца (суббота). Постановляю настоятельно просить и настоятельно прошу всех жителей вверенного мне муниципального округа, чтоб они посвятили две минуты молчания и размышления столь печальному событию, и постановляю пригласить и приглашаю все население города собраться в пять часов пополудни (время, когда в России будет предано земле тело Ленина) на холме, известном под именем Крепость, где будет посажено оливковое дерево в память об этой дате и факте, волнующем наши чувства.

Данный указ распространить для всеобщего ознакомления».

В приложении к декрету предписывалось, кроме того, следующее: «Чтобы обеспечить выполнение моей просьбы к жителям округа касательно двух минут молчания и размышления, долженствует в течение этого времени, а также начиная с пяти часов пополудни отменить всю общественную жизнь местности: движение остановится, учреждения не станут проводить никаких деловых операций, люди будут находиться в абсолютном покое».

На следующий день, 25 января, алькальд Бош отдал другое распоряжение, также имеющее отношение к смерти Ленина. В нем говорилось следующее:

«ДОВОЖУ ДО СВЕДЕНИЯ ВСЕХ: Во изменение вчерашнего постановления, считаю нужным издать следующий указ:

В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОГО, что, согласно последним новостям, переданным по подводному телеграфу, похороны ВЕЛИКОГО ГРАЖДАНИНА МИРА будут происходить в воскресенье 27, а необходимым условием для назначения часа почестей, о которых говорилось, является совпадение последних во времени с датой погребения тела Ленина, ПОСТАНОВЛЯЮ: Назначить посадку оливкового дерева на воскресенье 27 в пять часов пополудни — дату и час, на которые падут также две минуты молчания и размышления, упомянутые в прошлом указе Муниципального управления».

Само собой разумеется, все эти меры получили широкий отклик по всей Республике. Известные газеты, такие, как «Ноче» и «Мундо» (кроме, правда, «Диарио да ла марина», которая отнеслась насмешливо), посвятили горячие слова гениальному человеку, чей уход местные власти так справедливо собирались отметить почестями, о которых говорилось выше. Цех плотников побережья решил всем составом быть на манифестации. Один поэт, родившийся или просто живший в Сантьяго-де-лас-Вегас, по имени Франсиско Симон, написал сонет на смерть Ленина и посвятил его алькальду, пометив 27 января 1924 года и именем своего города. Стихи были такого рода, что в них о Ленине говорилось, что он больше Будды, ибо тот, несмотря на свои законы милосердия, проповедовал доктрину, годную для тиранов, и больше Христа, ибо тот сделал добродетелью бедность как трусливый ответ силе, в то время как Ленин, ответив на страшный гнет, ставший

Пролетарская Россия — создатель нового, неизвестного дотоле социалистического строя. Она поборола всевозможные препятствия, которыми международная буржуазия пыталась остановить ее развитие. Великая русская республика заложила прочные основы для того, чтобы человечество пошло к построению такого порядка, при котором будут выявлены все прекрасные чувства, бессознательно живущие в человеке.

Л. Э. Рекабаррен

●

...самое великое и подлинное в русской революции — ее простота; она сорвала все замысловатые покровы и вернула человеческим отношениям их непосредственность; в основу всего она положила естественный порядок и последовательность всех созданий и поступков человека в соответствии с запросами действительности.

...Именно в России начинается история будущего, именно в России зарождается жизнь нового мира.

Антонио Грамши

●

пятном века, поднял восстание против ига и увидел, как палачи повержены во прах.

Олива была посажена 27 января вечером, как и было приказано в декрете алькальда. Шел проливной дождь, и на мгновение люди подумали, что торжественная церемония будет отменена, но этого не случилось: несмотря на ливень, колонна, назначенная для посадки дерева, двинулась в путь. Во главе ее шел доктор Бош, а за ней следовала толпа народу, в которой было более тысячи человек. Судя по газетам того времени, в пять часов без пяти минут алькальд Бош и сеньорита Мерседес Борреро посадили оливу. Каждый из присутствующих бросил горсть земли, после чего все возвратились в здание Муниципального Совета, где было проведено торжественное траурное собрание. Бош сам написал краткий обзор торжественного акта.

И, чтоб закончить наш очерк, перейдем к эпилогу, как принято в старинных романах. Холм Крепость, где была посажена олива, известен с тех пор как холм имени Ленина, и к нему в день праздника Первого мая обычно направлялись демонстрации рабочих. Оливковое дерево стояло шесть лет, до ночи Первого мая 1930 года, когда было вырвано отрядом войск под командой капитана Пилара Хорхе после кровавых событий того дня, в которых погибло много рабочих. В ту пору свирепая диктатура Мачадо уже начала выпускать свои когти... Можно прибавить еще один любопытный факт: среди пассажирских катеров, регулярно курсирующих между Гаваной и Реглой, есть один, еще и посейчас действующий, который носит имя великого революционера: «Владимир И. Ленин».

Когда в последний раз мы виделись с доктором Бошем, мы напомнили ему его смелые действия, со времени которых прошло почти сорок лет, и он сказал нам:

— «Крепость» немного осела, и там теперь есть небольшой дом, недавно построенный. Хорошо бы превратить это здание, например, в детские ясли или приют, посадить вокруг оливы и поставить бюст Ленина.

Перевод с испанского Инны ТЫНЯНОВОЙ

Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир.

Джавахарлал Неру

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

Чехословацкое издательство «Свет Совету», которое на протяжении многих лет с успехом пропагандирует в стране советскую литературу, выпустило «Словарь писателей народов СССР». Во вступлении к этому словарю говорится: «Пятидесятилетняя история советской литературы — это не только история ее зарождения и сложного внутреннего развития, но и история роста ее необычайно сильного и разностороннего международного влияния. Чехословакия была одной из первых стран, куда проникла эта литература. В настоящее время существует множество переводов произведений советской литературы на чешский и словацкий языки, а в целом эта литература, вбирающая в себя духовные ценности, созданные всеми народами СССР,— необъятна».

Над составлением «Словаря» работал большой коллектив авторов под руководством Иржи Бечки, Мирослава Дрозда, Милана Гралы и Вацлава Жидлицкого. Редакция «Словаря» во вступительном слове благодарит за помощь в его создании работников редакции «Большой советской энциклопедии», Государственной библиотеки СССР им. Ленина и Секретариат Союза советских писателей.

Как сообщает печать, в издательстве «Свет Совету» недавно вышли книги: А. Гладилина «Дым в глаза», Ю. Олеши «Зависть» и Д. Гранина «Месяц вверх ногами».

Книга рассказов Андрея Платонова вышла на словацком языке в Братиславе в издательстве «Смена». Перевод и предисловие Ивана Кралика. По словам рецензента еженедельника «Культурни живот», книга рассказов Платонова — хорошее приобретение для переводной литературы на словацком языке.

Новое издание романа М. Шолохова «Тихий Дон» осуществлено нью-йоркским издательством «Нью америкен лайбрери». Автор перевода — Стефан Гарри.

Издательство «Пантеон» (Нью-Йорк) выпустило «Повесть о жизни» К. Паустовского в переводе Джозефа Бэрна.

Нью-йоркским издательством «Тиэтр арт бук» выпущена пьеса Е. Шварца «Дракон».

Издательство «Гроув» (Нью-Йорк) выпустило сборник избранных стихов А. Вознесенского в переводе Ансельма Холло.

Рассказ В. Бианки «Мышонок Пик» выпущен в переводе С. Ледерера нью-йоркским издательством «Бразильер».

Американским издательством «Даблдей энд К°» опубликован сборник М. Шолохова под названием «Сильные и нежные воины», в который вошли рассказы «Жеребенок», «Нахаленок» и «Судьба человека». Перевод выполнен Мириам Мортон. «Нью-Йорк таймс бук ревью» публикует рецензию, в которой, в частности, сказано, что Шолохов является выразителем лучших традиций русского реализма в литературе, прямым последователем Льва Толстого. В ранних двух рассказах, говорится в рецензии, особенно в рассказе «Жеребенок», «уже отчетливо видны те качества, которые потом получили столь блестящее развитие в «Тихом Доне» и «Судьбе человека».

В издательстве «Дайал» (США) вышел документальный роман А. Кузнецова «Бабий Яр». Перевод Джекоба Гуральского. Роман вызвал многочисленные отклики прессы. Даже рецензенты таких далеко не левых еженедельников, как «Ньюсуик» и «Тайм», дают произведению Кузнецова высокие оценки. «Впечатляющая, сильная книга»,— писал рецензент «Тайма». Рецензент еженедельника «Сатердэй ревью» Марвин Калб так выразил свои мысли: «Бабий Яр» должны прочесть все, хотя это нелегко. Книга больно бьет по нервам. Те, которые не понимают, почему русские сейчас так волнуются по поводу того, что ФРГ может обзавестись ядерным оружием, должны непременно прочесть «Бабий Яр». Эта книга помогает увидеть события в правильной перспективе».

В США вышел сборник произведений Е. Евтушенко «Братская ГЭС и другие поэмы» в переводах Тины Тупикиной-Глезнер, Джоффри Датта и Игоря Мецакова-Корякина. В рецензии, опубликованной еженедельником «Бук уик», говорится, что Евтушенко является одним из лучших советских политических поэтов.

Театры Польши готовятся отметить пятидесятилетие Октябрьской революции. Осенью нынешнего года в Катовицах состоится пятый Всепольский фестиваль русских и советских пьес.

Как сообщает еженедельник «Польское обозрение», Вроцлавский драматический театр покажет пьесу М. Шатрова «Шестое июля», Щецинский драматический театр впервые в Польше поставил пьесу А. Штейна «Весна двадцать первого», Краковский театр им. Словацкого готовит постановку пьесы К. Тренева «На берегу Невы», а Быдгощский театр — «Разлом» Б. Лавренева.

Среди советских пьес на современные темы — «Браконьеры» Э. Раннета (варшавский Классический театр), «104 страницы про любовь» Э. Радзинского (театр им. Сольского в Тарнове); театры во Вроцлаве, Валбжихе, Ольштыне покажут пьесу А. Арбузова «Мой бедный Марат», а театр в Торуни — «Таню»; «Юность отцов» Б. Горбатова ставит театр в Кельцах, «Беспокойную старость» Л. Рахманова — театры в Люблине и Забже, «Барабанщицу» А. Салынского — театр в Сосновце.

Помимо пьес, не знакомых или мало знакомых польскому зрителю, в новой постановке пойдут советские классические пьесы — «Клоп» В. Маяковского (Вроцлав, театр «Розмаитости»), «Чудаки», «Егор Булычев» и «На дне» Горького (театры Кракова, Лодзи и Валбжиха), а также «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Кремлевские куранты» Н. Погодина и «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского (театры в Забже, Кельцах, Торуни, Ольштыне и Лодзи). В Варшаве театр «Людовы» подготовит инсценировку романа А. Толстого «Хождение по мукам».

В репертуар включены также русские классические пьесы: «Вишневый сад» Чехова (Варшава, «Современный театр»), «Горе

Варшавское издательство «Ксёнжка и ведза» выпустило отдельной книгой текст пьесы Николая Погодина «Кремлевские куранты»; в качестве иллюстраций использованы сцены из постановки пьесы в Театре Польском в Варшаве. На снимке: сцена из спектакля. В роли В. И. Ленина — Мариан Выржиковский.

■ ■ ■

от ума» Грибоедова (Варшава, «Драматический»), «Ревизор» Гоголя (Варшава, «Людовый»). Театр «Польский» в Познани готовит инсценировку романа Достоевского «Идиот». Драматический театр в Валбжихе покажет «Женитьбу» Гоголя, театр в Катовицах — «Дядю Ваню», а Театр им. Венгерко в Белостоке — «Чайку» Чехова.

Государственный издательский институт Польши (ПИВ) приурочил к 50-летию Великого Октября выпуск многих выдающихся произведений советской литературы. Среди них — стихи Э. Багрицкого, А. Блока, С. Есенина. Повторно издаются автобиографические произведения М. Горького: «Детство», «В людях», «Мои университеты», а также роман «Мать». Появится и новое издание «Тихого Дона» М. Шолохова. В этой же серии готовятся: «Разгром» А. Фадеева, «Сорок первый» Б. Лавренева, «Любавины» В. Шукшина. Выйдет также трехтомная «Антология советского театра», подготовленная С. В. Балицким.

Как сообщает печать, в ПИВ в «Малой серии поэтических переводов» вышли «Антимиры» А. Вознесенского и «Стихи» Е. Евтушенко. Там же выпущен сборник рассказов Г. Семенова «Лебеди и снег».

Три произведения Ю. Тынянова — «Восковая персона», «Малолетний Витушишников» и «Подпоручик Киже» — выпущены отдельным сборником варшавским издательством «Чительник» в серии «Нике». Переводы выполнены А. Галисом, З. Федецким и Т. Монгирдом.

В издательстве «Пингвин» в Лондоне вышло повторное издание книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Рецензент газеты «Морнинг стар» пишет, что мемуары Станиславского чрезвычайно привлекательны, проникнуты свойственным автору оптимизмом, а также содержат интереснейшие воспоминания о выдающихся артистах и деятелях культуры его времени.

Многочисленные отклики вызвало опубликование в Англии издательством «Харвилл пресс» первых частей автобиографической «Повести о жизни» К. Паустовского. Недавно там же вышла третья часть повести. В английском переводе она озаглавлена «На рассвете». Перевод Мани Харрари и Майкла Даннана получил хвалебные отзывы в печати.

Молодежная литературная газета «Пулс» (Болгария) провела конкурс на лучший стихотворный перевод с русского языка. Каждый желающий должен был прислать в редакцию свой перевод одного или нескольких из следующих стихотворений: «Песня» Михаила Светлова, «Седьмое чувство» Леонида Мартынова, «Кремлевские ели» Ярослава Смелякова, «Его зарыли в шар земной...» Сергея Орлова, «Баллада точки» Андрея Вознесенского и «Поколенья...» Василия Федорова.

Это первый конкурс такого рода в Болгарии. Жюри в составе Атанаса Смирнова (председатель), Ивана Давидкова и Христо Черняева получило 715 переводов от 334 авторов, среди которых было много известных молодых болгарских поэтов. После тщательного обсуждения полученных переводов жюри присудило 6 одинаковых премий: Андрею Германову, переводившему Вознесенского, Григору Ленкову и Любену Прангову, избравших стихи Смелякова и Светлова, Георгию Ставреву за перевод Орлова, Димитру Стефанову за перевод Светлова, Димитру Златеву за переводы стихов Федорова и Светлова, Борису Бухчеву за перевод стихотворения Мартынова.

Кроме того, жюри отметило работы еще 34 переводчиков. Один из номеров газеты «Пулс» посвящен этому конкурсу — в нем напечатаны лучшие переводы стихов советских поэтов.

Народный театр имени Ивана Вазова в Софии, которым руководит известный болгарский писатель Андрей Гуляшки, готовится показать в новом сезоне пьесы «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая» Н. Погодина, «Егор Булычев» М. Горького и «Тяжкое обвинение» Л. Шейнина.

Драматический театр города Враца (Болгария) поставил пьесу М. Шатрова «Именем революции». Режиссер Светослав Иринков. Роль Ленина исполняет артист Светослав Петров.

Народный театр города Бургаса поставил пьесу А. Штейна «Океан», а Добруджанский драматический театр — пьесу А. Арбузова «Мой бедный Марат».

В последнее время болгарское издательство «Народна култура» выпустило избранные произведения М. Горького, шестым изданием — «Педагогическую поэму» А. Макаренко, третьим изданием — роман «Битва в пути» Г. Николаевой, а также повесть советского хирурга Н. Амосова «Мысли и сердце», роман А. Васильева «Вопросов больше нет», мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», роман Г. Тютюнника «Водоворот».

В издательстве «Народна младеж» вышли «Молодая гвардия» А. Фадеева и «Беспокойная юность» К. Паустовского.

Болгарский «Профиздат» выпустил сборник рассказов О. Гончара под названием «Любовь побеждает все», а также повести Ю. Яковлева «Первая бастилия» и «Три жизни» А. Приставкина.

Издательством Национального Совета Отечественного фронта выпущен роман К. Федина «Братья», роман Г. Маркова «Отец и сын», а также вторым изданием роман К. Симонова «Солдатами не рождаются».

Журнал «Пламк» опубликовал стихи грузинского поэта М. Мачавариани.

Большим успехом пользуются в Италии произведения советских писателей-фантастов. Вслед за переводами отдельных произведений в издательстве ФЕР начал издаваться специальный периодический альманах советской

фантастики. В настоящее время уже вышло несколько выпусков. В первом номере этого альманаха, носящего название «Советская научная фантастика», помещена повесть А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству», в третьем — «Шаги в неизвестное» С. Гансовского. Кроме того, в каждый из выпусков входят также рассказы советских фантастов — А. Днепрова, М. Емцева и Е. Парнова, И. Варшавского, А. Шалимова. Литературная критика уделяет произведениям советской научной фантастики немалое внимание и подчеркивает ее существенное отличие от произведений, созданных в этом жанре английскими и американскими писателями. В предисловии к первому выпуску альманаха писатель Франко Праттико отмечает, что в то время как на Западе автор научно-фантастического произведения, как правило, «проецирует на экран будущего тоску, отчаяние и неприятие того мира, в котором он живет», советский писатель рассматривает науку и историю как позитивные факторы.

Большой выбор переводной советской литературы предлагают своим читателям итальянские издательства. Издательство «Эдитори риунити» (Рим) выпустило романы «Мать» и «Трое» М. Горького, «Дневник Нины Костериной», стихи Н. Заболоцкого «Столбцы» в переводе Витторио Страды, а также повесть В. Аксенова «Звездный билет» и поэму А. Вознесенского «Антимиры».

Издательство «Сансони» (Флоренция) выпустило большой сборник повестей М. Горького.

В туринском издательстве «Эйнауди» вышел сборник рассказов Ю. Казакова. В сборник вошли рассказы: «На полустанке», «Странник», «Трали-вали», «Запах хлеба», «На острове» и другие.

Миланским издательством «Мондадори» выпущен роман В. Некрасова «В окопах Сталинграда» в переводе Витторио Надаи, а также повесть В. Тендрякова «Тугой узел».

В издательстве «Эйнауди» (Турин) вышла повесть того же автора «Тройка, семерка, туз».

Бухарестское издательство всемирной литературы выпустило недавно новый том повестей и рассказов Л. Леонова. В него вошли такие произведения, как «Туатамур», «Записки Ковякина», «Белая ночь», «Саранча», «Evgenia Ivanovna» и др. До этого в Румынии вышли наиболее значительные романы Л. Леонова: «Барсуки», «Соть», «Дорога на океан», «Русский лес», его пьесы «Нашествие», «Золотая карета» и др. Над переводами трудились известные мастера румынской литературы, писатели Отилия Казимир и Лауренциу Фулга, переводчики Штефана Велизар Теодоряну, Ксения Строе и др. Сборник открывается обстоятельным предисловием литературоведа Эуджена Скилеру. Автор отмечает, что имя Леонида Леонова давно известно румынскому читателю. Его роман «Вор» был переведен еще до войны. Кроме того, творчество писателя было известно многим по французским и немецким переводам, о нем много писали в прогрессивных румынских журналах 30-х годов.

Пьеса М. Горького «Васса Железнова» поставлена в Бухаресте в драматическом театре имени Иона Луки Караджале.

Издательства Индии на разных языках постоянно знакомят своих читателей с произведениями советских авторов.

В Дели в издательстве «Пардеши Сахит» выпущено несколько книг советских авторов, среди них: роман Д. Фурманова «Чапаев», роман «Трое» и «Сказки об Италии» М. Горького, повесть В. Тендрякова «Не ко двору», а также повесть В. Аксенова «Коллеги».

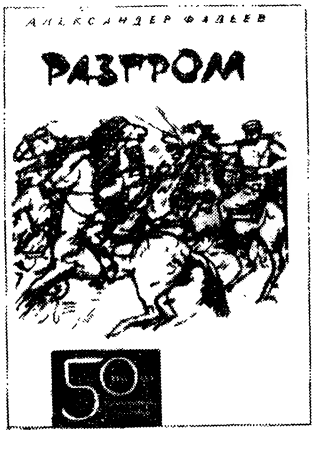
Калькуттское издательство «Видеши Сахитья» выпустило повесть С. Антонова «Дело было в Пенькове» и сборник «Пьесы советских авторов» на бенгальском языке, куда вошли «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Иркутская история» А. Арбузова.

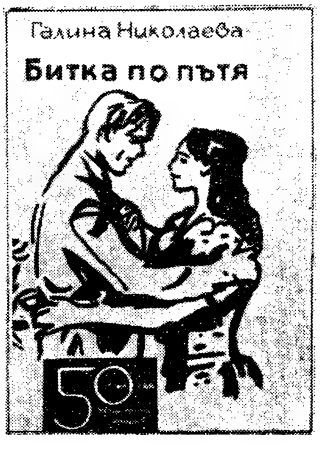
Одновременно четыре издательства Индии выпустили повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь». Книга вышла на языках хинди и бенгали в Дели, Бомбее и Калькутте.

В других издательствах Индии вышли: повесть А. Бека «Волоколамское шоссе», роман А. Фадеева «Разгром», повесть Л. Лагина «Старик Хоттабыч», повесть А. Макаренко «Флаги на башнях».

В будапештском издательстве «Эуропа» недавно вышло несколько книг советских авторов. Среди них: повесть Б. Балтера «До свидания,

Серия книг советских авторов, выпускаемых различными болгарскими издательствами в честь 50-летия Великого Октября: «Разгром» Фадеева, «Дело Артамоновых» М. Горького «Битва в пути» Г. Николаевой.





мальчики», роман Ю. Бондарева «Тишина», повесть А. Чаковского «Свет далекой звезды», сборник рассказов Е. Драбкиной «Черные сухари», поэма Е. Евтушенко «Я — Куба», роман В. Фоменко «Память земли», повесть Е. Герасимова «Игорь Петухов», роман Ю. Германа «Один год», роман Ф. Гладкова «Цемент», роман Д. Гранина «Иду на грозу», «Дневник Нины Костериной», роман А. Новикова-Прибоя «Цусима», «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, романы С. Сергеева-Ценского «Зауряд-полк» и «Лютая зима», «Я хочу рассказать вам...» Ираклия Андроникова, сборник стихотворений Александра Твардовского, «Маленькая железная дверь в стене» Валентина Катаева, «Литовские рассказы» Карлиса Шкальбе, роман «Лестница в небо» Николая Слуцкиса, сборник стихотворений Паруйра Севака и др.

В другом будапештском издательстве «Кошут» вышли: роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина», повесть Г. Бакланова «Пядь земли», рассказ Э. Казакевича «Приезд отца в гости к сыну», повесть Н. Панова «Голубое и черное», повесть А. Рекемчука «Молодо-зелено», повесть Д. Вишневского «Семьдесят второй день».

Издательство «Мора» (Будапешт) выпустило повесть К. Чуковского «Серебряный герб», сборник рассказов В. Дурова «Мои звери», повесть Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына», пьесу Н. Носова «Два друга» и рассказ того же автора «Приключения Толи Клюквина», научно-фантастический роман Б. Обручева «Плутония».

Будапештским издательством «Сепиродалми» выпущены: роман М. Горького «Мать», повесть Ч. Айтматова «Джамиля» и роман Ю. Бондарева «Тишина».

Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» выпущен будапештским издательством «Геликон».

Токийское издательство «Син Ниппон» выпустило роман М. Горького «Мать», роман В. Катаева «Хуторок в степи» и повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь».

В Японии изданы также: пьеса А. Арбузова «Потерянный сын», сборник стихов В. Маяковского, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» и повесть В. Аксенова «Коллеги».

В берлинском издательстве «Культур унд фортшритт» (ГДР) вышла повесть В. Каверина «Художник неизвестен», а также исторический роман С. Злобина «Салават Юлаев».

Книга К. Чуковского «От двух до пяти» вышла в ГДР в издательстве «Киндербухферлаг». Рецензент газеты «Берлинер цейтунг» называет эту книгу «необыкновенной». «Наблюдения Чуковского проникнуты огромной любовью к детям»,— пишет он.

Под названием «Политическая поэзия» во Франкфурте-на-Майне в издательстве «Зуркамп» (ФРГ) вышел поэтический сборник В. Маяковского. Предисловие к сборнику написал переводчик Гуго Гупперт; в нем говорится, что «поэтическое и политическое у Маяковского слито в единое целое. Он был поэтом, писавшим не про революцию, а для революции». По словам обозревателя еженедельника «Ди андере цейтунг», «каждым своим стихотворением Маяковский подтверждает, что его политическая поэзия — это истинная поэзия».

Западногерманское издательство «Хегерейтер-ферлаг» выпустило сборник рассказов И. Эренбурга под названием «Трубка коммунара и другие рассказы».

Антология русской поэзии, составленная Рудольфом Планком, вышла в издательстве Мюллера, в г. Карлсруэ (ФРГ). В антологию включены стихотворения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Твардовского, Пастернака и других поэтов.

В парижском издательстве «Эдитёр франсе реюни» вышли следующие книги советских авторов: роман Н. Чуковского «Балтийское небо», приключенческая повесть Р. Кима «Агент особого назначения», сборник «Стихи и проза» В. Маяковского в переводе Эльзы Триоле, сборники рассказов Э. Казакевича, В. Максимова, А. Яшина.

Стамбульский литературный журнал «Еди тепе» («Семь холмов») опубликовал стихи В. Маяковского в переводе Османа Тюркая.

Канадское издательство «Нью американэн лайбрери оф Канада» выпустило сборник «Однажды осенью и другие рассказы» М. Горького в переводе Джорджа Рэвея.

В Дании вышла книга «Максим Горький и Антон Чехов. Переписка». Перевод Карстена Коха.

В Копенгагене (Дания) в издательстве «Графиск форлаг» выпущен рассказ Ю. Казакова «Никишкины тайны» в переводе Петера Мёллера.

Издательство «Спектатор» в Копенгагене выпустило роман М. Горького «Дело Артамоновых» в переводе Стернера Петерсена.

В издательстве «Гюльдендаль» (Копенгаген) вышли «Донские рассказы» М. Шолохова.

На сцене студенческого театра в Копенгагене осуществлена постановка нового представления — спектакля «Владимир Маяковский» по произведениям поэта. В спектакле принимают участие артисты: Анна Катрин Гудме, Петер П. Роде, Поуль Реумер и др.

В интервью газете «Ланд ог фольк» режиссер постановки Финн Поульсен сказал: «Это — первый спектакль о великом советском поэте, поставленный на подмостках копенгагенских театров. Мы надеемся,— сказал далее Финн Поульсен,— что наш спектакль не пройдет незамеченным и что он явится лишь прологом к постановке в Дании других произведений В. Маяковского».

В Каире издана повесть И. Эренбурга «Оттепель». Повесть перевел на арабский язык Саад Сахран.

Там же вышла в двух томах фундаментальная работа известного востоковеда И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература» (перевод Салах ад-Дина Хашима).

книги друзей

ОН ВИДЕЛ ЛЕНИНА

Jerome Davis. World Leaders, I Have Known New York, Citadel Press, 1963.

«В первый раз я увидел Владимира Ильича Ленина, когда он приехал в Петроград в апреле 1917 года... Сгорая от нетерпения, я пришел на Финляндский вокзал, чтобы наблюдать демонстрацию. Хотя площадь была широка, даже близлежащие улицы оказались забиты народом. Выйдя из вокзала, Ленин поднялся на броневик и начал свое выступление с того, что поздравил рабочих, освободивших Россию от царизма. Он закончил его призывом: «Да здравствует социалистическая революция!» Меня глубоко поразил облик Ленина. Он выглядел молодым, энергичным. Чувствовалось, что он абсолютно искренен в стремлении помочь массам».

Так начинает свои воспоминания о Ленине, включенные в книгу «Мировые лидеры, которых я знал» (1963), Джером Дэвис, единственный из ныне здравствующих американцев, кто памятной осенью семнадцатого года вместе с Ридом «увидел рождение нового мира».

В 1916 году 25-летний Дэвис, в ту пору сотрудник международного отдела Христианской ассоциации молодых людей, приезжает в Россию и начинает работу в лагерях для немецких военнопленных в Туркестане. Потрясенный мировой войной, он хочет «облегчать страдания, причиненные ею». С весны 1917 года Дэвис — в Петрограде, в Москве. Два с половиной года, проведенных в России, позволили Дэвису увидеть и понять многое. Он проникся ненавистью к царскому деспотизму. Он почувствовал также, что большевики — выразители народных чаяний.

Вождь революции подарил ему свою фотографию со следующей надписью: «Наилучшие пожелания американским интернационалистам. Ленин». Впоследствии Дэвис писал: «С начала революции мне было ясно, что большевики сохранят власть и что Россия станет одной из сильнейших держав Европы».

По возвращении в США Дж. Дэвис публикует в независимых религиозных изданиях статьи, осуждающие антисоветскую интервенцию Антанты. В выступлениях, печатных и устных, он неизменно подчеркивает созидательную, гуманистическую деятельность большевиков и призывает соотечественников непредвзято разобраться в смысле и сущности революции.

Шли годы, Джером Дэвис — пацифист, либеральный и религиозный деятель, становится заметной общественной фигурой в США. Он — автор немалого числа книг и исследований, профессор социологии ряда ведущих университетов; после второй мировой войны, в 1949 году, возглавляет миссию мира, посланную в Европу. Его последняя работа «Разоружение: мировая точка зрения» (1964) — собрание высказываний выдающихся деятелей нашего времени по этой самой насущной для человечества проблеме.

Но среди разнообразных интересов Дэвиса неизменно значительное место занимает Россия. Он — один из немногих американцев, изучающих нашу страну на основе личных впечатлений и лично собранной информации. В 1921 году Джером Дэвис снова приехал в нашу страну, находившуюся в то время в тисках голода. Тогда же он встретился с Горьким. Дэвис привозит с собой большую сумму денег, собранную в США во время чтения им лекций о России. Об этом его приезде имеется следующая запись Ленина, сделанная в календаре: «Джером Дэвис, балтиморский профессор, 1 милл. долларов». Потом он снова посещает СССР в 1926—1927 годах.

В 1932 году Дэвис проделал путь длиной в восемь тысяч километров по местам новостроек первой пятилетки; после чего беседовал с президентом Рузвельтом, поддержав его намерение признать Россию. Еще через три года он едет по Сибири и видит, как стремительно изменяется эта внушавшая лишь страх окраина царской России. Затем еще три года подряд он путешествует по Советскому Союзу. В 1943—1945 гг. он — военный корреспондент, пишет репортажи с советско-германского фронта. Вместе с частями Советской Армии проходит по Румынии и Польше.

«Когда Германия совершила предательское нападение на Россию 22 июня 1941 года,— пишет он в предисловии к книге «Источник советской мощи» (1946),— я заявил, что Россия никогда не будет побеждена... Позднее я предсказал, что Красная Армия первой войдет в Берлин».

Социолог и журналист Дэвис видит нашу страну в движении, в динамическом росте. Он не похож на тех его западных коллег, которые любят брюзжать по поводу недостатков и просчетов, не замечая главного.

Он оценивает «русский эксперимент» широко, с исторической точки зрения. Это позволяет ему и понять трудности роста и оценить полную меру успехов. В книге «Источник советской мощи» он пишет, что «область межнациональных отношений — одна из тех областей, в которых Западу есть чему поучиться у Советского Союза».

Одна из последних книг Дэвиса, «Мировые лидеры, которых я знал», построена как серия коротких очерков о тех, чей пример настоятельно необходим нынешнему так называемому «цивилизованному обществу», в котором «каждый четвертый — голоден и неграмотен, в то время как в США ежечасно расходуется шесть миллионов долларов на изготовление оружия массового уничтожения».

За свою долгую жизнь Дэвис встречался со многими замечательными людьми, героями своих очерков. Это — президент Франклин Делано Рузвельт и рабочий лидер Сидней Хиллмен, религиозный деятель Стивен Уайз и борец за права негритянского народа Мартин Лютер Кинг, вождь индийского народа Махатма Ганди и полковник Реймонд Робинс, миллионер, ставший другом Советского Союза.

С особой теплотой пишет Дэвис о Ленине.

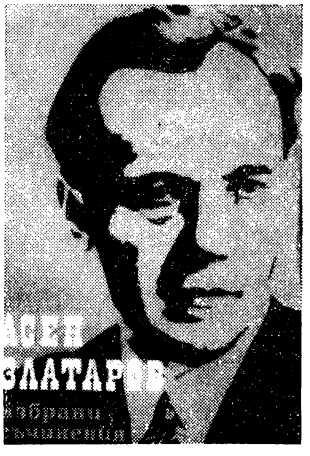
Для него он — дальновидный стратег. Выдающийся пропагандист. Смелый тактик. Реалист, умеющий избрать единственно верный курс в самом трудном и сложном положении. Таким был Ленин, по мысли Дэвиса, в период заключения Брест-Литовского мира, во время перехода к нэпу.

Оценивая деятельность Ильича «в свете полувекового исторического опыта», Дэвис говорит о его великой заслуге как борца за дело народа. Он умел «не только определить непосредственные практические задачи борьбы, но и открыть перед массами великие перспективы построения нового общества». «Он был защитником масс, всех несчастных и страждущих... Он отстаивал принцип справедливого распределения богатства, созданного человеком, считая, что это недостижимо при капитализме».

Именно очерк о Ленине Джером Дэвис заканчивает словами, раскрывающими этический пафос его книги: «Пусть каждый читатель задаст себе вопрос: «Каковы те уроки, которые мне следует для себя извлечь из жизни Ленина? Одухотворен ли я так же, как он? Отдаю ли я всего себя делу, в которое уверовал, так же, как он? Посвятил ли я свою жизнь тому, чтобы помочь людям всего мира добиться справедливости и счастья?»

Б. ГИЛЕНСОН

НЕУМИРАЮЩЕЕ НАСЛЕДИЕ



Асен Златаров. Избрани съчинения в три тома. Съставители и редактори Д. Братанов, С. Стоименов, С. Златаров. София, «Наука и изкуство», 1966.

В декабре 1936 года в одной из венских больниц скончался после тяжелой операции видный болгарский ученый, антифашист и литератор Асен Златаров. Монархо-фашистское правительство отказалось доставить на родину останки популярного в стране человека. А когда друзья ученого все же привезли покойного в Софию, правящие круги во избежание народных волнений распорядились похоронить его в ту же ночь. И тогда ночью тысячи трудящихся столицы вышли на улицы с факелами, чтобы проводить в последний путь того, кого они считали честью и совестью народной интеллигенции. По свидетельству историков, похороны А. Златарова вылились в одну из самых мощных демонстраций единения народных и антифашистских сил в стране.

Вряд ли кто из участников этого траурного шествия мог предполагать, что острое слово А. Златарова, столь непосредственно связанное с событиями его времени, будет служить новым поколениям социалистической Болгарии. Но случилось именно так. Научные труды профессора Софийского университета, биохимика, прочно вошли в сокровищницу национальной науки и получили признание со стороны ученых других стран. Общественно-политические статьи А. Златарова, печатавшиеся ранее в ежедневных газетах, выпускавшиеся дешевыми брошюрами, сегодня вновь переиздаются.

Нам, советским людям, А. Златаров дорог еще и тем, что через всю жизнь он пронес любовь к Советскому Союзу.

За несколько дней до смерти А. Златаров составил завещательные письма, обращенные к болгарской молодежи и родным. В одном из них он писал: «Я демократ в полном содержании этого великого понятия, потому что верю в творческие силы народа... Когда в Советской России я увидел, что общество, о котором я мечтал еще тридцать лет тому назад, стало реальностью, что рождается новая цивилизация, новый общественный строй, где человек будет иметь безграничные возможности развивать свои силы, я плакал от восторга».

Этим идейным завещанием ученого открывается собрание сочинений А. Златарова, которое выпущено софийским издательством «Наука и искусство» в тридцатую годовщину со дня его смерти.

В первом томе мы находим статьи Златарова о творчестве крупнейших болгарских писателей — от Х. Ботева и И. Вазова до П. Яворова, А. Страшимирова и Н. Ракитина. Из русских писателей его внимание привлекали Л. Толстой, Ф. Достоевский и М. Горький, в котором он видел «воплощение совести тревожного и жаждущего лучших дней человечества». По мнению болгарского критика, на родине «Горький почерпнул живительные силы и утвердил свой художественный реализм, чтобы стать примером и первоучителем для целой фаланги русских писателей». Из западноевропейских литераторов Златарову особенно дороги В. Гюго, Э. Золя, А. Франс, А. Барбюс; их гражданский пафос, связь со своим временем, его передовыми устремлениями.

К числу наиболее значительных выступлений А. Златарова 30-х годов относится его книга очерков «В Стране Советов», которой открывается второй том сочинений. Она возникла в результате его поездки в Советский Союз в 1935 году на Международный конгресс физиологов, состоявшийся в Ленинграде под председательством И. П. Павлова. Книга Златарова была «искренней исповедью» беспартийного ученого, считавшего своим долгом открыто выступить против реакционной клеветы, распространявшейся о Советском Союзе. Официальная печать обрушилась на автора очерков градом оскорблений и обвинений, а коммунисты приветствовали ее появление. Г. Бакалов писал: «Местами

восторг автора выливается почти в поэтические тирады. Книга Златарова — прекрасная и нужная книга».

Демократическими идеями, гуманизмом озарены и художественные произведения А. Златарова, вошедшие в третий том сочинений. Здесь же читатель сможет ознакомиться и с научно-популярными очерками болгарского ученого.

А. Златаров отдал много сил обучению и воспитанию молодежи. В одном из обращений к ней он писал: «Социализм — это новый гуманизм, который возрождает человека, чтобы поднять его на более высокую ступень... И чем больше молодежи с энтузиазмом примкнет к великому социалистическому движению, тем скорее придет сияние Нового дня, заря которого уже занимается».

Эти слова были написаны в 1932 году. И сегодня, перечитывая работы А. Златарова, мы еще раз осознаем, что в приближении «Нового дня» болгарского народа немалую роль сыграла многосторонняя деятельность этого замечательного человека и ученого.

В. ЗЛЫДНЕВ

«ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ САХИЯ?»

В 1935 году читающий мир Румынии был буквально потрясен небывалым событием: на полках некоторых книжных магазинов и киосков, рядом с редкими произведениями подлинно реалистической литературы и в окружении бесчисленных бульварных изданий «коллекции 15 лей» и откровенно фашистских «творений» апологетов гитлеризма появилась книга, носившая короткое, как боевой лозунг, название: «СССР сегодня». Ее автором был молодой прозаик коммунист Александру Сахия, совершивший подлинно революционный и писательский подвиг во имя приобщения румынских трудящихся к действительности Страны Советов.

Люди, успевшие приобрести сборник до запрещения, зачитывались им, передавали знакомым.

С тех пор прошло три с лишним десятилетия. На полках книжных магазинов социалистической Румынии чередовались десятки сборников статей, путевых заметок писателей, посетивших нашу страну.

Передо мной некоторые из этих книг. Вот они: «Калейдоскоп» М. Садовяну, «Путешествуя по Советскому Союзу» З. Станку, «Советские меридианы» Джео Богзы, «Записки путешественника, раздумия писателя» Ч. Петреску, «По СССР» Д. Ботеза, «Письмо из Москвы» И. Григореску, «Там, куда возвращаются космонавты» Г. Дж. Майореску, «От Риги до Иркутска» В. Никоровича и другие.

Перелистываешь страницу за страницей.

И вдруг — необычное заглавие: «Товарищ Сахия счастливо улыбается».

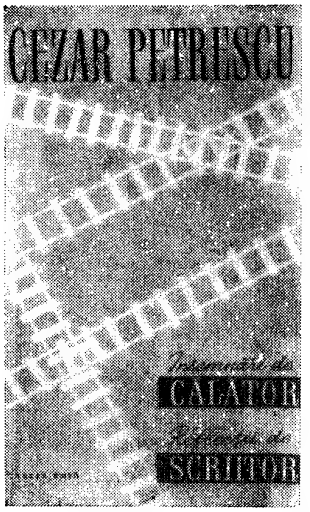
«Я встретил Ал. Сахию в Москве,— пишет автор.— Не на улице, не в музее. Я встретил его недавно в витрине книжного магазина на улице Горького... Рядом с его портретом — переводы его рассказов.

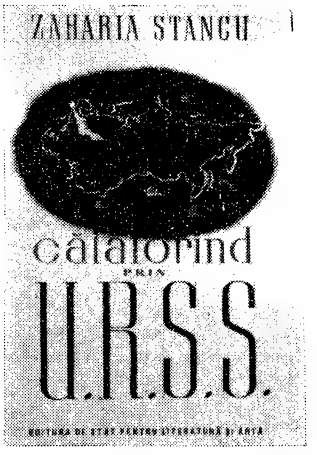
...Я держал в руках первую книгу о Советском Союзе, написанную на румынском языке. Выпущенную на простой бумаге незначительным тиражом, искромсанную цензурой... Я проделал с товарищем Сахией двадцатилетней давности путь по городу Горькому, тогда еще Нижнему Новгороду, ...посетил Днепрострой, Днепропетровск, Киев, Тирасполь...

Ты помнишь, товарищ Сахия?.. А сколько построено за те десятилетия, что тебя здесь не было! Всего и не перечислишь! Взять бы тебя под руку да повести по тем местам, которые ты некогда видел. Посмотрел бы ты на них сегодня!»

Это обращение к тени замечательного борца за дружбу между нашими народами взято из книги И. Григореску «Письмо из Москвы».

«Помнишь, товарищ Сахия? — продолжает И. Григореску.— Тебя тогда поразило и другое чудо: план будущего канала, который должен был соединить воды Москвы-реки и Волги...»





А сегодня в книге старейшего очеркиста Румынии Джео Богзы мы находим красочное описание канала Москва — Волга, которое завершается следующими словами: «Не прошло и века с тех пор, как репинские бурлаки мучительно тащили баржи против течения. А теперь достаточно простого нажатия кнопки, чтобы Волга повернула вспять и стала преодолевать ступень за ступенью Среднерусскую возвышенность, неся на своих волнах суда к самому сердцу Москвы...» И снова для очеркистов важно не столько чудо техники, сколько человек, невероятная историческая траектория, соединившая бурлака с тем рабочим, который нажатием кнопки заставляет Волгу течь к сердцу Москвы.

«Помнишь, товарищ Сахия?»

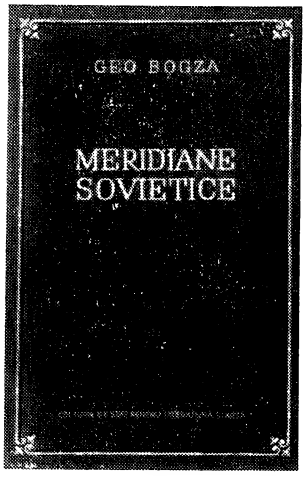
Этот внутренний диалог слышен нам, когда мы читаем взволнованные, емкие страницы путевых заметок З. Станку, побывавшего в 1948 и 1949 годах в Москве, Ленинграде, Сталинграде и Новосибирске и проехавшего по пушкинским местам: «Жители Острово и Михайловского, вы пришли к могиле Пушкина, чтобы послушать на лесной поляне советских и зарубежных писателей, говоривших о сыне России, который писал сто с лишним лет тому назад стихи и сказки...

Я никогда не забуду вас.

Частица моего сердца осталась там среди вас, в Михайловской роще...

Я чувствую на своих руках прикосновение ваших теплых, братских рук».

И полемически заостренные, полные глубоких раздумий строки книги Ч. Петреску, завершившего ее обращением к образу Наполеона, покорителя и пленника Москвы: «Мне и теперь ви-



дится его силуэт на Воробьевых годах. Но он раздавлен, уничтожен — не тенью пирамид, не призраком преданной им Революции. Он раздавлен, уничтожен огромным зданием Университета имени Ломоносова, посвященного науке, культуре, прогрессу, будущему,— университета, ставшего символом сегодняшней Страны Советов.

Разве это не выражает сущности всего, что здесь произошло? Не в этом ли объяснение всех побед, одержанных Октябрьской революцией?»

Внутренний разговор с Сахией, человеком, преодолевшим невероятные трудности для того, чтобы приехать в СССР и присутствовать на Первом съезде советских писателей, явственно звучит на страницах книги Д. Ботеза «По СССР», на которых идет речь о связях между писателями наших стран. «И снова наши хозяева расспрашивали нас о делах своих румынских друзей: чем они занимаются сейчас, над чем работают, какие у них творческие планы? И снова я испытал ощущение, что мы все творим одну литературу на многих языках, насыщенную одним и тем же гуманистическим содержанием...»

Когда-то Сахия с восхищением писал о новом человеке, рожденном советской действительностью. Знакомясь с жизнью детей, он спрашивал себя, кем они станут через двадцать лет...

В каждой из названных нами книг можно найти ответ на этот вопрос. Но какая при этом широта поиска! Он ведется не только в важнейших центрах нашей страны, но и в селении таежных охотников, и среди участников похода на ледник Федченко, и в лаборатории Флерова накануне открытия элемента-102, и среди тех, кто штурмует пик имени Парижской коммуны на Памире.

Созвездию географических названий, объединяющему юг и север, восток и запад нашей огромной страны, соответствует еще более обширное созвездие имен советских людей. В этом отношении особенно выделяется книга Т. Дж. Майореску «Там, куда возвращаются космонавты». Москвичи и целинники, строители Волжской ГЭС и нефтяники Апшерона, космонавты, ученые, писатели, артисты, режиссеры... Какой журналист не позавидует блистательному перечню имен и встреч, приведенному писателем в главах «На пороге золотого века».

И нет никакого сомнения, что многое из того, что удалось почерпнуть Т. Дж. Майореску из этих бесед, представляет интерес не только для румынского, но и для советского читателя.

Что же касается тех чувств и настроений, которые вызывали в душе румынских писателей встречи с людьми «советского материка», знакомство с их трудовыми свершениями, то об этом очень хорошо сказал на последней странице своей книги В. Никорович *.

«Традиционное гостеприимство нашего народа,— пишет он,— общеизвестно. В нем отражается его щедрость и любовь к тем друзьям, которых мы принимаем в своем доме. Но эти же чувства мы храним в душе и тогда, когда мы едем в гости к друзьям. Их радости становятся нашими собственными радостями...»

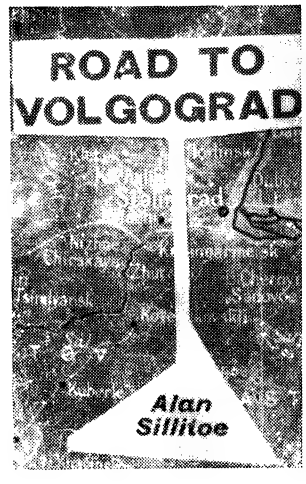
М. ФРИДМАН

ПУТЬ К ВОЛГОГРАДУ

«Я решил путешествовать по старинке,— пишет Алан Силлитоу в первой главе своей книги «Дорога на Волгоград».— Я взял с собой учебник русского языка, компас и крупномасштабные географические карты тех мест, куда я собирался ехать». С высоты реактивного самолета он старается угадать, от чего зависят цвет и контуры видимого пространства и предметов. Его удивляет погода, к которой он все-таки не подготовился,— холодный ветер, снег и мороз в апреле. И «самую большую реку Европы», и тайгу, и цветы багульника, и «наиболее континентальное и самое глубокое в мире озеро»,— все это Силлитоу воспринимает с искренним интересом и почти мальчишеской любознательностью.

И все-таки Алан Силлитоу очень далек от «старомодного путешественника с вниманием к топографии». Советский Союз для него «интереснее, чем другие страны, потому что здесь иной социальный строй». И не просто интереснее. Автор книги максимально сдержан в выражении чувств и только раз признается: «Сердце мое забилось, когда я увидел свободно реющий красный флаг над кремлевской стеной». Главное для него не столько «дорога на Волгоград», сколько исторический «путь к Волгограду». Вот этот исторический путь Страны Советов, его сущность и хочет открыть своим читателям Алан Силлитоу.

Маршрут поездки Силлитоу: Москва — Волгоград — Ленинград — Иркутск — Братск — Москва; узловые моменты книги: Октябрьская революция — Отечественная война 1941—1945 гг.— Братская ГЭС — первомайский парад и демонстрация на Красной площади. Не все правильно в этих кратких исторических очерках, и в изложении самих фактов, и в их толковании. Но Силлитоу важно выяснить основной вопрос: оправданы ли героические усилия многомиллионного народа с октября 1917 до мая 1963 года? На этот вопрос Алан Силлитоу твердо и убедительно отвечает: «Да». В этом — самая суть его книги. Не удивление «вчуже», а искреннее дружеское уважение к советским людям согревает книгу Силлитоу.



Alan Sillitoe. Road to Volgograd. London, W. H. Allen, 1964.

* См. рецензию на книгу В. Никоровича в журнале «Иностранная литература» № 7 за 1965 г.

Именно поэтому автор считает излишними мелкие и поверхностные комплименты и не утверждает, что абсолютно все, во всех деталях ему понравилось. Но энергия созидания и единство цели — вот что захватило английского писателя в нашей стране.

Вначале его удивляет постоянное ощущение причастности каждого человека к общему делу — «мы построили», «мы открыли», «мы сделаем». А затем он начинает «узнавать» и вспоминать, что очень похожих людей он видел в молодости, когда был рабочим. Они, конечно, не могли говорить «мы» о государстве, но чувство коллектива и общности конкретной цели сближало их с теми, кого Силлитоу увидел в Советском Союзе.

Дважды писатель «встретил» у нас своего любимого героя Артура Ситона из романа «В субботу вечером, в воскресенье утром»*: один раз он предстал перед автором в лице инженера на Волжской ГЭС, в другой раз оказался пилотом реактивного самолета. Это узнавание шло не от заданной мысли, что в Советском Союзе Артур Ситон, молодой рабочий, впустую растрачивающий энергию и силу характера, мог бы стать пилотом или инженером — писатель сначала увидел людей, «ошеломляюще похожих» по характеру и внешнему облику на его героя, а затем уже подумал о закономерности таких встреч.

Силлитоу неоднократно упоминает о том, как широко распространены на Западе предрассудки и предубеждения в отношении Советского Союза. Кое в чем он и сам исходит из таких предубеждений, например, в своей полемике с советскими писателями о свободе творчества, полемике, занимающей в книге довольно много места.

Но в конце концов он убеждается, что «в то время как советский писатель пишет именно то, что он хотел написать, это, может быть, и есть как раз то — примиримся с этим фактом,— что советские читатели хотят прочитать».

Вернувшись в Англию, где «нет ни одного неасфальтированного переулка», Силлитоу с грустным юмором вспоминает разбитые сибирские дороги — «смерть машинам». Нет, он не говорит, что по таким дорогам легко и приятно ездить, но эта «страна с незамощенными дорогами — страна в разгаре стройки».

М. ГОРДЫШЕВСКАЯ

* В журнале «Иностранная литература» № 5 за 1963 г. публиковался роман А. Силлитоу «Ключ от двери».

«В СТРАНЕ ГОРЬКОГО»

Шивнараян Шривастав. Горки кэ дэш мэн. Дилли, Дилли пустак садан, 1966. (На языке хинди.)

Среди пяти тысяч современных индийских писателей, краткие сведения о которых включены в справочник Литературной академии, изданный в Дели в 1961 году, вряд ли есть хоть один, чей путь в литературу был бы более тернист, чем у Шивнараяна Шривастава. В этой жаркой стране его детству не хватало солнца. Его отрочеству в стране великих цивилизаций древности недоставало знаний — после четвертого класса пришлось оставить школу и повести горький бой за кусок хлеба. Отныне жизнь молодого ткача тесно сплетена с бедами и надеждами родины.

Тридцатые годы ознаменовались новыми выступлениями беспокойного рабочего класса Индии. На бумагопрядильне в пенджабском городке Лайялпуре в 1939 году вспыхнула забастовка, продолжавшаяся одиннадцать дней. Шривастав принял в ней активное участие.

Вскоре он раздобыл книгу известного индийского писателя и историка Рахула Санкритьяяна «Страна Советов», вызвавшую у него неодолимое желание увидеть государство рабочих и крестьян. Но только в 1961 году удалось Шриваставу посетить Советский Союз. К этому времени он уже был автором двух книг: сборника рассказов «Кусок хлеба» (1945) и романа «Дым, огонь и человек» (1958)*.

Портреты советских людей — и рядовых тружеников, и тех, чьи имена известны почти каждому человеку планеты,— составляют жизненную плоть третьей книги Шривастава «В стране Горького». Тема труда, к которой испытывает давнюю приверженность пролетарский писатель, неизбежно раскрывается как жестокий конфликт между человеком и капиталом, человеком и машиной, человеком и обществом. В путевых зарисовках индийского прозаика его излюбленная тема раскрывается теперь как «коммунизм и народ», как тема человечности такого социального строя, при котором труд считается ценнейшей нравственной и эстетической категорией. Вслушиваясь в тайну голосов, которыми говорит новая жизнь, Шривастав уловил и передал единство интересов личности и государства, человека труда и социалистического строя.

Пятнадцать дней Шривастав провел в Москве. Город бурных жизненных ритмов увлек старого рабочего. Кажется, нет человека на фабрике, в библиотеке, в метро или на улице, биографию которого Шривастав не хотел бы самым основательным образом изучить, чтобы найти в ней еще одно подтверждение благородства и доброты новых человеческих отношений и вновь показать соотечественникам прообраз их исторического завтра.

Раздвигая рамки жанра, Шривастав дополняет книгу кратким списком переводов произведений М. Горького на хинди, анализом романа «Мать», высказыванием М. Ганди о Горьком. И эти материалы весьма уместны в путевых записках, которые автор обращает к трудовым массам своей страны.

Под пером Шривастава образ человека из низов, ставшего величайшим художником пролетариата, и образ отсталой некогда страны, вышедшей на авансцену истории, сливаются воедино.

И. РАБИНОВИЧ

* Рецензия на эту книгу была опубликована в журнале «Иностранная литература» № 11 за 1959 г.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КАРЛО ЛЕВИ

Carlo Levi. Il futuro ha un cuore antico. Torino, Einaudi, 1956.

Трудно определить жанр прозы Карло Леви. Это и путевые очерки, и лирический дневник, и социологическое исследование, в которых причудливо переплетаются меткие наблюдения, фактические сведения, воспомина-

ния и рассуждения самого различного порядка. Иногда кажется, что Леви слишком много внимания уделяет случайно бросившимся в глаза мелочам. Но это не так: зоркий взгляд автора — писателя и живописца, глубоко проникая сквозь поверхность деталей повседневности, безошибочно угадывает лежащие в их основе важные исторические и социальные явления. Из многих, казалось бы малозначительных, штрихов Леви составляет общую картину жизни, передает атмосферу человеческих чувств. Его произведения удивительно поэтичны, и отдельные их страницы — это подлинные стихотворения в прозе.

Таковы его книги о Юге Италии, уже знакомые советскому читателю: «Христос остановился в Эболи» и «Слова — это камни», а также «Весь мед уже кончился»*. Такова и его книга о поездке в Советский Союз — «У будущего древнее сердце». Перечитывая ее сейчас, видишь, что многое в книге уже отошло в прошлое — ведь Леви посетил нашу страну осенью 1955 года. Но мысли, выраженные автором в этих очерках, проникнутых удивительной человеческой теплотой, нисколько не утратили своей глубины и своеобразия.

Все, кого он встречает — и писатели, и колхозники, и шоферы, которые его возили,— вызывают у него одинаково жадное любопытство, в том числе и те, кто, как, например, студенты Московского университета, справедливо критиковали, по существу напоминающие народнические, взгляды Леви в отношении путей экономического и социального освобождения южноитальянских крестьян, поборником которого он является. Как шутя замечает писатель, подобную критику, только куда более резкую, он уже привык слышать в Италии от своих друзей-коммунистов. Спорит он со своим неизменным товарищем по путешествию, советским писателем, изображенным в книге под именем Степана Георгиевича Наумова. Образ «Степы» нарисован Леви с дружеской теплотой. Временами повествование развивается в виде диалога между Леви и Степой, то очень серьезного, то шутливого. И этот прием нередко облегчает автору его трудную задачу — добросовестно рассказать итальянцам о новых для них проблемах нашей жизни.

Внимание Леви приковывает прежде всего духовная сфера жизни нашего общества, его устремленность в будущее и вместе с тем уважение ко всему лучшему, что было в прошлом народа.

В советских людях он нашел носителей и хранителей духовных ценностей человечества, которые растерял и растратил Запад. Эта мысль провозглашена уже в самом названии книги. Вот как выражает ее сам Карло Леви, правда, порой, быть может, в чисто эмоциональной форме: «Это было так, словно я нашел нить, конец той оборванной нити, которая здесь, казалось, никогда не прерывалась, здесь, в стране великого перелома, в стране Октябрьской революции». Сейчас, спустя более десяти лет после того, как Леви писал свои очерки, когда в Италии, как и в других странах Запада, в результате изощренных форм порабощения человеческой личности отсутствие взаимопонимания, настроения безысходности и одиночества — словом, все то, что ныне принято выражать словом «отчуждение», принимает характер все более острой социальной болезни, пристальный интерес писателя-художника к области человеческих чувств и отношений становится еще понятнее. Поистине эпиграфом к книге Леви могли бы служить известные строки Пастернака:

Уходит с Запада душа,
Ей нечего там делать...

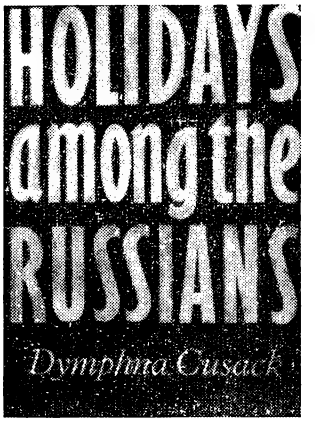
Но предоставим вновь слово писателю: «Европа полностью меняла нравы и обычаи, она с невероятной легкостью была готова стать одновременно всем, чем угодно, все больше и больше внутренне распадаясь, делаясь насквозь эротической, все более абстрактной, анархической и тоталитарной. В ней рождались замечательные произведения и беспросветное отчаяние, она видела неожиданные высокие взлеты и появление кровожадных расистских идолов, яркие вспышки человеческой мысли и абажуры, изготовленные из кожи замученных. В контакте с новой американской цивилизацией, построенной на добровольном отказе от истории, Европа утрачивала черты собственной исторически сложившейся цивилизации, свои исторические ценности и традиции. А Россия, упрятанная в снега и укрывшаяся в своих просторах, между тем осуществляла национальную революцию».

В Советском Союзе, говорит Леви, он вновь почувствовал вокруг себя то, что ощущал лишь в далекой юности: «Тот комплекс идеалов, который связывает воедино мечты о прогрессе, оптимистическую веру в силу человеческого разума, науку, технику, новые открытия, веру в торжество добра и добродетели... и прежде всего чудодейственную веру в будущее, которая, как воздух, проникает во все, все окружает, освещает и окрашивает в яркие краски».

Г. БОГЕМСКИЙ

* Отрывок из этой книги публиковался в журнале «Иностранная литература» № 7 за 1956 г.

ГЛАВНОЕ — ЛЮДИ



Dymphna Cusack. Holidays among the Russians. London, Heinemann, 1964.

Вероятно, первой в Австралии книгой, в которой правдиво, с увлечением художника и единомышленника рассказывалось о Советской стране, была «Подлинная Россия» Катарины Сусанны Причард, опубликованная в 1935 году. С тех пор прогрессивную австралийскую литературу не покидало стремление представить подлинный облик нашей страны, освобожденный от искажений и домыслов по злобе или невежеству. Вспомним «Путешествие в будущее» Фрэнка Харди, публицистику Джуды Уотена или письмо, с которым в годовщину Октябрьской революции обратился к советским людям Алан Маршалл. «Поездка в Советский Союз,— говорилось в этом письме,— поставила передо мной как писателем новую задачу. Теперь я хочу во весь голос рассказывать о чудесах, которые увидел, чтобы другие австралийцы, менее счастливые, смогли разделить со мной радости открытий...

Сорок семь лет назад я был сельским пареньком. В те октябрьские дни мне и в голову не приходило, что далеко, на другом конце земли, решается и моя судьба. Нам с вами повезло, что все это было так».

Книга Димфны Кьюсак «Отдых среди русских» — еще один дружеский взгляд, сумевший охватить многое. Кьюсак неоднократно приезжала в Советский Союз на протяжении последних лет. Ее знают у нас, любят ее романы «Скажи смерти «нет!» и «Жаркое лето в Берлине»*. После выхода в свет русского перевода романа «Скажи смерти «нет!» писательницу захлестнул поток писем — из

поселка в Заполярье, из городов Урала, Узбекистана, Сибири. Она присутствовала на читательской конференции на московском заводе, почерпнув «волнующий и чрезвычайно ценный опыт».

Человек очень энергичный, легкий на подъем, Кьюсак не ограничила свой маршрут столицами. География ее очерков широка: Москва и Ленинград, Ташкент, Самарканд и Бухара, целинные земли, Астрахань, Оренбург, Ереван...

Как многие авторы книг о Советском Союзе, она поражается нашим темпам общественного развития. Но убедительно показать эту стремительность движения ей лучше всего удается на конкретных примерах человеческих судеб.

Писатели и художники, военные и артисты, министры и колхозники, студенты, школьники, врачи, ученые... Она охотно предоставляет им слово, и на страницах книги появляются красноречивые биографии — дипломата, который родился в бедной крестьянской семье на берегу Лены; или женщины, поднявшей семью без мужа, замученного в гитлеровском концлагере; или директора совхоза, участника сталинградских боев; или узбечки — видного государственного деятеля.

Разумеется, в этой книге есть описания достопримечательностей, есть цифры, цитаты, исторические отступления, есть чисто бытовые сведения и советы (полезная информация для иностранного туриста). Но «у меня нет намерения писать туристскую книгу о Москве или Советском Союзе,— предупреждает Кьюсак.—...Главный интерес для меня заключается в людях».

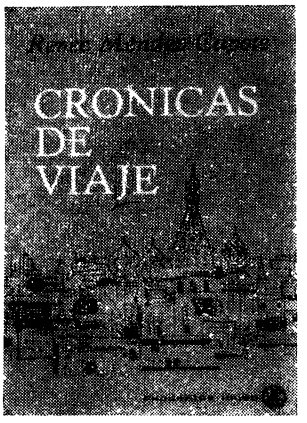
Интерес этот был неподдельным, доброжелательным. Он позволил Димфне Кьюсак проститься с нашей страной с таким чувством, точно она оставляет не только друзей, но семью, которая приняла ее в свои члены.

А. ПЕТРИКОВСКАЯ

СТРАНА ГИГАНТОВ

Пожилая полная женщина, чуть прихрамывая, спускается по трапу самолета. С веселым любопытством оглядывает она летное поле, здание аэропорта, внимательно и как-то особенно пристально всматривается в лица. Кажется, будто она хочет навсегда удержать в памяти впечатления этих минут.

Кубинская писательница Рене Мендес Капоте — «бабушка Рене», как ласково называют ее на Кубе,— ровесница века, впервые в



Renée Mendez Capote. Cronicas de viaje. La Habana, Cuadernos union, 1966.

жизни ступила на землю Советского Союза.

Рене Мендес Капоте родилась в Гаване в семье крупного политического деятеля, участника восстания 1895 года против испанского господства. Писать она начала еще в эпоху, когда женщине совсем нелегко было пробить дорогу в журналистике. Первая книга ее очерков появилась в 1927 году. И в том же году вышла ее книга воспоминаний об отце. Уже в этом произведении проявились качества, присущие писательнице,— острая наблюдательность, умение малой деталью передать самое существенное и лиризм, придающий ее стилю особое очарование. В 1963 году вышли ее «Воспоминания кубиночки, родившейся вместе с веком». Книга и по сию пору пользуется огромным успехом на Кубе и не только потому, что ее написал человек, живший в те трудные и теперь уже далекие времена, но и потому, что она по-настоящему увлекательна. По жанру — это хроника, по стилю — настоящая поэма. И вот теперь добавлена еще одна глава к этим «Воспоминаниям» — «Путевые записки» Рене Мендес Капоте о ее поездке по Советскому Союзу.

Насыщенность культурной жизни в СССР поражала ее. Тиражи книг, доступные цены множество людей в книжных магазинах, очереди у театральных касс — для нее свидетельство того, что искусство стало неотъемлемой частью жизни народа. И все это особенно интересует ее, ибо кубинские литераторы сегодня стремятся к тому же.

Книжные выставки во время Недели кубинской культуры, куда наряду с переводами входили и работы советских специалистов о Кубе, выставки кубинской живописи и архитектуры оставили у нее неизгладимое впечатление, ибо в этом она увидела огромный интерес советских людей к жизни Острова Свободы. Да и сами контакты советских литераторов с кубинскими углубились: писатели перешли от простого знакомства к деловому сотрудничеству. Кубинский поэт Самуэль Фейхоо переводит русских и советских поэтов, а Римма Казакова — кубинских; побывавший на Кубе Михаил Дудин посвятил ей несколько очерков, о Кубе писали и Сергей Смирнов, и многие другие писатели.

«Я приехала сюда учиться,— говорила она,— и вы не удивляйтесь, если что-то в моих заметках покажется вам незначительным — для нас, кубинцев, нет незначительных явлений в СССР — ведь это то, к чему мы идем». Писательница избегает общих мест или громких фраз. Тонко, ненавязчиво, иногда, как это вообще ей свойственно, через какую-то, на первый взгляд, небольшую деталь она подводит читателя к серьезным выводам. Для нее внимание советских людей к жизни Кубы — это прежде всего наглядное выражение чувства пролетарского интернационализма, «которое только социалистический строй воспитывает в людях»...

Главное, по словам писательницы, что она почувствовала в СССР,—это забота о человеке. Рассказывает ли она о книжных магазинах, рабочих столовых, о колхозе в Армении или о своих встречах с советскими писателями, мысль эта проходит через все главы ее путевых хроник. Это, казалось бы, обычное для советского читателя утверждение, в устах писательницы — своего рода полемика. Она выступает против бытующего еще в некоторой части латиноамериканской интеллигенции представления о том, что при социализме общество уделяет внимание лишь развитию производства.

«Страной гигантов» назвала Рене Мендес Капоте нашу родину, о которой она написала с такой любовью.

Н. БУЛГАКОВА

* Рецензии на эти книги были опубликованы в журнале «Иностранная литература» № 9 за 1962 и № 10 за 1963 гг.

СИБИРСКИЕ ВСТРЕЧИ АНТОНА ИНГОЛИЧА

Летом 1962 года в Советский Союз приехала делегация югославских писателей во главе с маститым словенским прозаиком Антоном Инголичем. Когда в Союзе писателей СССР гостям предложили посетить на выбор некоторые республики нашей страны, они дружно сказали: «В Сибирь!»

«Самое сильное впечатление произвел на меня прыжок в Сибирь,— писал А. Инголич.— Встречи с сибирскими просторами, степями и тайгой, могучим Байкалом и стремительной Ангарой, с гигантской гидростанцией в Братске и прежде всего с людьми, созидающими эти чудеса XX века, породили у меня страстное желание еще лучше узнать эту страну и написать о ней несколько больше, чем мимолетная газетная статья». Как и его коллеги, вернувшись на родину, А. Инголич опубликовал тогда серию дружеских репортажей о «ледяной» Сибири.

А три года спустя А. Инголич основательно подготовился к новой поездке в Сибирь. Он рассказывал автору этих строк, своему спутнику по путешествию, сколько удовольствия доставило ему изучение записок и путевых дневников бывалых сибиряков, поиски карт, разметка маршрута. И кстати сказать, в этих своих занятиях А. Инголич обнаружил несколько книг югославских, и в частности словенских, авторов, которые еще ждут своего исследователя и которые, можно с уверенностью предположить, займут почетное место в разноязычной «Сибирике».

Так родилась книга «Сибирские встречи», превосходно, с интересными фотографиями автора, изданная в Любляне «Младинской книгой», которая, мимоходом будет замечено, за последние годы очень много сделала для издания советских писателей.

В строительстве коммунизма в Советском Союзе А. Инголич справедливо видит часть мирового процесса, а в разнообразном опыте советского государства — богатейший источник знания для других стран, идущих по нашему пути. Именно этим объясняется неподдельный интерес писателя ко всему, с чем ему пришлось столкнуться. Ведь «принципы русской Октябрьской революции,— писал А. Инголич,— все более и более становились и моими принципами».

«Да, сибиряки! Это самое большое богатство Сибири. Чего только не сделал сибирский человек... для преображения этой самой богатой в мире земли, с самыми суровыми метеорологическими и прочими условиями! Не было ничего и нет ничего тяжелого для сибиряка, ничего не боится, берется за все».

Мысль о красоте, душевной щедрости, силе и скромном мужестве советских людей — бурятских колхозников, байкальских рыбаков, междуреченских шахтеров, металлургов легендарного Кузнецка, якутских строителей и добытчиков мирненских алмазов — основная в книге А. Инголича.

Anton Ingolič. Sibirska srečanja. Ljubljana, Mladinska knjiga, 1966.

Репортажи А. Инголича рассчитаны прежде всего на молодого читателя. С молодежью он был связан в течение почти четырех десятилетий своей преподавательской работы, ей была посвящена значительная часть его творчества (одна из его книг, роман «Молодость на ступеньках», скоро выйдет в Москве). Поэтому и в новой своей книге он рассказывает о жизни советской молодежи.

Югославский писатель проделал тысячи километров. В некоторых местах он, вероятно, был первым югославом, забравшимся так далеко на Север. Он увидел не только праздничную, но и будничную стороны жизни и труда советских людей, увидел глазами искреннего и мудрого доброжелателя.

А. РОМАНЕНКО

НА ЗЕМЛЕ КАЗАХСТАНА

Galgóczi Erzsébet. Kazahsztáni barangolás. "Elet és Irodalom". November-december, 1966.

Говорят и, наверное, не без оснований, что писатели в силу своих профессиональных качеств обладают более проницательным взором по сравнению с простыми смертными. Если к этому добавить, что литераторы из братских социалистических стран смотрят на Советский Союз глазами друзей и единомышленников, то будет очевидно, что впечатления этих писателей от поездок в нашу страну представляют для нас особый интерес.

С этими мыслями я и взялся за путевые заметки венгерской писательницы Эржебет Галгоци «Казахстанские встречи».

Почему именно Казахстан? Ну, во-первых, в этой республике, как говорит сама Галгоци, за последние десять лет не побывал ни один венгерский писатель; в то же время, и это во-вторых, в Венгрии проявляют большой интерес к Казахстану, ибо народы, населяющие две эти республики, считают себя пусть далекими, но все же родственниками. «В Кустанайской области,— пишет Галгоци,— вдоль реки Тобол живет около шестидесяти уйгурских народностей, одна из которых так и называется — мадьяры». Правда, у ученых тут нет еще полной ясности, но считают, что именно в этих краях начали свой путь много веков назад племена, часть которых, придя в междуречье Дуная и Тиссы, осела там и дала начало нынешней венгерской нации.

Конечно, Галгоци не собирается вмешиваться в исследования ученых, просто она, как писательница, внимательно смотрит и слушает.

«В 1253—1255 годах,— пишет Галгоци,— посланник французского короля Рюбрик побывал в этих краях, входивших тогда в состав монгольской империи. Он подробно и чрезвычайно выразительно описывает образ жизни, обычаи, одежду кочевого пастушеского народа, рассказывает о способе приготовления кумыса и тысяче других мелочей. В ленинградском этнографическом музее посетителям демонстрируется образ жизни казахов в конце XIX века. Сравнение показывает, что за столько веков в жизни людей, населяющих эти степи — будь то монголы, уйгуры или казахи,— ничего не изменилось». И Галгоци показывает, какой огромный

скачок вперед сделал казахский народ за годы Советской власти. В этом главное.

Писательница стремится разобраться как в объективных трудностях, стоявших на пути политического, экономического, культурного развития Казахстана в годы Советской власти, так и в субъективных ошибках, допущенных в определенный период. В частности, она говорит и о перегибах во время коллективизации в тридцатые годы.

Обращаясь к опыту шедшего непроторенными путями строительства нового общества в СССР, Голгоци смотрит на него не как сторонний наблюдатель, а с позиций человека, стремящегося осмыслить этот опыт, крайне важный для социалистического развития Венгрии.

Эржибет Галгоци, как писательница, находится в самой гуще венгерской жизни. Наиболее удачные ее повести, новеллы посвящены венгерской деревне, судьбам крестьянства и сельской интеллигенции. В своих очерках она не проводит никаких параллелей, но в каждой фразе чувствуется, что она обращается именно к венгерскому читателю, глубоко зная проблемы, волнующие его, освещая из всего виденного прежде всего то, что перекликается с этими проблемами. Путевые заметки Галгоци нашли положительный отклик в Венгрии. Сейчас они готовятся к изданию отдельной книжкой. Венгерский читатель получит еще одну хорошую книгу о Советском Союзе.

Л. ЯГОДОВСКИЙ

ТУРЕЦКИЕ ПОЭТЫ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Мелих Джевдет Андай и Нефзат Устюн входили в первую после второй мировой войны делегацию турецких писателей, посетившую Советский Союз. И вот перед нами — две книги, в которых известные турецкие поэты делятся своими впечатлениями. Книги непохожие, как непохожи друг на друга их авторы.

Мелих Андай — потомственный аристократ. Его дед был губернатором, отец — крупным врачом, основавшим первую в Турции детскую клинику.

Книга Андая «Советская Россия. Азербайджан. Узбекистан. Болгария. Венгрия» правдиво рассказывает о том, что поэт видел в Советском Союзе и в социалистических странах Европы.

Melih Cevdet Anday. Sovyet Rusya Azerbaycan. Özbekistan. Bulgaristan. Macaristan. Istanbul, Gerçek, yayınevi, 1965.

«Для чего я написал эту книгу? — спрашивает Андай.— Я полюбил эти страны. Их не знает наш народ, и знать о них было запрещено долгие десятилетия. Я убежден, что в будущем связи наши с этими странами усилятся и окрепнут. Вы спросите: почему? Да потому, что мир движется к социализму. Мы с опозданием обнаружили эту истину».

Nevzat Üstün. Sovyetler Birliğinden Batıya. Istanbul, Varyainevi. 1966.

Поэт вспоминает, что в Турции с опозданием «заметили» и буржуазную революцию. Это дорого обошлось стране. Вторрое опоздание может обойтись, по его мнению, еще дороже.

В доме Мелиха Андая на азиатском берегу Босфора мы беседовали с археологами, литераторами и искусствоведами, участвовавшими в экспедициях в Центральную Анатолию. Обнаруженные ими величественные храмы, различные легенды и обряды явно восходят к доисламской, языческой традиции. По их убеждению, имеет корни в земле Анатолии и стремление к социализму. Восстание под руководством шейха Бедреддина, продолжавшееся более десяти лет в самые глухие времена средневековья, было, говоря современным языком, первой попыткой воплотить на практике идеи крестьянского утопического социализма.

В Советский Союз и в социалистические страны Европы М. Андай приехал, чтобы своими глазами увидеть практику современного социализма. И его книга — своего рода отчет очевидца с цифрами и живыми сценами, размышлениями и историческими параллелями. Особенно пристален его интерес к успехам Узбекистана и Азербайджана. Их достижения и даже отдельные неудачи, которые отмечает поэт, чрезвычайно важны, ибо перед его страной стоят те же задачи, которые разрешены в республиках Советского Востока: ликвидация неграмотности, борьба с религиозным фанатизмом и феодальными пережитками в деревне, строительство современной индустрии.

Нефзат Устюн принадлежит к иному поколению турецких писателей — его первая книга стихов увидела свет, когда новое направление в литературе, сделавшее жизнь простого человека предметом высокой поэзии (начало ему положили поэты М. Андай, О. Вели и О. Рифат), одержало победу в умах читателей. И вырос он в небольшом городке Девели в самом центре Анатолии в семье крупного торговца.

Н. Устюн хорошо знает провинциальную среду, турецкого крестьянина. И это знание, помноженное на острое чувство справедливости, побудило его порвать с семьей — он стал журналистом, ездил по деревням, писал правдивые репортажи о жизни крестьян. Его хотели было выставить депутатом в меджлис, но он отказался: «Лучше говорить правду, чем быть министром».

Книга очерков Н. Устюна рассчитана на читателя, интересующегося тем, чем жи-

вы люди: ведь долгие годы общественное мнение Турции слышало лишь страшные сказки о социалистической бабе-яге. И потому поэт рассказывает о самых простых бытовых происшествиях, которые нам кажутся естественными, а ему — удивительными. Неторопливость и умение видеть помогают ему нарисовать запоминающиеся портреты людей: инженера-бакинца, московского студента, узбекского крестьянина, актеров театра «Современник», писателей И. Эренбурга, Е. Винокурова, Б. Мачавариани, Г. Гуляма, уловить важнейшие черты их поэзии, хотя их стихи переводят ему «на ходу».

И вслушиваясь в речи участников симпозиума писателей стран Азии и Африки, приехавших со всех концов света, Н. Устюн пишет о том, как мало знают друг друга народы Азии, несмотря на современные массовые средства информации, и видит в этом недобрую руку колонизаторов.

Н. Устюн назвал свою книгу «Из Советского Союза на Запад». Многие сверстники и товарищи его детских лет работают в ФРГ, куда они уехали на заработки, спасаясь от безработицы. Прямо из Москвы Н. Устюн отправился в Западную Европу, чтобы посмотреть, как им там живется.

Из атмосферы братства народов читатель попадает в шовинистическую Германию. Дискриминация, оскорбления, взаимная ненависть — вот что ждет турецких рабочих в Штутгарте, Кёльне и других городах ФРГ. Пусть витрины здесь ярче, чем в Ташкенте,— жизнь бедней. Она держится лишь на корысти, на мечте о деньгах.

«Мы хотим,— пишет Мелих Андай,— сделать Турцию страной мира, где счастливо могли бы жить все турки. Мы говорим: путь к этому лежит через социализм. Что до Москвы, то я полюбил этот город и могу заверить: тот, кто... туда поедет, не пожалеет об этом. Он избавится от неуместных страхов... и убедится, что там живут наши друзья, счастливые люди, которые не хотят войны».

Правдивые книги Мелиха Андая и Нефзата Устюна — вклад делом в дружбу между нашими народами.

Р. ФИШ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР **Б. С. РЮРИКОВ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **С. А. ГЕРАСИМОВ, Л. П. ГРАЧЕВ, С. А. ДАНГУЛОВ** (первый зам. главного редактора), **Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ, Т. А. КУДРЯВЦЕВА, Т. Л. МОТЫЛЕВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, М. И. РУДОМИНО, А. Н. СЛОВЕСНЫЙ, Б. Л. СУЧКОВ, П. М. ТОПЕР, С. П. ЧЕРНИКОВА, К. А. ЧУГУНОВ** (зам. главного редактора), **М. А. ШОЛОХОВ, К. ЯШЕН**

Художественный редактор **С. И. Мухин.** Технический редактор **Л. Д. Фарафонтова**

А 10756. Сдано в производство 28/III-67 г. Подписано к печати 22/VI-67 г.
Бумага 70×108 1/16=9 бум. л.=18 п. л. Зак. 1067.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 80 коп.

ИНДЕКС 70394

К сведению читателей

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1967 ГОДА РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ:

Кобо Абэ (Япония)
ЧУЖОЕ ЛИЦО

Хелена Бобинская (Польша)
ДНЕВНИК ТЕХ ЛЕТ

Симона де Бовуар (Франция)
ПРЕЛЕСТНЫЕ КАРТИНКИ

Богуслав Бржезовский (Чехословакия)
ВЕЧНЫЕ ЛЮБОВНИКИ

Кристиан Гейслер (ФРГ)
ХОЛОДНЫЕ ВРЕМЕНА

Герман Кант (ГДР)
АКТОВЫЙ ЗАЛ

Бел Кауфман (США)
ВВЕРХ ПО ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ ЛЕСТНИЦЕ

Матильде Лехидо (Уругвай)
НА ПОВОРОТЕ

Джеймс Олдридж (Англия)
ПЛЕНЕННЫЙ СТРАНОЙ
БОЛЬШАЯ ИГРА

Владимир Познер (Франция)
ИСПАНИЯ — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лиуна Рафака (Мальгашская Республика)
В МАНАВУМБЕ НЕФТЬ ПАХНЕТ КРОВЬЮ

Жорж Сименон (Франция)
ПОЕЗД ИЗ ВЕНЕЦИИ

Хосе Солер Пуиг (Куба)
КРУШЕНИЕ

Уильям Стайрон (США)
ДОЛГИЙ МАРШ

Нгуен Динь Тхи (ДРВ)
ЛИНИЯ ФРОНТА ПЕРЕРЕЗАЕТ НЕБО

Уильям Фолкнер (США)
ОСКВЕРНИТЕЛЬ ПРАХА

Эрвин Штриттматтер (ГДР)
ШУЛЬЦЕНХОФСКИЙ КАЛЕНДАРЬ